

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 21 № 2

В номере: Нарастающее стратегическое соперничество между США и КНР
и трансформация глобального миропорядка

Приглашенные редакторы: *Е.Н. Грачиков* (РУДН, Москва, Россия),
А. Королев (Университет Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия)

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук,
кандидат экономических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук,
старший преподаватель, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат экономических наук *Ю.А. Ильичева* (экономика), кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история), *М.А. Никулин* (политика)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Дж., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навиита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, главный редактор журнала «Сравнительная политика», г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, редактор журнала «Проблемы постсоветского пространства», г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Государственного университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования», г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2021—2022 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 4 2021	Нетематический номер	–	До 1 августа 2021 г.
№ 1 2022	Евразийская идеология и евразийская интеграция	До 1 августа 2021 г.	До 15 октября 2021 г.
№ 2 2022	«Глобальный Юг» и новые технологии: «цифровой разрыв» и технологические трансферы в постпандемическую эпоху	До 1 ноября 2021 г.	До 15 января 2022 г.
№ 3 2022	Латиноамериканский дискурс идентичности и новая региональная интеграционная повестка	До 1 января 2022 г.	До 15 апреля 2022 г.
№ 4 2022	Постколониальная теория, Глобальный Юг и «Второй мир»	До 1 марта 2022 г.	До 15 июня 2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 11.05.2021. Выход в свет 18.06.2021.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 192. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2021 VOLUME 21 No. 2

In this issue: Intensifying U.S. — China Strategic Rivalry and the Transformation of the Global Order

Guest editors: *Evgeny N. Grachikov* (RUDN University, Moscow, Russia),

Alexander Korolev (University of New South Wales, Sydney, Australia)

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in Economics *Yulia A. Ilicheva* (Economics), PhD in History *Mirmehdi M. Aghazada* (History), *Maxim A. Nikulin* (Politics)

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Editor-in-Chief, Comparative Politics journal, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor, Post-Soviet Space Problems Journal, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Editor-in-Chief, "Polis. Political Studies" Journal, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2021—2022 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
# 4 2021	Non-thematic Issue	–	By August 1, 2021
# 1 2022	Eurasian Ideology and Eurasian Integration	By August 1, 2021	By October 15, 2021
# 2 2022	Global South and New Technologies: Digital Divide and Technology Transfer in Post-Pandemic Era	By November 1, 2021	By January 15, 2022
# 3 2022	Latin American Identity Discourse and a New Regional Integration Agenda	By January 1, 2022	By April 15, 2022
# 4 2022	Postcolonial Theory, Global South and "Second World"	By March 1, 2022	By June 15, 2022

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova
Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Grachikov E.N., Korolev A. In This Issue (Грачиков Е.Н., Королев А. В этом номере) 207

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Нарастающее стратегическое соперничество между США и КНР и трансформация глобального миропорядка

Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» 210

Chan S. Why Thucydides' Trap Misinforms Sino-American Relations (Чан С. Почему «ловушка Фукидида» вводит в заблуждение относительно американо-китайских отношений) 232

Fouskas V.K. Prelude to America's Downfall: The Stagflation of the 1970s (Фускас В.К. Начало падения Америки: стагфляция 1970-х гг.) 243

Smith N.R., Brown R.J. Neither a New Cold War nor a New Peloponnesian War: The Emerging Cyber-narrative Competition at the Heart of Sino-American Relations (Смит Н.Р., Браун Р.Д. Ни новая холодная война, ни новая Пелопоннесская война: зарождающееся кибернарративное соперничество в центре американо-китайских отношений) 252

Conteh-Morgan E. Strategies of Sino-American Rivalry in Africa: From 2000 to COVID-19 (Конте-Морган Э. Стратегии китайско-американского соперничества в Африке: с 2000 г. до пандемии COVID-19)..... 265

Kondapalli S. United States — China Relations: Prospects during Xi — Biden Tenure (Кондапалли Ш. Перспективы американо-китайских отношений в период правления Си Цзиньпина и Джо Байдена) 279

Blanchard J.-M.F. The United States — China Rivalry and the BRI (Бланшар Ж.-М.Ф. Американо-китайское соперничество и инициатива «Один пояс, один путь»)..... 288

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Галищева Н.В., Небольсина Е.В. США и Китай во внешнеэкономической политике Индии: в поисках баланса для сохранения стратегической автономии 304

Бояркина А.В. Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР..... 325

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Микаелян А.А., Морозов В.М. Фактор США в израильско-китайских и израильско-индийских отношениях 338

Харкевич М.В., Писарев И.И., Чересов В.С., Новоградская М.О. Сравнительный анализ деятельности американских НКО в КНР и китайских НКО в США 350

Игнатов А.А. Международный аспект реализации ЦУР 16: роль и практические шаги Российской Федерации 372

РЕЦЕНЗИИ

Салицкий А.И. Рецензия на книгу: Fouskas V.K., Roy-Mukherjee S., Huang Q., Udeogu E. China & the USA: Globalisation and the Decline of America's Supremacy. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021. 102 p. 388

Забелла А.А. Рецензия на книгу: China's Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, Freezes, and Failures / Ed. by J.-M.F. Blanchard. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. 291 p. 392

Барсегиан А.А., Буторов А.С. Рецензия на книгу: Frankel F.R. When Nehru Looked East: Origins of India — US Suspicion and India — China Rivalry. Oxford: Oxford University Press, 2020. 339 p. 395

Курылев К.П., Енокян А.В. Рецензия на книгу: Shiraev E., Khudoley K. Russian Foreign Policy. London: Red Globe Press, 2019. 297 p. 398

Белов В.И., Савичева Е.М. Рецензия на книгу: Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. 336 с. 402

CONTENTS

Grachikov E.N., Korolev A. In This Issue.....	207
THEMATIC DOSSIER: Intensifying U.S. — China Strategic Rivalry and the Transformation of the Global Order	
Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. U.S. — China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”	210
Chan S. Why Thucydides’ Trap Misinforms Sino-American Relations	232
Fouskas V.K. Prelude to America’s Downfall: The Stagflation of the 1970s	243
Smith N.R., Brown R.J. Neither a New Cold War nor a New Peloponnesian War: The Emerging Cyber-narrative Competition at the Heart of Sino-American Relations	252
Conteh-Morgan E. Strategies of Sino-American Rivalry in Africa: From 2000 to COVID-19.....	265
Kondapalli S. United States — China Relations: Prospects during Xi — Biden Tenure	279
Blanchard J.-M.F. The United States — China Rivalry and the BRI	288
INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS	
Galistcheva N.V., Nebolsina E.V. The U.S. and China in India’s Foreign Economic Policy: In Quest of Balance for Maintaining Strategic Autonomy	304
Boyarkina A.V. Ecological Dimension in China’s Foreign Policy Strategy	325
PEACE AND SECURITY	
Mikaelian A.A., Morozov V.M. The U.S. Factor in Sino-Israeli and Indian-Israeli Relations	338
Kharkevich M.V., Pisarev I.I., Cheresov V.S., Novogradskaya M.O. Comparative Analysis of American NGOs in China and Chinese NGOs in the U.S.	350
Ignatov A.A. Implementaion of SDG 16: Russia’s Role and Actions	372
BOOK REVIEWS	
Salitskii A.I. Book review: Fouskas, V.K., Roy-Mukherjee, S., Huang, Q., & Udeogu, E. (2021). <i>China & the USA: Globalisation and the Decline of America’s Supremacy</i> . London, New York: Palgrave Macmillan, 102 p.	388
Zabella A.A. Book review: Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2021). <i>China’s Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, Freezes, and Failures</i> . Singapore: Palgrave Macmillan, 291 p.	392
Barsegian A.A., Butorov A.S. Book review: Frankel, F.R. (2020). <i>When Nehru Looked East: Origins of India — US Suspicion and India — China Rivalry</i> . Oxford: Oxford University Press, 339 p.	395
Kurylev K.P., Enokyan A.V. Book review: Shiraev, E., & Khudoley, K. (2019). <i>Russian Foreign Policy</i> . London: Red Globe Press, 297 p.	398
Belov V.I., Savicheva E.M. Book review: Zvyagelskaya, I.D. (Eds.). (2020). <i>The Middle East: Politics and Identity</i> . Moscow: Aspekt Press publ., 336 p. (In Russian)	402

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-207-209

Редакционная статья / Editorial article

In This Issue

Evgeny N. Grachikov¹ , **Alexander Korolev²**

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² University of New South Wales, Sydney, Australia

 a.korolev@unsw.edu.au

В этом номере

Е.Н. Грачиков¹ , **А. Королев²**

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² Университет Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия

 a.korolev@unsw.edu.au

In the past few years, the issue of U.S. — China strategic rivalry has come to the fore in international academic discourse. Only in 2019—2020, special thematic issues and readers on the topic were published in the *Journal of Chinese Political Science*¹, the *Chinese Journal of International Politics*², and other leading journals. Scholars have argued about the future of U.S. — China relations, the contours of rivalry between the two powers and the coming “new bipolarity”. This academic debate took a new twist after the outbreak of the COVID-19 global pandemic. Thus, the overarching theme of U.S. — China rivalry and its implications for the world has been

approached from the standpoint of whether the pandemic will fundamentally change or simply exacerbate the bilateral confrontation³. However, the question of how U.S. — China rivalry unfolds in the years to come and what implications it will have for the structure of the international system remains to be a subject of vivid academic debates.

In this regard, researchers from RUDN University have also decided to make a thematic issue on the U.S. — China strategic rivalry. The present issue is a truly international collaborative effort, with contributing authors coming from academic institutions in China, the United States, Russia, India, and Great Britain — the regions

¹ Special Issue: Can America and China Escape the Thucydides Trap? // *Journal of Chinese Political Science*. 2019. Vol. 24. Iss. 1. URL: <https://link.springer.com/journal/11366/volumes-and-issues/24-1> (accessed: 15.05.2021).

² See: IR Theory and the Future of China — US Competition: A CJIP Reader // *Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13. Iss. 1. URL: <https://academic.oup.com/cjip/pages/ir-theory-and-the-future-of-china-us-competition> (accessed: 15.05.2021); Debating China — US Strategic Competition: A CJIP Reader // *Chinese Journal of International Politics*. 2013. Vol. 6. Iss. 1. URL: https://academic.oup.com/cjip/pages/debating_china-us_strategic_competition (accessed: 15.05.2021).

³ For special journal issues on the U.S. — China power transition and bilateral competition in the context of COVID-19 global pandemic, see: Special Issue: COVID-19 // *International Organization*. 2020. Vol. 74. No. S1. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/issue/23C8E56F7F03EA9CAF5E1A63EFCABFE5> (accessed: 15.05.2021); Special Issue: The Impacts of the COVID-19 Pandemic on Global Order and World Politics // *Journal of Chinese Political Science*. 2020. Vol. 26. No. 1. URL: <https://link.springer.com/journal/11366/volumes-and-issues/26-1> (accessed: 15.05.2021).

© Grachikov E.N., Korolev A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

critical for understanding U.S. — China rivalry and global politics more broadly. The issue covers the agenda of the “new bipolarity” comprehensively but also features a range of specific contributions to the ongoing debate that makes it stand out vis-à-vis the existing studies. Beyond the fact that it represents various academic perspectives from different regions, it contributes to the global debate in several ways.

The paper by Denis A. Degterev, Mirzet S. Ramich and Anatoly V. Tsvyk (RUDN University) examines the bilateral rivalry between the United States and the PRC from the standpoint of the power transition theory, which was laid down by A.F. Organski. The authors believe this theory to be more relevant for the analysis of contemporary international competition than the conventional neorealist approaches based on the balance of power assumption. Special attention is paid to analysing the global economic governance system and comparisons of U.S. — Japan and U.S. — China trade and technology wars. The paper reveals how the PRC is seizing the levers of global governance control from the United States, the ferocity of the U.S. — China trade and technology war, and the militarisation of the Indo-Pacific region with the participation of leading European powers, NATO allies of the United States.

Steve Chan (University of Colorado, USA), who is arguably one of the most consistent critics of the so-called “Thucydides Trap”, in his paper demonstrates the logical inconsistencies in the arguments of the founders of the power transition theory, in general, and those of G. Allison, in particular. According to Chan, the Thucydides Trap argument and the power transition theory more broadly give an unjustifiably deterministic character to the U.S. — China confrontation and neglects other sources of conflict that do not stem from power shift between the great powers. Chan also warns against misusing historical analogies, selection bias, measurement problems, and underspecified causal mechanism that beset the existing studies on Thucydides Trap.

Vassilis K. Fouskas (University of East London, UK) presents a rather original view, arguing that the roots of the current US weakness in relation to the PRC are financial capitalism and stagflation of the 1970s with a characteristic lack

of real production and processing of real commodity values. Fouskas draws on the Uneven and Combined Development (UCD) concept to highlight the inevitability of power shifts in the world. The article’s novelty is that it locates the current decline of the United States in the 1970s and considers it as being related to the state economic policy of neo-liberalism and financialisation. Alexander I. Salitskii (IMEMO, Russian Academy of Sciences) gives an exhaustive review of the recently published volume edited by V. Fouskas and his colleagues (Roy-Mukherjee S., Huang Q., Udeogu E.), dedicated to globalisation and the decline of America’s supremacy (Palgrave Macmillan, 2021).

Nicholas Ross Smith and Ruairidh J. Brown (University of Nottingham, Ningbo, China) argue that cyberspace is becoming the most important battleground for China and the United States and illustrate this through a “battle of narratives” on “where was the origin of the COVID-19 pandemic?” and “who has had the most successful response to the COVID-19 pandemic?” They proffer a broader argument that most of the real competition in the U.S. — China relations will occur in cyberspace but also add important caveats to the relevance of historical analogies in predicting the future of the U.S. — China rivalry.

The ideological confrontation between the United States and China is also examined in the paper by Maxim V. Kharkevich (MGIMO), Ivan I. Pisarev and his colleagues from Far Eastern Federal University (Vladivostok), Russia’s “intellectual outpost” in the Pacific Ocean. They conduct a comparative analysis of American NGOs in China and Chinese NGOs in the United States in the context of the U.S. — China rivalry and highlight operational advantages and structural limitations of both types of NGOs and assess their capacity to make the policy impact. Another researcher from this university, Anna V. Boyarkina, explores such a complex and increasingly pressing issue as the environmental dimension of China’s foreign policy strategy. This papers’ contribution is in its attempt to assess China’s environmental policy after the introduction by the Chinese leadership of the concepts of “Ecological Civilisation”, “Community of Common Destiny for Mankind”, and the “Two Mountains”.

Earl Conteh-Morgan (University of South Florida, USA) describes the regional aspect of the U.S. — China global rivalry using Africa as an example and argues that it is driven by competing strategies of the two great powers aimed at enhancing their interests and bilateral ties on the continent. J.-M.F. Blanchard analyses the role of the Belt and Road Initiative in China's ascent, as well as the approach of the B. Obama and D. Trump administrations towards it. Blanchard substantiates the analysis by a fine-grained review of both primary and secondary materials. Anastasia A. Zaballa (RUDN University) provides a scrupulous review of this scholar's recent collective monograph on China's Maritime Silk Road Initiative and its role in Africa and the Middle East (Palgrave Macmillan, 2021).

Srikanth Kondapalli (Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India) focuses on the U.S. — China relations in the most recent times — after Joe Biden took office in Washington. It elicits cooperative and competitive trends and presents a vision and forecasts on the development of the U.S. — China relations during Xi — Biden tenure.

Another contribution of this special issue is that it explores the triangular interactions between US, China, and India as playing an important role in the contemporary international system. Indeed, the outcome of the U.S. — China rivalry largely depends on whether India will fully align with the so-called "Eurasian coalition" (SCO, as well as BRICS), or become a leading US ally in the region, either as a part of the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) or bilaterally. Therefore, in this thematic issue, a great deal of attention is paid to the Indian factor.

Natalia V. Galistcheva and Elena V. Nebolsina (MGIMO University) compare the role

of the U.S. and China in India's foreign economic policy for each commodity group and show the dynamics, as well as the balance of the two superpowers in India's foreign trade. The authors assess the intensiveness of India — U.S. and India — China bilateral trade and discover that while the former displays an upward trend, the latter fails to fulfil its potential. They predict that for India, navigating between the two major partners will require finding the fine balance in its foreign economic policy.

The article by Arman A. Mikaelian and Vladimir M. Morozov, also from MGIMO University, explores the US influence on Israel's policy toward China and India. It assesses the role of the U.S. factor in shaping Israel — China and Israel — India relations and identifies the U.S. policy as being in full compliance with Washington's regional priorities, identified in the US National Security Strategy of 2017.

The issue also contains a review by Asmik A. Barsegian and Alexey S. Butorov (RUDN University) on a recent monograph on origins of India — U.S. suspicion and India — China rivalry, prepared by Francine Frankel, Director of the Center for Advanced Study in India, and Professor of political science at the University of Pennsylvania, USA (Oxford University Press, 2020). Thus, the topic of the U.S. — China — India strategic triangle is covered in this issue from the economic, strategic, and ideational sides which adds an important dimension to understanding the evolving the U.S. — China rivalry.

Overall, the issue provides a holistic view of the U.S. — China competition at the present stage, both from a global and regional perspective and from different angles of analysis. Good luck to all the researchers involved in this issue!

About the authors: *Grachikov Evgeny Nikolaevich* — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-3153-9650; e-mail: grachikov-en@rudn.ru

Korolev Alexander — PhD in Political Science, Senior Lecturer in Politics and International Relations, Convenor, Master of International Relations Program, University of New South Wales, Sydney, Australia; ORCID: 0000-0003-2794-8187; e-mail: a.korolev@unsw.edu.au

Сведения об авторах: *Грачиков Евгений Николаевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3153-9650; e-mail: grachikov-en@rudn.ru

Королев Александр — PhD (политические науки), доцент в области политики и международных отношений, руководитель магистерской программы международных отношений, Университет Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия; ORCID: 0000-0003-2794-8187; e-mail: a.korolev@unsw.edu.au

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Нарастающее стратегическое соперничество между США и КНР и трансформация глобального миропорядка

THEMATIC DOSSIER: Intensifying U.S. — China Strategic Rivalry and the Transformation of the Global Order

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231

Научная статья / Research article

США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности»

Д.А. Дегтерев¹ , М.С. Рамич¹ , А.В. Цвык²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² МИД России, Москва, Российская Федерация

 degtarev-da@rudn.ru

Аннотация. Феномен глобальной конкуренции КНР и США с точки зрения теории «властного транзита» (Power transition theory) обладает научной новизной и актуальностью в свете повышенного внимания к так называемой «ловушке Фукидида», в которой, по мнению ряда экспертов, оказались оба государства. Авторы предлагают свое видение глобальной конкуренции за лидерство в формировании нового мирового порядка. Эта конкуренция уже приняла форму открытого несилового противостояния и проявляется в рамках технологической и торговой войн, соперничества в научной и культурной сферах. Несмотря на несиловой характер противостояния, этот процесс сопровождается наращиванием военной мощи государств, которая в основном проецируется в бассейны Тихого и Индийского океанов (Индо-Тихоокеанский регион, ИТР). Методологической основой работы являются положения теории «властного транзита», которую на протяжении последних 60 лет развивают А.Ф. Органски, Я. Куглер, Д. Лемке, Р. Таммен и другие исследователи, объединенные в «ТрансРисэрч Консорциум». По мнению авторов статьи, аналитическая призма данной школы более релевантна для анализа текущей международной конкуренции, нежели классические неореалистские подходы баланса сил. Через призму теории анализируются вопросы ребалансировки глобальной системы экономического управления. Проводится сравнительный анализ американско-японской и американско-китайской торговых и технологических войн. Исследуется военный, а также совокупный потенциал двух стран в целом и ИТР в частности. Приводятся выводы и комментарии о влиянии конкуренции КНР и США на систему международных отношений.

Ключевые слова: США, КНР, новая биполярность, холодная война, властный транзит, ловушка Фукидида, декаплинг, ИТР, экономический потенциал, военная мощь, теория международных отношений, ТМО

© Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-514-93003 КАОН_а «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении». Авторы признательны Е.Н. Грачикову, Е.В. Журавлевой и М.А. Никулину (РУДН) за ценные комментарии, высказанные в ходе дискуссий по тематике данной статьи.

Для цитирования: Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210—231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231

U.S. — China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”

Denis A. Degterev¹ , Mirzet S. Ramich¹ , Anatoly V. Tsvyk²

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 degterev-da@rudn.ru

Abstract. This article focuses on the phenomenon of global rivalry between China and the United States in terms of power transition theory, which is scientifically new and relevant due to the increased attention to the so-called “Thucydides trap”, in which, as some experts claim, both states have fallen. This paper presents a different vision of the global rivalry for leadership in the shaping of a new world order, which has already taken the form of overt non-violent confrontation and manifests itself in technological and trade wars as well as scientific and cultural rivalries. Nevertheless, despite the non-violent nature of the rivalry, this process is followed by an increase in the military capabilities of states, mainly projected in the basins of the Pacific and Indian Oceans (Indo-Pacific region). The methodological basis of the paper is ‘power transition’ theory, which has been developed over the past 60 years by A.F. Organsky, J. Kugler, D. Lemke, R. Tammen and other researchers, united in the TransResearch Consortium. The authors argue that the analytical prism of this theory is more relevant to the analysis of current global rivalry than the classical neorealist balance of power approach. Through the prism of the theory the issues of rebalancing the global system of economic governance are analyzed. Also, a comparative analysis of the US-Japanese and US-Chinese trade and technological wars is carried out. Both the military and aggregate capabilities of two countries on a global scale and in the Indo-Pacific region are examined. The conclusion contains findings and comments on the impact of U.S. — China rivalry on the system of international relations.

Key words: USA, China, new bipolarity, Cold War, power transit, Thucydides trap, decoupling, Indo-Pacific, economic capabilities, military power, international relations theory

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-514-93003 CASS_a “Russia and China in the Global Political Space: Coordination of National Interests in Global Governance”. The authors are grateful to E.N. Grachikov, E.V. Zhuravleva, and M.A. Nikulin (RUDN University) for valuable comments made during the discussions on the topic of this article.

For citation: Degterev, D.A., Ramich, M.S., & Tsvyk, A.V. (2021). U.S. — China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 210—231. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>

Введение

Проблема нарастающей конкуренции между США и КНР привлекает все больше внимания как российских, так и зарубежных исследователей. Однако, как правило, речь идет лишь о свертывании сотрудничества (*decoupling*) в отдельных сферах, что не позволяет увидеть глубинные причины нарастающих противоречий и, по сути, перехода к

«новой биполярности» (США — КНР) [Degterev 2019]. В среднесрочной перспективе отношения двух сверхдержав будут носить конфронтационный характер, по-видимому, до перехода к «новой разрядке» [Богатуров 2003].

Среди российских исследователей всю глубину американско-китайских противоречий вскрывает, пожалуй, лишь А.В. Ломанов,

затрагивающий макроисторический характер данной проблемы [Ломанов 2021]. По инерции восприятие современной системы продолжается в терминах предыдущей биполярности [Шаклеина 2018] в надежде на новую «перезагрузку»¹. Между тем США уже вышли из всех основных соглашений времен холодной войны², демонтировав «каркас» предыдущей системы стратегической стабильности. Более того, комплексное сопоставление показателей говорит о лидерстве «двуумвирата» США — КНР в большинстве сфер, кроме, пожалуй, военной, дипломатической и мягкосиловой [Дегтерев 2020]. Анализ геополитических изменений в контексте стратегического треугольника Россия — США — КНР, ставший особенно популярным в последние годы [Бадрутдинова, Дегтерев, Степанова 2017; Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав 2021: 231—250; Морозов 2020; Худайкулова 2020] лишь отчасти помогает преодолеть проблему релевантности аналитического инструментария.

Методология исследования

Масштаб происходящих изменений требует более активно задействовать весь «арсенал» теорий международных отношений (ТМО). Неслучайно в 2021 г. в России вышло сразу три знаковых монографии по анализу баланса (соотношения) сил на мировой арене [Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав 2021; Баланс сил в ключевых регионах мира 2021; Тренин 2021] — это серьезный всплеск интереса к проблематике после публикации еще в 1993 г. монографии Э.А. Позднякова [1993]. Несмотря на подавляющее доминирование реалистского дискурса в российской науке, а также

его преобладание в США для анализа конкуренции США — КНР, по мнению авторов, более релевантной аналитической рамкой для изучения данной темы является теория «властного транзита» (*Power transition theory*).

Сформированная более полувека назад А.Ф.К. Органски [Organski 1958] и продолженная в качестве научной традиции группой авторов (Я. Куглер, Д. Лемке, Р. Таммен и др.), объединенных в «ТрансРисэрч Консорциум»³, теория объясняет механизмы смены глобального лидерства в мировой системе (в данном случае — от США к КНР) и связанные с этим процессы.

Индикатором начала периода «властного транзита» считается достижение претендентом на мировое лидерство около 80 % «силы» доминирующей нации [Organski, Kugler 1980: 44]. Существуют разные подходы к оценке мощи (подробнее об этом ниже), но, например, по абсолютному размеру ВВП по паритету покупательной способности (ППС) КНР обошла США еще в 2014 г. [Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав 2021: 173]. По мнению идеолога китайского триумфализма Ху Аньгана, еще в 2013 г. КНР обогнала США и по совокупной мощи [Лукин 2019]. Безусловно, последнее утверждение явно спекулятивно, так как лидерство США, по крайней мере, в технологической и военной сферах еще сохраняется, однако в любом случае в 2010—2020 гг. начался период «властного транзита», который завершится после того, как мощь КНР достигнет 120 % от американской (рис. 1).

Соотношение сил 4:5 или 5:6 между ревизионистом и доминирующей нацией представляет собой наиболее опасный момент для начала войны между ними [Tammen 2000: 31]. При этом, согласно эмпирическим исследованиям создателей теории (на основе анализа 32 кейсов), при паритете мощи между двумя сильнейшими нациями война происходит лишь в 18,8 % случаев, а мир сохраняется в остальных 81,3 % [Organski, Kugler 1980: 50].

¹ «Мы думали, что победили». Десять лет «перезагрузки» отношений России и США // РИА Новости. 06.03.2019. URL: <https://ria.ru/20190306/1551572481.html> (дата обращения: 08.02.2021).

² Как США выходили из международных соглашений при администрации Дональда Трампа // ТАСС. 22.11.2020. URL: <https://tass.ru/info/10068059> (дата обращения: 08.02.2021).

³ Transresearch Consortium. URL: <https://transresearchconsortium.com/> (accessed: 08.02.2021).

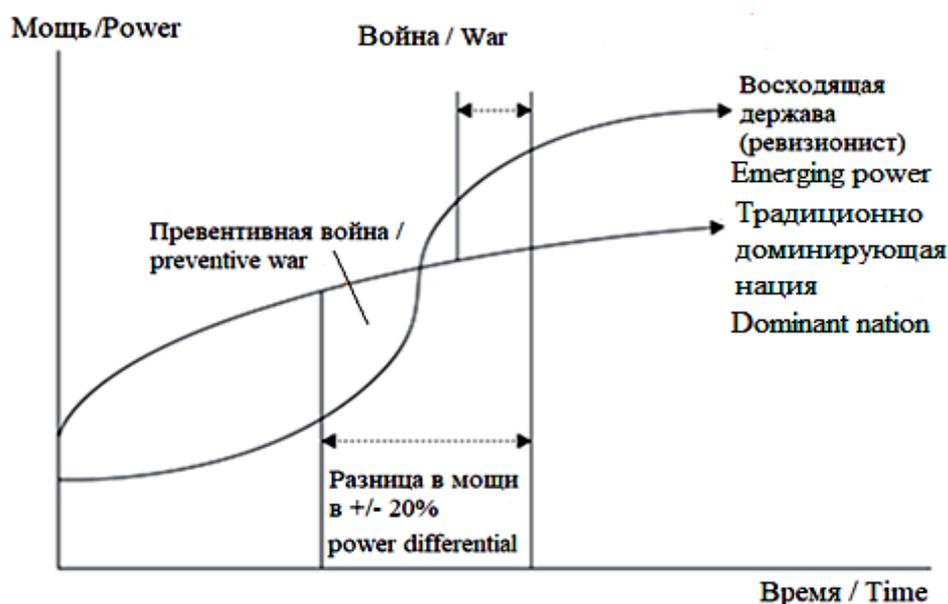

Рис. 1. Графическая интерпретация теории «властного транзита»

Источник: составлено авторами на основе [The Oxford Encyclopedia... 2018].

Fig. 1. Visual Interpretation of Power Transition Theory

Source: compiled by the authors on the basis of: [The Oxford Encyclopedia... 2018].

Вероятность конфликта увеличивается, если восходящая держава не удовлетворена существующим порядком дел. Доминирующая нация может начать превентивную войну, не дожидаясь, пока восходящая держава обойдет ее по мощи. Однако при этом следует учитывать «фактор Феникса» — даже лежащая в руинах страна может практически полностью восстановиться за 20 лет, после чего ее сложно будет удержать от реванша [Organski, Kugler 1980: 142—144].

В 2017 г. положения теории «властного транзита» абсолютизировал (из вероятностных превратил в детерминистские) и облек в более простую форму, понятную как для лиц, принимающих решения, так и обывателей, Г. Аллисон в своей работе «Обречены воевать». На примере анализа 16 двусторонних (диадных) противостояний в процессе «властного транзита» он делает вывод о неизбежности «ловушки Фукидида» — исторической аналогии Пелопоннесской войны между усиливающимися Афинами (Делосский союз) и Спартой (Пелопоннесский союз), описанной древнегреческим историком Фукидидом [Allison 2017].

Практически полное отсутствие в российской науке дискурса теории «властного

транзита» можно объяснить продолжающейся инерцией «биполярного мышления» времен холодной войны, а также «выборочным заимствованием» положений современной западной ТМО. В наиболее фундированной русскоязычной монографии [Истомин 2021: 103—104], описывающей логику международного поведения государств, теории «властного транзита» уделяется лишь несколько абзацев⁴. Статическая версия теории — иерархия мировой системы во главе с конкурирующими за лидерство США и КНР (супердержавами, и только одна из них в итоге должна взять верх), вслед за которыми идут великие державы (Россия, Великобритания, Франция, ФРГ и Япония) и остальной мир, — ломает льстящие самолюбию россиян стереотипы «сверхдержавности». Динамическая версия теории — неизбежный переход лидерства к КНР — ставит под вопрос обоснованность «евроатлантического разворота» России в 1990-е гг. Между тем иллюзии во внешнеполитическом восприятии приводят к неверным

⁴ Справедливости ради следует отметить, что в русскоязычной научной литературе «упрощенная версия» теории «властного транзита» в виде «ловушки Фукидида» получила некоторое распространение [Ефременко 2020].

оценкам (т. н. *misperceptions*) стратегических альтернатив, цена которых может быть чрезвычайно высокой [Jervis 1976].

В КНР в надежде на продолжение «мирного возвышения» дискурс «властного транзита» и «ловушки Фукидида» максимально нивелируется [Ломанов 2020]. Вопрос меньшей влиятельности интеллектуальной традиции «ТрансРисэрч Консорциума» (западное побережье США) по сравнению с балансом сил — подходом «святой троицы» реалистов (Г. Моргантау — К. Уолтц — Дж. Миршаймер, двое из которых — представители Чикагской школы) — требует отдельного изучения и, по всей видимости, связан с особенностями лоббирования интересов различных групп в политико-академическом сообществе США, приводящем к так называемому «кризису призвания» во внешнеполитической экспертизе [Сушенцов, Павлов 2021].

Авторы исследования не считают, что теория «властного транзита» безупречна. Более того, она изначально носит вероятностный, а не детерминированный характер. Очень подробно основные ее недостатки в своей статье в рамках данного номера «Вестника Российского университета дружбы народов» освещает, пожалуй, самый известный ее критик С. Чан, что избавляет нас от необходимости повторять блестящие аргументы мастера своего дела.

Помимо теории «властного транзита» для анализа соперничества США—КНР в макроперспективе можно использовать и ряд других концепций, например теорию длинных циклов Дж. Модельски и У. Томпсона, теорию неравенства властных предпочтений Р. Пауэлла, работы Дж. Айкенберри и др., однако это предмет отдельного исследования.

Большинство международного академического (а под влиянием статьи Г. Аллисона — и политико-академического) сообщества существует в смысловом поле «властного транзита» и «ловушки Фукидида»⁵. При этом

⁵ Примечательно, что в российской медиасфере в 2020 г. был создан Telegram-канал «Ловушка Фукидида» (<https://t.me/lovuska>), набравший по состоянию на май 2021 г. 1,4 тыс. подписчиков. В описании канала отмечается, что «Ловушка Фукидида — это

часть исследователей выражают солидарность с данными подходами, считая, что конфликт между США и Китаем неизбежен или уже начался [Tellis 2013; Bergsten 2018; Johnston 2019; Han, Paul 2020; Wang 2019; Wyne 2020; Mastro 2019; Yoder 2019; Goldstein 2020] и мир может стать еще более анархичным [Xuetong 2020; Wang, Sun 2020; Laune 2020]; другие уверены в том, что «новая биполярность» не приведет к открытому противостоянию [Xuetong, Qi 2012; Wu 2020]. Верна или нет данная теория (склоняемся к первой точке зрения), но она плотно владеет умами лиц, принимающих решения, и поэтому носит характер «самосбывающегося пророчества».

Согласно положениям теории «властного транзита» в статье анализируется неудовлетворенность стран существующим статус-кво, который в экономической сфере структурируют институты Бреттон-Вудса. После этого исследуется конкуренция США и КНР в торговой, технологической и военной сферах.

«Транзит» глобального управления через «аккомодацию»

Ключевым элементом «властного транзита» является недовольство значительной части великих, средних и малых держав сложившимся статусом-кво. Доминирующая нация и ее союзники («коалиция большинства») при этом структурируют международную систему в своих интересах (рис. 2).

Система глобального управления во главе с США при участии западных стран в целом была сформирована после Второй мировой войны и включает Институты Бреттон-Вудса (Международный валютный фонд (МВФ), Группу Всемирного банка, региональные банки развития), Всемирную торговую организацию (ВТО), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международное энергетическое агентство (МЭА) [Дегтерев 2016]. Каждая из этих организаций изначально была создана по «эскизам» США и их союзников, и поэтому их доминирование

конфликт между гегемоном и растущими странами за лидирующую роль в мире. Это ловушка, в которую угодил наш мир».

в этих структурах вполне естественно. Это наглядное проявление так называемой «структурной власти», о которой писала основоположница международной политэкономии С. Стрэндж. Данная власть включает в себя контроль над механизмами безопасности, кредитно-финансовой сферой, экономическим производством, а также созданием и распространением знаний [Strange 1988].

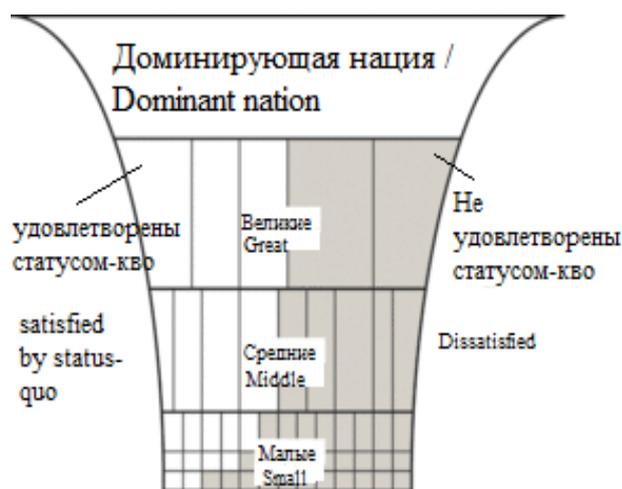

Рис. 2. Удовлетворенность статусом-кво в мировой иерархии

Источник: составлено авторами на основе [The Oxford Encyclopedia... 2018].

Fig. 2. Satisfaction by status-quo in world hierarchy

Source: compiled by the authors on the basis of: [The Oxford Encyclopedia... 2018].

В рамках стратегии аккомодации и «мирного возвышения» КНР вступила в Институты Бреттон-Вудса в 1980 г., Азиатский банк развития — в 1986 г., Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) — в 2016 г. [Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав 2021: 172—173], после 15 лет переговоров — в ВТО (2001 г.), открыв свою экономику для мировых ТНК, встроилась в западную систему распространения знаний (Scopus, WoS), хотя и развивает собственную (CNKI⁶). Казалось, что КНР — одна из тех великих держав, кто вполне удовлетворен статусом-кво. Еще чуть-чуть, и «социализм превратится в Китае в декоративную вывеску над величественным зданием

⁶ CNKI (China National Knowledge Infrastructure, 中国知网). URL: <https://oversea.cnki.net/index/> (accessed: 10.01.2021).

рыночной экономики», а «выросший в эпоху реформ китайский средний класс спустит обветшалое красное знамя, отказавшись от однопартийной власти КПК в пользу либеральной системы» [Ломанов 2021].

Ряд аналитиков даже выражали робкую надежду на возможность социализации КНР — данный дискурс под влиянием «конструктивистского поворота в ТМО» затронул в середине 1990-х гг. и сторонников теории «властного транзита». Под социализацией понималось воздействие на умы населения восходящей державы, с тем чтобы она искренне считала поддержание статуса-кво в системе исключительно частью собственных интересов. Казалось, обширные американо-китайские гуманитарные связи (обмены студентами, туристами, бизнесменами) этому максимально способствовали [Бадрутдинова, Дегтерев, Степанова 2017: 98—101]. В контексте курса КНР на жесткое обеспечение информационного суверенитета данные размышления выглядят наивными.

Администрация Б. Обамы в рамках стратегии «вовлечения» предприняла, например, попытку сформировать формат G2 для встраивания КНР в американоцентричный мир. Один из сторонников данного подхода, американский экономист К.Ф. Бергстен, отмечал необходимость создания диалогового формата между США, лидером среди развитых стран, и КНР, лидером среди развивающихся стран, для более эффективного управления мировыми экономическими процессами⁷.

В 2015 г. Исполнительный совет МВФ принял решение о включении юаня в состав корзины валют специальных прав заимствования (СПЗ, или СДР), а Конгресс США наконец ратифицировал 14-й пересмотр квот МВФ [Дегтерев 2016: 83]. Планировалось, что данные меры позволят удержать «коалицию недовольных» из числа развивающихся стран во главе с КНР от попыток ревизии мировой системы, создав для Пекина

⁷ Bergsten C.F. Two's Company // Foreign Affairs. September — October 2009. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed: 10.01.2021).

возможности упрочить свое лидерство в реалиях нового мирового порядка [Bergsten, Freeman, Lardy, Mitchell 2008: 25].

Уже в 2018 г., после неудачи с созданием G2 и начавшейся вскоре торговой войны, Ф. Бергстен признал реалии «ловушки Фукидида» и выдвинул новые сценарии развития мирового порядка:

— G0 — мир, где США уже утратили свое лидерство, а Китай не смог или не захотел взять на себя роль глобального лидера;

— G1 — мир, где рано или поздно единственным лидером останется Китай;

— G2 — мир, где США и КНР договорились о сотрудничестве либо временно приостановили конкуренцию для пролонгации периода транзита власти [Bergsten 2018].

Фактически это стало началом периода «властного транзита».

Со стороны Китая признание формата G2 стало бы открытой претензией на мировое лидерство, что противоречит одному из основных принципов китайской внешней политики, который был заложен еще при Дэн Сяопине: Китай не будет претендовать на гегемонию и стремиться занять место лидера⁸.

В качестве ответа на идею создания G2 Си Цзиньпин предложил концепцию взаимовыгодных «отношений между великими державами нового типа» для развития сотрудничества и ухода от конфликтных ситуаций⁹. В то же время Китай не был полностью удовлетворен существующим мировым порядком, поэтому, с одной стороны, он выдвигал взаимовыгодные форматы сотрудничества,

⁸ Dengxiaoping xin shiqi de waijiao zhanlue sixiang shu lun // Lingxiu renwu ziliao ku [О дипломатической стратегии Дэн Сяопина в новый период // Архив данных политических лидеров]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/33839/34943/34983/2641962.html> (accessed: 10.01.2021). (На кит. яз.)

⁹ Hong C., Kang D., Chen B. Zongshu: Xi Jinping de Xinxing daguo guanxi waijiao zhanlue shi zheyang lianchengde [Описание: Реализация дипломатической стратегии Си Цзиньпина по формированию «нового типа отношений между великими державами»] // Renmin Ribao. 2016. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/0213/c1002-28120530.html> (accessed: 10.01.2021). (На кит. яз.)

такие как «Один пояс, один путь», а с другой — проводил жесткую политику в Южно-Китайском море в отношении спорных территорий [Mastro 2019: 32].

Из страны, безропотно принимающей все международные нормы (*rule-taker*), к 2010 г. Китай превратился в страну, которая уже оказывает влияние на содержание данных норм (*rule-changer*) и, более того, к 2020 г. постепенно стал страной, формирующей международные нормы (*rule-maker*), особенно в ИТ-сфере. Если ранее в рамках своей «мягкой силы» и концепции Ван Хунина Китай продвигал исключительно культуру и образование, то в последние годы он перешел к трансляции своей «дискурсивной силы», то есть новых смыслов, норм и стандартов [Денисов 2020].

Интерес КНР к изменению мирового порядка подтверждается увеличением научных исследований по данной теме. С 2010 г. в китайской наукометрической базе CNKI росло число научных публикаций, содержащих в названии словосочетание «мировой/глобальный порядок», при этом наибольшее количество статей было опубликовано в 2016 г. [Chen, Zhang 2020: 3—4]. Данные статьи исследовали природу понимания мирового порядка на Западе (преимущественно в США) и в КНР, предлагая конкретные варианты развития китайской внешней политики, дипломатии и подходов к глобальному управлению [Chen, Zhang 2020].

Перед китайским руководством и теоретиками внешней политики возникла необходимость обеспечить теоретическую основу для новых понятий, таких как «мирный подъем Китая», «гармоничный мир» и т. д., которые вошли в политический дискурс вместе с возвышением Китая [Грачиков 2021: 73] и концепцией «общего будущего человечества» как новой модели мироустройства [Семенов, Цвык 2019: 72].

В сфере глобального экономического управления примером продвижения китаецентричных международных институтов и правил стало создание в 2013 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с долей КНР в уставном капитале в размере

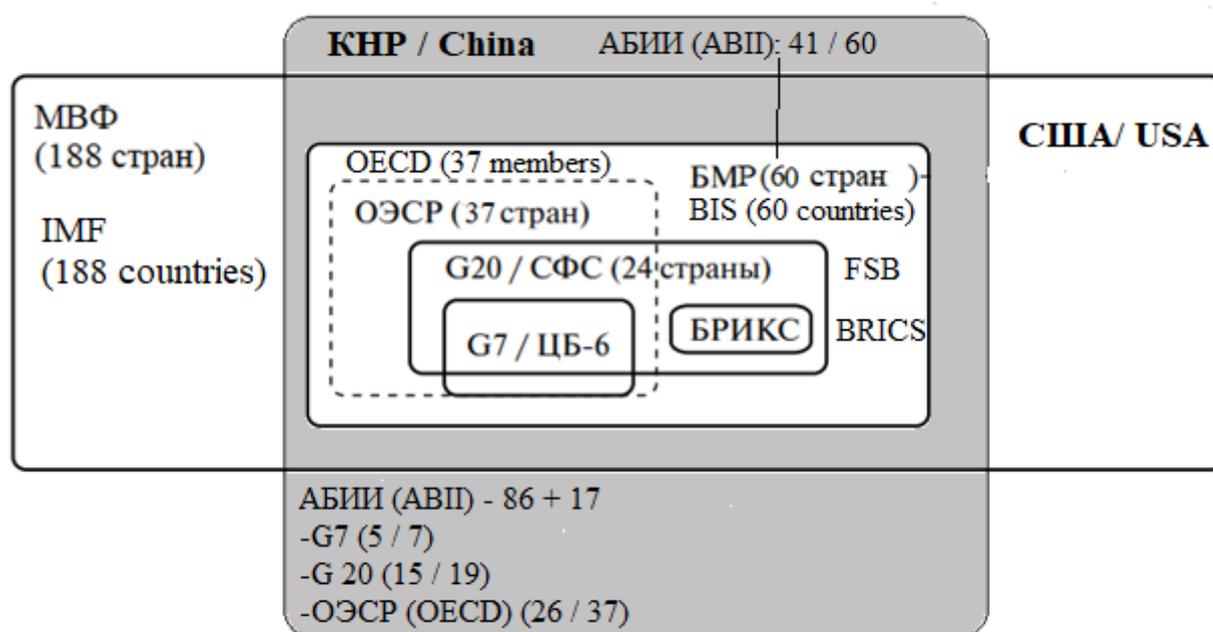

Рис. 3. Институты глобального экономического управления во главе с США и КНР

Источник: составлено авторами на основе [Дегтерев 2016: 91].

Fig. 3. US-led and China-led Institutions of Global Economic Governance

Source: compiled by the authors on the basis of: [Дегтерев 2016: 91].

30,8 %, а при голосовании — в 26,6 %, штаб-квартирой в Пекине [Логика новой миро-устроительной архитектуры и стратегии держав 2021: 181—189]. Фактически АБИИ становится азиоцентричной альтернативой институтам Бреттон-Вудса, ведь на региональных членов банка приходится около 75 % капитала в отличие от доминирования США и их европейских союзников в МВФ. К АБИИ присоединились пять из семи членов «Группы семи», 15 из 19 членов «Группы двадцати» (ЮАР — потенциальный член), 26 из 37 членов ОЭСР и 41 из 60 членов Банка международных расчетов (рис. 3). То есть страны, формирующие ядро мировой экономики, уже вошли в состав китаоцентричного международного института. Ожидается, что в ближайшее время общее количество членов организации превысит 100, так как к 86 уже вступившим присоединятся еще 17 потенциальных членов¹⁰.

¹⁰ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank // The Asian Infrastructure Investment Bank. March 31, 2021. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 31.03.2021).

Пока КНР удастся обеспечить максимально гладкий «транзит власти» в системе глобального экономического управления. В будущем возможно «перетекание» компетенций по управлению региональными инвестиционными проектами (вместе с основными сотрудниками) из системы Институтов Бреттон-Вудса в «матрицу» АБИИ по мере того, как доля данного банка в совместных инфраструктурных проектах, реализуемых с Институтами Бреттон-Вудса, будет постепенно возрастать. Данный процесс ускорится после реализации ряда практических шагов по интернационализации цифрового юаня.

Получилось с Японией, получится ли с Китаем?

Ведя мониторинг потенциальных претендентов на роль будущей сверхдержавы-ревизиониста, школа «властного транзита» изначально отдавала предпочтение экономическим и демографическим показателям, таким как численность населения, ВВП и ВВП на душу населения [Organski, Kugler 1980; Kugler, Organski 1989: 191]. Акцент на ВВП представители школы объясняют тем,

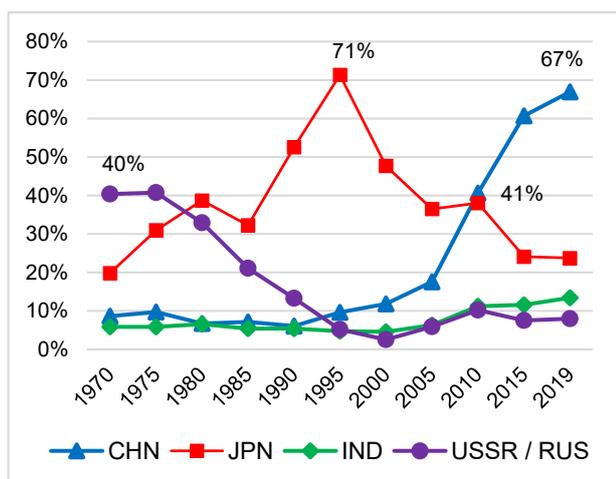

Рис. 4а. Доля от номинального ВВП США в текущих долларах США, в %

Источник: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

Fig. 4a. Share of U.S. nominal GDP in current U.S. dollars, %

Source: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

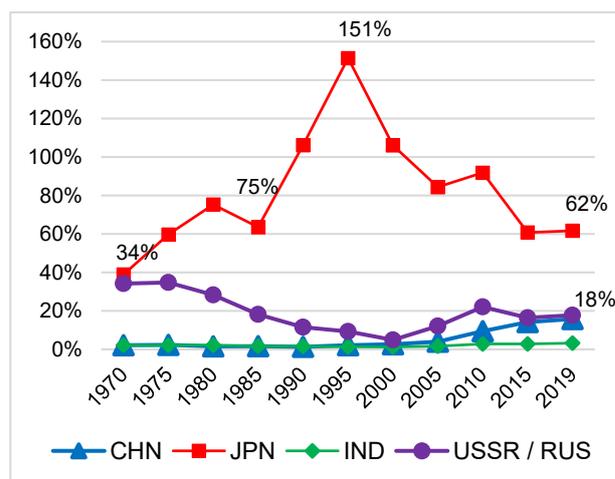

Рис. 4б. Доля от номинального подушевого ВВП США в текущих долларах США, %

Источник: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

Fig. 4b. Share of U.S. nominal GDP per capita in current U.S. dollars, %

Source: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

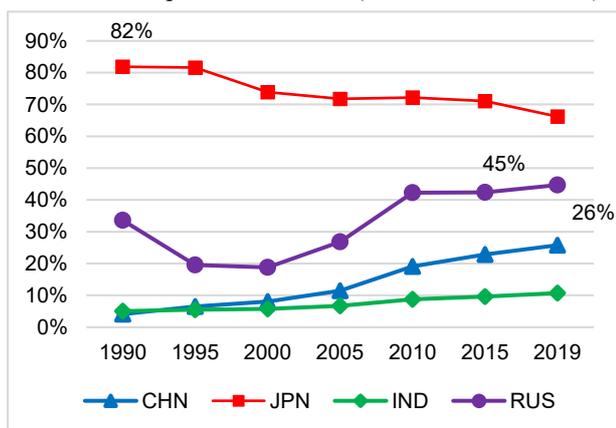

Рис. 4в. Доля от подушевого ВВП США по ППС в текущих международных долларах, %

Источник: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

Fig. 4c. Share of U.S. GDP at PPP per capita in current international dollars, %

Source: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

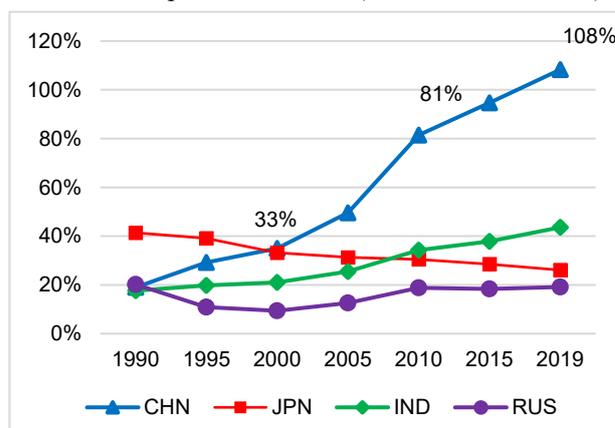

Рис. 4г. Доля от ВВП США по ППС в текущих долларах США, %

Источник: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

Fig. 4d. Share of U.S. GDP at PPP in current U.S. dollars, %

Source: World Development Indicators // World Bank.

URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 02.02.2021).

что, имея необходимый доход, руководители стран сами могут выбрать оптимальную структуру его распределения (на оборону и безопасность, социальные расходы, развитие экономики и инфраструктуры и другие

статьи) в зависимости от тех вызовов и угроз, которые стоят перед страной.

На рис. 4а—4в показано, что за последние 50 лет из великих держав только Япония максимально приблизилась к показателям

ВВП США как в абсолютных значениях, так и по подушевому доходу. Пика показатели подушевого ВВП Японии достигли в середине 1990-х гг., когда мир находился в «однополярном моменте» и никто не предполагал возможность «транзита власти». Однако когда в 1985 г. показатели Японии по подушевому ВВП максимально приблизились к критическим 80 %, началась торговая война между Японией и США.

В результате серии мероприятий, в том числе заключения соглашения в отеле «Плаза» в 1985 г., приведшего к ревальвации иены, и торговой войны против японской полупроводниковой сферы¹¹, произошла «мягкая посадка» японской экономики, итогом которой стали несколько «потерянных десятилетий»¹². Один из непосредственных участников тех событий, экономист П. Наварро, еще в 2006 г. написал о «китайской угрозе» книгу, которая в 2007 г. уже вышла на русском языке под названием «Грядущие войны Китая» [Наварро 2007]. Однако алармистские призывы П. Наварро сдерживать растущую мощь Китая были услышаны лишь... через 10 лет. В 2016 г. в администрации президента США Д. Трампа он стал идеологом торговой войны с Китаем, возглавил Национальный торговый совет, в 2017 г. преобразованный в Управление торговой и производственной политики.

Аналогичным образом уже к 2010 г. КНР достигла показателя в 81 % ВВП США по ППС (рис. 4г). Начались первые робкие попытки разрыва (*decoupling*) в отношениях США и КНР. Как отмечает американский исследователь Э. Теллис, в этот период США были вынуждены действовать тонко и аккуратно, чтобы меры по контрбалансированию КНР не сказались на стратегическом партнерстве между странами [Tellis 2013: 111]. Фактически именно администрация Б. Обамы (2009—2017 гг.) упустила время для нанесения по КНР превентивного невоенного удара

¹¹ Как США вели торговую войну с Японией // Коммерсантъ. 17.08.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4047539> (дата обращения: 08.02.2021).

¹² Хидэо Ц. Потерянное тридцатилетие: вынужденное манипулирование курсом иены // Nippon.com. 22.03.2016. URL: <https://www.nippon.com/ru/column/g00350/> (дата обращения: 08.02.2021).

в экономической и технологических сферах, «закрывая глаза» на всю противоречивость «уютного симбиоза» капиталистического Запада и социализма с китайской спецификой [Ломанов 2021]. То есть Китай по духу оказался для США... ближе Японии, превентивная торговая война с которой была начата *just in time* (точно в срок)¹³ в соответствии с положениями школы «властного транзита»!

Лишь после 2017 г. (то есть уже через три года после того, как ВВП КНР по ППС уже превысил ВВП США!) администрация Д. Трампа начала активно противодействовать китайской экспансии, вводя повышенные тарифы на китайский импорт, а также нанесла удар по китайской ИТ-сфере, ужесточив требования к закупкам китайского оборудования для государственного и коммерческого использования, а также ограничила инвестиции в китайские технологические компании [Friedberg, Boustany 2020: 25].

Хоть и с опозданием (уже не позволяющим классифицировать данное действие как превентивная война), но со стороны США была предпринята попытка активного противодействия основному конкуренту в экономической сфере, ранее успешно апробированная в торговой войне с Японией. Однако не связанная с США «крепкими узами» Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности¹⁴, а также практически 40-тысячным военным контингентом США [Дегтерев 2020: 96], КНР... вдруг начала отвечать.

Торговая война: Китай отвечает

По проблеме торговой войны США — КНР (2018—2021 гг.) написаны уже сотни статей, нет смысла повторять их основные выводы. Интересен замысел столь резких, хотя и запоздалых, действий США, ранее уже раскрытый в материалах данного издания [Виноградов, Салицкий, Семенова 2019;

¹³ Аллюзия на один из принципов бережливого производства в рамках Toyota Production System (*Прим. ред.*).

¹⁴ Япония и США отмечают 60 лет со дня подписания совместного договора о безопасности // ТАСС. 18.01.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7551681> (дата обращения: 08.02.2021).

Suisheng, Guo 2019], в статьях французского исследователя Л. Эстачи [Estachy 2020], а также А.В. Ломанова [2021]. Все они подчеркивают, что это не простой торговый спор, а по сути «неконвенциональная» торговая война, ведущаяся вопреки всем правилам ВТО [Виноградов, Салицкий, Семенова 2019: 43], имеющая стратегическое значение и призванная остановить дальнейшую экспансию Китая как торговой сверхдержавы, подорвать сам источник силы «дракона» [Estachy 2020: 96]. Также отмечается чрезвычайная сложность ведения данной войны в условиях комплексной взаимозависимости между странами [Истомин 2018; Suisheng, Guo 2019].

Далее мы остановимся лишь на одном аспекте торгового противостояния, показав, что за каждым действием США следовала реакция со стороны КНР, что разительно отличает данный кейс от американо-японской торговой войны.

К началу торговой войны основную часть экспорта Китая в США составляли электроника (25 %) и различное оборудование (21,5 %) — продукты высокотехнологичного производства. Импорт из США данных категорий товаров составлял 12,7 и 11,8 % от общего импорта соответственно. В абсолютных значениях китайский экспорт электроники и оборудования значительно превосходил американский: электроника — 119 млрд долл. США против 19,7 млрд долл. США, оборудование — 103 млрд долл. США против 11,8 млрд долл. США¹⁵.

Аналогичная ситуация сложилась и в конце XX в. в рамках диады США — Япония. Япония кроме указанных категорий товаров активно экспортировала в США автомобили. Поэтому основной категорией товаров, на которые в 1980-х гг. были объявлены повышенные тарифы, стали именно автомобили. В случае с КНР первые тарифные ограничения были объявлены против солнечных панелей и стиральных машин (рис. 5). Поводом к началу торговой войны в обоих случаях послужили обвинения в нарушении прав в области интеллектуальной собственности.

¹⁵ На основе данных Observatory of Economic Complexity Массачусетского технологического института. URL: <https://oec.world> (accessed: 02.02.2021).

Торговые войны США с Японией и Китаем были вызваны схожими тенденциями в области двусторонней торговли, а также начаты по единому сценарию, однако получили разное развитие. Япония в 1980-е гг. выбрала путь адаптации (аккомодации) к требованиям США, не принимая ответных мер (в какой-то степени подавив «инстинкт самосохранения»), и начала развивать свое производство в США и Южной Америке [Chong, Li 2019: 192]. В свою очередь, КНР в ответ на начало торговой войны выбрала путь симметричного конфликта, наложив ответные санкции на товары из США — как сельскохозяйственные, так и металлургические (см. рис. 5).

Разные подходы Японии и Китая были обусловлены несколькими факторами (вдобавок к уже обозначенным): в 1980-е гг. Япония уже была лидером в рамках нескольких отраслей высокотехнологичного производства, в то время как большая часть китайского экспорта в настоящий момент — это товары с низкой добавочной стоимостью.

Япония была и остается главным союзником США в Восточной Азии, а КНР стала идеологическим соперником США [Chong, Li 2019]. Поэтому администрация Д. Трампа действовала довольно жестко, чтобы сохранить свое доминирующее положение на рынке товаров с высокой добавочной стоимостью и вынудить Китай продолжить специализироваться на экспорте товаров с низкой добавочной стоимостью [Yu, Zhang 2019], однако Китаю в целом удалось избежать негативных последствий посредством перехода к модели «двойной циркуляции» [Ломанов 2021].

Важным итогом торговой войны США — КНР стало постепенное снижение взаимозависимости посредством очевидного сокращения торгового оборота между двумя странами. В первую очередь, это произошло за счет уменьшения доли импорта товаров из КНР, так как экспорт американских товаров находится примерно на одном уровне уже 10 лет (рис. 6а). Аналогичным образом началось снижение торгового дефицита США за счет сокращения зависимости от китайских товаров (рис. 6б).

Помимо сокращения китайского экспорта в США снижается и доля вложений КНР в

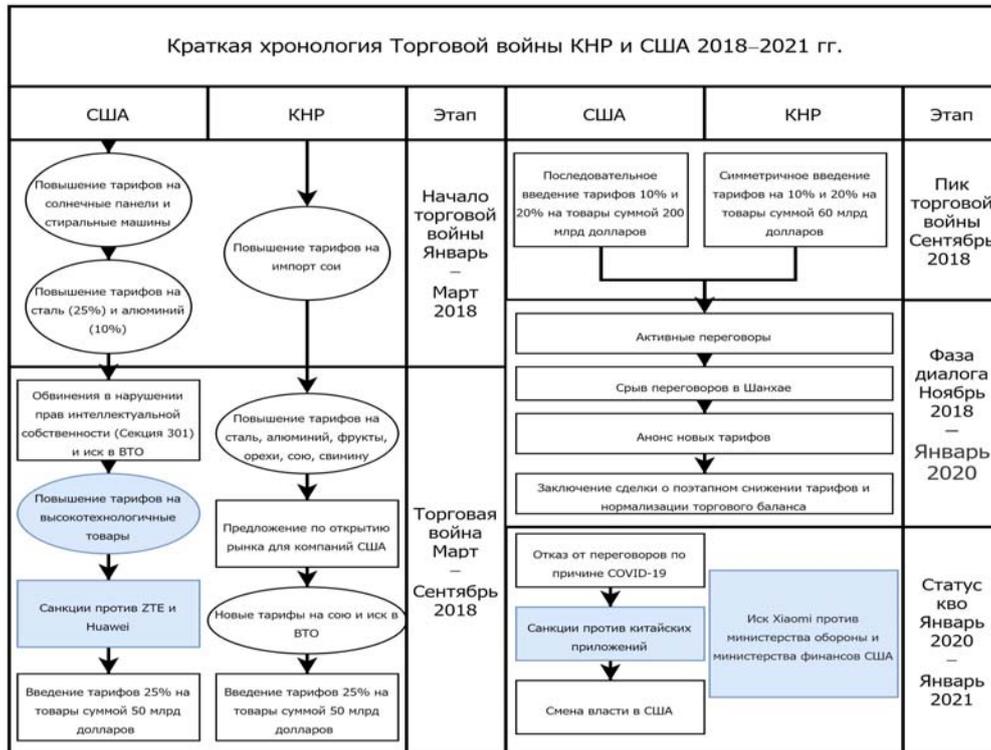

Рис. 5. Хронология торговой войны КНР и США в 2018—2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе: The US — China Trade War: A Timeline // China Briefing. August 25, 2020. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline/> (accessed: 02.02.2021).

Примечание: цветом отмечены события, имеющие отношение к технологической сфере.

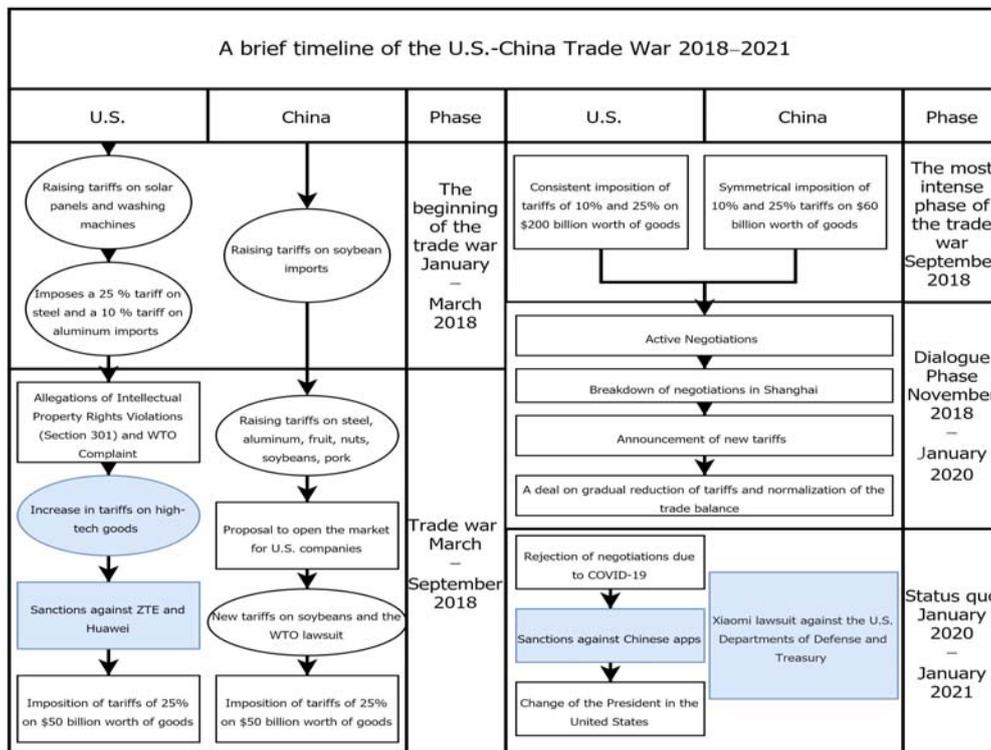

Fig. 5. A brief timeline of the U.S. — China Trade War in 2018—2021

Source: compiled by the authors based on: The US — China Trade War: A Timeline // China Briefing. August 25, 2020. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline/> (accessed: 02.02.2021).

Note: events relevant to the technology sphere.

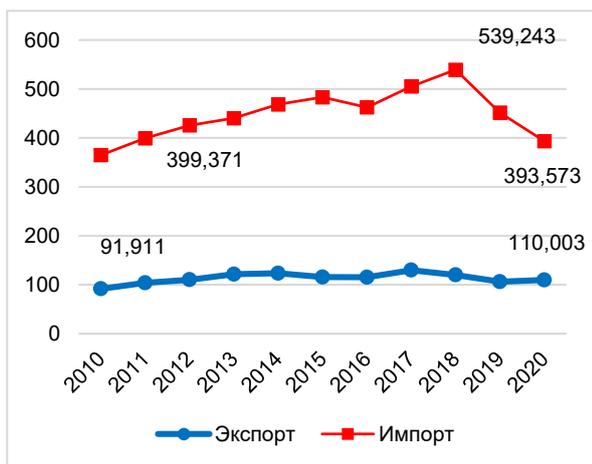

Рис. 6а. Торговля США — КНР в 2010—2020 гг., млрд долл. США

Источник: U.S. Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed: 02.02.2021).

Fig. 6a. U.S.-China trade in 2010—2020, billions USD

Source: U.S. Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed: 02.02.2021).

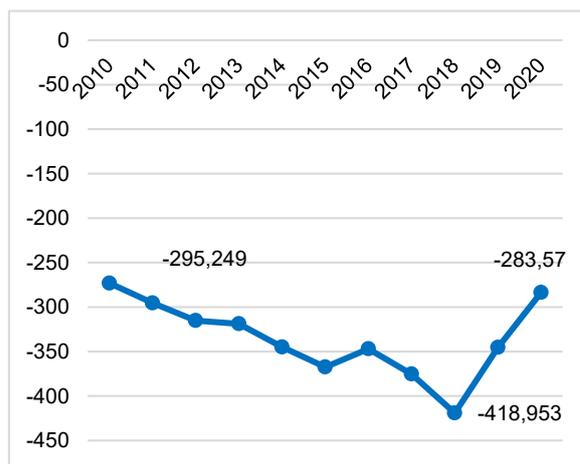

Рис. 6б. Торговый баланс США — КНР в 2010—2020 гг., млрд долл. США

Источник: U.S. Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed: 02.02.2021).

Fig. 6b. U.S. — China trade balance in 2010—2020, billions USD

Source: U.S. Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed: 02.02.2021).

государственные облигации США. В 2008 г. Китай стал основным держателем государственных облигаций Соединенных Штатов, к 2015 г. китайский пакет составлял более 1,24 трлн долл. США, а к 2020 г. снизился до 1,06 трлн долл. США¹⁶.

Снижение товарооборота и взаимозависимости свидетельствуют о том, что КНР становится все менее уязвимой к санкционному давлению США, у которых остается все меньше рычагов для невоенного сдерживания новой супердержавы. Более того, в последние годы, по мере увеличения экономического потенциала КНР, активно развиваются и навыки китайской санкционной дипломатии [Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав 2021: 205—222].

На рис. 5 неслучайно отдельно выделены санкции США в технологической сфере — одном из немногих оставшихся столпов аме-

риканского лидерства, который в последние годы КНР активно «подтачивает». В данной сфере уже давно речь не идет о рыночной конкуренции: ведущий российский эксперт в инновационной сфере И.Н. Данилин (ИМЭМО РАН) неслучайно характеризует это противостояние как «технологическую войну» [Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав 2021: 275—293].

О начале холодной войны в киберпространстве говорят и китайские исследователи [Ху 2021]. Наиболее «ожесточенные сражения» разворачиваются за контроль над производством полупроводников и элементной базы, за то, на каком оборудовании по всему миру будет развернута сеть 5G — европейском (Nokia, Ericsson) или китайском (Huawei, ZTE).

Следует отметить, что в «технологической войне» КНР в целом «держит удар», а «накал борьбы» даже вызывает небывалое воодушевление как в китайских компаниях, так и китайском обществе. В частности, после запрета на продажу Huawei американских компонентов компания достаточно быстро смогла найти альтернативы, презентовав в

¹⁶ Major foreign holders of treasury securities // Department of the Treasury/Federal Reserve Board. 2000—2019. URL: <https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfhhis01.txt> (accessed: 04.02.2021); Major foreign holders of treasury securities // Department of the Treasury/Federal Reserve Board. 2021. URL: <https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt> (accessed: 04.02.2021).

декабре 2019 г. телефон, в котором не было ни одной детали американского производства¹⁷. После запрета на установку операционной системы (ОС) Android от Google Huawei в течение нескольких месяцев презентовала собственную ОС Harmony¹⁸.

Продолжая эту тенденцию, китайское правительство поручило к 2022 г. заменить все иностранное компьютерное оборудование в государственных и общественных учреждениях [Wуne 2020: 46], а вместо ОС Windows ускорился переход на альтернативные системы на основе Linux (Ubuntu, UOS, Kylin и др.), в первую очередь для государственных учреждений¹⁹.

Все это стремительно ведет к «технологическому декаплингу», то есть постепенному формированию двух замкнутых ИТ-контуров — еще одного признака «холодной войны 2.0».

Военная мощь и Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) как будущий театр военных действий

Важным компонентом силы, который, однако, представители школы «властного транзита» призывают не переоценивать, является военная мощь. По самому влиятельному и вместе с тем «таинственному»²⁰ индексу военной силы Global Firepower Index, который составляется на основе расширенного ряда показателей, ТОП-3 стран мира остается неизменным — США, Россия и Китай. При

¹⁷ Huawei начала выпускать смартфоны без американских комплектующих // Ведомости. 03.12.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/12/03/817774-huawei-nachala-delat-smartfoni-bez> (дата обращения: 08.02.2021).

¹⁸ Huawei выпустила полноценную замену Android для своих смартфонов // CNews. 16.12.2020. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-16_huawei_vypustila_polnotsennuu (дата обращения: 08.02.2021).

¹⁹ Госсектор Китая меняет Windows на ОС на базе Linux // Astra Linux. 2020. URL: <https://astralinux.ru/news/category-news/2020/gossektor-kitaya-menuyet-windows-na-os-na-baze-linux/> (дата обращения: 08.02.2021).

²⁰ Официально не декларируется, кто является создателем индекса, не раскрываются весовые значения отдельных компонент. Подробнее см.: [Дегтерев 2020: 144—147].

этом разрыв между этими тремя странами относительно небольшой (США — 0,0721, РФ — 0,0796, КНР — 0,0858)²¹.

Попытка объединить экономические, демографические и военные показатели в рамках одного индекса была успешно предпринята Д. Сингером, который разработал Совокупный индекс национального потенциала (CINC) для проекта «Корреляты войны». Он рассчитывается на основе 6 компонентов, представленных в виде отношения показателей страны к общемировым: численность населения (TPR), численность городского населения (UPR), выплавка стали (ISPR), объем потребления первичной энергии (ECR), расходы на оборону (MER) и численность военного персонала (MPR)²². Последние доступные данные датируются 2012 г., однако авторами по методологии «Корреляты войны» ранее уже были подсчитаны данные за 2018 г. [Баланс сил в ключевых регионах мира 2021: 313—319].

Как показано на рис. 7а, в середине 1990-х гг. КНР уже обошла США по совокупному индексу национального потенциала, а к концу 2010-х гг. преодолела показатели США времен холодной войны, значительно увеличив отрыв от конкурентов. Также, исходя из данных рис. 7б, становится ясно, что, несмотря на доминирование США по показателю военных расходов, КНР лидирует по пяти остальным, что и обеспечивает ей совокупное лидерство.

На данном этапе потенциал глобального военного развертывания США и КНР несопоставим. США начали планирование глобальной системы военного развертывания в 1943—1945 гг. [Никулин 2020], имея к настоящему времени сотни соглашений о военном сотрудничестве, военные базы и свои контингенты в большинстве стран мира [Дегтерев

²¹ Чем меньше значение индекса, тем сильнее военный потенциал страны. См.: Global Firepower Index 2021. URL: <https://www.globalfirepower.com> (accessed: 08.02.2021).

²² National Material Capabilities (v 5.0.) // Correlates of War Project. URL: <https://correlatesofwar.org/datasets/national-material-capabilities> (accessed: 08.02.2021).

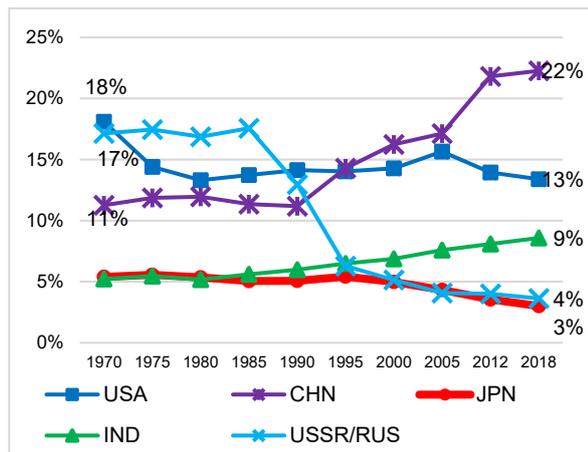

Рис. 7а. ТОП-5 стран по CINC 1970—2018

Источник: составлено авторами на основе:

1970—2012 гг. — NMC 5.0. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-v5-1> (accessed: 02.02.2021); 2018 г. — [Баланс сил в ключевых регионах мира 2021: 313—319].

Fig. 7a. TOP 5 countries by CINC 1970—2018

Source: prepared by the authors based on the data from: 1970—2012. — NMC 5.0. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-v5-1> (accessed: 02.02.2021); 2018 — [Degterev, Nikulin, Ramich 2021: 313—319].

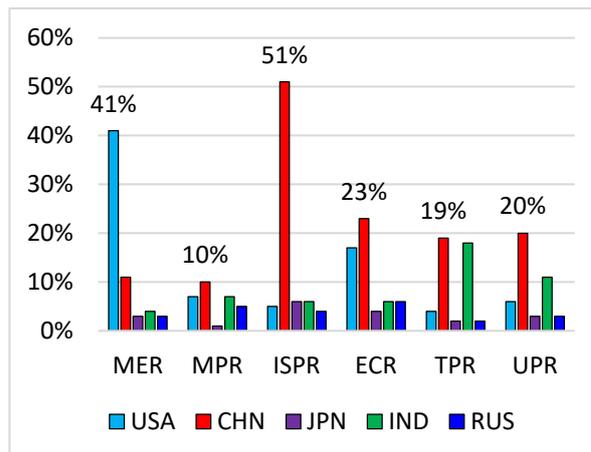

Рис. 7б. Компоненты CINC 2018

Источник: составлено авторами на основе:

1970—2012 гг. — NMC 5.0. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-v5-1> (accessed: 02.02.2021); 2018 г. — [Баланс сил в ключевых регионах мира 2021: 313—319].

Fig. 7b. CINC 2018 components

Source: prepared by the authors based on the data from: 1970—2012. — NMC 5.0. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-v5-1> (accessed: 02.02.2021); 2018 — [Degterev, Nikulin, Ramich 2021: 313—319].

2020: 94—97]. В Азии это происходило в рамках Сан-Францисской системы международных отношений²³, которую США сформировали в 1950-е гг. на основе серии двусторонних соглашений с региональными партнерами [Богатуров 1997]. В свою очередь, КНР пока находится на начальном этапе глобального военного развертывания. Вместе с тем у КНР несколько иная по сравнению с США стратегическая культура, в рамках которой достижение своих целей военных путем — это крайняя мера. Более эффективным Пекин считает использование экономического инструментария.

В 2014 г. Китай предложил новую концепцию азиатской безопасности, основанную на взаимовыгодном и равноправном сотрудничестве между всеми странами региона²⁴, и

²³ В международном дискурсе эта система более известна как “Hub and Spokes”.

²⁴ Xi Jinping New Asian Security Concept for New Progress in Security Cooperation // Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. May 21, 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1159951.shtml (accessed: 08.02.2021).

начал формирование альтернативной системы безопасности в Азии [Liff 2018]. Активизация политики КНР в этой сфере форсировала реформирование внешнеполитического курса США в АТР. В результате было создано неформальное объединение основных партнеров США в регионе для контрбалансирования КНР — The Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) с участием Австралии, Японии и Индии. Это стало проявлением перехода от двустороннего сотрудничества к «мини-сторонности» (*mini-lateral*), или ограниченной многосторонности со стороны США [Худайкулова, Рамич 2020: 25].

Представляет интерес оценка регионального баланса сил в АТР, которую регулярно проводит Институт Лоуи (Австралия) в рамках проекта «Азиатский индекс силы» (*Asia Power Index*). Для оценки силы страны в регионе авторы выделили 8 групп показателей, которые, в свою очередь, состоят из 128 отдельных показателей. Каждый из показателей имеет свой относительный вес: так, военные (17,5 %) и экономические (17,5 %) потенциалы оцениваются выше, чем культурное (10 %) или дипломатическое (10 %) влияние.

Согласно данному индексу, США являются наиболее сильным и влиятельным государством в регионе (81,6), при этом сокращается разрыв с КНР (76,1), которая располагается на втором месте. При этом лидерство США во многом обеспечено военным превосходством и нематериальными ресурсами, в то время как Китай лидирует по экономическим показателям и занимает первое место по прогнозируемым показателям (*future resources*) к 2030 г.²⁵

Достаточно высоко оценивают военный потенциал КНР в регионе и американские аналитики из RAND Corporation, которые в 2015 г. провели сценарное прогнозирование различных типов боестолкновений США и КНР по состоянию на 1996, 2003, 2010, 2017 г. на двух театрах военных действий (ТВД): в районе Тайваня и островов Спратли²⁶. Уже на тот момент наблюдалось доминирование КНР в тайваньском сценарии, и к настоящему времени это доминирование лишь усилилось в рамках реализации концепции A2/AD (*anti-access / area denial*).

Вызывает беспокойство милитаризация ИТР с участием союзников США по НАТО, развернувшаяся в 2019—2021 гг. Так, в опубликованном в марте 2021 г. обзоре «Глобальная Британия в эпоху конкуренции» премьер-министр Великобритании Б. Джонсон отмечает, что он «начал самую большую программу инвестиций в оборону после окончания холодной войны»²⁷. В обзоре неоднократно подчеркивается важность ИТР — в самом деле, рекордный рост военных расходов Лондона явно не связан с обеспечением безопасности на берегах Ла-Манша.

В 2019 г. принята Оборонная стратегия Франции в ИТР, а в 2020 г. — Внешнеполитическая стратегия Франции в ИТР, в

сентябре 2020 г. ФРГ опубликовала политические принципы в отношении ИТР. О принятии Индо-Тихоокеанской политики заявили и Нидерланды²⁸. В апреле 2021 г. была принята Стратегия ЕС для сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе, где особое внимание уделено вопросам безопасности в контексте растущей геополитической напряженности в условиях отсутствия в регионе институционализированных структур безопасности²⁹. ЕС также планирует увеличивать свое военноморское присутствие в ИТР и более активно работать в рамках Регионального форума АСЕАН. В эпоху новой «конфронтационной» биполярности ИТР становится наиболее важным потенциальным ТВД.

Заключение

Как отмечал более 60 лет назад создатель теории «властного транзита» А.Ф.К. Органски, «вопрос не в том, станет ли Китай самой могущественной державой на земле, а скорее в том, сколько времени потребуется ему, чтобы достичь этого статуса» [Organski 1958: 446]. КНР уже обогнала США по Сводному индексу национального потенциала (1995 г.), абсолютному объему ВВП по ППС (2014 г.), развитию промышленности и инфраструктуры, догоняет по показателю расходов на НИОКР, а также на оборону, подсчитанных по ППС. Фактическое влияние США все еще больше за счет нематериальных ресурсов, таких как дипломатическое влияние, сеть союзов и «мягкосиловые» показатели [Дегтерев 2020]. США также сохраняют лидерство по показателям военной мощи и ее глобального развертывания. Проведенный анализ показывает, что страны уже несколько лет назад вошли в фазу относительного паритета силы, а период «властного транзита» уже начался.

²⁵ Asia Power Index // Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org/> (accessed: 08.02.2021).

²⁶ An Interactive Look at the U.S. — China Military Scorecard // RAND. 2015. URL: <https://www.rand.org/paf/projects/us-china-scorecard.html> (accessed: 08.02.2021).

²⁷ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // UK Government. March 16, 2021. P. 3. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (accessed: 08.02.2021).

²⁸ Cleo P. Indo-Pacific strategies, perceptions and partnerships // Chatham house. March 23, 2021. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/03/indo-pacific-strategies-perceptions-and-partnerships/04-france-and-indo-pacific> (accessed: 30.03.2021).

²⁹ EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific // European External Action Service. April 19, 2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/96741/eu-strategy-cooperation-indo-pacific_en (accessed: 07.05.2021).

Как представляется, «властный транзит» и есть та самая «великая борьба», которой было обусловлено принятие весной 2018 г. поправки в Конституцию КНР об отмене ограничений срока пребывания на посту председателя КНР [Карнеев 2019: 43]. Со стороны США важным индикатором активной фазы «транзита власти» стало беспрецедентное ограничение свободы слова, формальным поводом для которого послужила внутривосточная борьба на последних президентских выборах³⁰. В академической сфере США еще большая часть исследований будет сосредоточена на поиске (в том числе эмпирическом) недостатков китайской модели развития и откровенной антикитайской пропаганде в духе «кремленологии» и «советологии» времен предыдущей холодной войны [Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав 2021: 223—230]. Соответственно, будет нарастать и китайская дискурсивная сила, формирующая встречные образы и смыслы [Денисов 2020].

³⁰ Жукова К. Несвобода слова: как американские соцсети стали участниками политической борьбы // Forbes. 14.01.2021. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/418431-nesvoboda-slova-kak-amerikanskiye-socseti-stali-uchastnikami-politicheskoy-borby> (дата обращения: 08.02.2021).

После упущенного администрацией Б. Обамы времени для нанесения превентивного удара в экономической и технологической сфере КНР в целом успешно отбила запоздалый трамповский «кавалерийский наскок», сделав ставку на развитие внутреннего рынка, модель «двойной циркуляции», а также ускоренное научно-техническое развитие [Ломанов 2021]. Осознавая в полной мере опасность для собственных интересов китайской модели глобализации, «тараном» которой выступает инициатива «Один пояс, один путь», США находятся на этапе активной проработки новых инициатив по стратегическому сдерживанию [Lew, Roughead 2021]. По-видимому, в их числе будут предложения по формированию новых антикитайских коалиций как за счет «смыкания рядов» традиционных союзников и трансляции их мощи в ИТР, так и укрепления сотрудничества с «колеблющимися» Индией (в том числе в рамках QUAD), Республикой Корея, странами АСЕАН, а также развития Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства (TPP-11).

Бескомпромиссный характер противостояния будет только нарастать, на повестке — новая «конфронтационная биполярность». Возможности для невоенного сдерживания Китая со стороны США сужаются...

Поступила в редакцию / Received: 01.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2021

Библиографический список

- Бадрутдинова К.Р., Дегтерев Д.А., Степанова А.А. Отношения в треугольнике США — РФ — КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 81—109. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-81
- Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ / под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН, 2021.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945—1995). М.: Конверт-МОНФ, 1997.
- Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Т. 3: События. 1945—2003. М.: НОФМО, 2003.
- Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35—46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46
- Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: Русайнс, 2020.

- Дегтерев Д.А.* Политическое влияние в международной финансовой системе // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 77—105. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-77
- Денисов И.Е.* Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 42—52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047
- Ефременко Д.В.* Двойная ловушка Фукидида. Президентство Дональда Трампа и новая биполярность // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 126—147. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dvojnaya-lovushka-fukidida/> (дата обращения: 13.01.2021).
- Истомин И.А.* Логика поведения государств в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Истомин И.А.* Особенности междержавной конкуренции в условиях взаимозависимости // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 1. С. 72—101.
- Карнеев А.Н.* Тенденции развития идейно-политической сферы: «второй сезон» Си Цзиньпина // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 42—50. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-42-50
- Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. А.Д. Воскресенского.* М.: Стратегические изыскания, 2021.
- Ломанов А.В.* Цзинь и Чу вместо Афин и Спарты // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 127—132.
- Ломанов А.В.* Циркуляция против изоляции. Китай ответил Западу стратегически // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czirkulyacziya-protiv-izolyaczii/> (дата обращения: 08.02.2021).
- Лукин А.В.* Дискуссии о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71—89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06
- Морозов Ю.В.* Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ — США — КНР». М.: ИДВ РАН, 2020.
- Наварро П.* Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. М.: Вершина, 2007.
- Никулин М.А.* У истоков американской гегемонии: планирование глобального военного развертывания США (1943—1945 гг.) // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 260—267. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7166
- Поздняков Э.А.* Баланс сил в мировой политике. Теория и практика. М.: ИМЭМО РАН, 1993.
- Семенов А.В., Цвык А.В.* Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72—81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81
- Сушенцов А.А., Павлов В.В.* «Кризис призвания» в Государственном департаменте: проблемы конвертации внешнеполитического потенциала США во влияние // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 76—98. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.06
- Тренин Д.В.* Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Худайкулова А.В.* Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 53—73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3
- Худайкулова А.В., Рамич М.С.* «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23—43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03
- Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Allison G.* *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Bergsten C.F.* China and the United States: The contest for global economic leadership // *China & World Economy*. 2018. Vol. 26. No. 5. P. 12—37. DOI: 10.1111/cwe.12254
- Bergsten C.F., Freeman C., Lardy N.R., Mitchell D.J.* *China's rise: Challenges and opportunities*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2008.
- Chen Z., Zhang X.* Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // *The Pacific Review*. 2020. Vol. 33. No. 3—4. P. 438—468. DOI: 10.1080/09512748.2020.1728574
- Chong T., Li X.* Understanding the China — US trade war: Causes, economic impact, and the worst-case scenario // *Economic and Political Studies*. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 185—202. DOI: 10.1080/20954816.2019.1595328

- Degterev D.A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 404—419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
- Estachy L. Power struggle between China and the United States: Lessons of history // MGIMO Review of International Relations. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 82—99. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-82-99
- Friedberg A.L., Boustany C.W. Partial disengagement: A new US strategy for economic competition with China // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. No. 1. P. 23—40. DOI: 10.1080/0163660X.2020.1736882
- Goldstein A. US — China rivalry in the twenty-first century: Déjà vu and Cold War II // China International Strategy Review. 2020. No. 2. P. 48—62. DOI: 10.1007/s42533-020-00036-w
- Han Z., Paul T.V. China's rise and balance of power politics // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 1—26. DOI: 10.1093/cjip/poz018
- Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton: Princeton University Press, 1976.
- Johnston A.I. China in a world of orders: Rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations // International Security. 2019. Vol. 44. No. 2. P. 9—60. DOI: 10.1162/isec_a_00360
- Kugler J., Organski A.F.K. The power transition: A retrospective and prospective evaluation // Handbook of war studies / ed. by M.I. Midlarsky. Boston: Unwin Hyman, 1989. P. 171—194.
- Layne C. Preventing the China — U.S. Cold War from turning hot // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 343—385. DOI: 10.1093/cjip/poaa012
- Lew J., Roughead G. China's Belt and Road. Implications for the United State // Council on Foreign Relations. Independent Task Force Report. 2021. No. 79. P. 1—176.
- Liff A.P. China and the US alliance system // The China Quarterly. 2018. Vol. 233. P. 137—65. DOI: 10.1017/S0305741017000601
- Mastro O.S. In the shadow of the Thucydides trap: International relations theory and the prospects for peace in U.S. — China relations // Journal of Chinese Political Science. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 25—45. DOI: 10.1007/s11366-018-9581-4
- Organski A.F.K. World politics. New York: A. Knopf, 1958.
- Organski A.F.K., Kugler J. The war ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Strange S. States and markets. New York: Bloomsberry, 1988.
- Suisheng Z., Guo D. A New Cold War? Causes and future of the emerging US — China rivalry // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 9—21. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-9-21
- Tammen R. Power transitions: Strategies for the 21st century. New York: Chatham House, 2000.
- Tellis A.J. Balancing without containment: A U.S. strategy for confronting China's rise // The Washington Quarterly. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 109—124. DOI: 10.1080/0163660X.2013.861717
- The Oxford Encyclopedia of empirical international relations theory / ed. by W. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/acref/9780190632588.001.0001
- Wang W.Z. Destined for misperception? Status dilemma and the early origin of US — China antagonism // Journal of Chinese Political Science. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 49—65. DOI: 10.1007/s11366-018-09596-6
- Wang Z., Sun Z. From globalization to regionalization: The United States, China, and the post-COVID-19 world economic order // Journal of Chinese Political Science. 2020. Vol. 26. P. 69—87. DOI: 10.1007/s11366-020-09706-3
- Wu C. Ideational differences, perception gaps, and the emerging Sino-US rivalry // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 27—68. DOI: 10.1093/cjip/poz020
- Wyne A. How to think about potentially decoupling from China // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. No. 1. P. 41—64. DOI: 10.1080/0163660X.2020.1735854
- Xu P. 2020 Shuzi Lengzhan Yuan Nian: Wangluo Kongjian Quanqiu Zhili De Liang Zhong Luxian Zhi Zheng [Глобальное управление Интернетом на пути к цифровой холодной войне или цифровому сообществу] // Information Security and Communications Privacy. 2021. Vol. 3. P. 16—23. (На кит. яз.).
- Xuetong Y. Bipolar rivalry in the early digital age // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 313—341. DOI: 10.1093/cjip/poaa007
- Xuetong Y., Qi H. Football game rather than boxing match: China — US intensifying rivalry does not amount to Cold War // The Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 105—127. DOI: 10.1093/cjip/pos007
- Yoder B.K. Uncertainty, shifting power and credible signals in US — China relations: Why the “Thucydides trap” is real, but limited // Journal of Chinese Political Science. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 87—104. DOI: 10.1007/s11366-019-09606-1
- Yu M., Zhang R. Understanding the recent Sino-U.S. trade conflict // China Economic Journal. 2019. Vol. 12. No. 2. P. 160—174. DOI: 10.1080/17538963.2019.1605678

References

- Allison, G. (2017). *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Badrutdinova, K.R., Degterev, D.A., & Stepanova, A.A. (2017). Interconnections among the United States, Russia and China: Does Kissinger's American leadership formula apply? *International Organisations Research Journal*, 12(1), 81—109. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-01-81>
- Bergsten, C.F. (2018). China and the United States: The contest for global economic leadership. *China & World Economy*, 26(5), 12—37. <https://doi.org/10.1111/cwe.12254>
- Bergsten, C.F., Freeman, C., Lardy, N.R., & Mitchell, D.J. (2008). *China's rise: Challenges and opportunities*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.
- Bogaturov, A.D. (1997). Great powers in the Pacific: History and theory of international relations in East Asia after the Second World War (1945—1995). Moscow: Konvert-MONF publ. (In Russian).
- Bogaturov, A.D. (2003). Systemic history of international relations. Vol. 3: Events. 1945—2003. Moscow: NOFMO publ. (In Russian).
- Chen, Z., & Zhang, X. (2020). Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era. *The Pacific Review*, 33(3—4), 438—468. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>
- Chong, T., & Li, X. (2019). Understanding the China — US trade war: Causes, economic impact, and the worst-case scenario. *Economic and Political Studies*, 7(2), 185—202. <https://doi.org/10.1080/20954816.2019.1595328>
- Degterev, D.A. (2016). The political influence in the international financial system. *International Organisations Research Journal*, 11(4), 77—105. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-04-77>
- Degterev, D.A. (2019). Multipolar world order: Old myths and new realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(3), 404—419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
- Degterev, D.A. (2020). *Assessment of the current international arrangement of forces and the formation of a multipolar world*. Moscow: Rusains publ. (In Russian).
- Degterev, D.A., Nikulin, M.A., & Ramich, M.S. (Eds.). (2021). *Balance of power in key regions of the world: Conceptualization and applied analysis*. Moscow: RUDN publ. (In Russian).
- Denisov, I.E. (2020). The concept of 'discursive power' and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping. *Comparative Politics Russia*, 11(04), 42—52. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>
- Efremenko, D.V. (2020). Double Thucydides' Trap. Donald Trump's Presidency and the New Bipolarity. *Russia in Global Affairs*, (4), 126—147. (In Russian). Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/dvojnaya-lovushka-fukidida/>
- Estachy, L. (2020). Power struggle between China and the United States: Lessons of history. *MGIMO Review of International Relations*, 13(1), 82—99. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-82-99>
- Friedberg, A.L., & Boustany, C.W. (2020). Partial disengagement: A new US strategy for economic competition with China. *The Washington Quarterly*, 43(1), 23—40. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1736882>
- Goldstein, A. (2020). US — China rivalry in the twenty-first century: Déjà vu and Cold War II. *China International Strategy Review*, 2, 48—62. <https://doi.org/10.1007/s42533-020-00036-w>
- Grachikov, E.N. (2021). *The Chinese school of international relations: Toward big theories*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Han, Z., & Paul, T.V. (2020). China's rise and balance of power politics. *The Chinese Journal of International Politics*, 13(3), 1—26. <https://doi.org/10.1093/cjip/poz018>
- Istomin, I.A. (2018). Rivalry between the leading powers in the context of global interdependence. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 10(1), 72—101. (In Russian).
- Istomin, I.A. (2021). *The logic of state behavior in world politics*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Jervis, R. (1976). *Perception and misperception in international politics*. Princeton: Princeton University Press.
- Johnston, A.I. (2019). China in a world of orders: Rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations. *International Security*, 44(2), 9—60. https://doi.org/10.1162/isec_a_00360
- Karneev, A.N. (2019). Ideological and political sphere development trends: Xi Jinping's "second season". *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 63(10), 42—50. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-10-42-50>
- Khudaykulova, A.V. (2020). Geopolitical triangles in the context of international security. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 13(4), 53—73. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-3>

- Khudaykulova, A.V., & Ramich, M.S. (2020). “Quad 2.0”: Quadrilateral dialogue for counterbalancing China in the Indo-Pacific. *Polis. Political Studies*, (3), 23—43. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03>
- Kugler, J., & Organski, A.F.K. (1989). The power transition: A retrospective and prospective evaluation. In M.I. Midlarsky (Eds.), *Handbook of war studies* (pp. 171—194). Boston: Unwin Hyman.
- Layne, C. (2020). Preventing the China — U.S. Cold War from turning hot. *The Chinese Journal of International Politics*, 13(3), 343—385. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaa012>
- Lew, J., & Roughead, G. (2021). China’s Belt and Road. Implications for the United State. *Council on Foreign Relations. Independent Task Force Report*, 79, 1—176.
- Liff, A.P. (2018). China and the US alliance system. *The China Quarterly*, 233, 137—165. <https://doi.org/10.1017/S0305741017000601>
- Lomanov, A.V. (2020). Jin and Chu instead of Athens and Sparta. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(8), 127—132. (In Russian).
- Lomanov, A.V. (2021). Circulation versus isolation. China responded to the West strategically. *Russia in Global Affairs*, 19(3). (In Russian). Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/czirkulyacziya-protiv-izolyaczii/>
- Lukin, A.V. (2019). Discussion on the development of China and prospects for its foreign policy. *Polis. Political Studies*, (1), 71—89. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.06>
- Mastro, O.S. (2019). In the shadow of the Thucydides trap: International relations theory and the prospects for peace in U.S. — China relations. *Journal of Chinese Political Science*, 24(1), 25—45. <https://doi.org/10.1007/s11366-018-9581-4>
- Morozov, Yu.V. (2020). *Ways to neutralize threats to Russia in the framework of the strategic triangle “Russia — U.S. — China”*. Moscow: IDV RAN publ. (In Russian).
- Navarro, P. (2007). *China’s coming wars. The battlefield and the price of victory*. Moscow: Vershina publ. (In Russian).
- Nikulin, M.A. (2020). At the origins of American hegemony: Planning for a global US military deployment (1943—1945). *Vlast’*, 28(2), 260—267. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7166>
- Organski, A.F.K. *World politics*. New York: A. Knopf.
- Organski, A.F.K., & Kugler, J. *The war ledger*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pozdnyakov, E.A. (1993). *Balance of power in world politics. Theory and practice*. Moscow: IMEMO RAN publ. (In Russian).
- Semenov, A.V., & Tsvyk, A.V. (2019). The “Community of a shared future for humankind” concept in China’s foreign policy strategy. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 63(8), 72—81. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81>
- Shakleina, T.A. (2018). *Russia and the United States in world politics*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Strange, S. (1988). *States and markets*. New York: Bloomsberry.
- Suisheng, Z., & Guo, D. (2019). A new Cold War? Causes and future of the emerging US — China rivalry. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 9—21. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-9-21>
- Sushentsov, A.A., & Pavlov, V.V. (2021). “Vocation crisis” in the State Department: Problems of converting US foreign policy potential into influence. *Polis. Political Studies*, (2), 76—98. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.06>
- Tammen, R. (2000). *Power transitions: Strategies for the 21st century*. New York: Chatham House.
- Tellis, A.J. (2013) Balancing without containment: A U.S. strategy for confronting China’s rise. *The Washington Quarterly*, 36(4), 109—124. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2013.861717>
- Thompson, W. (Eds.). (2018). *The Oxford encyclopedia of empirical international relations theory*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acref/9780190632588.001.0001>
- Trenin, D.V. (2021). *The new balance of power: Looking for Russia’s foreign policy balance*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Vinogradov, A.O., Salitsky, A.I., & Semenova, N.K. (2019). US—China economic confrontation: Ideology, chronology, meaning. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 35—46. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46>
- Voskresensky, A.D. (Eds.). (2021). *The logic of the new world-building architectonics and the strategy of powers*. Moscow: Strategicheskie izyskaniya publ. (In Russian).
- Wang Z., & Sun, Z. (2020). From globalization to regionalization: The United States, China, and the post-COVID-19 world economic order. *Journal of Chinese Political Science*, 26, 69—87. <https://doi.org/10.1007/s11366-020-09706-3>
- Wang, W.Z. (2019). Destined for misperception? Status dilemma and the early origin of US — China antagonism. *Journal of Chinese Political Science*, 24(1), 49—65. <https://doi.org/10.1007/s11366-018-09596-6>

- Wu, C. (2020). Ideational differences, perception gaps, and the emerging Sino-US rivalry. *The Chinese Journal of International Politics*, 13(1), 27—68. <https://doi.org/10.1093/cjip/poz020>
- Wyne, A. (2020). How to think about potentially decoupling from China. *The Washington Quarterly*, 43(1), 41—64. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1735854>
- Xu, P. (2021). 2020 Shuzi Lengzhan Yuan Nian: Wangluo Kongjian Quanjie Zhili De Liang Zhong Luxian Zhi Zheng [Global Internet governance towards digital Cold War or digital commons]. *Information Security and Communications Privacy*, 3, 16—23. (In Chinese).
- Xuetong, Y. (2020). Bipolar rivalry in the early digital age. *The Chinese Journal of International Politics*, 13(3), 313—341. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaa007>
- Xuetong, Y., & Qi, H. (2012). Football game rather than boxing match: China — US intensifying rivalry does not amount to Cold War. *The Chinese Journal of International Politics*, 5(2), 105—127. <https://doi.org/10.1093/cjip/pos007>
- Yoder, B.K. (2019). Uncertainty, shifting power and credible signals in US — China relations: Why the “Thucydides trap” is real, but limited. *Journal of Chinese Political Science*, 24(1), 87—104. <https://doi.org/10.1007/s11366-019-09606-1>
- Yu, M., & Zhang, R. (2019). Understanding the recent Sino-U.S. trade conflict. *China Economic Journal*, 12(2), 160—174. <https://doi.org/10.1080/17538963.2019.1605678>

Сведения об авторах: *Дегтерев Денис Андреевич* — доктор политических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России; профессор кафедры европейских исследований СПбГУ; ORCID: 0000-0001-7426-1383; e-mail: degterev-da@rudn.ru
Рамич Мирзет Сафетович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-1479-2785; e-mail: ramich_ms@mail.ru
Цвык Анатолий Владимирович — кандидат исторических наук, Министерство иностранных дел Российской Федерации; ORCID: 0000-0002-0563-5609; e-mail: a.tsvyk91@mail.ru

About the authors: *Degterev Denis Andreevich* — Dr. of Sc. (Political Science), PhD in Economics, Head, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; Professor, World Economy Department, MGIMO University; Professor, Department of European Studies; St. Petersburg State University; ORCID: 0000-0001-7426-1383; e-mail: degterev-da@rudn.ru
Ramich Mirzet Safetovich — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-1479-2785; e-mail: ramich_ms@mail.ru
Tsvyk Anatoly Vladimirovich — PhD in History, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; ORCID: 0000-0002-0563-5609; e-mail: a.tsvyk91@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-232-242

Research article / Научная статья

Why Thucydides' Trap Misinforms Sino-American Relations

Steve Chan

University of Colorado (Boulder), Colorado, USA
✉ steve.chan@colorado.edu

Abstract. “Thucydides’ Trap” has become a familiar term in scholarly and even popular discourse on Sino-American relations. It points to the ancient rivalry between Athens and Sparta as an analogy for contemporary relations between China and the United States. This analogy warns about the increased danger of war when a rising power catches up to an established power. This essay raises concerns about (mis)application of historical analogy, selection bias, measurement problems, underspecified causal mechanisms, and so on that undermine the validity of the diagnosis and prognosis inspired by this analogy and other similar works. My objection to this genre of scholarship does not exclude the possibility that China and the U.S. can have a serious conflict. I only argue that this conflict can stem from sources other than any power shift between them or in addition to such a shift. By overlooking other plausible factors that can contribute to war occurrence, a monocausal explanation such as Thucydides’ Trap obscures rather than clarifies this phenomenon. Because it lends itself to a sensationalist, even alarmist, characterization of a rising China and a declining U.S. (when the latter in fact continues to enjoy important enduring advantages over the former), this perspective can abet views and feelings that engender self-fulfilling prophecy. Finally, as with other structural theories of interstate relations, Thucydides’ Trap and other similar formulations like power-transition theory tend to give short shrift to human agency, including people’s ability to learn from the past and therefore to escape from the mistakes of their predecessors.

Key words: Thucydides’ Trap, power transition, Sino-American relations, historical analogies, structure and agency, self-fulfilling prophecy

For citation: Chan, S. (2021). Why Thucydides’ Trap Misinforms Sino-American Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 232—242. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-232-242>

Почему «ловушка Фукидида» вводит в заблуждение относительно американо-китайских отношений

С. Чан

Университет штата Колорадо, Боулдер, Колорадо, США
✉ steve.chan@colorado.edu

Аннотация. «Ловушка Фукидида» стала привычным термином в академическом и даже научно-популярном дискурсе о китайско-американских отношениях. Он отсылает нас к античному соперничеству между Афинами и Спартой как аналогии для современных отношений между Китаем и США. Эта аналогия предупреждает о возрастающей опасности войны, когда восходящая держава достигает уровня развития, схожего с уровнем существующего гегемона. Автор выражает озабоченность по поводу «неправильного» применения данной исторической аналогии – предвзятости, связанной со структурой выборки, проблемами

© Chan S., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ее оценки, не до конца определенными причинно-следственными механизмами и т. д., которое подрывает обоснованность прогноза, основанного на этой аналогии и других подобных работах. При этом не исключается возможность серьезного конфликта между Китаем и США, который, однако, может проистекать из иных причин, а не из прямого или косвенного изменения их силовых показателей. Не обращая внимания на другие вероятные факторы, которые могут способствовать возникновению открытого конфликта, причинно-следственное объяснение, такое как «ловушка Фукидида», скорее вводит в заблуждение, не проясняя сложившуюся ситуацию в американо-китайских отношениях. Поскольку в ее рамках дается сенсационная, а порой и паникерская характеристика возвышения Китая и упадка США (когда на самом деле США до сих пор обладают рядом важных устойчивых преимуществ по сравнению с КНР), подобный подход может способствовать развитию взглядов, порождающих самоисполняющееся пророчество. Наконец, как и в случае с другими структурными теориями межгосударственных отношений, «ловушка Фукидида» и другие аналогичные теории, такие как теория транзита власти, как правило, недооценивают человеческую свободу действий, в том числе способность людей извлекать уроки из прошлого и, следовательно, избегать ошибок своих предшественников.

Ключевые слова: «ловушка Фукидида», транзит власти, китайско-американские отношения, исторические аналогии, структура и агентность, самоисполняющееся пророчество

Для цитирования: Chan S. Why Thucydides' Trap Misinforms Sino-American Relations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 232—242. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-232-242

Introduction

“Thucydides’ Trap” has become a popular term in narratives about relations between China and the U.S. This term owes its popularity to Allison’s [2017] influential work, and refers to Thucydides’ explanation of the origin of the Peloponnesian War. This ancient Greek historian is remembered by his pithy maxim, usually translated to say that the rise of Athens and the fear that this development had inspired in Sparta was the basic, even inevitable, cause of this devastating war some 2,500 years ago¹. Allison has highlighted this maxim and generalized it to say that when a rising state catches up to an established state, the danger of war between them becomes elevated. He reports that of the sixteen historical episodes he studied when a “rising state” reaches power parity or overtakes a “ruling state”, twelve ended in war. The clear implication is that as China becomes more powerful, the danger of war between it and the U.S. rises. His writing was predated by others who have also warned about the danger of war breaking out when there is a power transition

¹ There are different translations of Thucydides’ words. The version offered by Kagan [1969: 2—3] states: “...the truest cause, but the least spoken of [the Peloponnesian War], was the growth of Athenian power, which presented an object of fear to the Spartans and forced them to go to war”.

(e.g., [Gilpin 1981; Organski 1958; Organski, Kugler 1980]). Power-transition theory has spawned a large body of empirical, usually quantitative, research [Tammen, Kugler, Lemke 2017].

I have written extensively elsewhere [Chan 2004, 2005, 2007, 2014, 2017, 2019, 2020a, 2020b; Chan, Hu, He 2019; Chan, Feng, He, Hu 2021] about the flaws in Allison and power-transition scholars’ analyses². In the following discussion, I highlight and explain my reservations about and objections to their explanation of interstate wars in general and contemporary Sino-American relations specifically. Much of this discussion raises new issues and concerns in addition to those that I have already presented previously. Those interested in this topic can consult other helpful reviews and critiques of this literature (e.g., [DiCicco, Levy 1999; Kirshner 2019; Lebow, Valentino 2009; Vasquez 1996; Welch 2015]).

² See: Response by Steve Chan. H-Diplo/ISSF Roundtable12-2 // H-Net: Humanities & Social Sciences Online. November 9, 2020. URL: <https://networks.h-net.org/node/28443/discussions/6721850/h-diploissf-roundtable-12-2-thucydides%E2%80%99s-trap-historical> (accessed: 10.01.2021); Chan S. The World in Which China Will Have to Operate in the Foreseeable Future: The Persistence of U.S. Structural Power. Paper presented at Workshop on China’s Influence, University of Hong Kong, 2020.

Presentist Fallacy

By invoking Thucydides, Allison gives his own argument “an appearance of being timeless”³. In this practice, “we tend to read IR [international relations] concepts back into classical texts and periods not because they are brilliantly trans-historical, but because presenting them as such is a legitimation strategy for our presentist arguments”. We introduce our own contemporary understanding and impose it on our interpretation of classical texts and figures. This does not mean that studying trans-historical dynamics is unimportant, “but rather such dynamics are difficult to locate and even harder to theorise without bringing in biases and connotations of the present”. Thus, Zarakol warns us about the tendency for confirmation bias, bringing in the past to validate our contemporary views⁴.

Although Thucydides speaks of systemic pressures stemming from shifting power balance that inclined Athens and Sparta to go to war, his rich and nuanced narrative also points to the important role played by domestic partisanship, differences in regime character, interactions among allies and, not the least, human emotions and calculations in influencing decision making [Kirshner 2019; Welch 2015]. In Waltz’s [1954] well-known terminology, Thucydides not only emphasized the “third image” of international relations (that is, systemic factors at the interstate level of analysis) but also “second” and “first images” focusing respectively on the nature of politics and individuals. Allison simply latches on Thucydides’ comment on the changing power relationship between Athens and Sparta and names his own argument after Thucydides.

Misleading Analogy

Was Sparta alarmed by the rise of Athenian *power* or rather Athens’ *policy* of imperial expansion that had increased its power? Arguing

³ Review by Ayşe Zarakol. H-Diplo/ISSF Roundtable12-2 // H-Net: Humanities & Social Sciences Online. November 9, 2020. URL: <https://networks.h-net.org/node/28443/discussions/6721850/h-diploissf-roundtable-12-2-thucydides%E2%80%99s-trap-historical> (accessed: 10.01.2021).

⁴ Ibid.

in favor of the latter interpretation, Lee [2019] questions whether Thucydides himself would have agreed with Thucydides’ Trap. This is not a trivial distinction because it is one thing to speak of Athens’ rising power due to its foreign expansion, and another to attribute this rising power to its domestic growth. It is obviously pertinent to today’s Sino-American relations. Has China’s rising power been due to its imperial pursuits or domestically based growth? Allison does not address this question about the sources of changing national power. Most contemporary power-transition theorists (e.g., [Organski, Kugler 1980; Tammen, Kugler, Lemke, Stam, Abdollahian et al. 2000]) insist that national power is determined primarily by economic growth reflecting domestic conditions and policies. Gilpin [1981] points especially to differential rates of economic growth to be the basic driver altering interstate distribution of power.

These remarks naturally lead to the question whether China has been pursuing an agenda of imperial expansion to provide the basis for its growing power — as in the case of Athens which had forced other Greek polities to pay tributes and thus to contribute to its war chest. Comparing China with the U.S., which one fits better the profile of building an empire with formal and informal allies, military bases, and multinational corporations all over the world? Which one has arguably based its power on its domestic economic growth (albeit with an emphasis on exports), and which one has pursued an aggressive foreign policy featuring war, conquest, and regime change abroad (Afghanistan, Iraq, Libya, Syria, Venezuela)?

Historical analogies can illuminate but they can also distort and misinform [Khong 1992]. How relevant is an analogy taken from the premodern Greek world to contemporary international relations? Many things have happened in the intervening years, such as the advent of modern state, nationalism, and nuclear weapons. Would any of these developments affect the validity of the proposition attributed to Thucydides? For instance, we may want to ask what interest would be important enough for the U.S. and China to run the risk of nuclear

destruction. What would they be fighting over? Allison is silent on this question, although power-transition theorists aver that leading states fight over which one of them should decide “*the international order*”. They do not, however, explain what they mean by this concept [Chan, Feng, He, Hu 2021]. Thucydides tells us that the Greeks were motivated to go to war because of fear, honor, and interest (“advantage”). What would be the motivations for contemporary China and the U.S. to get into a fight? What stakes would be sufficiently important for them to risk mutual destruction?

We must consider the extent to which ancient Athens (the ostensible rising state) and Sparta (the ostensible established state) provide cogent parallels to today’s China and the U.S. Athens was a “democratic” polity by the standards of its time, and it drew its power from its overseas commerce and naval prowess. In contrast, Sparta was an oligarchy and featured an agrarian economy. Its infantry of hoplites was the source of its military power. These characteristics obviously do not correspond to the contemporary profiles of China and the U.S. respectively. Unlike Athens, China (the rising state) is a land power, and it has an authoritarian government. In contrast to Sparta, the U.S. is a maritime power with global reach, and it is a democracy. Extensive research shows that a country’s regime type, its commercial orientation, the source of its military strength, and its regional or global position have important influences on its war-proneness (e.g., [Russett, Oneal 2001; Levy, Thompson 2010]). None of these factors was taken into systematic account in Allison’s presentation of Thucydides’ Trap.

Monocausal Explanation

The last comment in turn points to another weakness in Allison’s formulation of Thucydides’ Trap. It presents a monocausal explanation, claiming that a power shift between two countries raises the danger of war between them. Research on international relations has advanced considerably beyond such bivariate proposition. To confirm that A really has a causal impact on B as hypothesized, we would need to control for the effects of C, D, and E

(such as those variables mentioned at the end of last section). In other words, we need to rule out spurious interpretations. At the very least, we would want to know whether A’s influence on B’s occurrence is greater than that of C, D, and E. Allison makes no attempt to show that power transition is really the primary reason inclining states to go to war. Although power-transition theory suggests whether a rising power has a “revisionist” agenda is another determinant for war occurrence, its proponents rarely incorporate this variable in their research⁵.

We learn from Thucydides that multiple and not necessarily mutually exclusive paths led to the outbreak of the Peloponnesian War [Chan 2019; Welch 2015]. These paths include “push factors” such as domestic hawks advocating a hardline policy, and “pull factors” such as alliance commitments that entrap a polity in dubious foreign intervention. Moreover, there are human frailties such as hubris and arrogance. Thucydides’ masterful narrative provides ample evidence showing that a combination of forces conspired to produce this conflict, whose occurrence cannot be reduced to a single factor such as power transition.

Context and Contingency

Following the last remark, we would do well to consider what other structural factors may abet and compound the influence of power transition on the probability of war breaking out and, conversely, which factors may dampen this influence. In other words, in which context is the occurrence of a power transition especially dangerous for international peace and stability? For instance, one may argue that when power transition occurs in the context of an ongoing armament race, longstanding rivalry, and bipolarized alliances between states that are proximate neighbors, it is especially likely to contribute to a combustible brew leading to war

⁵ Response by Steve Chan. H-Diplo/ISSF Roundtable12-2 // H-Net: Humanities & Social Sciences Online. November 9, 2020. URL: <https://networks.h-net.org/node/28443/discussions/6721850/h-diploissf-roundtable-12-2-thucydides%E2%80%99s-trap-historical> (accessed: 10.01.2021). See also: [Chan 2020b; Chan, Hu, He 2019; Chan, Feng, He, Hu 2021].

(e.g., [Thompson 2003]). In this circumstance, we have potentially a multiplier interaction among the variables just mentioned so that each of them abets and compounds the effects of the others and together they produce a conflict spiral that threatens to escape officials' control. In such a situation, an incident such as the assassination of Archduke Ferdinand in Sarajevo could be just a spark for a large conflagration waiting to happen. Conversely, when power transition happens in the absence of one or more of the other variables just mentioned, it is much less likely to lead to war.

Thus, there have been many power transitions without a war happening in their wake (such as those I mention later). The Peloponnesian War originated from a dispute between secondary polities (Corinth and Corcyra) that were Athens or Sparta's allies. Serbia (Russia's protégé in 1914) and Taiwan (an American client today) provide parallels suggesting that great powers can be dragged into a war because of their alliance entanglements rather than just real or imagined power transition.

Although Allison suggests that power transition increases the danger of war, he does not believe war to be inevitable. Thus, he does not have a deterministic view that power transition causes war. As Kirshner [2019: 3] emphasizes, Thucydides assigns a "central role [to] uncertainty and contingency in explaining outcomes. [He] goes to great lengths to show that things need not to have occurred as they did". There were heated debates in the Athenian and Spartan assemblies between "peace" and "war" parties and even vacillations and reversals of decisions among those who favored a moderate or hardline policy in the deliberations leading to war. At various critical junctures, the decisions to go to war and the outcomes of fighting were a "close call", meaning that things could have easily turned out differently.

Missing Link

Why should a power transition between two countries incline them to go to war? We do not know whether there was in fact a power shift between Athens and Sparta. We can only infer from the statements made by their leaders and

associates. Saying so means that ultimately it is people acting on their perceptions that decide war and peace. As they are currently formulated, neither Allison's Thucydides' Trap nor power-transition theory provide us with a causal mechanism that transmits the effects of a development at the level of interstate relations (namely, a power shift between two states) to the individual or group level of policy making. Why and how should we expect the former to influence the latter? Although Thucydides mentioned Spartans' fear of Athens' rise, Allison does not explain how China's recent power gains should affect its officials' perceptions and thinking and those of their U.S. counterparts.

Domestic partisan rivalry, leaders' political ambitions, and their personal characters played a role in the contested processes of decision making in Athens and Sparta's assemblies. Hubris, greed, and fear were among those emotions that "pushed" them to war. In addition, the Athenians and Spartans felt their honor and interests were engaged in the defense of their respective allies. Their alliance commitments therefore also "pulled" them into conflict. Politicians can deploy the rhetoric of power transition to frame political discourse and promote their own personal agenda. Although they can rarely agree on anything else, getting tough on China has become a consensus for Democrats and Republicans in the U.S. This posture has also been a key part of Donald Trump's re-election campaign. Allison's analysis overlooks the dynamics of two-level games connecting international and domestic politics [Putnam 1988], whereas Thucydides' account went into great lengths about such interactions.

Social and Political Construction

Few people will disagree with the proposition that China has significantly improved its international position. We would, however, be remiss to overlook the social and political construction behind much of power-transition discourse. By social and political construction, I mean the promotion, propagation, and entrenchment of certain ideas as in Gramsci's [1971] discussion of hegemony of ideas, and the influence of U.S. soft power on international

relations discourse [Nye 2004]. My larger point is, to paraphrase Wendt [1992], power transitions are what states make of it.

Power-transition theory disregards the one and only instance of the baton of international leadership being passed from Britain to the U.S. It instead chooses to focus on the two world wars as Germany's efforts to challenge Britain's primacy. Had this theory considered the Anglo-American transition, its prediction would have been falsified because war did not happen in its wake. Moreover, Germany never overtook or even came close to the U.S. in its economic or military power. Only by declaring that the U.S. was not a contender in the central system of international relations as late as 1938, power-transition theory was able to exclude this country in its explanation of the two world wars, thus (mis)representing both conflicts as a contest between Germany and Britain.

Thus ironically, power-transition theory dismisses the only historical case of power transition at the pinnacle of interstate system since 1815, the one between the U.S. and Britain that turned out to be peaceful. But it sounds the alarm about a possible war when it comes to a possible but still highly uncertain power transition in the future, namely the one between China and the U.S. It argues that the U.S. should not be considered a factor in the explanation of the two world wars on the grounds that it was still not a major player in interstate relations in 1938 even though its role was decisive in Germany's defeat in 1918. In contrast, it points to the threat posed by China to the U.S. as the world's only superpower, even though China today is still just a regional power with very limited military reach beyond its borders. Beijing is hardly capable of challenging U.S. primacy in the Western Hemisphere, Western Europe, and the Middle East.

Power-transition theory also claims that wars are initiated by a "revisionist" rising power. As I have explained elsewhere [Chan 2004, 2007, 2020b; Chan, Feng, He, Hu 2021], some states designated as "revisionist" such as Wilhelmine Germany and Imperial Japan did not behave differently from the precedents set by other expanding powers such as Britain, France,

and the U.S. They were simply following the footsteps of these predecessors. Thus, the "revisionist" classification tends to be a post hoc label deployed to indicate that a country had fought against "us". There is scant attention paid to the possibility that a dominant power can wage a preventive war against a weaker but rapidly rising power, such as when Germany launched its attack against Russia / the USSR in 1914 and again in 1941 [Copeland 2000]. Power-transition theory was able to (mis)represent the two world wars as a German challenge to Britain (that is, a latecomer initiating a war against an established power) only by eliding over the Russo-German dyad (a stronger Germany seeking to eliminate a potential future competitor in rising Russia / the USSR by launching a preventive war against it).

Significantly, by their very design Thucydides' Trap and power-transition theory do not and cannot answer the question whether when an already dominant power becomes even more powerful, it is more inclined to wage war such as shown by increased U.S. aggression (e.g., Iraq, Afghanistan, Libya, Syria) after attaining its unipolar status after the USSR's dissolution. There is a long and venerable theoretical tradition arguing that a balance of power is conducive to peace and stability. Thucydides' Trap and power-transition theory of course argue the very opposite, contending or at least implying that hegemony by a dominant power promotes peace and stability whereas a (greater) balance of power (such as when a power transition occurs) threatens war. Their normative implication should be evident.

Questionable Metric and Accounting Unit

Allison was not explicit in how he measures power transition. How do we know whether A has caught up to B or even overtaken B? This question is fundamental to anyone who is interested in studying interstate power shifts.

Both Allison and other power-transition scholars tend to favor stocks of tangible resources, such as a country's economic size and its export volume. Measures of physical bulk exaggerate China's power whether that is a country's population, territory, iron / steel

production, energy consumption, or military personnel [Chan 2005, 2014]. Although these measures may be relevant to indicating national power before World War II, they are quite misleading for today's world where this power is no longer accurately reflected in the size of a country's "smokestack" industry or its infantry. The Composite Index of National Capability based on such measures [Singer, Bremer, Stuckey 1972] reported that the USSR had overtaken the U.S. just before the former country disintegrated. National power today is more accurately reflected in a country's capacity to undertake technological innovation at the cutting edge of science and to pioneer leading industries such as information technology. Although the size of an economy or population is not irrelevant to national power, productivity as indicated by per capita income can be more illuminating. Seen in this light, average U.S. income in 2019 was 6.38 times greater than average Chinese income in nominal terms and 3.32 times greater if adjusted for purchasing power parity⁶. Moreover, as Starrs [2013] points out, what matters is not so much in which country the physical assembly of a product takes place; the more important consideration is which country's companies own and control the most valuable parts of the cross-border production chain (such as a product's branding, design, and marketing).

In today's globalized economy, the U.S. enjoys a tremendous advantage in its network centrality⁷. The primacy of the U.S. dollar, the dominance of U.S. multinational corporations,

and the technological control exercised by U.S. internet companies give this country an incomparable advantage. Moreover, the U.S. military commands the global commons in sea, air, and space [Posen 2003], its nuclear capability threatens China and Russia's ability to retaliate [Lieber, Press 2006], and it deploys its military assets in forward positions right up to Chinese and Russian borders in a vast alliance network. Its military technology is also decades ahead of China [Brooks, Wohlforth 2016; Gilli, Gilli 2019].

International relations cannot be captured in bilateral terms such as by matching China and the U.S. After all, large conflicts such as the two world wars are fought by alliances. It was the superior strength of opposing coalition that defeated Napoleon, Kaiser Wilhelm, and Hitler. There is no doubt which side Australia, Britain, and Canada will support in a possible Sino-American confrontation. It is difficult to imagine which countries China can count on to fight on its side.

As already noted, Allison [2017] takes changes in countries' power positions as exogenously given⁸. He does not explore the reasons behind these changes. In contrast, power-transition theorists emphasize that these changes are driven primarily by domestic factors [Gilpin 1981; Organski, Kugler 1980]. Although they stress the importance of a state's ability to effectively extract, mobilize, and deploy its resources, that is, its policy capacity [Arbetman, Kugler 1997; Kugler, Tammen 2012], they have not actually incorporated this consideration in their analysis of power transitions⁹. By just

⁶ Comparing United States and China by Economy // Statistics Times. August 02, 2019. URL: <http://statisticstimes.com/economy/united-states-vs-china-economy.php> (accessed: 10.01.2021). In 2019, the U.S. spent more on its military than the next eleven countries combined. Its defense spending was 2.8 times higher than China's. For more information see: Tian N., Fleurant A., Kuimova A., Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in World Military Expenditure, 2019 // SIPRI Fact Sheet. April 2020. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0_0.pdf (accessed: 10.01.2021).

⁷ Chan S. The World in Which China Will Have to Operate in the Foreseeable Future: The Persistence of U.S. Structural Power. Paper presented at Workshop on China's Influence, University of Hong Kong, 2020.

⁸ Allison G. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // The Atlantic. September 24, 2015. URL: www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/ (accessed: 10.01.2021). See also: [Beckley 2012; Farrell, Newman 2019; Starrs 2013].

⁹ Fukuyama makes this point regarding the poorer U.S. performance to contain the COVID-19 pandemic relative to other states, emphasizing state capacity, social trust, and leadership as key determinants of this performance. For more information see: Fukuyama F. The Pandemic and the Political Order: It Takes a State // Foreign Affairs. July/August 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (accessed: 10.01.2021).

counting stocks of tangible (material) resources without paying attention to policy capacity, one would have missed badly the outcomes of the Vietnam, Korean, and other wars.

Dubious Designation and Selection

Allison did not explain his criteria for designating “rising states” and “ruling states”. He considers Britain and France to be still “ruling states” as late as the 1990s. His cases are a mixture encompassing states that were not necessarily the most powerful in the world. Power-transition theory is more explicit, stating that it is concerned about systemic wars fought by the world’s two most powerful countries over who should decide “international order”. In practice, however, power-transition theorists have included wars fought by those that were clearly not the two leading states at the time or about the nature of international order. Organski and Kugler’s [1980] study included the Franco-Prussian and Russo-Japanese Wars in addition to the two world wars. Allison omitted wars waged by Western powers against China’s declining Qing Dynasty (including the infamous Opium Wars). The Spanish-American War fought between an obviously rising power and a declining one was also missing. Thus, the criteria for selecting (or omitting) cases, both those states involved in ostensible power transitions and the wars they fought, are arbitrary.

Organski and Kugler’s [1980] analysis is also problematic because it selects on the dependent variable. It picks the four wars just mentioned and asks whether there was any power transition for selected pairs of countries around their occurrence. It does not consider how often power transitions have happened historically without war. Thus, it does not ask “why the dog did not bark” — the non-occurrence of the expected. Allison’s case inventory includes four peaceful power transitions. Still, he under-reports this phenomenon such as when at least economically, Germany overtook Russia, Japan overtook Britain, France, and Germany, and China overtook all these countries in recent decades. By omitting these cases, he inflates the association between power transition and war. Surely, wars

have also happened without a power transition such as when China and the U.S. fought in Korea.

Policy Implications

Pericles warned his fellow Athenians “not to extend your empire at the same time as you are fighting the war and not to add self-imposed dangers, for I am more afraid of our own mistakes than the strategy of our opponents” [Kagan 1969: 192]. These words were prescient in pointing to imperial overstretch and domestic dysfunctions in weakening a country’s international position (e.g., [Kennedy 1987; Schweller 2006]).

Kirshner [2019: 7–8] reminds us that the greatest lesson is “Thucydides’ exposition of how, as Pericles had feared, it was not the power and designs of adversaries that led to Athenian defeat and ruin but rather hubris in the form of reckless overambition. Athens fell not because it was overtaken by rivals but rather because it became intoxicated with the idea of its own greatness and could not recognize the limits of its own power”. The pertinence of this observation to contemporary Sino-American relations should be obvious. Overconfidence, self-righteousness, arrogance, and ethnocentrism, in addition to paranoia, prejudice, and mistrust, rather than power transition per se, are the more important ingredients that abet interstate conflict.

Although China has “risen”, it is still significantly behind the U.S. Talks of a Sino-American power transition are greatly exaggerated and premature. They suggest social and political construction that arouses elite and popular emotions such as those just mentioned. This discourse accuses China of seeking to evict the U.S. from its home region (East Asia) — exactly what the U.S. itself had done over a century ago by declaring the Monroe Doctrine to exclude European influence from the Western Hemisphere. It fosters the danger of self-fulfilling prophecy. Moreover, it does not emphasize enough human agency. History repeats itself by “trapping” leaders in a collision course only if they are incapable of learning from it.

After all, many power transitions have ended peacefully. Chinese leaders can be expected to

draw lessons from Germany and Japan's disastrous bid for regional hegemony, the USSR's equally calamitous decision to compete with the U.S. in armament and for allies, and the peaceful transition of world leadership from Britain to the U.S. It would also be remiss for U.S. leaders to overlook the smart "appeasement" policies that Britain had adopted before World War I, enabling it to recruit important allies such as the U.S., France, and Russia and thereby to defeat Germany [Treisman 2004].

One of the key lessons from this conflict and World War II is that although Britain might be in some respects weaker than Germany, the coalition fighting on its side was stronger and enabled it to prevail in both wars. The USSR had lost the Cold War in part also because the U.S. had more powerful allies that further extended its own already formidable advantages. If these conclusions make sense, it would be foolhardy for Beijing to follow Moscow's example during the Cold War to engage in "hard balancing"

against Washington or, to use Rosecrance's [1986] terminology, to pursue the agenda of a "strategic state" such as by pursuing ideological proselytization, military competition, and the recruitment of foreign clients. Chinese leaders can also learn from Mikhail Gorbachev that unilateral accommodation tends to encourage increased U.S. pressure for more concessions [Shiffrinson 2018].

As for the U.S., it should heed Pericles' warning about hubris and overweening ambition, and the dangers of imperial overstretch and dysfunctional domestic politics. It would also be imprudent for Washington to undertake a myopic and self-defeating policy of "going alone", undermining the liberal international order [Ikenberry 2001, 2008, 2011] and breaking up a winning coalition that are the sources of its greatest strengths. Learning from history can help China and the U.S. to avoid the trap that Thucydides had supposedly warned us about.

Received / Поступила в редакцию: 21.01.2021

Accepted / Принята к публикации: 02.04.2021

References / Библиографический список

- Allison, G. (2017). *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Arbetman, M., & Kugler, J. (Eds.). (1997). *Political capacity and economic behavior*. Boulder, CO: Westview.
- Beckley, M. (2012). China century? Why America's edge will endure. *International Security*, 36(3), 41—78. https://dx.doi.org/10.1162/ISEC_a_00066
- Brooks, S.G., & Wohlforth, W.C. (2016). The rise and fall of the Great Powers in the twenty-first century: China's rise and the fate of America's global position. *International Security*, 40(3), 7—53. https://dx.doi.org/10.1162/ISEC_a_00225
- Chan, S. (2004). Exploring some puzzles in power-transition theory: Some implications for Sino-American relations. *Security Studies*, 13(3), 103—141. <https://dx.doi.org/10.1080/09636410490914077>
- Chan, S. (2005). Is there a power transition between the U.S. and China? The different faces of power. *Asian Survey*, 45(5), 687—701. <https://dx.doi.org/10.1525/as.2005.45.5.687>
- Chan, S. (2007). *China, the U.S., and the power-transition theory: A critique*. New York: Routledge.
- Chan, S. (2014). So, what about power shift? Caveat emptor. *Asian Perspective*, 38(3), 363—386. <https://dx.doi.org/10.1353/apr.2014.0015>
- Chan, S. (2017). The power-transition discourse and China's rise. In W.R. Thompson (Eds.), *The Oxford encyclopedia of empirical international relations theory*. New York: Oxford University Press. <https://dx.doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.561>
- Chan, S. (2019). More than one trap: Problematic interpretations and overlooked lessons from Thucydides. *Journal of Chinese Political Science*, 24(1), 11—24. <https://dx.doi.org/10.1007/s11366-018-9583-2>
- Chan, S. (2020a). China and Thucydides's Trap. In K. He, H.Y. Feng (Eds.), *China's challenges and international order transition: Beyond the "Thucydides Trap"* (pp. 52—71). Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Chan, S. (2020b). *Thucydides's Trap? Historical interpretation, logic of inquiry, and the future of Sino-American relations*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Chan, S., Feng, H., He, K., & Hu, W. (2021). *Contesting revisionism: China, the United States, and the transformation of international order*. Oxford: Oxford University Press.

- Chan, S., Hu, W.X., & He, K. (2019). Discerning states' revisionist and status-quo orientations: Comparing China and the U.S. *European Journal of International Relations*, 27(2), 613—640. <https://dx.doi.org/10.1177/1354066118804622>
- Copeland, D.C. (2000). *The origins of major war*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- DiCicco, J.M., & Levy, J.S. (1999). Power shifts and problem shifts: The evolution of the power transition research program. *Journal of Conflict Resolution*, 43(6), 675—704. <https://dx.doi.org/10.1177/0022002799043006001>
- Farrell, H., & Newman, A.L. (2019). Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*, 44(1), 42—79. https://dx.doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Gilli, A., & Gilli, M. (2019). Why China has not caught up yet: Military-technological superiority and the limits of imitation, reverse engineering, and cyber espionage. *International Security*, 43(3), 141—189. https://dx.doi.org/10.1162/isec_a_00337
- Gilpin, R. (1981). *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gramsci, A. (1971). *Selections from the Prison notebooks of Antonio Gramsci*. New York: International Publishers.
- Ikenberry, G.J. (2001). *After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ikenberry, G.J. (2008). The rise of China and the future of the West: Can the liberal system survive? *Foreign Affairs*, 87(1), 23—37.
- Ikenberry, G.J. (2011). The future of the liberal world order: Internationalism after America. *Foreign Affairs*, 90(3), 56—68.
- Kagan, D. (1969). *The outbreak of the Peloponnesian War*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Kennedy, P.M. (1987). *The rise and fall of great powers*. New York: Vintage Books.
- Khong, Y.F. (1992). *Analogies at war: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam decisions of 1965*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kirshner, J. (2019). Handle him with care: The importance of getting Thucydides right. *Security Studies*, 28(1), 1—24. <https://dx.doi.org/10.1080/09636412.2018.1508634>
- Kugler, J., & Tammen, R.L. (Eds.). (2012). *The performance of nations*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Lebow, R.N., & Valentino, B. (2009). Lost in transition: A critical analysis of power transition theory. *International Relations*, 23(3), 389—410. <https://dx.doi.org/10.1177/0047117809340481>
- Lee, J. (2019). Did Thucydides believe in Thucydides' Trap? The history of the Peloponnesian War and its relevance to US – China relations. *Journal of Chinese Political Science*, 24(1), 67—86. <https://dx.doi.org/10.1007/s11366-019-09607-0>
- Levy, J.S., & Thompson, W.R. (2010). Balancing on land and at sea: Do states ally against the leading global power? *International Security*, 35(1), 7—43. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00001
- Lieber, K.A., & Press, D.G. (2006). The end of MAD: The nuclear dimension of U.S. primacy. *International Security*, 30(4), 7—44. <https://dx.doi.org/10.1162/isec.2006.30.4.7>
- Nye, J.S.Jr. (2004). *Soft power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
- Organski, A.F.K., & Kugler, J. (1980). *The war ledger*. Chicago: University of Chicago Press.
- Organski, A.F.K. (1958). *World politics*. New York: Knopf.
- Posen, B.R. (2003). Command of the commons: The military foundation of U.S. hegemony. *International Security*, 28(1), 5—46. <https://dx.doi.org/10.1162/016228803322427965>
- Putnam, R.D. (1988). Diplomacy and domestic politics: The logic of two-level games. *International Organization*, 42(3), 427—460. <https://dx.doi.org/10.1017/S0020818300027697>
- Rosecrance, R. (1986). *The rise of the trading state: Commerce and conquest in the modern world*. New York: Basic Books.
- Russett, B.M., & Oneal, J.R. (2001). *Triangulating peace: Democracy, interdependence, and international organizations*. New York: Norton.
- Schweller, R.L. (2006). *Unanswered threats: Political constraints on the balance of power*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shiffrin, J. (2018). *Falling giants: How great powers exploit power shifts*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Singer, J.D., Bremer, S., & Stuckey, J. (1972). Capability distribution, uncertainty, and major war, 1820—1965. In B.M. Russett (Eds.), *Peace, war, and numbers* (pp. 19—28). Beverly Hills, CA: Sage.
- Starrs, S. (2013). American economic power hasn't declined — it globalized! Summoning the data and taking globalization seriously. *International Studies Quarterly*, 57(4), 817—830. <https://dx.doi.org/10.1111/isqu.12053>

- Tammen, R.L., Kugler, J., & Lemke, D. (2017). Foundations of power transition theory. In W.R. Thompson (Eds.), *The Oxford encyclopedia of empirical international relations*. New York: Oxford University Press. <https://dx.doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.296>
- Tammen, R.L., Kugler, J., Lemke, D., Stam, A.III, Abdollahian, M. et al. (2000). *Power transitions: Strategies for the 21st century*. New York: Chatham House.
- Thompson, W.R. (2003). A streetcar named Sarajevo: Catalysts, multiple causation chains, and rivalry structures. *International Studies Quarterly*, 47(3), 453—474. <https://dx.doi.org/10.1111/1468-2478.4703008>
- Treisman, D. (2004). Rational appeasement. *International Organization*, 58(2), 345—373. <https://dx.doi.org/10.1017/S002081830458205X>
- Vasquez, J.A. (1996). When are power transitions dangerous? An appraisal and reformulation of power transition theory. In J. Kugler & D. Lemke (Eds.), *Parity and war: Evaluations and extensions of the war ledger* (pp. 35—56). Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Waltz, K.N. (1954). *Man, the state, and war: A theoretical analysis*. New York: Columbia University Press.
- Welch, D. (2015). Can the United States and China avoid a Thucydides Trap? *E-International Relations*, April 6. Retrieved from <https://www.e-ir.info/2015/04/06/can-the-united-states-and-china-avoid-a-thucydides-trap/>
- Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391—425. <https://dx.doi.org/10.1017/S0020818300027764>

About the author: *Chan Steve* — PhD in Political Science, College Professor of Distinction, Political Science Department, University of Colorado (Boulder), Colorado, USA; ORCID: 0000-0001-9536-8315; e-mail: steve.chan@colorado.edu

Сведения об авторе: *Чан Стив* — кандидат политических наук, почетный профессор департамента политических наук, Университет штата Колорадо, Боулдер, Колорадо, США; ORCID: 0000-0001-9536-8315; e-mail: steve.chan@colorado.edu

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-243-251

Research article / Научная статья

Prelude to America's Downfall: The Stagflation of the 1970s

Vassilis K. Fouskas

University of East London, London, Great Britain
✉ v.fouskas@uel.ac.uk

Abstract. Since the end of the Bretton Woods system and the stagflation of the 1970s, the transatlantic core, under the leadership of the United States of America, has been trying to expand its model of free market capitalism embracing every part of the globe, while addressing its domestic overaccumulation crisis. This article follows a historical methodological perspective and draws from the concept of Uneven and Combined Development (UCD), which helps us consider the structural reasons behind the long and protracted decline of the American economic power. In this respect, according to the UCD concept, there is no global power that can enjoy the privilege for being at the top of the global capitalist system forever in a world which develops unevenly and in a combined way. Power shifts across the world and new powers come to challenge the current hegemonic power and its alliance systems. The novelty of the article is that it locates this decline in the 1970s and considers it as being consubstantial with the state economic policy of neo-liberalism and financialisation (supply-side economics). However the financialised capitalism of the transatlantic assemblage lack industrial base producing, reproducing and recycling real commodity values. Further, the article shows that this attempt to remain at the top of the global capitalist system forever has not been successful, not least because the regime which the recovery of the core had rested upon, that of neo-liberal financialisation represents a major vulnerability of the transatlantic assemblage eroding the primacy of the United States of America in it.

Key words: neo-liberal financialisation, financial statecraft, China, USA, Great Recession, stagflation

For citation: Fouskas, V.K. (2021). Prelude to America's Downfall: The Stagflation of the 1970s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 243—251. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-243-251>

Начало падения Америки: стагфляция 1970-х гг.

В.К. Фускас

Университет Восточного Лондона, Лондон, Великобритания
✉ v.fouskas@uel.ac.uk

Аннотация. С момента краха Бреттон-Вудской системы и стагфляции 1970-х гг. трансатлантическое ядро под руководством Соединенных Штатов Америки пыталось расширить свою модель капитализма свободного рынка, охватив все части земного шара, и в то же время урегулировать внутренний кризис чрезмерного накопления. Автор следует исторической методологической перспективе и опирается на концепцию неравномерного и комбинированного развития (НКР), которая помогает рассмотреть структурные причины длительного и продолжительного упадка американской экономической мощи. Вместе с тем, согласно концепции НКР, в мире, развивающемся неравномерно и комбинированно, не существует мировой державы, которая единолично занимает лидирующие позиции в глобальной капиталистической системе. Смена власти по всему миру и новые страны бросают вызов современному гегемонистскому государству и системе его союзников. Новизна исследования заключается в том, что она относит спад

© Fouskas V.K., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

американской экономической мощи к 1970-м гг. и рассматривает его в контексте государственной экономической политики неолиберализма и финансиализации (экономика предложения). При этом основной проблемой финансового капитализма трансатлантического объединения является отсутствие промышленной базы для производства, воспроизводства и переработки сырьевых товаров. Отмечается, что попытка этих стран навсегда остаться на вершине глобальной капиталистической системы не увенчалась успехом, в особенности из-за режима, на котором базировалось восстановление ядра — неолиберальной финансиализации. Сделан вывод, что неолиберальная финансиализация угрожает трансатлантическому объединению, подрывая в нем первенство Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: неолиберальная финансиализация, управление государством посредством финансов, Китай, США, Великая рецессия, стагфляция

Для цитирования: Fouskas V.K. Prelude to America's Downfall: The Stagflation of the 1970s // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 243—251. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-243-251

Introduction

This short article defines “globalisation” as “financialisation”. Primarily, this is because finance was the first sector in the post-Bretton Woods era of floating exchange rates that was truly globalised. “Closing the gold window”, as was characteristically put [Gowa 1983], was a conscientious decision taken by US state elites to solve a lingering balance of payment crisis that appeared in the early 1960s. Secondly, this is because finance and fictitious commodity markets have dominated the political economies of the transatlantic assemblage since the 1980s, when supply-side neoliberal policy-making became embedded displacing Keynesian aggregate demand management along with the manufacturing sector and Fordist wages [Glyn 2007; Gowan 1999]. Thus, financialisation is neo-liberal and was initiated and led by the US state. As a Council on Foreign Relations publication suggests, *financial statecraft* is “the active participation of the US state’s monetary institutions in facilitating new forms of global capital flows” that, by and large, were dormant since the 1930s (securities, asset management, derivatives and futures, credit default swaps and collateralized debt obligations, portfolio investment, special vehicles, etc.) [Steil, Litan 2008].

My narrative follows a historical methodological perspective and draws from the concept of uneven and combined development (see below). This approach has assisted the research design in that it made clear the structural asymmetries of global accumulation processes and their contradictions. The various

data from the sources reviewed here are cross-checked against contemporary macroeconomic data. The argument put forth is that neo-liberal financialisation constitutes a major vulnerability of the US system of global power, undermining its primacy and giving way to its sheer competitors, first and foremost China, but also Russia and India. Although there is no space here to examine in detail the grounding of China in the global political economy or how the EU/Eurozone can offer a response to its own existential crisis especially in the midst of the COVID-19 pandemic, the driving structural force of *uneven and combined development* (UCD) in bringing about such drastic change in the global distribution of power should be factored in. UCD, a notion first developed by Russian Marxist revolutionary Leon Trotsky, is defined as a “loosely articulated web of events, actors and processes developing at different speeds, whose individual courses were interconnected in labyrinthine ways” [Tooze 2015: 29; Rosenberg 2010].

To sum up, this essay maintains that US primacy has been eroded, first, by an internal competitive constraint combining the antagonistic economic correlation between Japan, West Germany and the USA during the “Golden Age of Capitalism” [Marglin, Schor 1992; Hobsbawm 1995]; and then by China’s economic rise since the 1990s, adding on another competitive constraint. The structural driving force of these developments has been UCD empowered and guided by the state, whether Chinese, Japanese, German or American.

Two Phases of Financialisation / Globalisation

Neo-liberal financial statecraft marks a historical phase of capitalist modernity that pertains to a double transformation: first, it aims at transforming the internal environment of the state via the public policy of *neoliberalism*, for Anglo-Saxon states, and *ordoliberalism* for European Economic Community / European Community / European Union / Eurozone states; second, it transforms the external environment of it via the liberalisation of the exchange rate mechanism, the opening-up of money/financial markets and the transnationalization/globalisation of the corporation. Both transformations are feeding each other¹.

In this new dialectic of national / international, the transformation of the global multinational corporation (American, Japanese, and European) is very important. A key feature of the new global corporation is that it takes advantage of technological innovation, relinquishes the Fordist model of mass production for mass consumption and, in its search to discover cheap labour markets and favourable taxation regimes, creates polygonal supply chains and networks of production, assemblage, circulation and consumption across the entire globe [Dicken 2007; Fouskas, Gökay 2012].

Joint transnational ventures and mergers and acquisitions become the new norm. The aim is the augmentation of profitability by way of making up the losses incurred under the previous Keynesian / Fordist regime of fixed exchange rates and solid industrial economic growth — what came conventionally to be called as the “Golden Age of Capitalism”. Returns and assets,

¹ Both “neo-liberalism” and “ordoliberalism” are supply-side public policies. Nevertheless, the former applies more pertinently to Anglo-American contexts, whereas the latter to the German-Austrian ones. As we have shown elsewhere, Germany managed to transplant its ordoliberal model of capital accumulation onto the EU / Euro-zone [Fouskas, Gökay 2019]. The ordoliberal model is more disciplinarian than the neo-liberal one, insists on a strict de-politicisation of social economy and on a strict separation of the central banking mechanism from political and trade union influences. I touch upon ordoliberalism below.

however, tend to be increasingly financialised — and often dollarized — as the dollar was freed of its gold fetter and investors realised that speculation on paper assets denominated in dollars is more profitable than employing unionised workers handing out full-time contracts and high (Fordist) wages [Foster, Magdoff 2009].

It should be noted, that neo-liberal financial statecraft was and remains a project structured, primarily, along the reproductive expansionary needs of the American empire-state and comes as a response to the overaccumulation crisis of the 1970s². This crisis, unlike the Great Recession of 2008, manifested itself in the real economic sector, especially in industry. The overaccumulation crisis of the 1970s was caused by multiple factors — strong social and trade union movements, the erosion of America’s gold reserves, the Vietnam war, etc. — and was captured, to a great degree, by debates and arguments developed, among others, by researchers and politicians Alexander Callinicos, Leo Panitch, Giovanni Arrighi, Justin Rosenberg and Robert Brenner [Rosenberg 2001; Arrighi 2007; Brenner 2006; Panitch, Gindin 2013; Callinicos 2009].

Nevertheless, what seems to me as the most prominent factor is the structural force of UCD in the core capitalisms of Europe, Japan and the USA. This form of *competitive constraint* in the 1970s drove down the (average) rate of profit over a period of years, forcing industrialists to inflate the economy, seek state support and, eventually, to financialise as the decline in profitability was sustained and persistent [Armstrong, Glyn, Harrison 1984: 257]. Importantly, at the time, the markets of the global South were relatively closed due to anti-colonial struggles, import substituting policies (Brazil, Argentina) and the rise of Baathist socialism in the Middle East (Egypt, Syria, Iraq). Similarly, the Soviet bloc and China could not offer free markets to the West to support its recovery from its overaccumulation crisis [Sanchez-Sibony 2014].

² The stagflation is economic stagnation accompanied by high inflation.

From the early 1960s onwards the USA began registering a balance of payments deficit, not least because other members of the core, such as France, began exchanging their surplus dollars with US gold reserves, as gold remained a tradable commodity. This, brought the Bretton Woods system to its knees, forcing the Nixon administration to get rid of the gold fetter and devalue the US dollar, placing essentially the entire global political economy on a pure dollar standard, especially after the US-Saudi agreement of 1973—1974, which stipulated that oil should be traded in dollars only [Fouskas, Gökyay 2005].

Thus, neo-liberal financial statecraft is essentially a project driven by the American state in its hub-and-spoke hierarchical articulation with other subordinate political economies of the global core and the global periphery. The interest rate hike engineered by the former head of the American Federal Reserve System (Fed), Paul Volcker, causing havoc in the debt markets of Latin America and (communist) Eastern Europe, should be seen as representing the culmination of the first period of the statecraft (1971—1990). Moreover, the relentless drive to open up East European markets to American and European capital, a process explained by British professor Peter Gowan, stems precisely from the need of the saturated capitals of the core to expand globally, overcoming their overaccumulation crisis at home [Gowan 1999].

Having said this, the big “success” for the USA came during the second period of financial statecraft (1990—2007), which ended up in the Great Recession of 2007—2008. This period embraced mortgage markets (housing) and massive involvement of the shadow banking sector. Further, the project, having as key operational offshore hubs the Wall Street and the City of London, was assisted by the opening-up of East European markets in the wake of the collapse of “really-existing socialism”. As the “Volcker shock” came to a halt signalling the end of the first period of the statecraft (1971—1990), the American Fed ushered in an era of low interest rates, which drove up the price of stocks and bonds. These were “owned

exclusively”, as professor of history Robert Brenner put it, “by the very rich”³.

The creation of this new cross-border financial oligarchy in the transatlantic area headed by US financial capital and extended with myriad of tentacles via the global proliferation of banking, accounting, insurance and other financial services, severely side-lined the power of industrial capital and the real economic sector of the core. With the partial exceptions of Germany and Japan, the manufacturing base of the core since the 1980s has been shrinking. Today’s manufacturing base of Britain and the USA stand at 8.8 % and 11.1 % of their respective GDP (but it is 21 % in Germany and 20.8 % in Japan) [Fouskas, Gökyay 2019].

No accident, the Western economies as a whole have since the 1970s entered a period of “long downturn”, that is a period of slow and protracted decline of their real economic sector, which could not be matched by periods of financial euphoria, such as that of 1991—2007 — the second period of financial statecraft that corresponds to low interest rates. When credit was cheap, hence accessible, demand was financed by increased borrowing, creating unsustainable levels of consumer (and other) debt [Alele 2020].

Further, the financial oligarchy packaged, rated, priced and sold this and other forms of debt and paper assets across the globe — such as that resulting from retained profits — in a delirium of grotesque profiteering and speculation creating an unsustainable financialisation chain. Most part of this fictitious capital had not trickled down to the real economic sector as investments in production and infrastructure, especially since the global (western) corporation was migrating to the “global East and South” (China, India, Brazil, South Africa, and Turkey).

How Financialisation Erodes US Primacy

There are arguments that downplay financialisation as a fundamental component of

³ Brenner R. Editorial: Introducing Catalyst // Catalyst. 2017. Vol. 1. No. 1 (Spring). URL: <https://catalyst-journal.com/vol1/no1/editorial-robert-brenner> (accessed: 01.01.2021).

neo-liberal policy-making, assessing all the above as a virtuous cycle of capitalist growth, centred around the robustness of US capitalism and the capacity of the American empire-state to integrate under its aegis other socio-economic formations, in fact, the entire globe. In this view, the American state is “the author of neo-liberal globalisation”, integrating China in its very system, the making of global capitalism having the colours of the American empire-state [Albo, Gindin, Panitch 2010; Panitch, Gindin 2013]. Effectively, financialisation is dealt with as part and parcel of the total circuit of productive capital and not as speculative process relatively dissociated from real commodity production. “This is a false dichotomy”, Canadian researchers Leo Panitch, Greg Albo and Sam Gindin warn. “Money capital, bank capital, credit and speculative capital are all necessary moments in the circuits of capitalist production and exchange” [Albo, Gindin, Panitch 2010: 33].

We counter that the two phases of the U.S.-led financial statecraft did not remotely match the levels of economic development of the Golden Age of Capitalism. American sociologist Richard Lachmann has recently put it as follows: US growth was much faster and shared far more equitably before 1974 than after. Similarly, Western European GDP enjoyed annual average compound growth rates of 4.08 per cent for 1950–1973 but only 1.78 per cent for 1973–1998. The comparable figures for Japan are 8.05 per cent and 1.33 per cent. Bretton Woods was successful at limiting if not blocking capital flows and modulating changes in exchange rates, preventing the banking crises that emerged after 1970 with unrestrained speculation in currencies and the enormous growth in “hot money”. Worldwide, there were at least 124 financial crises from 1970 to 2007 [Lachmann 2020: 359].

Debt is a form of capital, but it is fictitious capital. Thus, although it is not a “superstructure” of the real process of capital accumulation and development it should not be confused with them. As German philosopher Karl Marx put it, “in the way that even an accumulation of debts can appear an accumulation of capital, we see the distortion involved in the

credit system reach its culmination” [Marx 1894/1991: 607—608]. Thus, I argue that neo-liberal financial statecraft and the unsustainable levels of debt incurred in its second phase of evolution (1991 onwards) represent a major vulnerability of American capitalism and of the transatlantic core it leads geopolitically. As many Marxist and non-Marxist commentators have remarked from very early days, this vulnerability, has been long and protracted, dating back to the 1960s [Mandel 1969, 1972, 1975; Gilpin 2001; Frank 1998]. Furthermore, because of the inappropriate measures taken by the politics of the core to address the underlying causes of the Great Recession of 2007—2008, the debt situation got worse.

The augmentation of debt, both public and private, as a percentage of GDP increased exponentially since the 1990s. Further, a key feature of the “stabilisation” packages in the wake of the collapse of the Lehman Brothers in September 2008 was their half-baked Keynesianism (some call it “new consensus macroeconomics”), i.e. monetary bail-outs for large global and national corporations in the financial and banking sectors, while dropping the interest rates to near-zero and allowing a timid industrial policy, often via trade protectionism⁴.

Thus, enterprises continued their profiteering and speculative activities by financialising their profits, instead of investing them into material production, the result being further drops in industrial output and a piling up of debt, including consumer debt. Since 2008, the debt increased exponentially in every single economic sector (government, household, non-financial corporate, financial corporate). In 2019, global debt was over 260 trillion USD, or 325 % of global GDP. By comparison, in 2012 the figure was 207 trillion USD, or 300 % of global GDP⁵.

⁴ Mavroudeas S. Economic crisis and the crisis of economics // *Heterodox Economists*. September 20, 2019. URL: <https://heterodox.economicblogs.org/stavros-mavroudeas-blog/2019/mavroudeas-economic-crisis-crisis-economics-political-economy-credible-video-lecture-s-mavroudeas> (accessed: 17.05.2020). See also: [Arestis 2009].

⁵ Tiftik E., Mahmood K. High and rising debt levels: should we worry? // *Institute of International Finance*.

If we look at government debt, then matters are more revealing. The USA tops the list holding the world's 31 % of government debt, or 104.3 % of its GDP, i.e. 21,465 bln USD. It is followed by Japan (17 %) and China (9.8 %), but these two countries' government debt, especially China's, is largely due to financing of its state-owned enterprises (see below) [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021]. COVID-19 increased debt at astonishing levels in 2020: the IMF has estimated that across the "advanced" countries, gross government debt will rise to 66 trillion USD, or 122 % of GDP, an increase of 17 %, and with the USA running a deficit of 15 %⁶. Overall, contrary to what had been the case in the 1970s and 1980s when the debt was primarily an affair of the "global South", the world's debt today is mostly held by the "advanced" economies (75.4 %)⁷.

If lower — and, indeed, near-zero since 2009 — interest rates do not bring about lower debt levels relative to GDP, it means that investors benefitting from this favourable economic climate direct their profits to speculative profiteering rather than material production and job creation. Effectively, it means that the low levels of industrial production, the high concentration of economic activity in services and consumption, hence the disabling of the production of real use and exchange values are responsible for the large government debt in the "advanced" economies. Growth becomes driven by bubbles generated in banking and financial services. Characteristically, the city-state of Singapore, an off-shore financial services economy par excellence and the largest logistics centre in the world has accumulated large amounts of government debt⁸.

Furthermore, "gig" and precarious work have since the 1980s proliferated [Chen 2020: 122–142]. The breakdown of the Fordist /

Keynesian consensus brought about not just a proliferation of part-time and flexible work, but also, especially after the Great Recession, a deepening of the process of exploitation and formal / informal subsumption of labour to capital via "gig" work and zero-time contracts. In Anglo-American neo-liberal contexts, the welfare state was further retrenched and large services of it, especially in the UK, were privatised. In ordoliberal Eurozone, the situation took on an unprecedented turn.

The Ordoliberal EU

Ordoliberalism is a form of supply-side economics that pertains to the German-Austrian model of capitalism. It is far more disciplinarian and rule-based and defines a rigid de-politicisation of the economic on the basis of a strict independence of the central banking mechanism. Literature on ordoliberalism asserts that Germany has over the decades managed to transpose this model over the EU / Eurozone via a set of Treaties since the Single European Act of 1986 [Dyson, Featherstone 1999; Bonefeld 2017; Fouskas, Roy-Mukherjee 2019; Fouskas, Gökay, 2019].

The global financial crisis of 2007—2008 contaminated the ordoliberal EU via the banking sector, as many French and German banks were exposed to Anglo-American financial products [Lapavitsas, Kaltenbrunner, Lindo, Michell, Paineira et al. 2010; Fouskas, Dimoulas 2012]. The introduction of the European Monetary Union (EMU) in 1999 (2001 for Greece) turned the banks and the financial system of the region into a hotbed of speculation. The EMU widened the pre-existing gap between European core (surplus countries) and periphery (deficit countries) but, before the crisis, the economies of the periphery operated as platforms of inflows and outflows of cheap money. When the Great Recession brought about a sudden stop across the transatlantic banking sector, the banks, in order to avoid bankruptcy and de-leverage, turned to governments asking them to socialise their liabilities. The German and French governments obeyed and began forging repayments on periphery via humiliating bailout agreements.

The absurdity of these agreements is mainly twofold: first, they displaced the crisis from the

August 2019. URL: https://www.iif.com/Portals/0/Files/content/GDM_July2019_vf3.pdf (accessed: 21.02.2020).

⁶ After the disease, the debt // *The Economist*. April 25 — May 1, 2020. P. 15.

⁷ General government gross debt, per cent of GDP // IMF. 2019. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD (accessed: 23.04.2020).

⁸ *Ibid.*

core to the periphery (Ireland, Greece, Spain and Portugal); second, they transferred the liabilities from private to public institutions “socialising” them and making them “sovereign” — hence the adage “sovereign debt crisis”. Thus, the periphery ended up paying for the banking crisis of the core through harsh austerity packages. But this did not happen only in order to buttress the political elites and institutions of the EU and the core states and save the banking system and the Eurozone from total collapse. This is only the *internal competitive constraint*. Because the EU is both a single market and a customs union whereas most of its members operate via a common currency, it competes in global markets with the USA, Japan and China.

Thus, the ordoliberal Treaties of the EU had had to be reformed and inject even more austerity and discipline in the co-federated members-states and that is how harsh austerity has become a permanent trait of the EU / Eurozone. It is, therefore, also the *external combined competitive constraint* articulated between the EU, China, Japan and the USA that necessitated the introduction of such unprecedented neo-colonial treaties as the Fiscal Compact and the European Semester programme on the part of the European Commission.

Thus, in order to keep a competitive edge in the global division of labour, the central institutions of the EU are forced to defend the centrality of Germany in the Eurozone, hence its ordoliberal / neo-mercantilist growth model of “low wages, low inflation, export-led”. These are the roots of what the British academician Bob Jessop calls *enduring austerity* post-2008, a concept that tangles-up well with precarious and “gig” labour markets and a lackluster process of capital accumulation across the economies of the core as their nonchalant levels of GDP growth indicate [Fouskas, Roy-Mukherjee 2019]. Contrary to China’s pro-Keynesian turn after the Great Recession, between 2010 and 2019 the Eurozone and the USA “cut their public spending-to-GDP ratios by about 3.5 %... Britain’s fell by 6 %. Taxation, meanwhile, rose by between 1 % and 2 % of GDP”⁹.

⁹ Tomlinson D., Corbett A. The nature of self-employment in 21st century Britain and policy

To all intents and purposes, the so-called the “new consensus macroeconomics” did not work. State sponsored capital injections in the wake of the 2008 crisis and other stimuli — such as historically low interest rates — failed to deliver job creation, general welfare and sustainable development — they only soared up fiscal deficits. As if the Great Recession never happened, the neo-liberal governorates of the Left and the Right across the Euro-Atlantic area continued implementing supply-side policies coupled with massive dosages of authoritarianism in order to sustain harsh austerity measures, hoping to address challenges stemming from the global competitive constraint of UCD [Fouskas, Gökay 2019]. It is under these conditions that flare-up all sort of morbid phenomena around the globe, especially in sensitive geopolitical areas, such as the Balkans, the Caucasus, Central Asia and the Middle East.

Final Touches

When the transatlantic political economies transitioned to neo-liberal financialisation under the aegis of the US state, the expectation was that US economic centrality would be restored via “disintegration”, as the American economist Paul Volcker called it, of the international political economy system¹⁰. Effectively, this meant the dismantling of the Keynesian interventionist state, retrenching social welfare and surrendering labour-power to supply-side economics. Inflation had to be defeated at all costs. It was proved to be a very precarious undertaking. The “back of inflation” was broken but at the expense of massive financial volatility and uncertainty, leading to unsustainable (government) debt levels and periodic crises, the apex of which was the Great Recession of 2008.

implications // Resolution Foundation. February 2017. URL: <https://www.resolutionfoundation.org/app/uploads/2017/02/Self-employment-presentation.pdf> (accessed: 09.04.2020); After the disease, the debt // *The Economist*. April 25 — May 1, 2020. P. 15.

¹⁰ Volcker P. The Political Economy of the Dollar — The Fred Hirsch Lecture, Warwick University // Federal Reserve Bank of New York. November 9, 1978. URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/quarterly_review/1978v3/v3n4article1.pdf (accessed: 05.05.2020).

The problematic underlying condition of the financialised capitalism of the transatlantic assemblage is the lack of industrial base producing, reproducing and recycling real commodity values. Herein lies the failure of financialisation to generate satisfactory rates of socio-economic development, undermining productivity. After the Great Recession of 2007—2008, labour productivity in China rose by 7—8 % per year, whereas in the USA was a bare 1 %. In the EU productivity growth was worse than the USA, especially in the Eurozone, which “hovered below 1 %”¹¹.

Germany is the only country in the transatlantic area that maintains a solid industrial and export-led base, a fact that enables her to lead the Eurozone on the basis of its ordoliberal austerity and deeply disciplinarian model of

capitalism. Same as neo-liberal austerity bred Brexit and the Trump phenomenon in the UK and the USA respectively, ordoliberal austerity, breeds xenophobic and racist movements across Europe.

As we have seen, this is not because Germany wants to maintain a leading position as creditor in the 27-member bloc (the internal competitive constraint); this is also because of the (external) competitive constraint of China and other Asian producers, which disrupts Germany’s primacy in the EU / Eurozone. Thus, it is the structural power of UCD that has been driving the decline of the US economy in a neo-liberal financialised context generated by the US state in the 1970s and 1980s in order to tackle the *stagflation* of the 1970s. The *stagflation* is the real prelude to America’s long and protracted economic decline. We have to come to terms with this decline in a careful and measured manner, so a major global war sanctioning the hegemonic transition from the Euro-Atlantic world to Asian powers is avoided.

¹¹ Lapavistas C. The crisis has exposed the absurdities of neoliberalism; that doesn’t mean it will destroy it // The Jacobin. March 27, 2020. URL: <https://jacobinmag.com/2020/03/coronavirus-pandemic-great-recession-neoliberalism> (accessed: 23.04.2020).

Received / Поступила в редакцию: 15.01.2021
Accepted / Принята к публикации: 02.04.2021

References / Библиографический список

- Albo, G., Gindin, S., & Panitch, L. (2010). *In and out of crisis*. Oakland: PM Press.
- Alele, O. (2020). *Financialisation and the rise of consumer debt in the UK* [thesis]. London: University of East London.
- Arestis, P. (2009). *New consensus macroeconomics: A critical appraisal*. Working Paper No. 564. New York: The Levy Institute of Bard College and University of Cambridge.
- Armstrong, P., Glyn, A., & Harrison, J. (1984). *Capitalism since World War II. The making and break-up of the Great Boom*. London: Fontana.
- Arrighi, G. (2007). *Adam Smith in Beijing*. London: Verso.
- Bonfeld, W. (2017). *The strong state and the free economy*. London: Rowman & Littlefield.
- Brenner, R. (2006). *The economics of global turbulence*. London: Verso.
- Callinicos, A. (2009). *Imperialism and global political economy*. Cambridge: Polity.
- Chen, M. (2020). A new world of workers: confronting the gig economy. In: G. Albo & L. Panitch (Eds.), *Socialist register 2020: Beyond market dystopia. New ways of living* (pp. 122—142). London: Merlin press.
- Dicken, P. (2007). *Global shift: Mapping the changing contours of the world*. London: Guilford Press.
- Dyson, K., & Featherstone, K. (1999). *The road to Maastricht*. Oxford: Oxford University Press.
- Foster, J.B., & Magdoff, H. (2009). *The great financial crisis*. New York: Monthly Review Press.
- Fouskas, V.K., & Dimoulas, C. (2012). The Greek workshop of debt and the failure of the European project. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 14(1), 1—14. <https://doi.org/10.1080/19448953.2012.656929>
- Fouskas, V.K., & Gökay, B. (2005). *The new American imperialism. Bush’s War on Terror and blood for oil*. Connecticut: Praeger.
- Fouskas, V.K., & Gökay, B. (2012). *The fall of the US empire. Global fault-lines and the shifting imperial order*. London: Pluto.
- Fouskas, V.K., & Gökay, B. (2019). *The disintegration of Euro-Atlanticism and new authoritarianism. Global power-shift*. London, New York: Palgrave Macmillan.

- Fouskas, V.K., & Roy-Mukherjee, S. (2019). Neo-liberalism and ordoliberalism: one or two critiques? An introduction. *Critical Sociology*, 45(7—8), 967—982. <https://doi.org/10.1177/0896920519835008>
- Fouskas, V.K., Roy-Mukherjee, S., Huang, Q., & Udeogu, E. (2021). *China & the USA: globalisation and the decline of America's supremacy*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Frank, A.G. (1998). *ReOrient. Global economy in the Asian age*. California: University of California Press.
- Gilpin, R. (2001). *The political economy of international relations*. Princeton: Princeton University Press.
- Glyn, A. (2007). *Capitalism unleashed. Finance, globalisation and welfare*. Oxford: Oxford University Press.
- Gowa, J. (1983). *Closing the gold window. Domestic politics and the end of Bretton Woods*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gowan, P. (1999). *The global gamble. Washington's Faustian bid for world dominance*. London: Verso.
- Hobsbawm, E. (1995). *The age of extremes: A history of the world, 1914—1991*. London: Abacus.
- Lachmann, R. (2020). *First-class passenger on a sinking ship. Elite politics and the decline of great powers*. London: Verso.
- Lapavistas, C., Kaltentbrunner, A., Lindo, D., Michell, J., Paineira, J.P. et al. (2010). Eurozone crisis: Beggar thyself and thy neighbour. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 12(4), 321—373. <https://doi.org/10.1080/19448953.2010.510012>
- Mandel, E. (1969). Where is America going? *New Left Review*, 54(1), 3—16.
- Mandel, E. (1972). *Decline of the dollar. A Marxist view of the monetary crisis*. New York: Pathfinder Press.
- Mandel, E. (1975). *Late capitalism*. London: New Left Books.
- Marglin, A.S., & Schor, J. (1992). *The Golden age of capitalism*. Oxford: Clarendon Press.
- Marx, K. (1894/1991). *Capital: A critique of political economy*. Vol. 3. London: Penguin.
- Panitch, L., & Gindin, S. (2013). *The making of modern capitalism. The political economy of American empire*. London: Verso.
- Rosenberg, J. (2001). *The follies of globalisation theory*. London: Verso.
- Rosenberg, J. (2010). *Remarks on Chapter 1 of Trotsky's History of the Russian revolution. Uneven and combined development*. Retrieved from <https://unevenandcombineddevelopment.wordpress.com/28-2/>
- Sanchez-Sibony, O. (2014). *Red globalisation. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139628778>
- Steil, B., & Litan, R. (2008). *Financial statecraft. The role of financial markets in American foreign policy*. New Haven: Yale University Press.
- Tooze, A. (2015). *Deluge. The Great War and the remaking of global order 1916—1931*. London: Penguin.

About the author: Fouskas Vassilis K. — PhD in European Politics and Economics, Professor of International Relations, Centre for the Study of States, Markets & People (STAMP), School of Business & Law, University of East London; ORCID: 0000-0003-3128-6411; e-mail: v.fouskas@uel.ac.uk

Сведения об авторе: Фускас Василий К. — доктор европейских политических и экономических наук, профессор международных отношений Центра изучения государств, рынков и населения (STAMP), Школа бизнеса и права, Университет Восточного Лондона; ORCID: 0000-0003-3128-6411; e-mail: v.fouskas@uel.ac.uk

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-252-264

Research article / Научная статья

Neither a New Cold War nor a New Peloponnesian War: The Emerging Cyber-narrative Competition at the Heart of Sino-American Relations

Nicholas Ross Smith , Ruairidh J. Brown

University of Nottingham Ningbo, China
nr.smith@soverin.net

Abstract. There is much pessimism as to the current state of Sino-American relations, especially since the onset of the COVID-19 pandemic in January 2020. Such pessimism has led to some scholars and commentators asserting that the Sino-American relationship is on the cusp of either a new Cold War or, even more alarmingly, something akin to the Peloponnesian War (via a “Thucydides’ Trap”) whereby the United States might take pre-emptive measures against China. This article rejects such analogizing and argues that, due to important technological advancements found at the intersection of the digital and fourth industrial revolutions, most of the real competition in the relationship is now occurring in cyberspace, especially with regards to the aim of asserting narratives of “truth”. Two key narrative battlegrounds that have raged since the onset of the COVID-19 pandemic are examined: “where was the origin of the COVID-19 pandemic?” and “who has had the most successful response to the COVID-19 pandemic?”. This article shows that Sino-American competition in cyberspace over asserting their narratives of truth (related to the COVID-19 pandemic) is fierce and unhinged. Part of what is driving this competition is the challenging domestic settings politicians and officials find themselves in both China and the United States, thus, the competing narratives being asserted by both sides are predominately for domestic audiences. However, given that cyberspace connects states with foreign publics more intimately, the international aspect of this competition is also important and could result in further damage to the already fragile Sino-American relationship. Yet, whether this competition will bleed into the “real world” is far from certain and, because of this, doomsaying via historical analogies should be avoided.

Key words: Sino-American competition, New Cold War, Thucydides’ Trap, cyberspace, COVID-19

For citation: Smith, N.R., & Brown, R.J. (2021). Neither a New Cold War nor a New Peloponnesian War: The Emerging Cyber-narrative Competition at the Heart of Sino-American Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 252—264. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-252-264>

Ни новая холодная война, ни новая Пелопоннесская война: зарождающееся кибернарративное соперничество в центре американо-китайских отношений

Н.Р. Смит , Р.Д. Браун

Ноттингемский университет, кампус Нинбо, Нинбо, Китай
nr.smith@soverin.net

Аннотация. В отношении текущего состояния американо-китайских отношений, особенно после начала пандемии COVID-19 в январе 2020 г., царят пессимистические настроения. Такой пессимизм привел к тому, что некоторые ученые и комментаторы утверждают, что американо-китайские отношения находятся

© Smith N.R., Brown R.J., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

на пороге либо новой холодной войны, либо, что еще более тревожно, подобия Пелопоннесской войны (в рамках «ловушки Фукидида»), в результате чего США могут принять превентивные меры против Китая. Эта статья отвергает такое сопоставление и утверждает, что из-за важных технологических достижений, произошедших на пересечении цифровой и четвертой промышленных революций, реальная конкуренция во взаимоотношениях между государствами сейчас преимущественно происходит в киберпространстве, особенно в том, что касается утверждения нарративов об «истине». Исследуются два ключевых поля «битв нарративов», которые происходят с момента начала пандемии COVID-19: «Откуда взялась пандемия COVID-19?» и «Кто наиболее успешно отреагировал на пандемию COVID-19?». Показано, что американо-китайская конкуренция в киберпространстве за отстаивание своих правдивых нарративов (связанных с пандемией COVID-19) является жесткой и беспорядочной. Частично это противостояние развивается в сложных внутригосударственных условиях, в которых политики и чиновники оказываются как в Китае, так и в США. Таким образом, конкурирующие нарративы, утверждаемые обеими сторонами, в основном предназначены для внутренней аудитории. Однако, учитывая, что киберпространство более тесно связывает государства с мировой общественностью, международный аспект этой конкуренции также важен и может нанести еще больший ущерб и без того хрупким американо-китайским отношениям. Тем не менее на данный момент не ясно, распространится ли это противостояние на «реальный мир», и по этой причине следует избегать использования исторических аналогий для трактовки современных американо-китайских отношений.

Ключевые слова: американо-китайское соперничество, новая холодная война, «ловушка Фукидида», киберпространство, COVID-19

Для цитирования: *Smith N.R., Brown R.J. Neither a New Cold War nor a New Peloponnesian War: The Emerging Cyber-narrative Competition at the Heart of Sino-American Relations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 252—264. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-252-264*

Introduction

The visible straining of the Sino-American relationship in recent years has elicited significant media and academic attention. The basic consensus is that since the establishment of positive diplomatic relations between the United States and China in the late 1970s, the United States' efforts to encourage China to develop and rise along a "liberal" trajectory, and thus become a proactive member of a US-led international order, have failed. Rather, despite overtures of rising peacefully and talk of international leadership based on the principle of cooperation over competition, the view is that China has emerged as a competitor to the United States' position as the unquestioned international hegemon and the prime arbiter of international order. In an era where Sino-American relations have become blighted by trade wars, diplomatic spats, and, to an extent, increased military power projection in the Asia-Pacific region, there is, rightly, significant pessimism as to the future of the Sino-American relationship. To this end, two popular analogies have emerged as to where the Sino-American relationship is heading: a new Cold War or a new Peloponnesian War.

Characterizing China and the United States as on the cusp of a new Cold War has become an extremely popular analogy in recent years¹. Simply put, this argument asserts that China and the United States in the coming years will enter a period of significant competition, and potentially even engage in proxy wars, a la the Soviet Union and the United States in the post-WWII setting [Li 2020]. On the surface, there are, indeed, some interesting parallels between the original Cold War and the current state of the Sino-American relationship. Firstly, it seems inevitable that the international system is transitioning away from a unipolar system to a nascent bipolar one [Schweller, Pu 2011], although this remains a glacial transition (unlike previous power transitions which were "epochal") [Smith 2019].

¹ Rachman G. A new cold war: Trump, Xi and the escalating US-China confrontation // *The Financial Times*. October 4, 2020. URL: <https://www.ft.com/content/7b809c6a-f733-46f5-a312-9152aed28172> (accessed: 20.01.2021); Dupont A. The US — China Cold War Has Already Started // *The Diplomat*. July 08, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/07/the-us-china-cold-war-has-already-started/> (accessed: 20.01.2021). See also: [Sachs 2019].

Secondly, threat-perceptions on both sides have become noticeably more pessimistic and darker in recent years², which potentially creates something akin to the twisted “mirror image” of negative perceptions that characterized the early days of the original Cold War [Bronfenbrenner 1961].

And lastly, China has seemingly made efforts to start building its own international order (or bloc) through initiatives such as Belt and Road Initiative (BRI) and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) [Clarke 2017; Thaliyakkattil 2019], which has the potential to usher in a period of global bipolarization (i.e. the creation of rival blocs) like in the 1950s [Rapkin, Thompson, Christopherson 1979].

More pessimistically than a vision of a new Cold War, some have used the Peloponnesian War as an analogy, most commonly articulated as the “Thucydides’ Trap” [Allison 2017], for the state of Sino-American relations [Moore 2017; Yoder 2019; Zhang 2019]. This vision asserts that the United States could be forced to undertake a pre-emptive attack on China, a la Sparta against Athens during the Peloponnesian War, to prevent it from challenging American hegemony [Allison 2017].

Again, on the surface, there is some logic to the Thucydides’ Trap argument: China is rising at a rapid pace that threatens the long-term status of the United States, and, at this moment, the United States retains a significant power advantage that might make the idea of a pre-emptive attack seem strategically feasible in Washington. Arguably, Trump’s decision to wage a succession of trade wars against China, beginning in 2018, was an attempt by the United States to use its power advantage (in this case, perceived economic and trade advantages) to inflict damage on China [Moosa 2020]. The onset of COVID-19 and the increase in tension it has caused between the United States and China has, in the minds of some, further increased the

² Silver L., Devlin K., & Huang C. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries // Pew Research Center. October 6, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (accessed: 20.01.2021). See also: [Meng 2019].

potential for a Peloponnesian War type scenario because it has completely eroded any trust or good will left in the relationship, leaving mostly animosity left, potentially exacerbating the underlying structural drivers for a pre-emptive attack of sorts³.

The emergence of such thinking is unsurprising because historical analogising has long been a popular analytical tool in both journalism and academia. However, this article argues that both the Cold War and Peloponnesian War analogies are not fit for purpose when examining the current state of the Sino-American relationship. The problem with looking to the past to provide an analytical lens for the present is that, to make it work, one must cut significant corners and engage in reductivism. The individuals, units, systems, ideologies, and psychologies of any one time and space are different from the individuals, units, systems, ideologies, and psychologies of any other time and space. Of course, the Sino-American relationship is undoubtedly affected by pressures and conditions that are somewhat analogous with either the Cold War or the Peloponnesian War. It is also undeniable that China’s rise is causing serious consternation in Washington leading it to consider different strategies. All the time the transition of the international system towards bipolarity is creating ripples which are being felt in both Washington and Beijing. However, this is a unique situation which requires a unique lens to examine.

The Technological Advancement of Cyberspace and Its Effect on Great Power Competition

Part of the uniqueness of the current cooling of the Sino-American relationship lies in the

³ See: Brown K. For the US and China, Thucydides’ Trap Is Closing // The Diplomat. June 11, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/06/for-the-us-and-china-thucydides-trap-is-closing/> (accessed: 20.01.2021); Tang Y. As a second wave looms, the US and China must escape the coronavirus ‘trap’ and work together to avert disaster // South China Morning Post. July 4, 2020. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3091422/second-wave-looms-us-and-china-must-escape-coronavirus-trap-and> (accessed: 20.01.2021).

technological landscape of the contemporary world. Technological advancement has been a key component in determining the nature of the interaction between different units since the dawn of humanity. For instance, Neumann [2018] argues that a crude form of diplomacy first emerged in prehistoric times due to the technological developments — namely advances during the stone age — which enabled big game hunting. But, importantly, the success of the hunt was predicated on the cooperation of groups which necessitated a kind of diplomacy. As Sai Felicia Krishna-Hensel [2010] argues, technological advancement “increases the options available to policymakers in their pursuit of the goals of the state, but also complicates their decision making”.

The most important recent technological development for international politics has arguably been the “digital revolution” which began during the Cold War and has continued to evolve at an exponential rate since. The most notable manifestation of the digital revolution has been the continued advances in computer technology, especially the internet and the spread of access to the internet across the globe. Klaus Schwab, the founder of the World Economic Forum, has argued that the digital revolution — what he terms the third industrial revolution — is currently giving way to a fourth industrial revolution: “a fusion of technologies that is blurring the lines between the physical, digital, and biological spheres”⁴. One key product of the digital revolution — an area which is accelerated and changed by the ongoing fourth industrial revolution — for international politics has been the creation of a new realm of human interaction, one which also extends to international politics: cyberspace.

Michael Benedikt [1994: 123] defines cyberspace as a “globally networked, computer-sustained, computer-accessed, and computer-generated, multidimensional, artificial, or ‘virtual’ reality”. The growth and proliferation of

individuals accessing cyberspace has been significant since the mid-1990s. As of 2019, 51 % of the globe (87 % of people in developed countries versus 44 % of people in developing countries) with a total cyberspace population of around 4 billion individuals⁵. Beyond individual use, cyberspace has also grown into a crucial network for the functioning of machines — the “internet of things” — and has become a significant area for economic activity: the “digital economy” now roughly accounts for 15 % of global GDP⁶.

The international relations of cyberspace is a challenging arena to observe because interactions in cyberspace are much more opaque than in the “real world”, so knowing who is behind an action, or actions, can be difficult [Choucri, Goldsmith 2012]. Furthermore, as Jairus Grove [2020: 436] argues, beyond the traditional actors found in the international politics, with the advent of this so-called fourth industrial revolution “the range of actors include algorithms, robots, the collective and space / time altering character of the internet of things as well as the aspirational planning for general artificial intelligence to govern the swarms of machinic life and potentially humans as well”. States are still the prime actors, especially greater powers, but their power is not as obvious as in the “real world” and is probably diminishing as time goes by, especially with the growth of tech giants like Apple, Alibaba, Alphabet, Tencent, Facebook and Microsoft [Cartwright 2020]. Importantly, as evident in the preceding list, there is a clear U.S. — China dichotomy emerging in these tech giants, with the closeness of the Chinese Communist Party to their tech giants a particular international concern⁷.

⁵ Statistics of ITU-D // International Telecommunication Union. 2019. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (accessed: 21.01.2021).

⁶ Digital Economy Report 2019 // UNCTAD. 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (accessed: 21.01.2021).

⁷ Dorfman Z. Tech giants are giving China a vital edge in espionage // Foreign Policy. December 23, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/12/23/china-tech-giants-process-stolen-data-spy-agencies/> (accessed: 21.01.2021).

⁴ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: what it means and how to respond // World Economic Forum. January 14, 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (accessed: 21.01.2021).

Importantly, though, unlike in the “real world” where the putative Westphalian system is (still) mediated by the presence of nuclear weapons, economic interdependence, multilateralism, and agreed norms, cyberspace is undoubtedly an area where competition between states is at its most ferocious⁸. Because of this, states, especially greater powers, have invested significantly in increasing cyber capabilities in the most recent decade, not only for the pursuit of diplomacy but also for war. Cyber diplomacy, as Barrinha and Renard [2017: 353] observe, has become pivotal in the day-to-day business of international politics because “most global powers have now streamlined cyber issues into their foreign policies, adopting cyber strategies and appointing designated diplomats to pursue these strategic objectives”. Regarding conflict and warfare, arguably at first, cyber-attacks were mostly conducted by disgruntled states like China, Russia, Iran, or North Korea or groups of hackers (often known as “hacktivists”) such as the “Legion of Doom” or “Anonymous” [Middleton 2017]. But, since the mid-2000s, after growing increasingly paranoid about its vulnerability to cyber-attack (especially from China and Russia), the United States has invested heavily in increasing its cyber capabilities, sparking something of a cyber “arms race” [Demchak, Dombrowski 2014; Linnéll 2016].

The COVID-19 Pandemic and the Ensuing Battle of Narratives in Cyberspace

In the context of Sino-American competition in cyberspace, much attention has focused on the material aspect of this competition, especially in recent times with a spike of interest around 5G technology and the permutations of this for international security [Cartwright 2020]. However, this article argues that where competition in cyberspace is perhaps the most unhinged right now is in the ideational

realm, particularly with regards to the assertion of narratives.

The notion that narratives (and in some ways, the “truth”) could be competed over in cyberspace became more prominent in the wake of the 2016 US presidential election where Russia was alleged to have helped the Trump campaign, in part, through propagating (and disseminating) information (some obtained illegally through a cyber-attack on the Democratic National Congress) in cyberspace that smeared the Democratic nominee, Hilary Clinton. Whether it was pivotal to Trump’s victory or not, what the 2016 US presidential election fiasco demonstrated was how cyberspace could be used by states to manage the perceptions of publics (both domestic and foreign) [Polyakova, Boyer 2018]. And like in the “real world”, states are similarly confronted with something of a two-level game in cyberspace as they have to balance their domestic game, that is domestic state-society relations, with their international game, that is international diplomatic strategy and activities [Bjola, Manor 2018]. The problem in recent years, however, is that the domestic settings of many states — China and the United States included — have become beset by rising nationalism which arguably intensifies the battle of narratives [Jaworsky, Qiaoan 2020].

Competing narratives are not uncommon to the Sino-American relationship, especially in cyberspace. Over the years, both sides have asserted alternative narratives on topics such as the Tiananmen Square massacre, the North Korea issue, and more recently, Hong Kong. However, it is arguably with the onset of the COVID-19 pandemic in January 2020 that a battle of narratives between the United States and China became extremely competitive [Jaworsky, Qiaoan 2020], and this was especially evident in cyberspace. Two key narrative battles have emerged over the COVID-19 pandemic: one over the origin of the virus and one over the response to the virus.

Narrative Battle #1: The Origin of the COVID-19 Pandemic

As the severity of COVID-19 and its potential to evolve into a pandemic became

⁸ Wheeler T. In *Cyberwar, There are No Rules // Foreign Policy*. September 12, 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/09/12/in-cyberwar-there-are-no-rules-cybersecurity-war-defense/> (accessed: 21.01.2021). See also: [Diesen 2021; Huseynov 2019; Smith 2020].

known, one of the key narrative battles that instantly beset Sino-American relations in cyberspace was to do with the origin of the virus and whether China was to blame for the pandemic or not. As the situation worsened in the United States — cases started to spike in March and have, as of January 2021, continued to remain high — its leadership made a conscious effort to reiterate that the virus had its origins in China. Then United States President, Donald Trump, repeatedly labelled COVID-19 the ‘China Virus’. Tellingly, Trump used the term publicly approximately five hundred times in 2020⁹. Trump also used a series of other terms, albeit it less frequently, to stress a ‘Chinese’ nature to the virus: the ‘China Plague’ (used approximately three hundred and fifty times); ‘Kung Flu’ (used approximately five times) and the ‘Wuhan virus’ (used approximately three times)¹⁰. That Trump deliberately intended to target China was seemingly further revealed when a photographer captured Trump’s White House briefing notes, the word ‘corona’ crossed out and replaced with ‘Chinese’¹¹. Trump was not alone, however, in identifying the virus as a threat emanating from China. Then United States Secretary of State, Mike Pompeo, notably caused friction with other G7 ministers by insisting on calling the virus the ‘Wuhan virus whereas the other six members preferring ‘COVID-19’ as was favoured by WHO, resulting in the group failing to make a joint statement¹².

In addition to asserting a narrative that the virus was of Chinese origin, United States officials further asserted that its spread had been aided by an attempted cover-up by the Chinese

Communist Party (CCP). Pompeo asserted that the CCP was engaged in a “disinformation campaign” to “try and deflect from what has really taken place”¹³. Pompeo continued to attack China thereafter, remarking in a public speech at the Nixon Presidential Library that China had a ‘virulent strain’ of communism and that the world would have been ‘much better’ if ‘we had been able to hear from the doctors in Wuhan and they’d been allowed to raise the alarm’¹⁴. Such accusations also mirror the language and narrative of Trump. In May 2020, Trump, in a tweet, publicly admonished China for “incompetence” and its role in “mass Worldwide killing!”¹⁵.

Much of the narratives asserted by the United States online, especially via Trump and Pompeo, attempted to establish the “truths” that not only did the virus originate in China, but the CCP could have prevented the pandemic. Nonetheless, some narratives were more conspiratorial, including a prominent “fringe” narrative that asserted that China deliberately developed the virus as a kind of biological weapon to hurt the United States. Although this theory was most prominent in conservative and far-right circles, such as Republican Senator, Tom Cotton, and the website *Townhall*¹⁶, Trump and his wider support network still gave some credence to the theory. A report by the Australia Institute’s Centre for Responsible Technology identified a coordinated use of social media by pro-Trump accounts to spread disinformation

⁹ Donald Trump Complete — Best Tweets, Speeches, Policies // FactSquared. URL: <https://factba.se/trump/search/#Donald%2BTrump> (accessed: 25.01.2021).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Chiu A. Trump calling coronavirus ‘Chinese virus’ encourages racism against Asian Americans, experts say // *The Washington Post*. March 20, 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/03/20/coronavirus-trump-chinese-virus/> (accessed: 25.01.2021).

¹² Graziosi G. Coronavirus: Mike Pompeo insists G7 use “Wuhan Virus” — but world officials refuse // *The Independent*. March 25, 2020. URL: <https://www.independent.co.uk/news/coronavirus-g7-wuhan-virus-mike-pompeo-trump-a9426261.html> (accessed: 25.01.2021).

¹³ Pompeo says G7 discussed China’s coronavirus “disinformation” // *Reuters*. March 25, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-health-coronavirus-pompeo-china-idUKKBN21C2N3> (accessed: 25.01.2021).

¹⁴ Pompeo M.R. Communist China and the Free World’s Future // U.S. Department of State. July 23, 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/index.html> (accessed: 25.01.2021).

¹⁵ Trump blames China for “mass Worldwide killing” // *France24*. May 20, 2020. URL: <https://www.france24.com/en/20200520-trump-blames-china-for-mass-worldwide-killing> (accessed: 25.01.2021).

¹⁶ Baumann B. Why the State Department Is Raising New Concerns about COVID’s Origination // *Townhall*. January 17, 2021. URL: <https://townhall.com/tipsheet/bethbaumann/2021/01/17/state-department-raises-major-flags-about-the-wuhan-institute-of-virologys-role-n2583272> (accessed: 25.01.2021).

propagating the “China bioweapon conspiracy theory”¹⁷.

The commonality of all these narratives, no-matter the severity of the blame they placed on China, was that they sought to keep the focus on China while absolving the United States of any blame for their apparent mishandling of the pandemic at home.

China was neither idle nor passive in responding to the narratives being asserted by the United States. Chinese officials and Chinese state media began by angrily responding to American accusations and association of the virus with China. In early May 2020, China’s Ambassador to the United States, Cui Tiankai, wrote a retort in the *Washington Post*, lambasting the language emanating from Trump and Washington while characterising the habit of ‘always blame China’ as an ‘absurd mindset’ behind which lay ‘dirty politics’¹⁸. Chinese State media meanwhile reserved particular anger for Pompeo, even calling into question his Christian Faith. The *China Daily* published an opinion piece which had the headline “Pompeo’s remarks not befitting of a Christian” and was accompanied by a cartoonist’s rendering of Pompeo’s Christian façade being a cover for American lies and cheating¹⁹.

Beyond angry retorts, however, China has also embarked in a more ambitious endeavour to shift what seemed to be a foundational truth about the pandemic: that it originated in China. One of China’s most prominent officials on

Twitter (with more than 800,000 followers), Zhao Lijian, tweeted that ‘It might be US army who brought the epidemic to Wuhan’, suggesting not only was the true origin of the virus the United States but the outbreak in China was some form of military attack²⁰. Indeed, this narrative mirrors the “China bioweapon conspiracy theory” being pushed by fringe elements in the United States, although in China’s case it came directly from a government spokesperson. However, beyond simply blaming the United States, China has sought to cast doubt about the Chinese origins of COVID-19 by suggesting multiple different possible origins for the virus. In November 2020, for example, the *Global Times* (a state-owned English language newspaper) ran an article about how a cutting-edge scientific inquiry by Chinese researchers had found evidence that the Indian subcontinent may have been the true origin of the first COVID-19 transmission²¹. The paper was removed at the request of the authors before it could receive peer review, however, this did not prevent it from making global news.

Whilst the two examples mentioned above demonstrate attempts to identify the origins of COVID-19 with countries China has had recent tensions with, the United States and India, there have also been endeavours to identify the origins of the virus in nations China has concurrently been attempting to cultivate friendships with (friendliness is an important narrative pushed by China, globally), most notably Italy. When Italy was seriously affected by the virus, and the United States and the European Union seemed unwilling to help, China had offered supplies and solidarity with Italy in an effort that has been regarded an attempt to demonstrate global leadership and establish China as a caring, humanitarian power [Smith, Fallon 2020]. Yet, despite these efforts, when the opportunity arose, the Chinese state news agency, *Xinhua*,

¹⁷ Graham T., Bruns A., Zhu G., Campbell R. Like a virus: The coordinated spread of coronavirus disinformation // Centre for Responsible Technology of the Australian Institute. May 2020. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/theausinstitute/pages/3316/attachment_s/original/1590956846/P904_Like_a_virus_-_COVID19_disinformation__Web_.pdf?1590956846 (accessed: 25.01.2021).

¹⁸ Cui T. Chinese ambassador Cui Tiankai: Blaming China will not end this pandemic // *The Washington Post*. May 6, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/chinese-ambassador-cui-tiankai-blaming-china-will-not-end-this-pandemic/2020/05/05/4e1d61dc-8f03-11ea-a9c0-73b93422d691_story.html (accessed: 25.01.2021).

¹⁹ Wei D. Pompeo’s remarks not befitting of a Christian // *China Daily*. June 24, 2020. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202006/24/WS5ef29805a310834817255044.html> (accessed: 25.01.2021).

²⁰ China government spokesman says U.S. army might have brought virus to China // *Reuters*. March 12, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-ministry-idUSKBN20Z2HJ> (accessed: 25.01.2021).

²¹ Liu C., Fan A. More evidence supports multiple virus origins // *Global Times*. November 29, 2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1208404.shtml> (accessed: 25.01.2021).

identified Italy in December 2020 as the actual ground zero of the pandemic²². More recently, in January 2021, Xinhua suggested that COVID-19 had appeared in ‘multiple’ countries before China, citing that the virus had been found on samples of imported frozen food packaging²³. This seems to be a somewhat desperate strategy of using multiple narratives as a kind of “carpet bomb”, as by offering multiple potential origins of the COVID-19 pandemic, China was hoping that it could, if not disprove, obfuscate the widely accepted narrative that it began in Wuhan in December 2019.

Narrative Battle #2: China Has Been the Most Successful in Responding to the Pandemic

Whereas the narrative battle examined above was a case of the United States asserting a narrative and China responding, a second narrative battle emerged out of this and centred around the narrative of which country has had the best response to the COVID-19 pandemic. However, unlike the first narrative battle, this one was asserted by China, with the United States responding. Once China had managed to get the COVID-19 outbreak under control, around late February, it sought to divert attention away from narratives of ‘origins’ toward narratives of ‘solutions’. A common narrative put forward by Chinese state media outlets and officials is that while determining the origins of the virus may help us deal with it, it is not the most effective way because stopping the outbreak is now clearly more important than blaming it on others²⁴. Indeed, in the May 2020

Washington Post opinion piece written by China’s Ambassador to the United States, Cui Tiankai remarked that the ‘blame China’ attitude is hurting efforts to fight the disease²⁵. This is a point that continues to be reiterated in 2021, as a recent Xinhua article stressed that Western ‘rumour spreading’ over origins covers up their failings and inhibits the world from controlling the spread of the virus²⁶. Additionally, China’s continued stymying of a transparent World Health Organization (WHO) probe could be seen as a way of trying to keep the focus on solutions²⁷.

China feels more confident discussing the topic of solutions than the topics of origins. Indeed, foundational to the CCP’s narrative on the virus is that China has found COVID-19’s kryptonite: Xi Jinping thought and China’s Socialist system. As early as March, Chinese State media was declaring a victory over COVID-19, attributing success to a combination of Xi’s leadership and thought and Chinese socialist system which allowed for rapid mobilisation and solidarity²⁸. China’s ‘institutional advantages’ were particularly praised as a key difference between China’s ‘low death rate’ compared to western liberal States²⁹. Special praise was, however, reserved for Xi. Xinhua published a chronicle of Xi’s leadership, praising him for tirelessly taking the lead and

²² Hernandez J.C. China Peddles Falsehoods to Obscure Origin of COVID Pandemic // *The New York Times*. December 6, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/06/world/asia/china-covid-origin-falsehoods.html> (accessed: 25.01.2021).

²³ Science, and only science, in COVID-19 origin-tracing // Xinhua. January 14, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/14/c_139667230.htm (accessed: 25.01.2021).

²⁴ Coronavirus may have existed in Italy since November: local researcher // CGTN. March 22, 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-03-22/Coronavirus-may-have-existed-in-Italy-since-November-local-researcher-P4i2As2OAg/index.html> (accessed: 25.01.2021).

²⁵ Cui T. Chinese ambassador Cui Tiankai: Blaming China will not end this pandemic // *The Washington Post*. May 5, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/chinese-ambassador-cui-tiankai-blaming-china-will-not-end-this-pandemic/2020/05/05/4e1d61dc-8f03-11ea-a9c0-73b93422d691_story.html (accessed: 25.01.2021).

²⁶ Science, and only science, in COVID-19 origin-tracing // Xinhua. January 14, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/14/c_139667230.htm (accessed: 25.01.2021).

²⁷ Shepherd C. China blocks WHO team sent to probe COVID’s origins // *The Financial Times*. January 06, 2021. URL: <https://www.ft.com/content/7e9ce61d-7b72-456b-a2e4-48b167bfd394> (accessed: 26.01.2021).

²⁸ Xi leads people’s war on epidemic // Xinhua. March 12, 2020. URL: <https://www.chinadailyhk.com/article/124100> (accessed: 31.01.2021).

²⁹ Low death rate from China’s institutional advantages: China Daily commentary // *China Daily*. April 17, 2020. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202004/17/WS5e994c05a3105d50a3d16ff4.html> (accessed: 31.01.2021).

mobilising China in the ‘people’s war’ against the ‘invisible enemy’³⁰. And beyond Xi’s leadership qualities, his own thoughts and, especially, his ability to govern via a system of Socialism with Chinese Characteristics, were deemed essential elements of ensuring the nation’s victory.

Although the seemingly excessive lauding of Xi might appear to be purely for domestic audiences, sections of foreign publics, even in the West, have shown admiration for “strongmen” leaders like Xi and Putin and often there is a craving for strong leadership in a time of crisis. The same is true of China’s authoritarian rule as COVID-19 hit at a time of significant Western disillusionment with regards democracy, making some foreign publics perhaps more receptive than usual. And importantly, the international audience in China’s narratives was not ignored. China’s Minister of Foreign Affairs, Wang Yi, has consistently emphasised that China has won ‘international admiration’ due to its successful defeat of the virus and that its model of strong leadership (Xi) and system (Socialism with Chinese Characteristics) are models other countries can follow³¹. Indeed, an emerging narrative pushed by China is that its practices during the pandemic should be a source of guidance for other countries on how to put people first and tackle challenges for the international community³². To this end, the CCP

³⁰ Xi Focus: Chronicle of Xi’s leadership in China’s war against coronavirus // Xinhua. September 07, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/07/c_139349538.htm (accessed: 26.01.2021).

³¹ See: Wang Y. Following Xi Jinping Thought on Diplomacy To Build a Community with a Shared Future for Mankind Through International Cooperation Against COVID-19 // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. April 19, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1771257.shtml (accessed: 26.01.2021); Wang Y. Resolutely Defeating the COVID-19 Outbreak and Promoting the Building of a Community with a Shared Future for Mankind // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. March 02, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1751673.shtml (accessed: 26.01.2021).

³² He Y. China’s governance contributes wisdom, power to world // People’s Daily Online. May 26,

owned ‘Central Compilation and Translation Press’ recently published in English a book by Xi Jinping titled ‘Discourses on coordinating epidemic control with economic, social development’, which is touted as a manual to help other countries fight the COVID-19 pandemic³³.

In response to China’s narratives of success in fighting the COVID-19 outbreak, the United States was initially complimentary. When the outbreak of COVID-19 became international news, Trump was extremely positive about the Chinese response and reserved extensive praise for Xi. For instance, in early February, Trump tweeted: “Just had a long and very good conversation by phone with President Xi of China. He is strong, sharp and powerfully focused on leading the counterattack on the Coronavirus”³⁴.

Trump’s effusive praise for China was complemented by his desire to downplay the severity of the virus for much of early 2020, and thus not wish to see it as a ‘threat’ (regardless of if it came from China or not). However, as the situation worsened domestically in the United States, Trump and officials started to change their narratives in March 2020. A tipping point of this was arguably Zhao Lijian’s controversial tweet on March 12 which accused the US army of bringing the virus to Wuhan. Trump appeared to be personally upset by the tweet³⁵. And although Trump remained somewhat loyal to Xi — he notably praised Xi when campaigning for the 2020 US presidential election — China’s

2020. URL: <http://en.people.cn/n3/2020/0526/c90000-9694393.html> (accessed: 31.01.2021).

³³ Xi’s discourses on coordinating epidemic control with economic, social development published in English // Xinhua. December 13, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-12/13/c_139586146.htm (accessed: 26.01.2021).

³⁴ Ward M. 15 times Trump praised China as coronavirus was spreading across the globe // POLITICO. April 15, 2020. URL: <https://www.politico.com/news/2020/04/15/trump-china-coronavirus-188736> (accessed: 26.01.2021).

³⁵ Viala-Gaufrey J., Lindaman D. Donald Trump’s ‘Chinese virus’: the politics of naming // The Conversation. April 21, 2020. URL: <https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796> (accessed: 26.01.2021).

claims about its successes in combatting COVID-19 became more heavily scrutinized and rebuked by the United States. In a classified intelligence report to the White House that was leaked in early April, and widely reported online, China was accused of “under-reporting both total cases and deaths it’s suffered from the disease”³⁶.

The United States and some of its partners, such as the EU, took even stronger steps to try and counter Chinese narratives about its success in fighting COVID-19. As mentioned earlier in this section, China had sought to gain international adulation for its humanitarian efforts — widely known as mask diplomacy — and part of their narrative was highlighting that other powers, such as the United States and the EU, were absent in the time of need of countries like Italy, Spain, and Serbia [Smith, Fallon 2020]. The European Commission was the first to consciously attempt to fight this “disinformation” by providing factual evidence of China’s support for European countries vis-à-vis the EU’s support³⁷. Meanwhile, the United States followed suit, utilising the State Department’s ‘Global Engagement Center’, an interagency entity that had been set up in 2016 to counter the efforts of international terrorist groups but had become mostly occupied with countering perceived Russian disinformation efforts concerning the 2016 US presidential election. In early May 2020, Lea Gabrielle, head of the Global Engagement Center, warned of there being a “one-way megaphone from the Chinese Communist Party into free, open and democratic societies” which was pushing a “disturbing convergence of narratives” about the COVID-19 pandemic³⁸. And perhaps as a sign of a greater

pushback against Chinese narratives is to follow, new United States president, Joseph Biden, has tabbed a noted China disinformation expert, Laura Rosenberger, for a position in his National Security Council team³⁹.

Discussion

This article’s brief analysis of two of the main narrative battles that have occurred between China and the United States in cyberspace since the onset of the COVID-19 pandemic demonstrates that there is significant competition between the two in this area. Of course, part of what is driving this competition is the challenging domestic settings politicians and officials find themselves in both China and the United States. Because of this, much of the narratives being asserted by both sides are predominately for domestic audiences.

However, the international aspect of this should not be entirely eschewed from analysis because both sides have a lot on the line with regards their international reputation and, unlike in the Cold War, cyberspace connects states with foreign publics more intimately. In China’s case, it had the potential to become an internationally respected humanitarian power; an inspiring country which successfully defeated the virus without much cost while simultaneously helping more heavily afflicted countries through largesse and advice. In the United States’ case, it had the potential to lose even more if its international reputation which had reached new depths under the presidency of Trump; a bumbling country that, despite its wealth and power, was unable to prevent a domestic disaster or help any of its purported friends and allies.

After 12 months of the COVID-19 pandemic, it appears that both China and the United States have failed in asserting their narratives internationally and are, in a way, both

³⁶ Wadhams N., Jacobs J. China Concealed Coronavirus Outbreak Extent: U.S. Intelligence // Bloomberg. April 01, 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-01/china-concealed-extent-of-virus-outbreak-u-s-intelligence-says> (accessed: 26.01.2021).

³⁷ Fighting disinformation // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/fighting-disinformation_en#separating-fact-from-fiction-on-covid-19 (accessed: 26.01.2021).

³⁸ Shinkman P.D. State Department: China Working With Russia to Spread Coronavirus Disinformation on Twitter. // U.S. News. May 8, 2020. URL: [https://www.usnews.com/news/world-report/articles/2020-](https://www.usnews.com/news/world-report/articles/2020-05-08/state-department-china-working-with-russia-to-spread-coronavirus-disinformation-on-twitter)

[05-08/state-department-china-working-with-russia-to-spread-coronavirus-disinformation-on-twitter](https://www.usnews.com/news/world-report/articles/2020-05-08/state-department-china-working-with-russia-to-spread-coronavirus-disinformation-on-twitter) (accessed: 26.01.2021).

³⁹ Brennan D. Joe Biden Taps China Coronavirus Disinformation Expert for NSC // Newsweek. January 15, 2021. URL: <https://www.newsweek.com/joe-biden-taps-china-coronavirus-disinformation-expert-nsc-laura-rosenberger-1561885> (accessed: 26.01.2021).

losers. In the case of the first narrative battle over the origin of the virus, China's attempts to cast doubt over Wuhan being the origin of COVID-19 has been a massive failure. In the 2020 edition of the Pew Research Center's survey of perceptions on China, global perceptions on China had soured noticeably from 2019, with China's role in the COVID-19 pandemic being the clear factor for this⁴⁰. China's efforts to obfuscate the question of origins likely resulted in something of a 'Streisand effect' as it drew even more suspicion and scrutiny.

In the case of the second narrative battle, China has, indeed, won some international praise for its success in getting COVID-19 under control. In the same Pew survey, global perceptions were generally that China had done a better job in combatting COVID-19 than the United States, although both countries were judged more negatively than positively⁴¹. Problematically for China is that trust in Xi Jinping to do the right thing has reached all-time lows, meaning very few people expect China to do the right thing with regards COVID-19.

Although the relationship between China and the United States has devolved into much bickering, name-calling, and general nastiness since the onset of the COVID-19 pandemic, this kind of cyber-narrative competition, as worrying as it may be, is still not as hazardous as the

envisaged scenarios of the Sino-American relationship offered by the new Cold War or new Peloponnesian War analogies.

Although the battle of narratives is fierce and somewhat unhinged, it will not necessarily bleed into the "real world", particularly as there still exists significant mediating factors that rationally preclude any serious conflict, such as ongoing trade interdependence (even after the trade wars), robust financial flows, the existence of nuclear weapons capabilities on both sides, and a lack of fervent popular support domestically on either side for a military conflict.

Nonetheless, one cannot overlook the importance of the "domestic games" both China and the United States have been playing and how this affects the Sino-American relationship. Trump's deflecting of the blame for the United States' poor handling of the pandemic by focusing on the origin of the virus in China and Xi's efforts to obfuscate the question of origins while focusing more on the success of China since the outbreak are both largely for domestic audiences. But such narratives come with significant implications for the "international games" both China and the United States have been playing and this is being especially felt in cyberspace at the moment. Conflict in cyberspace is a newish phenomenon and where this ongoing cyber conflict between China and the United States might head is hard to assert right now. However, this article contends that this will be the epicentre of Sino-American competition for the foreseeable future, rather than something more akin to a new Cold War or a new Peloponnesian War.

⁴⁰ Silver L., Devlin K., Huang C. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries // Pew Research Center. October 6, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (accessed: 20.01.2021).

⁴¹ Ibid.

Received / Поступила в редакцию: 01.02.2021
Accepted / Принята к публикации: 02.04.2021

References / Библиографический список

- Allison, G. (2017). *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Barrinha, A., & Renard, T. (2017). Cyber-diplomacy: the making of an international society in the digital age. *Global Affairs*, 3(4—5), 353—364. <https://dx.doi.org/10.1080/23340460.2017.1414924>
- Benedikt, M. (1994). Cyberspace: Some proposals. In M. Benedikt (Eds.), *Cyberspace: First steps* (pp. 119—224). Cambridge, MA: MIT Press.

- Bjola, C., & Manor, I. (2018). Revisiting Putnam's two-level game theory in the digital age: Domestic digital diplomacy and the Iran nuclear deal. *Cambridge Review of International Affairs*, 31(1), 3—32. <https://dx.doi.org/10.1080/09557571.2018.1476836>
- Bronfenbrenner, U. (1961). The mirror image in Soviet-American relations: A social psychologist's report. *Journal of Social Issues*, 17(3), 45—56. <https://dx.doi.org/10.1111/j.1540-4560.1961.tb01682.x>
- Cartwright, M. (2020). Internationalising state power through the internet: Google, Huawei and geopolitical struggle. *Internet Policy Review*, 9(3), 1—18. <https://dx.doi.org/10.14763/2020.3.1494>
- Choucri, N., & Goldsmith, D. (2012). Lost in cyberspace: Harnessing the Internet, international relations, and global security. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 68(2), 70—77. <https://dx.doi.org/10.1177/0096340212438696>
- Clarke, M. (2017). The Belt and Road initiative: China's new grand strategy? *Asia Policy*, (24), 71—79. <https://dx.doi.org/10.1353/asp.2017.0023>
- Demchak, C.C., & Dombrowski, P.J. (2014). Rise of a cybered Westphalian age: The coming decades. In M. Mayer, M. Carpes & R. Knoblich (Eds.), *The global politics of science and technology* (Vol. 1, pp. 91—113). Berlin: Springer. https://dx.doi.org/10.1007/978-3-642-55007-2_5
- Diesen, G. (2021). *Great power competition in the Fourth industrial revolution: The geoeconomics of technological sovereignty*. London: Bloomsbury Publishing.
- Grove, J. (2020). From geopolitics to geotechnics: Global futures in the shadow of automation, cunning machines, and human speciation. *International Relations*, 34(3), 432—455. <https://dx.doi.org/10.1177/0047117820948582>
- Huseynov, V. (2019). *Geopolitical rivalries in the "Common Neighborhood": Russia's conflict with the West, soft power, and neoclassical realism*. Stuttgart: Ibidem Press.
- Jaworsky, B.N., & Qiaoan, R. (2020). The politics of blaming: The narrative battle between China and the US over COVID-19. *Journal of Chinese Political Science*. <https://dx.doi.org/10.1007/s11366-020-09690-8>
- Krishna-Hensel, S.F. (2010). Technology and international relations. In R.A. Denmark & R. Marlin-Bennett (Eds.), *The International studies encyclopedia* (Vol. 11, pp. 6947—6959). New York: Wiley-Blackwell.
- Li, W. (2020). Why do we need to revisit the Cold War? *China International Strategy Review*, 2(1), 86—98. <https://dx.doi.org/10.1007/s42533-020-00047-7>
- Linnéll, J. (2016). The cyber arms race is accelerating — what are the consequences? *Journal of Cyber Policy*, 1(1), 50—60. <https://dx.doi.org/10.1080/23738871.2016.1158304>
- Meng, W. (2019). Unity, democracy, and anti-Americanism in China. *The Washington Quarterly*, 42(3), 121—135. <https://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2019.1664844>
- Middleton, B. (2017). *A history of cyber security attacks: 1980 to present*. Boca Raton: CRC Press.
- Moore, G.J. (2017). Avoiding a Thucydides Trap in Sino-American relations (...and 7 reasons why that might be difficult). *Asian Security*, 13(2), 98—115. <https://dx.doi.org/10.1080/14799855.2017.1286162>
- Moosa, I.A. (2020). The Thucydides Trap as an alternative explanation for the US–China trade war. *Global Journal of Emerging Market Economies*, 12(1), 42—55. <https://dx.doi.org/10.1177/0974910119896644>
- Neumann, I.B. (2018). A prehistorical evolutionary view of diplomacy. *Place Branding and Public Diplomacy*, 14(1), 4—10. <https://dx.doi.org/10.1057/s41254-017-0089-z>
- Polyakova, A., & Boyer, S.P. (2018). *The future of political warfare: Russia, the West, and the coming age of global digital competition*. Washington, DC: Brookings Institution.
- Rapkin, D.P., Thompson, W.R., & Christopherson, J.A. (1979). Bipolarity and bipolarization in the Cold War era: Conceptualization, measurement, and validation. *Journal of Conflict Resolution*, 23(2), 261—295. <https://doi.org/10.1177/002200277902300203>
- Sachs, J.D. (2019). Will America create a cold war with China. *China Economic Journal*, 12(2), 100—108. <https://dx.doi.org/10.1080/17538963.2019.1601811>
- Schweller, R.L., & Pu, X. (2011). After unipolarity: China's visions of international order in an era of US decline. *International Security*, 36(1), 41—72.
- Smith, N.R. (2019). International order in the coming cryptocurrency age: The potential to disrupt American primacy and privilege? *Rising Powers Quarterly*, 3(1), 77—97.
- Smith, N.R. (2020). *A New Cold War? Assessing the current US — Russia relationship*. Cham: Palgrave Pivot.
- Smith, N.R., & Fallon, T. (2020). An epochal moment? The COVID-19 pandemic and China's international order building. *World Affairs*, 183(3), 235—255. <https://dx.doi.org/10.1177/0043820020945395>
- Thaliyakkattil, S. (2019). Introduction: The BRI as strategic camouflage. In S. Thaliyakkattil (Eds.), *China's Achilles' heel: The Belt and Road Initiative and its Indian discontents* (pp. 1—35). Singapore: Springer Singapore. https://dx.doi.org/10.1007/978-981-13-8425-7_1

Yoder, B.K. (2019). Uncertainty, shifting power and credible signals in US — China relations: Why the “Thucydides Trap” is real, but limited. *Journal of Chinese Political Science*, 24(1), 87—104. <https://dx.doi.org/10.1007/s11366-019-09606-1>

Zhang, B. (2019). The perils of hubris? A tragic reading of “Thucydides’ Trap” and China — US relations. *Journal of Chinese Political Science*, 24(1), 129—144. <https://dx.doi.org/10.1007/s11366-019-09608-z>

About the authors: *Smith Nicholas Ross* — PhD, Associate Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, School of International Studies, University of Nottingham Ningbo China, Ningbo, China; ORCID: 0000-0003-1959-0365; e-mail: nr.smith@soverin.net

Brown Ruairidh John — PhD, International Studies Tutor, Centre for English Language Education, University of Nottingham Ningbo China, Ningbo, China; ORCID: 0000-0001-5492-3132; e-mail: ruairidh.brown@nottingham.edu.cn

Сведения об авторах: *Смит Николас Росс* — PhD, профессор факультета гуманитарных и социальных наук, Школа международных исследований Ноттингемского университета, кампус Нинбо, Нинбо, Китай; ORCID: 0000-0003-1959-0365; e-mail: nr.smith@soverin.net

Браун Руэрид Джон — PhD, сотрудник центра обучению английскому языку Ноттингемского университета, кампус Нинбо, Нинбо, Китай; ORCID: 0000-0001-5492-3132; e-mail: ruairidh.brown@nottingham.edu.cn

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-265-278

Research article / Научная статья

Strategies of Sino-American Rivalry in Africa: From 2000 to COVID-19

Earl Conteh-Morgan

University of South Florida, Tampa, Florida, USA
✉ conteh@usf.edu

Abstract. In this article it is argued that Sino-American rivalry in Africa is based on competing strategies utilized by each power to enhance their interests and bilateral ties on the continent, as well to try and outdo each other in image projection and overall influence expansion. These strategies of rivalry and power enhancement revolve around promoting close military ties and transactions on the continent; the framing of the continent in the language of securitization and strategic importance; and the perennial utilization of discourse or narrative that frames the other as detrimental to the interests of African states. These strategies of containing the others power preponderance or influence have expanded to include what is now referred to as vaccine diplomacy on the part of China, and during the Trump Administration the raising of loud alarm bells of China trying to dispossess Africa through what could be referred to as the “debt trap”. The consequences of these competing strategies enhance the following: authoritarianism in some key African states; increased jihadism in some regions of Africa as a reaction to the presence of the two major powers on the continent; weapons implicated in state violence and war crimes; and less money available for development as a result of resources being diverted to militarization. The ongoing pandemic will add another dimension to the US — China rivalry as both powers try to project an image of being the most concerned about Africa on as it relates to combating the virus.

Key words: Africa, United States, China, militarization and securitization, discourse, vaccine diplomacy

For citation: Conteh-Morgan, E. (2021). Strategies of Sino-American Rivalry in Africa: From 2000 to COVID-19. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 265—278. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-265-278>

Стратегии китайско-американского соперничества в Африке: с 2000 г. до пандемии COVID-19

Э. Конте-Морган

Университет Южной Флориды, Тампа, Флорида, США
✉ conteh@usf.edu

Аннотация. Утверждается, что китайско-американское соперничество в Африке основано на конкурирующих стратегиях, используемых каждой державой для укрепления своих интересов и двусторонних связей на континенте, а также реализации попыток превзойти друг друга в проецировании имиджа и общем расширении влияния. Стратегии соперничества и усиления влияния вращаются вокруг содействия тесным военным связям и сделкам на континенте, формирования континента на языке секьюритизации и стратегической важности и постоянного использования дискурса или нарратива, который изображает соперника наносящим ущерб интересам африканских государств. Стратегии сдерживания превосходства или влияния других сил расширились, включив в себя то, что сейчас называется вакцинной дипломатией со стороны Китая, и во время президентства Д. Трампа из США раздавались четкие тревожные сигналы, означающие

© Conteh-Morgan E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

обеспокоенность Вашингтона попытками Китая маргинализировать Африку посредством так называемой «долговой ловушки». Последствия этих конкурирующих стратегий усиливают авторитаризм в некоторых ключевых африканских государствах, рост джихадизма в ряде регионов Африки в ответ на присутствие двух крупных держав на континенте, случаи применения оружия в рамках государственного насилия и военных преступлений, а также сокращение средств для развития в результате отвлечения ресурсов на милитаризацию. Продолжающаяся пандемия добавит еще одно измерение к соперничеству между США и Китаем, поскольку обе державы пытаются позиционировать себя как страны, наиболее обеспокоенные борьбой с вирусом в Африке.

Ключевые слова: Африка, США, Китай, милитаризация и секьюритизация, дискурс, вакцинация дипломатия

Для цитирования: *Conteh-Morgan E. Strategies of Sino-American Rivalry in Africa: From 2000 to COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 265—278. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-265-278*

Introduction

Africa has often been at the receiving end of external great power pressures manifested in geo-economic, geopolitical, military, and socio-cultural structures in the international system. These structures of dominance have accordingly produced “scrambles” for political, economic, diplomatic, and cultural influence in the continent. In particular, the coexistence of three heritages — Indigenous, Islam, and Western [Mazrui 1986] in the continent have at times provoked violent conflicts and extremism in some African countries. It is not just radical jihadism and other violent conflicts but civil strife resulting from blatant economic inequality introduced by capitalism, and the tension between authoritarian tendencies and democratic values that produce both internal systemic insecurities for incumbent regimes and external systemic threats for great powers that impel both to engage in competitive influence strategies on the continent.

The objective of this article is to examine the US — China rivalry or competitive behaviors on the continent in the areas of economics, politics, militarization and diplomacy. In other words what competitive political, economic, military, and diplomatic strategies does each country use to try and outdo the influence of the other? The dependent status of African states provokes activities by the great powers to protect their economic, political, diplomatic, or cultural interests within African states.

This analysis is predicated on the argument that the rivalry and deepening involvement of the

two most powerful economic entities (the U.S. and China) in Africa has ignited an ongoing competition for dominance on a continent that was once considered of very marginal importance to the great powers. In other words, how has American and Chinese rivalry and/or presence increased militarization and securitization on the continent?

The analysis will focus first on how the relationship between increasing terrorist attacks, internal rebellions against incumbent state regimes, incidents of piracy, have been used as a strategy / motivation for both powers to increase their influence in Africa and further cement their bilateral relationships in competition with one another; second on what the role of discourse / narrative has been in the attempt by both powers to win the hearts of African leaders and peoples, and third on the nature of the ongoing COVID-19 diplomacy in enhancing the image of each power on the continent. Stated differently, in what ways have the two largest economies of the world conducted their rivalry on the continent? What activities constitute strategies of Sino-American rivalry on the continent?

The popular consensus that Africa is non-geo-strategic is in fact generally inaccurate. It is the continent that has received the most attention by great powers as manifested in the 19th century European scramble for colonies that balkanized it into over 50 states, the ideological Cold War rivalry of the immediate post WWII period, and the current rivalry and focus of China and the United States along with the growing interest and presence of middle and emerging powers like Russia, Turkey, Iran, Japan, and

Brazil, and India, among others¹. In other words, while not as evident as the ongoing reference to the Sino-American rivalry on the continent, other major powers are also in competition to carve out a strategic foothold in the continent. In particular, the Sino-American rivalry and/or convergence of military and security interests on the continent have markedly contributed to an ongoing militarization and securitization of the continent.

These two largest economies are perennially competing for geopolitical and economic advantages defined in terms of strategic resources, trade and investment outlets, diplomatic and political influence within its many nation-states [Hong 2008]. While the competition over Africa by the more powerful states is now mostly over economic influence, the goal of maintaining hegemonic dominance for the US and protecting geo-economic interests by China has naturally produced a need to protect those interests by both countries via a growing and robust military presence in the continent.

Militarization and Securitization Strategies in Africa

Sino-American militarization of Africa is the increased deployment and accumulation of capabilities (armed forces, arms transfers, and military bases) as a result of factors such as the war on terrorism, piracy, domestic rebellions against incumbent regimes, a logical need to protect expanding geopolitical and economic interests, as part of the quiet and ongoing great-power rivalry in the continent, or as a result of expected great power responsibilities. Militarization is therefore comprised of arms transfers, troop deployment, peacekeeping activities, military engagement against terrorist groups, anti-piracy activities, military training and advising, and the establishment of military bases [Albrecht 1977; Nsia-Pepira 2014; Keenan 2008]. All these activities are pursued by the United States and China in order to have a

¹ Weingraff L. China vs the US: The new imperial scramble for Africa // Red pepper. May 23, 2018. URL: <https://www.redpepper.org.uk/china-vs-the-us-the-new-imperial-scramble-for-africa/> (accessed: 03.01.2021).

permanent military presence on the continent aimed at ensuring the security of their interests and to compete for more influence relative to each other.

Militarization takes the form of strengthening African militaries through joint training, and combat activities with better equipped American and Chinese troops in order to forestall or contain terrorist attacks against economic, diplomatic, and other interests. Militarization could therefore be conceptualized as Africa's propensity to attract external troops and military technology as a result of terrorist attacks which pose a threat to the interests of great powers.

Inherent in militarization is the securitization of Africa by both powers. This is the verbal (oral and written) articulation of the geostrategic importance of Africa by both the US and China [Balzacq 2005]. Such articulation is manifested in policy statements whereby terrorism, rebellion, piracy, or violence in Africa have been deemed of such extreme threat to the national security and geo-economic interests of the US and China that they are contained by and dealt with by military strategy and tactics directed at eliminating them. Besides, US anxiety about the activities of China in Africa has been articulated by the most recent National Security Strategy of the United States as a development alarming to US national security². In other words, the fact of China's heavy presence, and growing involvement in the continent has been securitized, that is viewed as a "threat to US national security".

China's presence and activities in the continent have been elevated to the level of high politics as opposed to low politics. Similarly, China's decision in 2013 to deploy combat troops to Mali and to send troops to protect its investments in South Sudan³ is an indication by

² The 2017 National Security Strategy of the United States // Homeland Security Digital Library. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478> (accessed: 03.01.2021).

³ Moscoe A. Crouching Tiger, Blue Helmet: Chinese Combat Troops in UN Peace Operations // E-International Relations. October 3, 2015. URL: <https://www.e-ir.info/2015/10/03/crouching-tiger-blue-helmet-chinese-combat-troops-in-un-peace-operations/> (accessed: 03.01.2021).

China to designate rebel violence and terroristic developments in Africa as a security threat to its geopolitical and economic interest in the continent and to signal to African countries that it is invested in Africa.

In the case of both the US and China in Africa “speech act” has progressed to the actual setting up of military bases and deployment of combat troops to ensure the security of their geopolitical and economic investments [Conteh-Morgan, Weeks 2016]. China, in other words, has been willing to dilute its longstanding foreign policy of non-interference and add to its involvement in traditional peacekeeping and peacebuilding activities the need to engage in military combat in order to protect its interests in Africa. For China, the threat of terrorism, and piracy to its vested interests in Africa has even impelled it to upgrade potential threats from a low political priority concern, to a high political priority one, and hence the need to deploy combat troops, and establish its first ever foreign naval base in Djibouti. Securitization of Africa is therefore a process that has evolved from foreign policy doctrine and/or speech act to the implementation of the speech act strategy into practical tactics such as joint military exercises, establishment of military bases, cooperation in combatting the threat, and ensuring that African militaries become more effective at containing threats to the national security of the state and external state actors with interests to protect.

Militarization in Africa is also the accumulation of both small arms and light weapons (SALWs), and at times the transfer of more sophisticated and costly weapons systems as well as the increase in and training of professional soldiers along with the establishing of military bases, and cooperation between external great power militaries and African militaries. African states to a very large extent fall into a category of militarization that is largely dependent on large scale arms imports and related technology, training in war fighting strategy, and strategic doctrines. In short, militarization in African countries is largely “dependent” militarization [Wendt, Barnett 1993]. Besides, the fact that African regimes

often lack legitimacy, and this coupled with the perennial reality of gross economic inequalities, relative deprivation, which generate social unrest, impels regimes to militarize in order to contain security threats against their survival [Gelot, Sandor 2019]. This threat to regime survival generates a self-preservative behavior on the part of incumbent regimes.

Accordingly the decision to militarize is facilitated by the willingness and economic calculus of more developed countries to generate revenue through arms sales and other military technology; the determination by the US and China to strengthen their political and diplomatic ties with specific African states through this military cooperation relationship; the need to protect their citizens and economic interests in a specific African country; and the overall need of helping the incumbent regime survive violent extremism which in turn means protecting its local and national interest in general. Militarization becomes systemic or a permanent relationship between great powers and an African country because of the perennial security threat that is posed by either domestic or externally driven violent extremism.

The US Contribution to Militarization and Securitization of Africa

With the creation of the United States Africa Command (AFRICOM) in 2007⁴ following the increase in violent extremism and China’s heavy engagement in the continent, the US has upgraded its geostrategic and security view of Africa. Accordingly, it has widened the scope of its militarization in the continent. Whereas its previous focus was just arms sales, now it has done the following: deployed over 6000 troops all over the continent; installed drones in many locations to beef up security; and established mini bases in specific African countries such as Niger, Uganda, and Gabon, among others. AFRICOM’s location in Djibouti serves as the

⁴ Hanson S. U.S. Africa Command (AFRICOM) // Council on Foreign Relations. February 3, 2010. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-africa-command-africom> (accessed: 11.01.2021).

hub of militarization along with close to 50 other states serving as outposts or contingency sites⁵. This militarization and securitization of Africa is, in other words, manifested in a key military base in Djibouti, backed by mini forward bases, drone locations, and concentration of troops in more stable democratic states is due to a dominant belief within the US security community and the Department of Defense that violent extremism and radical jihadism is on the increase in Africa.

The US through military cooperation with African states has widened the scope of its militarization and securitization in Africa. The role of military assistance, bureaucratic, and diplomatic ties, has enabled the US to strengthen its political, and military ties with African states in competition with China. In other words, while the US has lagged behind China in forging economic ties, and joint investment activities with African states, it has nonetheless developed a broad range of military ties with them such as joint military training exercises, weapons sales, signed overflight agreements, forged security agreements, and transferred millions in military assistance funds to states that are geostrategic in the fight against radical jihadism.

One of the latest developments in military security cooperation between the US and African states is what Steven Feldstein has described as “a continent-wide drone and surveillance network”⁶. This network is comprised of locations in Cameroon, Burkina Faso, Chad, Djibouti, Kenya, the Seychelles, Somalia, and Uganda. These sites are engaged in intelligence gathering, surveillance, and reconnaissance operations. However, critics of this increasing securitization and militarization in the continent argue that the reason for this is misplaced and therefore is bound to be ineffective in the long

⁵ Neuhaus L. US Military Stretched Thin in 50 African Nations // *Observer*. January 12, 2017. URL: <https://observer.com/2017/12/us-military-has-presence-in-50-of-54-african-countries/> (accessed: 11.01.2021). See also: [Luckham 1994].

⁶ Feldstein S. Do Terrorist Trends in Africa Justify the U.S. Military’s Expansion? // *Carnegie Endowment for International Peace*. February 9, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/09/do-terrorist-trends-in-africa-justify-u.s.-military-s-expansion-pub-75476> (accessed: 11.01.2021).

run. They argue that the military option should instead be a development option. The US military itself argues that the security threat in African states is really a consequence of misrule manifested in corruption, massive unemployment of youth, abuse of power by security forces, and a blatant lack of good governance. What will create stable societies in the continent will be investment in economic development and cooperation to ensure viable democracies.

Any focus on economic development is of course not a central focus of the US military. Another criticism leveled at expanding US militarization in Africa is that instead of decreasing terrorism, it could in fact aggravate it, unite extremist groups and provide more support for Jihadist leaders. The widening scope and intensity of militarization appears to have generated some backlash against some African and Western governments.

Third, the increasing presence of foreign militaries also helps to increase the authoritarian tendencies of incumbent African regimes who view foreign troops as protectors of their corrupt rule.

The US is aware of Africa’s growing economic importance. The continent is home to some of the rapidly growing and enterprising middle class, countries with very encouraging growth in GDPs. The US is also aware that China is surpassing it in taking advantage of the best economic opportunities resulting in Chinese companies being overrepresented in the continent. By 2017 China’s enterprises in Africa were in fact generating roughly 180 bln USD a year in revenue according to the report by McKinsey and Company Partner⁷. The continent has become not just a source of energy and other strategic resources but a huge market for China’s affordable goods. The December 2017, National Security Strategy of the United States underscored Africa’s growing importance when it stated that: “Africa remains a continent of promise and enduring challenges. Africa

⁷ Sun Y.I., Jayaram K., Kassiri O. Dance of the lions and dragons: How are Africa and China engaging and how will the partnership evolve? // *McKinsey and Company*. June 2017. URL: <https://www.africa-newsroom.com/files/download/aa9f2979a3dc18e> (accessed: 11.01.2021).

maintains many of the world's fastest growing economies, which represent potential new markets for U.S. goods and services. Aspiring partners across the continent are eager to build market-based economies and enhance stability"⁸. China has been taking advantage of Africa's new and vibrant markets by "dumping" many of its goods which African consumers find more affordable than goods from the West.

Perhaps the most important reason for the US militarization and securitization of Africa is to create and maintain a world order favorable to US national interest and predicated on a neo-liberal world order. This theme of a world order favorable to the US is inherent in or implied in virtually all the security strategies of the U.S. over the years [Mitzen 2006; Williams 2003; Baldwin 1997]. Accordingly, the US combats terrorism in Africa, helps enhance the military security of African states, and even tolerates authoritarian incumbent regimes because according to again the 2017 US National Security Strategy of December 2017: "Many African states are battlegrounds for violent extremism and jihadist terrorists. ISIS, al-Qaida and their affiliates operate on the continent and have increased the lethality of their attacks, expanded into new areas, and targeted U.S. citizens and interests"⁹.

The US may not be economically investing in Africa as extensively as China, but it makes sure it has a presence in all African states in the economic, military, and political realms. The presence of AFRICOM, the trade relationship of the African Growth and Opportunity Act (AGOA), the Emergency Plan for AIDS relief, the Power Africa Initiative, and the U.S. — Africa Youth Program, among others, are all initiatives and cooperative efforts aimed at further incorporating Africa into the neoliberal world order with the aim of strengthening the peace, enhancing security, and forging multilateral ties to combat militancy and terrorism.

⁸ The 2017 National Security Strategy of the United States // Homeland Security Digital Library. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478> (accessed: 03.01.2021).

⁹ Ibid. P. 4.

While combating terrorism to promote the neo-liberal world order, it is also concerned about China's role in Africa which is seen as undermining Africa's march towards a world order favorable to the United States. This concern is also articulated in the US National Security Strategy of 2017 in this way: "China is expanding its economic and military presence in Africa, growing from a small investor in the continent two decades ago into Africa's largest trading partner today. Some Chinese practices undermine Africa's long-term development by corrupting elites, dominating extractive industries, and locking countries into unsustainable and opaque debts and commitments"¹⁰.

China's Role in the Militarization and Securitization of Africa

Because of their largely pre-industrial condition and dependency situation, African states are often ready to embrace manufacturing and industrial projects initiated by more industrialized nations. It is therefore not a surprise that during the China — Africa Defense and Security Forum (CADSF) between June 26 and July 11 in 2016, the 49 African countries in attendance expressed their very strong support for China to strengthen African militaries with modern and technological security workshops/courses¹¹. In addition, China has steadily engaged in the militarization of the continent through military aid such as the donation of 100 mln USD extended to the African Union (AU) in 2017 to establish the African Union Standby Force¹²; its ongoing military cooperation with the 55 members of the AU; and its active involvement in UN Peacekeeping Missions in the Democratic Republic of Congo, Darfur, Mali, and South Sudan, among others

¹⁰ Ibid.

¹¹ Sun Y. US — China cooperation on African security // Brookings Institution. November 1, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2016/11/01/us-china-cooperation-on-african-security/> (accessed: 13.01.2021).

¹² China to offer \$100m in military aid to African Union in next 5 years // Global Times. September 28, 2017. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1068735.shtml> (accessed: 14.01.2021).

[Sautman, Hairlong 2013]. China's military engagement in many African countries and in the context of the AU is made easy through its extensive and deep involvement in the continent in the form of approximately hundreds of billions of dollars in economic investments; massive pledges of hundreds of millions of dollars in more investments during each Forum on China — Africa Cooperation (FOCAC); and the continuing influx of Chinese citizens into Africa as investors, miners, and tourists, among others. It is even estimated that the number of Chinese in Africa ranges between one and two million¹³.

The CADSF is likely to enhance China — Africa military security interactions by widening the scope of military cooperation in the areas of their mutual security and increase the level of arms sales by China to African states. Already, China's arms sales to Africa have already increased significantly during the past five years largely because China targets African states with affordable weapons which largely fall into the SALW category¹⁴. Many of China's weapons are implicated in the atrocities that take place in many of the violent conflicts in Africa. The CADSF will enable China to further militarize the continent by making it easier to work out basing agreements with other African states following the example of its first ever foreign military base in Djibouti.

China now maintains diplomatic ties with all African nations, except Eswatini. Just as its arms sales which are nearing the 20 % share¹⁵ in relation to other powers, China will likely in the future expand its air and naval access in many parts of the continent. Within the context of CADSF China considers military cooperation with African states an aspect of and a need for collective security. Hu Changming, the General

Director of the Military International Office, Central Military Commission of China, expressed the mutual security cooperation between the two entities this way: "China will support the military transformation for African countries, provide equipment and advanced technology for African militaries, and support in building Africa's independent security"¹⁶.

With a statement like this, China is upstaging the US through rhetoric that implies that it cares more about Africa's development than the US does. The emphasis on collective security and transfer of advanced technology and pledging to build the continent's independent security is another way of reiterating its win-win strategy.

China seems to work hard at creating a positive image of itself while also promoting / guarding its investments in the continent. For example, its extensive involvement in peacekeeping and peacebuilding activities is now a well-known fact of its engagement with the continent. At the same time over the past decade its arms sales and military cooperation with African states has grown rapidly. In the 2018 FOCAC meeting China pledged funding for a China — Africa Peace and Security Fund, military assistance and 50 programs in law and order, peacekeeping, and anti-piracy, and counterterrorism. When looked at in total, China's military and security activities are wide ranging comprised of the CADSF, growing participation in UN Peacekeeping, funding to the tune of 100 mln USD for an Africa Standby Force, and an increasing level of arms sales to specific African states¹⁷.

In fact, China has moved from an external power deploying small contingents focused on peacebuilding in the areas of medical services and engineering support to combat troops engaged in peace-enforcement in Mali, and

¹³ Hairong Y. We wanted to know if Chinese migrants in Africa self-segregate. What we found // The Conversation. June 4, 2020. URL: <https://theconversation.com/we-wanted-to-know-if-chinese-migrants-in-africa-self-segregate-what-we-found-138829> (accessed: 14.01.2021).

¹⁴ Wezeman P.D., Fleurant A., Kuimova A., Tian N., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2017 // SIPRI. March 2018. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-03/fssipri_at2017_0.pdf (accessed: 14.01.2021).

¹⁵ Ibid. P. 15.

¹⁶ Margai J.S. China — Africa Defense and Security Forum... // Concord Times. June 27, 2018. URL: <http://slconcordtimes.com/china-africa-defense-and-security-forum/> (accessed: 14.01.2021).

¹⁷ Wezeman P.D., Fleurant A., Kuimova A., Tian N., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2017 // SIPRI. March 2018. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-03/fssipri_at2017_0.pdf (accessed: 15.01.2021).

South Sudan, to an increased role in overall peacekeeping in Africa deploying more troops than any other permanent member of the UN Security Council. As of October 2018, they numbered 2 506¹⁸. Besides, China has contributed to many other security related activities in Africa such as training of police and soldiers for peacekeeping, and supporting the AU in its objective of ensuring a more peaceful continent free of civil strife¹⁹. There has been a slow but steady trend towards militarization and securitization of Africa by China.

For well over two decades China emphasized its non-interference policy, its rhetoric of not mixing business with politics. Until the early 2010s China focused on playing the role of a responsible rising power in Africa through its focus on multinational peacekeeping and peacebuilding efforts in several countries on the continent. In postwar countries like Liberia it dispatched postwar reconstruction experts such as military engineers, medical staff and police training officials. China has been involved in peacekeeping missions in several countries on the continent.

While the US seems to be more involved than China in military and counterterrorism activities in Africa, China, according to Lina Benabdallah seems to be in the process of trying to extend its activities in the defense and military security area underlined by its win-win, or mutual benefit philosophy²⁰. In addition to conducting joint military exercises, military training for all military officials, China's goal through the forum is to create far stronger military security ties between the People's

Liberation Army, Navy, and Air Force and African military officers.

This decision to increase military and security ties is a realization of President Xi Jinping's promise in 2015 to help Africa establish an "African Standby Force" that would translate into the "African Capacity for Immediate Response to Crisis". During the Forum on China — Africa Cooperation (FOCAC, 2015), President Xi Jinping had promised 100 mln USD of free military aid to the African Union to be used towards this effort²¹.

China's decision to enhance the military and security defense of Africa also entails the holding of military workshops involving tens of thousands of top Chinese and African military officials in China. The current expansion of China — Africa military defense and security activities in Africa means that China's engagement in Africa has become even more multidimensional to comprise of economic, political, cultural, educational, military security and defense activities. In the military security and defense area China is known for its involvement in arms sales, anti-piracy training and deployment of troops to counter terrorism.

Because arms transfers by China to Africa largely fall into SALW category which are inexpensive and easy to use they have been implicated in ethno-political violence, government-rebel conflicts in countries such as Sudan, South Sudan, the Democratic Republic of Congo, Zimbabwe, and Central African Republic, among others. China's arms transfer militarization of the continent is now a reality because of its strategy of making its weapons: affordable or inexpensive; available for all because of its arms transfer or military relationship with both strategic and non-strategic African countries such as Egypt, South Africa, and Zimbabwe on the one hand, or Eritrea, Equatorial Guinea, Burundi, or Sierra Leone on the other; and aggressive and effective marketing

¹⁸ Kovrig M. China Expands Its Peace and Security Footprint in Africa // International Crisis Group. October 24, 2018. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/north-east-asia/china/china-expands-its-peace-and-security-footprint-africa> (accessed: 15.01.2021).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Benabdallah L. China — Africa military ties have deepened. Here are 4 things to know // The Washington Post. July 6, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/07/06/china-africa-military-ties-have-deepened-here-are-4-things-to-know/?fbclid=IwAR3pIOF7L4tSPtzY_kdIxaqcpQxba4QKjHo6QWydIBX_xuwxoENRq36XXc (accessed: 16.01.2021).

²¹ Xue K. FOCAC 2015: Making sense of the numbers // China Africa Project. December 30, 2015. URL: <https://chinaafricaproject.com/2015/12/30/focac-2015-making-sense-of-the-numbers/> (accessed: 16.01.2021).

of both its sophisticated and SALWs in frequent and regular arms exhibits within the continent.

In other words, China is ever present at arms trade shows in Africa and by 2012 was selling weapons to well over 15 countries in the continent, more than any other major arms exporter²².

China's Geostrategy — Dilute U.S. Power Preponderance

China's militarization and securitization of Africa is part of its strategy of promoting multipolarity and/or power dilution directed at the US. Accordingly, China securitizes US presence in order to weaken what China views as a US advantage related to its power preponderance in Africa and other regions of the world [Buzan 1991; Smith 2005; Waever 1995]. Multi-polarity is a key foreign policy strategy of China which it is pursuing in Africa through extensive and deep economic power projection in the continent; the forging of close economic ties with all African states that adopt the "One China" policy, and especially with significant geopolitical and economic states on the continent; and encouraging broad cooperation between Asian and African states, and reviving the Bandung Spirit, and in the case of Africa in particular making FOCAC an integral arm of China's foreign policy and diplomatic strategy aimed at outdoing the US presence on the continent.

Pursuing the three broad objectives outlined above have taken the form of activities that are economic (joint economic ventures with African states), political party cooperation, establishing Confucius Centers, aiding Africa's education goals, and more recently deeper cooperation with Africa in matters of military defense and security, among many other development-related activities. China views Africa as a region of high priority to its overall international relations and that is why it engages in high level diplomacy by embarking on more frequent and regular visits by its heads of states compared to the US.

²² Lynch C. China's Arms Exports Flooding Sub-Saharan Africa // *The Washington Post*. August 25, 2012. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/chinas-arms-exports-flooding-sub-saharan-africa/2012/08/25/16267b68-e7f1-11e1-936a-b801f1abab19_story.html (accessed: 16.01.2021).

In fact, China has now made it a diplomatic tradition of its foreign minister to pay the first foreign visit of each year to an African state²³. Besides, Chinese heads of state since the 1960s have been accustomed to visit Africa on a regular basis. The continent is given diplomatic, economic, political, and even military attention above other regions.

Furthermore, the US power de-concentration that China is pursuing in Africa is in line with the overall goal of China's foreign policy which is to create a more multipolar world. For instance, in 2001, as Vice President of China, Hu Jintao declared that "Multipolarity composes an important base for achieving a durable peace on the planet. Such Multipolarity is conducive to building a new just and reasonable economic-political order, setting up a relatively stable international political framework, and promoting exchanges and cooperation"²⁴.

First, China is convinced that a very effective way to undermine US power preponderance is to employ its enormous and growing economic strength and forge cooperative strategic partnerships with the nation-states of Africa.

Second, China makes sure that it especially develops significant partnerships with the more strategic states in Africa such as South Africa which is a member of the BRICS nations considered emerging potential great powers. Apart from South Africa, China has a significant presence in anchor states such as Nigeria, Kenya, Ethiopia, and Egypt. China's continuous wooing of both significant and non-strategic African states could be interpreted as a deliberate strategy by China to ensure US power / influence dilution and offer an alternative great-power ally to weaker nations instead of their total dependence on the United States [Alden 2007; Shinn, Eisenman 2012]. African states such as Sudan and Zimbabwe which have been the target

²³ Biegon E. Why Foreign Minister Wang Yi's Africa tour is crucial // *China Plus*. January 13, 2018. URL: <http://chinaplus.cri.cn/opinion/opedblog/23/20180113/77514.html> (accessed: 17.01.2021).

²⁴ Multipolarity Plays Key Role in World Peace: Chinese Vice President // *People's Daily*. November 8, 2001. URL: http://en.people.cn/english/200111/05/eng20011105_83945.html (accessed: 17.01.2021).

of Western sanctions have often turned to China as an alternative and an escape from dependence on the US or the West in general. For instance, during the Communist Party Congress in 2017, President Xi said that China's socialist economy serves as an alternative to other systems²⁵.

Third, China's focus on creating a more symmetric / multipolar international system is seen in its establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) as an alternative or competitor to the US dominated World Bank. The AIIB reflects the financial power of China, and is an instrument in promoting multipolarity, reawakening the Bandung Spirit aimed at uniting Asian, African, and other Third World regions. The BRICS Development Bank is also a part of this strategy by China.

China, it could be argued is using Africa to pursue its de-concentration of US power and influence and create a more symmetrical power relationship among great powers and African states. First, China's efforts at weakening US power has taken the form of establishing strategic partnership with states defined as forging close cooperation with them in economic, political, cultural, educational, and security areas, among other things.

Through this partnership it is hoping to achieve power and influence parity with the US in Africa. This new strategic partnership is advantageous to China because it can count on friends in Africa should it someday have to confront global sanctions directed against it by the West or the United Nations. In the worst case scenario, it could also have support from African friends should it someday be caught up in a militarized dispute with the US. Second, China openly states that it is more focused on business than on military alliances, and in particular says that it does not mix business with politics.

²⁵ Denyer S. Move over, America. China now presents itself as the model 'blazing a new trail' for the world // The Washington Post. October 19, 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/10/19/move-over-america-china-now-presents-itself-as-the-model-blazing-a-new-trail-for-the-world/> (accessed: 18.01.2021).

The Role of Discourse in U.S. — China Rivalry

I argue that hegemonic rivalry is closely associated with discursive hostility or allusions. A discourse is hostile or adversarial when it directs or imputes negativity or wrong motives to another nation-state / rival perceived as threatening, or undermining the dominance, or the status quo at the expense of the state viewed as the current hegemon. In the case of US — China hegemonic rivalry in Africa it is worthwhile to examine the sources / types of discursive hostility directed at China for its engagement with Africa. First of all the reasons for the intensification of discourse hostility directed at China are easily manifested in China's phenomenal increase in Digital financial inclusion (DFI) in Africa; its status in 2009 as Africa's biggest trading partner surpassing trade with the US, the EU, and other large trading blocs. This hostility is expressed by public officials whose functions are in the area of US — Africa relations [Cohen 2019].

The response of these public officials is not so much a response against the economic engagement between China and Africa but an expression of US insecurity regarding China's rise and growing influence on the continent. Narratives directed at China focus on its cozy relationship with repressive regimes on the continent, its lack of concern for systemic corruption and corrupt practices by political elites, and a process of undermining democracy.

The framing of China's engagement on the continent is labeled as a recolonization of the continent. In 2018 Representative Chris Smith, the Chairman of the US Subcommittee on Africa Global Human Rights and International Operations stated that China is trying to "undo much of the progress that has been made on democracy and governance in the last 15 years in African nations"²⁶. In a similar vein, Assistant Secretary of State, Johnnie Carson in February

²⁶ China in Africa: The New Colonialism? Hearing Before the Subcommittee on Africa, Global Health, Global Human Rights, and International Organizations of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives: One Hundred Fifteenth Congress. March 7, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115hrg28876/pdf/CHRG-115hrg28876.pdf> (accessed: 20.01.2021).

2010 stated that “China is a very aggressive and pernicious economic competitor with no morals”²⁷. This was in reference to its economic role in Africa. In 2018, former Secretary of State, Rex Tillerson, warned against African nations accepting China’s loans and be wary of concluding agreements which would make them lose their sovereignty²⁸. Former Secretary Tillerson, further stated that China encourages dependency, and utilizes corrupt deals that endanger Africa’s natural resources²⁹.

The leit motif of top US diplomats regarding China in Africa is warnings against China’s transactions with African nations. In February 2020, former Secretary of State Mike Pompeo during his three nations (Senegal, Angola, and Ethiopia) tour of Africa warned African nations to be wary of “empty promises from authoritarian regimes”³⁰. This was a reference to China’s many promises to African nations in bilateral and multilateral relationships. He emphasized in his speech on February 19, 2020 in Addis Ababa, Ethiopia that “true liberation” resided in economic ties with the United States³¹.

When examined closely, the barrage of negative discourse directed at the Sino-African relationship could be summarized as a situation whereby China poses a developmental threat to Africa. In the area of the progress towards liberal democracy, for instance, China is viewed as sabotaging the neo-liberal democratic capitalist order on the continent³². In its discourse, the US

underscores a great deal of intangible rhetoric focused on human rights, democracy promotion or the rule of law in general. While all these are laudable, the problem is they are devoid of, or pale in comparison with tangibles like roads, ports, dams, railways that have visible and immediate effects on personal, community, and even national livelihoods or existential security.

US discourse directed at China is no doubt powerful and makes sense from an economic point of view. One such discourse is the fact that China’s manufacturing activities in Africa are growing and that this has the effect of being harmful to African local infant industries in Africa. China’s relatively advanced manufacturing status will have the effect of marginalizing locally produced goods in African countries and thereby stifle the growth of these local indigenous factories / industries.

China on the other hand, directs its discourse at Africa when it is in fact targeting the United States. For instance, China makes constant reference to shared interests with Africa, and stating that it is even bound by common political-historical ties with the continent. For instance, President Xi Jinping when addressing African leaders stated that “China and Africa share mutual needs and complementarities and face a rare opportunity in pursuing development through cooperation”³³. Moreover, China seizes on the intangible aspects of human rights, democracy promotion by stating that its own human rights priorities, economic human rights are more relevant for Africa than political right and civil liberties. This is because, it argues, tangibles like a railway system, phones, roads, or hospitals are more beneficial to Africans than vague concepts like democracy or human rights.

A great deal of the discourse / narratives are predicated on power political and economic rivalries and geopolitics and expressed in synonyms, metaphors, analogies and found in

²⁷ US: China lacks ‘morals’ in Africa // Aljazeera. February 9, 2010. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2010/12/9/us-china-lacks-morals-in-africa> (accessed: 20.01.2021).

²⁸ Maasho A. Africa should avoid forfeiting sovereignty to China over loans: Tillerson // Reuters. March 8, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-africa-idUSKCN1GK114> (accessed: 20.01.2021).

²⁹ Ibid.

³⁰ Bearek M. Promising ‘true liberation,’ Pompeo contrasts U.S. role in Africa with China’s // The Washington Post. February 19, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/world/africa/promising-true-liberation-pompeo-contrasts-us-role-in-africa-with-chinas/2020/02/19/4aa50280-52ef-11ea-80ce-37a8d4266c09_story.html (accessed: 20.01.2021).

³¹ Ibid.

³² Campbell J. U.S. Africa Policy Needs a Reset // Foreign Affairs. October 12, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/africa/2020-10-12/us-africa-policy-needs-reset> (accessed: 20.01.2021).

³³ Address by H. E. Xi Jinping, President of the People’s Republic of China, at the Opening Ceremony of the Johannesburg Summit of The Forum on China-Africa Cooperation, 4 December 2015 // Department of International Relations and Cooperation. Republic of South Africa. December 4, 2015. URL: <http://www.dirco.gov.za/docs/speeches/2015/xi1204.htm> (accessed: 20.01.2021).

official speeches, policy documents, books or articles, among others. These competing narratives directed at each other are an example of hegemonic geo-spatial regional rivalry between the U.S. and China in Africa.

The radical clash in worldviews between the U.S. and China makes a great deal of the rhetoric as a discursive competition between a capitalist-democratic system and a rising China promoting a new and seemingly impressive model of capitalist dictatorship. The fear is that if the China Model (capitalist authoritarianism) takes deeper roots in Africa it may end up being adopted wholesale thereby wiping out all traces of democracy even in more progressive African states like Kenya, Senegal, South Africa and Nigeria, among others. In particular, the clashing narratives related to US — China rivalry in Africa revolves around: China's impressive power-economic rise and its attendant extensive economic power projection into Africa; and the geopolitical insecurity on the part of the US that China's capitalist dictatorship governance model may end up displacing the Western Consensus. This is especially so since China's relationship with African countries is free of political and economic conditional ties (austerity measures) that are resisted and resented by many incumbent regimes on the continent.

China's Vaccine Diplomatic Offense

China's discourse on Africa has consistently been underlined by what could be considered genuine concern for the welfare of Africa nations as manifested in the refrain of "win-win" relationship. With COVID-19 China has consistently embarked on what has been referred to as vaccine diplomacy. China or entities connected to the Chinese state have engaged in the most robust vaccine diplomacy either through promises to African nations, tangible donations, or actual COVID-related supplies.

At both the level of the Chinese state, SOE's, and private Chinese firms, and even individual, donations have already poured into Africa in the form of masks, testing kits, and upgrading hospitals, surgical masks, infrared thermometers, bottles of sanitizers that would be needed to treat COVID-19 cases. One of the advantages of China's diplomatic offensive

against the U.S. is that China even involves African countries and updates them on its vaccine development. In 2020, 50 African diplomats in China visited a SinoPharm factory³⁴, China also held a China — Africa Summit on Solidarity against COVID-19. COVID-19 has enabled tighter linkages between China's SOEs and private Chinese firms and African economic entities. In South Africa China's COSCO Shipping donated about 10,000 medical masks and 200 bottles of hand washing gel to Transnet, South Africa's national freight and logistics group³⁵.

In Ghana, another Chinese SOE Jianxi International Economic and technical Cooperation Co. donated 10,000 masks to its Ghanaian counterpart, Ministry of Roads and Highways³⁶. In Nigeria the Chinese Construction and Civil Engineering Company (CCCEC) provided cash, face masks, sanitizers, and rice to the Lagos state government in Nigeria³⁷.

All these examples are focused on cementing relationships between the company and the African company, and overall create a diplomatic advantage for China in its competition with the United States.

The activities of the Chinese state, SOEs, private firms, and individual donors project an image of a China that is very willing and ready to combat the virus in Africa. The Chinese state is even pushing the narrative that its vaccine is more suitable to the climatic conditions in Africa. The BBIBP-CorV developed by the Chinese National Pharmaceutical Group (SinoPham). China argues that as an inactivated vaccine it has an advantage because it does not need to be stored between -20 and -70 C° like the mRNA vaccines of Pfizer and Moderna³⁸.

³⁴ Bone M.R., Cinotto F. China's Multifaceted COVID-19 Diplomacy across Africa // *The Diplomat*. November 2, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/11/chinas-multifaceted-covid-19-diplomacy-across-africa/> (accessed: 21.01.2021).

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Campbell J. Vaccine Diplomacy: China and SinoPharm in Africa // *Council on Foreign Relations*. January 6, 2021. URL: <https://www.cfr.org/blog/vaccine-diplomacy-china-and-sinopharm-africa> (accessed: 25.01.2021).

In sum, China's response to COVID-19 in Africa is both a public relations strategy and a deliberate way to frame itself as the foremost solution to the pandemic in Africa, a continent that is being marginalized by the ongoing vaccine nationalism — a process whereby the US and European nations have prioritized the interest of their citizens by contracting with Pfizer and Moderna for supplies. China's vaccine diplomacy is aimed at helping to alleviate the concerns of African states. This means that China's response to COVID-19 in Africa constitutes a diplomatic advantage over the US; creates an opportunity for it to enhance its image among African states; and cements its economic and political ties through donations at all levels from the Chinese state to private citizens.

Conclusion

In conclusion, both the United States and China in their rivalry in Africa utilize specific strategies to counteract the influences of each other. To be specific, this article examined in

some depth the strategies of militarization and securitization, as well as competing discourse or narratives utilized by both powers. These strategies are in turn linked to the promotion and safeguard of their political, economic, cultural, and diplomatic interests on the continent. China's phenomenal rise and interest in the continent, which is reflected in activities ranging from mineral extraction, medical work, infrastructural projects, agricultural cooperation to increasing military ties have ignited hegemonic insecurity on the part of the United States and has fueled this rivalry. China's engagement with the continent has especially been multi-pronged and has ranged from the political-economic to the socio-cultural. The goal according to China's political elite is to dilute US power in the continent and enhance multipolarity in the international system in general. China may be using Africa as an instrument of for containing US power preponderance, to sell the Chinese model, and even promote its Belt and Road Initiative.

Received / Поступила в редакцию: 31.01.2021

Accepted / Принята к публикации: 02.04.2021

References / Библиографический список

- Albrecht, U. (1977). Technology and militarization of Third World countries in theoretical perspectives. *Bulletin of Peace Proposals*, 8(2), 124—126.
- Alden, C. (2007). *China in Africa (African arguments)*. London: Zed Books.
- Baldwin, D. (1997). The concept of security. *Review of International Studies*, 23(1), 5—26. <https://doi.org/10.1017/S0260210597000053>
- Balzacq, T. (2005). Three faces of securitization: Political agency, audience and context. *European Journal of International Relations*, 11(2), 171—201. <https://doi.org/10.1177/1354066105052960>
- Buzan, B. (1991). *People, states and fear: An agenda for international security studies in the post-Cold War era*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Cohen, H. (2019). *US policy toward Africa: Eight decades of Realpolitik*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Conteh-Morgan, E., & Weeks, P. (2016). Is China playing a contradictory role in Africa? Security implications of its arms sales and peacekeeping. *Global Security and Intelligence Studies*, 2(1), 81—102. <https://doi.org/10.18278/gsis.2.1.6>
- Gelot, L., & Sandor, A. (2019). African security and global militarism. *Conflict, Security and Development*, 19(6), 521—542. <https://doi.org/10.1080/14678802.2019.1688959>
- Hong, Z. (2008). China — U.S. oil rivalry in Africa. *The Copenhagen Journal of Asian Studies*, 26(2), 97—119. <https://doi.org/10.22439/cjas.v26i2.2240>
- Keenan, J. (2008). US militarization in Africa: What anthropologists should know about AFRICOM. *Anthropology Today*, 24(5), 16—20. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8322.2008.00613.x>
- Luckham, R. (1994). The military, militarization and democratization in Africa: A survey of literature and issues. *African Studies Review*, 37(2), 13—75. <https://doi.org/10.2307/524766>
- Mazrui, A.A. (1986). *Africa: A triple heritage*. London: BBC Books.
- Mitzen, J. (2006). Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of International Relations*, 12(3), 341—370. <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>

- Nsia-Pepira, K. (2014). Militarization of U.S. foreign policy in Africa: Strategic gain or backlash? *Military Review*, 94(1), 50—58.
- Sautman, B., & Hairong, Y. (2013). Friends and interests: China's distinctive links with Africa. *African Studies Review*, 50(3), 75—114. <https://doi.org/10.1353/arw.2008.0014>
- Shinn, D., & Eisenman, J. (2012). *China and Africa: A century of engagement*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Smith, S. (2005). The contested concepts of security. In K. Booth (Eds.), *Critical security studies and world politics* (pp. 27—62). Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Waeber, O. (1995). Securitization and desecuritization. In R.D. Lipschultz (Eds.), *On security* (pp. 46—86). New York: Columbia University Press.
- Wendt, A., & Barnett, M. (1993). Dependent state formation and Third World militarization. *Review of International Studies*, 19(4), 321—347.
- Williams, M. (2003). Words, images, enemies: Securitization and international politics. *International Studies Quarterly*, 47(4), 511—531. Retrieved from <https://studylib.net/doc/8230405/words--images--enemies--securitization-and-international-...>

About the author: *Conteh-Morgan Earl* — PhD in International Relations, Professor of International Studies, School of Interdisciplinary Global Studies, University of South Florida; ORCID: 0000-0002-5304-1039; e-mail: conteh@usf.edu

Сведения об авторе: *Конте-Морган Эрл* — доктор наук в области международных отношений, профессор международных исследований Школы междисциплинарных глобальных исследований Университета Южной Флориды; ORCID: 0000-0002-5304-1039; e-mail: conteh@usf.edu

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-279-287

Research article / Научная статья

United States — China Relations: Prospects during Xi — Biden Tenure

Srikanth Kondapalli

Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
✉ profsrikanthkondapalli@gmail.com

Abstract. Bilateral relations between China and the United States have become strategic in nature with implications to the rest of the world. Both have been engaging and competing on a number of issues in the recent times. While both seek security and stability so as to pursue their respective national interests, they differ on the way they pursue these. While engagement has been the dominant theme in the previous administrations, since late Trump, bilateral relations exhibited tensions on a number of issues including what China considered to be its “core interests”. China’s agenda of “keeping a low profile” has been changed to “accomplish something” and it intends to “occupy the centre stage” in the long-term. The election of Joseph Biden as the President of the US coincided with the ongoing reassessments on the bilateral relations as well as coming to the fore of tensions on a number of fronts with China. The spread of COVID-19 pandemic, decline in global growth rates, disruptions in supply chains, and the growing uncertainty have only further exacerbated the US — China relations. Below is a review of the bilateral relations in the recent times by eliciting cooperative and competitive trends between China and the US. It is argued that the US — China relations are undergoing major shifts due to the tensions even as both are for ushering in strategic stability. China’s perceptions at the leadership level, media and academic levels are outlined in brief to suggest that relations with the US are exhibiting tensions on a number of issues that pose challenges and opportunities for other countries.

Key words: United States — China relations, strategic stability, competition, cooperation, flux in relations

For citation: Kondapalli, S. (2021). United States — China Relations: Prospects during Xi — Biden Tenure. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 279—287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-279-287>

Перспективы американо-китайских отношений в период правления Си Цзиньпина и Джо Байдена

Ш. Кондапалли

Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия
✉ profsrikanthkondapalli@gmail.com

Аннотация. Двусторонние отношения между Китаем и США приобрели стратегический характер с последствиями для остального мира. Оба государства в последнее время взаимодействуют и конкурируют друг с другом по ряду вопросов. Хотя и КНР, и США стремятся обеспечить свою безопасность и стабильность, что связано с их национальными интересами, они используют разные инструменты для достижения этой цели. В то время как американо-китайские отношения отличались преимущественно сотрудничеством при прошлых президентах США, во вторую половину президентства Д. Трампа двусторонние отношения характеризовались напряженностью по ряду вопросов, включая то, что Китай считал своими «коренными интересами». Внешнеполитическая повестка дня КНР, заключающаяся в том, чтобы «оставаться в тени»,

© Kondapalli S., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

была изменена на «делать что-то реальное», в рамках которой Пекин намерен «занять центральное место» в долгосрочной перспективе. Избрание Дж. Байдена президентом США совпало с продолжающейся переоценкой американо-китайских отношений, а также с выходом на первый план напряженности по ряду направлений с Китаем. Распространение пандемии COVID-19, снижение темпов роста мировой экономики, сбои в цепочках поставок и растущая неопределенность только усугубили отношения между США и Китаем. В статье приводится обзор двусторонних отношений за последние годы с выявлением тенденций как к сотрудничеству, так и к соперничеству между США и Китаем. Утверждается, что американо-китайские отношения претерпевают серьезные сдвиги из-за напряженности, хотя оба государства выступают за установление стратегической стабильности. Реферативно излагается восприятие Китая на уровне руководства, в СМИ и на академическом уровне. Автор делает вывод, что отношения с США демонстрируют напряженность по ряду вопросов, которые создают проблемы и возможности для других стран.

Ключевые слова: американо-китайские отношения, стратегическая стабильность, соперничество, сотрудничество, переменчивость в отношениях

Для цитирования: Kondapalli S. United States — China Relations: Prospects during Xi — Biden Tenure // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 279—287. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-279-287

Introduction

China observed carefully the 2020 election campaign and outcome in the United States, although it was slow in responding to the electoral victory of Joseph Biden as the President. Nevertheless, at various levels, Beijing had articulated its responses and preparing to influence the new US Administration. The stakes for both are high with some pointing to a potential power transition but with the spread of the COVID-19 pandemic most countries including the US and China constrained in their outreach and economic well-being. The debilitating COVID-19 pandemic has sapped economic growth rates, international trade, supply chain mechanisms, technological disruptions, and the health condition of millions of people across the globe. An analysis of the China — US relations in this context is important given their extensive enmeshing into a whole gamut of things [Tao 2015; Sutter 2020; Fels 2016; Odgaard 2007; Yetiv, Oskarsson 2018; Allison 2017]. Below is a brief overview of the challenges that beset the bilateral relations between China and the US in the context of the recent ushering in of the Biden Administration in the US.

A number of issues confront the bilateral relations which in the last decade have become strategic in nature. These include trade deficits in favour of China [Qiu, Wei 2019; Chi, Qiao 2020], investments [Rosen, Hanemann 2014], the role of Huawei and ZTE telecommunication and

other firms in the US market [Lysne 2018; Liu 2021], Tibet [Kubo 2019], Taiwan [Yang 2021], Xinjiang [Zuo 2021], Hong Kong [Boylan, McBeath, Wang 2021], South China Sea [Askari, Tahir 2020], Senkaku Islands [Oliveira 2021], Indo-Pacific [Gopal 2017], Quad [Ye 2020] and others. These were compounded by statements from both sides¹.

President Xi Jinping's delayed congratulatory message to President-elect Biden came on November 25 with a message for cooperation and managing differences². In contrast, in 2016 when Donald Trump was elected, Xi Jinping was one of the earlier leaders to greet the new President (after the Japanese, Mexican, German and other leaders). This time around, China was cautious to approach J. Biden on January 20 given the number of issues thrown open by the Trump Administration. Since 2013, when the

¹ Xi Jinping's speech at the virtual Davos Agenda event // CGTN. January 26, 2021. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-01-25/Full-text-Xi-Jinping-s-speech-at-the-virtual-Davos-Agenda-event-Xln4hwjO2Q/index.html> (accessed: 29.01.2021); Dialogue with National Committee on U.S.-China Relations // Xinhua. February 2, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-02/02/c_139715299.htm (accessed: 06.02.2021).

² Xi and Biden are no strangers to each other. In fact, they spent quality time interacting with each other as Vice Presidents before. One anecdote is when Xi asked about the essence of the US, Biden replied to “possibilities”. However, the context of the US-China relations changed substantially in the last few years as the bipartisan consensus in the US considered China as a challenge with the latter's policies of exhibiting assertiveness.

Chinese side articulated the “new type of major power relations” at Sunny lands with President Obama, its operative phrase was “non-conflict, non-confrontational and win-win cooperation” [Lampton 2013]. President Obama also suggested to Group 2 with China to address the global and regional issues. However, as China’s ambitions increased to nudge the US away from Asia³, the Trump Administration’s push back policies suggested to the emerging conflict between the two. Xi’s offer of managing differences is to buy time and deflect the US from China. Finally, on February 11, 2021 both leaders spoke on phone⁴.

Troubled Engagement Policies

Last four decades of bilateral relations between China and the US are based on engagement policies initiated by Mao Zedong and President Nixon since the 1970s. Deng Xiaoping and President Carter further solidified the bilateral relations mainly in three areas, support to the strategic rise of China to counter the then Soviet Union, stability in bilateral relations and an understanding on Taiwan issue [Sargent 2014]. Both have in the four decades expanded economic and trade relations to become large trading partners. Bilateral trade thus increased from a mere 2.37 billion US\$ in 1979 to a more than 599 billion USD in 2016 to over 500 billion USD last year, despite the COVID-19 disruptions⁵. However, trade deficit since the 1990s peaked in favour of China leading to sharp criticism from the US in the recent times on lack of market access and less investments, renminbi currency valuation, loss of jobs, intellectual property rights and other issues.

³ Stay on the Right Track and Keep Pace with the Times to Ensure the Right Direction for China — US Relations // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. July 9, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1796302.shtml (accessed: 06.02.2021).

⁴ Xi speaks with Biden on phone // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. February 11, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1853684.shtml (accessed: 18.02.2021).

⁵ Trade in Goods with China // United States Census Bureau. March 15, 2021. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html> (accessed: 18.02.2021). See also: [Wang 2010].

The bilateral understanding in April 6–7, 2017 at Mar-a-Lago on a 100-day action plan to resolve trade differences and subsequently the January 2020 understanding have all proved to be contentious raising tariff wars between the two and spilling over other issues such as restrictions on Huawei, ZTE and other Chinese companies. The engagement policies adopted since the 1970s are also based on an understanding on a number of issues such as countering proliferation of weapons of mass destruction, coordination on regional security issues such as Afghanistan initially and then on North Korea, Iran and others. It also took the form of cooperation on counterterrorism in the post-9/11 times as well as on energy security.

However, the failure of the January 2020 agreement on tariffs has spilled over into many other issues mentioned above. In a speech by the then US Secretary of State Mike Pompeo at President Richard Nixon Presidential Library the basic tenets of the bilateral relations of over four decades were questioned. Pompeo stated that the engagement policies pursued by the US since 1971 have failed to deliver and alluded to the emergence of bi-partisan consensus in the US on China as a competitor. This rattled Beijing of a systematic “decoupling” process and an emerging new Cold War between the two. The spread of COVID-19 from Wuhan to the rest of the world, including to the US (with an estimated half a million travellers from Wuhan before the lockdown on January 23, 2020⁶) further led to tensions with President Trump calling it “Chinese virus”, while China retorting it as “political virus”⁷. Trump / Pompeo’s criticisms were met by China’s “wolf warrior” diplomacy⁸.

⁶ 430,000 People Have Traveled From China to U.S. Since Coronavirus Surfaced // The New York Times. April 5, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/04/us/coronavirus-china-travel-restrictions.html> (accessed: 18.02.2021).

⁷ Transcript of State Councilor and Foreign Minister Wang Yi’s Exclusive Interview with Reuters // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. February 15, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1745264.shtml (accessed: 06.02.2021).

⁸ Wang Q. Over 70% respondents believe China’s global image has improved, ‘wolf warrior diplomacy’ a necessary gesture: GT poll // Global Times. December 25,

Flux in Relations

For early more than a year there has been a flux in the bilateral relations between China and the US. The Biden Administration's signalling on following some of the previous policies indicated to Beijing that it is going to be long drawn-out battle. Biden had mentioned his preferences for reviving alliances, joined the climate change, human rights and World Health Organisation and other institutions. While foreign minister Wang Yi dismissed Pompeo's statement as a reflection of "Cold War mentality" but agreed that the situation is "most complicated"⁹. Wang reminded the US of over 70,000 American companies' 700 billion USD investments in China that are still making profits despite COVID-19. They also generate 2.6 million jobs in the US. This is intended to woo the business lobbies in the US and make them exert pressure on Biden¹⁰. Wang nevertheless said bilateral relations are facing "gravest challenge". Wang suggested "three lists" to be observed, viz., dialogue, cooperation and managing differences properly¹¹.

Overall, China's bottom line is how it can consolidate its position as 2nd largest economy

2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1211003.shtml> (accessed: 18.02.2021).

⁹ Interview on Current China-US Relations Given by State Councilor and Foreign Minister Wang Yi to Xinhua News Agency // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. August 6, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1804328.shtml (accessed: 18.02.2021).

¹⁰ See: Interview on Current China — US Relations Given by State Councilor and Foreign Minister Wang Yi to Xinhua News Agency // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. August 6, 2020. URL: <http://www.china-un.ch/eng/ryrbt/t1804455.htm> (accessed: 12.08.2020); Vision and Conviction Will Take China — US Relations Forward // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. September 25, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1701595.shtml (accessed: 12.08.2020).

¹¹ Reorient and Steer Clear of Disruptions — For a Smooth Sailing of China — U.S. Relations // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. December 19, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1841380.shtml (accessed: 23.12.2020).

(and the largest by 2028)¹². This could further elevate China's stakes and the inability of the US to penalise on any count. China's minimalist demands on the Biden Administration are likely to be on arms sales and civilian / military officials visit to Taiwan, Tibet travel and the Dalai Lama's succession issue, freedom of navigation in the South China Sea, incarceration of Uighurs in Xinjiang and Hong Kong arrests. China's maximalist positions are likely to provide much friction with the US specifically on China becoming a global and regional power, leader in 5G and artificial intelligence, with its Belt and Road Initiative firmly ensconced, its "community of common destiny" gaining friends and allies in the world, with China poised to "occupying the centre stage" as the 19th Communist Party Congress decided in 2017 [Swaine 2018].

In relation to the new US Administration, China could propose a few areas of cooperation, realising the potential benefits of continuing to associate with the US. China may send a high-level business delegation to the US or conduct an online summit with the new leader given the COVID-19 distancing norms. It could approach the US with cooperation stance on climate change, multilateralism, WTO dispute mechanism and other issues closer to the US Democrats. China could even propose vaccine development to profit from the pandemic, although the US (and Russia) has refused to join the UN-led Covax initiative. Counterterrorism could be another subject of cooperation between the two, specifically as the situation in Afghanistan is reaching a point of conciliation.

China's negative list for the Biden Administration is on its "core issues" such as Taiwan, Tibet, South China Sea and Xinjiang but also on tariffs, abrogation of the intermediate-range nuclear forces (INF) treaty and nudging China to commit for strategic arms reduction measures and also of the ban on Chinese Communist Party members that the outgoing

¹² World Economic League Table 2021 // Centre for Economics and Business Research. December 26, 2020. URL: <https://cebr.com/wp-content/uploads/2021/02/WELT-2021-final-15.01.pdf> (accessed: 10.01.2021).

Trump Administration has placed. The latter led to the intensification of ideological struggle between the two countries but also, at an existential level, to the growing influential cadres' sons and daughters visits to the US.

In this context, China is likely to make big announcement on investments, tariffs, buying soya beans or beef and other products from the US but in practice does not implement the same but seek further concessions from the US. China is also likely to nudge North Korea and Iran to step up their confrontation with the US, as a useful distraction as ancient strategist Sun Zi recommended. With its recently launched 14th Five Year Plan focus on “dual circulation” strategy of balancing exports and imports and enhancing domestic consumption, in addition to the Made in China 2025 campaign, China also wants to distance from the US and other countries.

For the two to make the tango, China's bottom list has to match with the US list. The US business lobbies have been complaining about the protectionist trends in China despite its leaders' statements at Davos on leading globalisation. For instance, on market access, the US wants 100 per cent wholly owned companies in China, American credit card entry, licenses to the US companies and sale of biotech seeds¹³. The US trade deficits with China — a major subject in all election campaigns in the US — is ballooning despite the January 2020 deal, which has not been implemented. The trade deficit in favour of China amounted to a whopping 412 billion USD in 2018 that continued into 2020¹⁴.

Also, in a speech in April 2020, President Xi Jinping observed that China will “develop powerful retaliation and deterrence capabilities against supply cut-offs by foreign parties”¹⁵.

¹³ Kondapalli S. China Sees Strategic Opportunities with Biden // Chintan. India Foundation Blogs. January 7, 2021. URL: <https://chintan.indiafoundation.in/articles/china-sees-strategic-opportunities-with-biden-2/> (accessed: 10.02.2021).

¹⁴ US Trade Deficit with China and Why It's So High // The Balance. January 21, 2021. URL: <https://www.thebalance.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277> (accessed: 10.02.2021).

¹⁵ Tang F. China puts supply chain security at forefront to avoid being ‘strangled’ by sanctions, analysts say //

According to a US Department of Defense report, China is intending to use force to secure supply chain management in Asian region¹⁶. Of the three major global production chains in the US, Europe and Asia, the latter has grown substantially thanks to the rise of Japan, China, India, Vietnam, Indonesia and other countries but China wants to dominate. With COVID-19 disruptions and the recent campaign of “sustainable supply chains” by the Indo-Pacific countries, China is feeling that it is losing the initiative and hence wants to resolve the issue by the use of force in its favour.

Another red line of the US is the penchant of the Chinese businesses to influence the decision-making bodies in the US through mergers and acquisitions or even hostile takeovers, besides dangling the carrot to the US chamber of commerce on benefits in China market. In the 1990s, the US Congress restricted China's offshore oil company CNOOC from taking over Unocal¹⁷. Recently, Alibaba's Ant Group — which is in itself in trouble in China — intended to takeover MoneyGram International¹⁸.

There are also other restrictions that the outgoing Administration had undertaken that may come in handy for the new Administration. In any case, the Republican-dominated legislatures could pose challenges to the new dispensation if it alters the recent measures which include over 1,000 China's military-connected researchers fleeing from the US; over 1,000 Chinese students who are under watch for

US — China Relations. November 10, 2020. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3109082/china-sacrificing-economic-growth-self-sufficiency-strategy> (accessed: 10.02.2021).

¹⁶ The China Military Power Report 2020 // Office of the Secretary of Defense. 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 10.02.2021).

¹⁷ The CNOOC Case // Peterson Institute for International Economics. August 2006. URL: https://piie.com/publications/chapters_preview/3942/05iie3942.pdf (accessed: 23.02.2021).

¹⁸ The US Government blocks MoneyGram's \$1.2B sale to Alibaba's Ant Financial // TechCrunch. January 3, 2018. URL: <https://techcrunch.com/2018/01/02/moneygram-ant-financial-alibaba-deal-collapses/> (accessed: 23.02.2021).

espionage or other activities; shutting down of Houston Consulate of China, closure of several Confucius Institutes for their interference in the American campuses and others [Yang 2021].

The “bipartisan consensus” as reflected in the December 2017 US National Security Strategy report or the recent State Department report on “The Elements of the China Challenge” has signalled to the competitive element with China¹⁹. Also, the anonymous “Longer Telegram” is making waves in the US — invoking George Kennan’s “long telegram” of 1946 that ushered in the Cold War era, an anonymous author had suggested that the US should treat China as the most significant challenge to its position [Anonymous 2021]. These would be hard for the new Administration to jettison. Of course, there is a lurking feeling in China that Biden could be more systematic and coordinated in his response to China’s rise than compared to Trump Administration.

Media and Policy Circles in China

China’s media, academic and policy circles are close to the party-state and most of them are Communist Party members. Hence, while some variation or dilution may occur in their views, their opinions are closely reflective of the party-state perspectives. Some think tanks like the China Institutes of Contemporary International Relations have 90 per cent of their research channelised to the government, while 10 per cent of such research findings make it to the public domain²⁰. The Politburo of the Communist Party also had entertained the views of experts since Hu Jintao’s time and special briefing sessions are conducted with them.

All China media is controlled by the party-state and they reflect to the priorities of the “party line”. A survey conducted by Global

Times in December 11 to 17, 2020 with about 2,000 respondents from 16 cities — 47 per cent said the US has a major impact on China, down from 82 per cent in 2019. 31 per cent believed Biden may ease tensions with China, while 28 per cent were pessimistic, and nearly 40 per cent unclear²¹.

Leading American specialists in China as well have been less optimistic about the Biden Administration²². However, much like the post-9/11 counter-terrorism global consensus that distracted the then Bush Administration from pursuing “strategic competition” with China in 2001 to launching disastrous campaigns in Afghanistan, Iraq and other countries, the current COVID-19 and domestic issues could distract the Biden Administration as well — with the field wide open for China to realise its “strategic opportunities” once again. Below is a brief survey of the American specialists’ views in China. A majority of them suggest to the impending competition with the US, although many of them discount the “Thucydides’ trap” of conflict between an established power and an emerging power.

In the economic field, think-tankers like Zhang Xiaoqiang of the China Centre for International Economic Exchanges (CCIEE) suggest to China advocating globalisation and accrue benefits from free trade and investment climate and exploration of new markets, even as China needs to intensify its domestic consumption²³. Zhang also suggests to the

²¹ Chinese rational on China — US ties: GT poll // Global Times. December 26, 2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202012/1211038.shtml> (accessed: 23.02.2021).

²² Chinese scholars expect Biden’s victory to ease US-China tensions // Taiwan News. November 9, 2020. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4048974> (accessed: 12.12.2020); Compendium of Recommendations on China Policy for the Biden Administration // The Wilson Center. January 8, 2021. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/compendium-recommendations-china-policy-biden-administration> (accessed: 14.02.2021).

²³ CCIEE Executive Vice Chairman Zhang Xiaoqiang Meets with Matthew Murray, Economic Counselor of the US Embassy in Beijing // China Center for International Economic Exchanges. August 19, 2019. URL: <http://english.cciee.org.cn/Detail.aspx?newsId=16998&TID>

¹⁹ The Elements of the China Challenge // Office of the Secretary of State. December 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> (accessed: 23.02.2021).

²⁰ Abb P. China’s Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions // GIGA Working Papers. January 2013. No. 213. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/159102/wp213_abb.pdf (accessed: 23.02.2021).

benefits of Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the necessity to sign more FTAs for the rise of China. Chen Wenling argued that as labour wages are increasing in China, it is necessary to shift the manufacturing sector to the third line regions of China and into the Belt and Road Initiative regions or even shifting to some countries. She insists that while transfer of industrial capacities to the neighbourhood is made, China needs to insist on market hold and integration²⁴.

At the political level, Ambassador Fu Ying, who served as the spokesperson of the Parliament on foreign policy issues and currently at Tsinghua University, argued that the US is not in a superior position and has considerably weakened due to Iraq / Afghanistan wars, COVID-19 and losing competitiveness. Fu suggested that China should follow “cooperative competition” model with the new US administration²⁵. Yan Xuotong, a leading international relations expert at Tsinghua University suggested that uneasy peace with the US is likely to continue in the near future resulting in unpredictability and uncertainty. Yan suggested that China can make a truck with Biden’s multilateral approach although it could result in the rise of political issues and friction with China²⁶. He suggested to arriving at

consensus with the US on competition but through humane authority and moral realism. Wang Jisi and Jin Canrong, belonging to the “strategic ambiguity” school and influential in policy circles, argued for the bottom-line approach with the US on core issues such as Taiwan and South China Sea. Yang Jiamian of Shanghai Institute of International Studies decried the US full-fledged attacks on China in the recent past and stated that these affected the dignity and core interests of China [Yang 2020]. Shi Yinhong of the People’s University suggested that as the conflict scenarios had risen between China and the US, China needs to scale down and follow “strategic and military retrenchment” in order to reduce tensions with the US²⁷. Wu Xinbo, heading the American Studies department at Fudan University in Shanghai, stated that competition with the US is normal in the economic and technological fields but not in ideological domain [Wu, Green 2014]. He alerted to the emergence of multitude of conflict points with the US and suggested to COVID-19 related cooperation.

Conclusions

The above brief overview of the China — U.S. relations in the recent period highlighted the challenges that beset the two large economies in the world. A new Administration in the US is unfolding its policies towards China that have become frostier in the last more than a year. There are structural problems that beset these relations at trade, political, diplomatic and strategic levels. While it is hard to predict any bilateral relations, given the widespread differences between the two it is safe to suggest that U.S. — China relations continue to exhibit a complex web of ties in the coming period that are likely to impact on the regional and global affairs. Much of the engagement consensus

=46 (accessed: 12.12.2020); U.S. and China Relations: Rising to New Global Challenges // China — United States Exchange Foundation. January 28, 2021. URL: <https://www.prnewswire.co.uk/news-releases/u-s-and-china-relations-rising-to-new-global-challenges-884969285.html> (accessed: 14.02.2021).

²⁴ See: Zhou C. As Biden takes office, US still viewed as ‘grey rhino’ risk for Chinese economy // South China Morning Post. January 21, 2021. URL: <https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3118711/biden-takes-office-us-still-viewed-grey-rhino-risk-chinese> (accessed: 10.02.2021); Wenling C. Where Is the US Strategy Towards China Heading for? // China Focus. July 16, 2020. URL: <http://www.cnfocus.com/where-is-the-us-strategy-towards-china-heading-for/> (accessed: 11.02.2021).

²⁵ Fu Y. Cooperative Competition Is Possible Between China and the U.S // The New York Times. November 24, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/24/opinion/china-us-biden.html?searchResultPosition=1> (accessed: 14.12.2020).

²⁶ Liu Z. China must stop ‘wishful thinking’ that rivalry with US will end with Biden // South China Morning Post.

December 3, 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3112336/china-must-stop-wishful-thinking-rivalry-us-will-end-biden> (accessed: 04.01.2021).

²⁷ Hass R. How China is responding to escalating strategic competition with the US // Brookings. March 1, 2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-china-is-responding-to-escalating-strategic-competition-with-the-us/> (accessed: 01.03.2021).

between the two is broken while a new *modus vivendi* is yet to take shape suggesting to the precariousness of the bilateral relations. China would prefer the old set of “cooperation and competition” so as to gradually rise in the regional and global orders, while for the US it is exploring on how to maintain its pre-eminence position at a time it is hit hardly by the

COVID-19 pandemic and economic and technological challenges. China’s advances on the RCEP and investment deal with the European Union further constrained the US role. This situation then is likely to provide both opportunities and challenges for other countries in the international system.

Received / Поступила в редакцию: 01.03.2021
 Accepted / Принята к публикации: 02.04.2021

References / Библиографический список

- Allison, G. (2017). *Destined for war: Can America and China escape Thucydides’s trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Anonymous. (2021). *The Longer Telegram: Toward A New American China Strategy*. The Atlantic Council. Retrieved from <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2021/01/The-Longer-Telegram-Toward-A-New-American-China-Strategy.pdf>
- Askari, M.U., & Tahir, M. (2020). Sino-US rivalry in the South China Sea: A hegemonic stability theory perspective. *Journal of Politics and International Studies*, 6(2), 115—127. Retrieved from http://pu.edu.pk/images/journal/politicsAndInternational/PDF/8_v6_2_2020.pdf
- Boylan, B.M., McBeath, J., & Wang, B. (2021). US — China relations: Nationalism, the trade war, and COVID-19. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 14(1), 23—40. <https://doi.org/10.1007/s40647-020-00302-6>
- Chi, M., & Qiao, L. (2020). A skeletal review of the Sino-US “trade war”: Contentious issues, trade multilateralism and policy recommendations. *Canadian Foreign Policy Journal*, 26(1), 99—107. <https://doi.org/10.1080/11926422.2019.1685557>
- Fels, E. (2016). *Shifting power in Asia-Pacific? The rise of China, Sino-US competition and regional middle power allegiance*. Switzerland: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-45689-8>
- Gopal, P. (2017). Maritime security in the Indo-Pacific: The role of the US and its allies. *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*, 13(1), 27—40. <https://doi.org/10.1080/09733159.2017.1321208>
- Kubo, F. (2019). Reading the Trump administration’s China policy. *Asia-Pacific Review*, 26(1), 58—76. <https://doi.org/10.1080/13439006.2019.1633153>
- Lampton, D.M. (2013). A new type of major-power relationship: Seeking a durable foundation for US — China ties. *Asia Policy*, (16), 51—68.
- Liu, X. (2021). Chinese multinational enterprises operating in Western Economies: Huawei in the US and the UK. *Journal of Contemporary China*, 30(129), 1—42. <https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1827351>
- Lysne, O. (2018). *The Huawei and Snowden questions: Can electronic equipment from untrusted vendors be verified? Can an untrusted vendor build trust into electronic equipment?* Switzerland: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-74950-1>
- Odgaard, L. (2007). The balance of power in Asia-Pacific security: US — China policies on regional order. *The Korean Journal of Defense Analysis*, 19(1), 29—46. <https://doi.org/10.1080/10163270709464126>
- Oliveira, A.C.G.D. (2021). From panda to dragon: An analysis of China’s maritime actions and reactions in the East China Sea and their implications since 2012. *Contexto Internacional*, 43(1), 147—171. <https://doi.org/10.1590/s0102-8529.2019430100007>
- Qiu, L.D., & Wei, X. (2019). China — US trade: Implications on conflicts. *China Economic Journal*, 12(2), 175—194. <https://doi.org/10.1080/17538963.2019.1598014>
- Rosen, D.H., & Hanemann, T. (2014). The changing US — China investment relationship. *China Economic Journal*, 7(1), 84—102. <https://doi.org/10.1080/17538963.2013.874071>
- Sargent, D.J. (2014). *A superpower transformed: The remaking of American foreign relations in the 1970s*. Oxford: Oxford University Press.
- Sutter, R. (2020). China’s relations with the United States. In D. Shambaugh (Eds.), *China and the world* (pp. 211—232). Oxford: Oxford University Press.
- Swaine, M.D. (2018). Chinese views of foreign policy in the 19th party congress. *China Leadership Monitor*, 55(23), 1—13. Retrieved from <https://carnegieendowment.org/files/clm55-ms-final.pdf>

- Tao, W. (2015). *A brief history of China — US relations, 1784—2013*. Beijing: Foreign Languages Press.
- Wang, D. (2010). China's trade relations with the United States in perspective. *Journal of Current Chinese Affairs*, 39(3), 165—210. <https://doi.org/10.1177/186810261003900307>
- Wu, X. & Green, M. (2014). Regional security roles and challenges. In N. Hachigian (Eds.), *Debating China. The U.S. — China relationship in ten conversations* (pp. 198—220). Oxford: Oxford University Press.
- Yang, J. (2020). Major power relations in a post-pandemic world order. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 6(1), 1—18. <https://doi.org/10.1142/S2377740020500074>
- Yang, X. (2021). US — China crossroads ahead: Perils and opportunities for Biden. *The Washington Quarterly*, 44(1), 129—153. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2021.1894723>
- Ye, X. (2020). Explaining China's hedging to the United States' Indo-Pacific strategy. *China Review*, 20(3), 205—238.
- Yetiv, S.A. & Oskarsson, K. (2018). *Challenged hegemony: The United States, China, and Russia in the Persian Gulf*. Stanford: Stanford University Press.
- Zuo, X. (2021). The Trump effect: China's new thoughts on the United States. *The Washington Quarterly*, 44(1), 107—127. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2021.1893515>

About the author: *Kondapalli Srikanth* — PhD, Professor in Chinese Studies, Centre for East Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India; ORCID: 0000-0002-9559-8492; e-mail: profsrikanthkondapalli@gmail.com

Сведения об авторе: *Кондапалли Шрикант* — PhD, профессор Центра восточноазиатских исследований, Школа международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия; ORCID: 0000-0002-9559-8492; e-mail: profsrikanthkondapalli@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-288-303

Research article / Научная статья

The United States — China Rivalry and the BRI

Jean-Marc F. Blanchard

East China Normal University, Shanghai, China;
Mr. & Mrs. S.H. Wong Center for the Study of Multinational Corporations, USA
✉ executive_director@mnccenter.org

Abstract. The article describes the United States — China rivalry and China's Belt and Road Initiative (BRI) through a fine-grained review of primary materials such as major US policy documents and speeches by and media interviews with key American foreign policy decisionmakers, as well as the selective use of secondary materials such as think tank studies and articles in scholarly publications. It shows that the BRI has fueled the bilateral rivalry since its birth in 2013 and that the rivalry, in turn, has affected US views about the BRI. Under President Barack Obama, the US took a muted stance towards the BRI, expressing modestly cooperative sentiments regarding it. In contrast, under President Donald Trump, Washington's posture towards the BRI dramatically changed with his administration frequently denigrating the BRI, raising it in major security and foreign policy documents, initiating competing development schemes such as the BUILD Act, and building closer cooperation with allies against China's venture. Despite its angst about the BRI, however, the Trump administration never launched any large-scale countermeasures. This article contributes to clarifying the situation by correcting some factual errors in past analyses and updating the general understanding about the Trump administration's response. It systematically contemplates how internal and external economic, political, and ideational factors affected the Obama and Trump administration's responses to the BRI, demonstrating that such factors shaped or shifted US policy or bounded its form and intensity. These factors, being similar to those stressed by neoclassical realists who emphasize the role of leaders as interpreters within limits of the external environment and responders to it subject to various domestic constraints, provide a foundation which is used to speculate about the US's probable response to the BRI under President Joseph Biden, Jr.

Key words: China, United States, Belt and Road Initiative, BRI, US — China rivalry

For citation: Blanchard, J.-M.F. (2021). The United States — China Rivalry and the BRI. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 288—303. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-288-303>

Американо-китайское соперничество и инициатива «Один пояс, один путь»

Ж.-М.Ф. Бланшар

Восточно-китайский педагогический университет, Шанхай, Китай;
Центр изучения транснациональных корпораций им. г-на и г-жи С.Х. Вонг, США
✉ executive_director@mnccenter.org

Аннотация. Рассматриваются отношения США и КНР в контексте соперничества государств, а также прослеживается влияние подобного уровня взаимодействия на китайскую инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП). Методологически автор опирается на анализ первоисточников, таких как основные политические документы, выступления представителей политического истеблишмента США, интервью в СМИ с ключевыми лицами, принимающими внешнеполитические решения, а также на выборочное использование

© Blanchard J.-M.F., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

вспомогательных материалов, таких как исследования аналитических центров и статьи в научных журналах. Автор полагает, что с момента создания в 2013 г. ОПОП стимулирует конкуренцию в отношениях двух стран, и это, в свою очередь, не может не влиять на подход США к самой инициативе. Во время президентства Б. Обамы Вашингтон занимал довольно сдержанную позицию по отношению к китайской инициативе, демонстрируя умеренную открытость к сотрудничеству с Пекином. Однако подобный подход сменился более жесткой политикой при президенте Д. Трампе. При упоминании проекта в основных документах по безопасности и внешней политике новая республиканская администрация, по сути, сделала ставку на обезличивание ОПОП, иницируя конкурентные схемы развития, такие как Закон о более эффективном использовании инвестиций, ведущих к развитию, и наладив более тесное сотрудничество с союзниками против проекта Китая. Несмотря на возросшую степень беспокойства в отношении инициативы, администрация Д. Трампа так и не предприняла никаких крупномасштабных контрмер. Также объясняется, каким образом экономические, политические и идеологические факторы внутреннего и внешнего характера повлияли на подходы администраций Б. Обамы и Д. Трампа к ОПОП в части определения или изменения политики США или ограничения ее формата и интенсивности. Данные факторы, наподобие тех, о которых говорят представители неоклассического реализма, в частности роль лидеров, лежат в основе оценки ОПОП в период президентства Дж. Байдена.

Ключевые слова: Китай, США, инициатива «Один пояс, один путь», ОПОП, соперничество США и Китая

Для цитирования: *Blanchard J.-M.F. The United States — China Rivalry and the BRI // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 288—303. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-288-303*

Introduction

Many issues have featured in the rivalry between the United States (US) and the People's Republic of China (the PRC/China) and its dramatic intensification during the Donald Trump presidency. A short list includes COVID-19, US — China competition in the South China Sea, PRC activism in various regions of the world such as Latin America and Africa, human rights, Hong Kong, Taiwan, and US restrictions on foreign direct investment (FDI) by Chinese companies. In addition, domestic political factors such as increased anti-PRC sentiments in the American Congress and the shift towards a more authoritarian political environment in China have created as well as fueled greater bilateral frictions [Medeiros 2019; Goldstein 2020; Yung 2021]. After Joseph Biden Jr. won his campaign for the US presidency, many have opined — typically in very general terms — about its potential implications for US policy towards China with respect to these and other areas such as Iran, climate change, and tariffs¹.

¹ See: Dasgupta S. Will Biden Reverse Trump's China Policies // VOA. January 22, 2021. URL: <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/will-biden-reverse-trumps-china-policies> (accessed: 19.02.2021);

Less than a handful of writers, though, have speculated about the stance that Biden will adopt towards China's marquee Belt and Road Initiative (BRI). One opinion implies Biden will embrace a hostile posture towards it because of the adverse implications of many BRI projects on climate change². Another stance sees budgetary limitations preventing Biden from initiating any major challenges to the BRI³. Yet

Weaver A.E. Biden Won't Deal with Xi or China like Trump Did // Politico. February 7, 2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/02/07/biden-china-xi-jinping-466761> (accessed: 19.02.2021); Swanson A. Biden on 'Short Leash' as Administration Rethinks China Relations // The New York Times. February 17, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/02/17/business/economy/biden-china.html> (accessed: 19.02.2021).

² See: Swaminathan A. Biden Is Relentless on One China Issue: The New Silk Road // Yahoo!Life. February 25, 2020. URL: <https://www.yahoo.com/lifestyle/biden-china-climate-change-new-silk-road-143657484.html> (accessed: 19.02.2021); Lee Y.N. Biden's Focus on Climate Change Could Turn up the Pressure on China's Mega Infrastructure Program // CNBC. January 14, 2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/01/14/climate-change-biden-could-up-pressure-on-chinas-belt-and-road-initiative.html> (accessed: 19.02.2021).

³ Gupta S. Putting a Blue Collar on Biden's Trade Policy // East Asia Forum. February 1, 2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/02/01/putting-a-blue-collar-on-bidens-trade-policy> (accessed: 19.02.2021).

another envisions unceasing US “paranoia” about the BRI and a “hybrid war on China... all over the spectrum”⁴. None of these suggestions reflect reliable, in-depth analysis and neither the new US President nor any of his Cabinet members have issued any public comments that would clarify the Biden administration’s stance towards the BRI.

Unfortunately, this leaves a gap in our understanding of Washington’s future posture towards an issue that represents one of the many thorns in the US — China relationship. Biden’s BRI strategy also has policy relevance because of its likely significant implications for individual countries, regional groupings such as the Association of Southeast Asian Nations, and international institutions. Beyond this, policy elites clearly remain animated about the BRI⁵. Grasping Biden’s BRI stance has ramifications for businesses, too, since his policy could affect their ability to sell goods and services and work with certain partners, and their FDI environment. From an analytical standpoint, comprehending the variables that might affect Biden’s stance towards the BRI is useful, since it could shed light on the factors driving American foreign policy, Sino-American relations, and the response of states to external politico-economic challenges.

Drawing upon primary materials such as major US policy documents and speeches and media interviews with key foreign policy decisionmakers, as well as the selective use of secondary materials such as expert commentary, think tank reports, and academic articles, this study examines the US’s responses to the BRI under the Barack Obama and Donald Trump presidencies and contributes to our knowledge by updating and correcting past research as shown below. More importantly, the paper evaluates in a consistent and systematic way the drivers of

US policy towards the BRI during these two administrations to provide a basis for forecasting Washington’s future BRI policy.

In terms of findings, it shows that the Obama administration, while quite aware of the BRI, did not put forth any substantive response to it. It contends that this resulted from, among other things, the administration’s focus on other priorities, generally positive view of the BRI, and propensity to view the BRI in the context of Central Asia. It further demonstrates that the Trump administration embraced a sustained and more vigorous — though far from highly aggressive — response to the BRI. It contends this flowed from, *inter alia*, structural factors such as the administration’s heightened sense of a China threat, perception an accommodative stance towards China would not be worthwhile, and a development ideology privileging private investment. This analysis, therefore, bears similarities to neoclassical realist approaches which emphasize the role of leaders as interpreters, within limits, of the external environment and responders to it subject to domestic constraints [Rose 1998; Rathbun 2008; Lobell, Ripsman, Taliaferro 2009].

The next (second) section delivers a general overview of the BRI. The third section offers background on the Obama administration’s reaction to the BRI and offers some thoughts about the factors driving it. The fourth section provides a detailed treatment of the Trump administration’s response looking at facets such as its rhetoric, its initiation of countervailing development options, and its efforts to work with US allies and partners. It also presents an analysis of the drivers of the Trump’s administration’s posture towards the BRI. The fifth and final section concludes with a summary of some of the article’s key findings, a discussion of their policy and business implications, and an identification of areas needing additional research.

Traversing the BRI, a Primer

China’s BRI, which consists of the land-oriented Silk Road Economic Belt (SREB) and the sea maritime-oriented Maritime Silk Road

⁴ Escobar P. Belt and Road Paranoia will Rumble on under Biden // Asia Times. December 9, 2020. URL: <https://asiatimes.com/2020/12/belt-and-road-paranoia-will-rumble-on-under-biden> (accessed: 19.02.2021).

⁵ See, e.g.: Webb J. An American Belt and Road Initiative? // Wall Street Journal. February 17, 2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/an-american-belt-and-road-initiative-11613603381> (accessed: 19.02.2021).

Initiative (MSRI), was launched in 2013. Chinese President Xi Jinping's announcement of the BRI drew considerable attention because of its immense geographic scope, prospective financial scale and potentially earthshaking political and economic implications. China's massive connectivity plan included dozens of countries with the land-based segment running from China through Central Asia and Russia into Eastern and Central Europe and eventually Western Europe. For its part, the sea-based segment would traverse from China through Southeast Asia to South Asia, Africa, the Middle East, and Africa before eventually moving into Western Europe. Funding — entailing aid, Chinese outward FDI (OFDI), and loans — was estimated to exceed 1 trillion USD, though there continues to be much confusion about the amount of money actually associated with the BRI [Blanchard 2018a, 2019, 2021a, 2021b].

The BRI's most dramatic feature is large-scale, tangible infrastructure such as airports, bridges, high-speed railways, roads, seaports, and subways. However, as case studies of the BRI in South Asia, Southeast Asia, and Africa and the Middle East show, BRI tangible infrastructure goes far beyond connectivity infrastructure to include dams, power generation systems and distribution lines, industrial and special economic zones, gas and oil pipelines, and telecommunications networks. Soft infrastructure is an important component of the BRI, too, though it receives scant attention. Relevant BRI soft infrastructure includes taxation agreements, accords pertaining to customs clearance and phytosanitary standards, civil aviation treaties, regional free trade agreements, and bilateral investment treaties [Blanchard 2018a: 332; Blanchard 2018b; Blanchard 2019; Flint, Zhu 2019; Blanchard 2021b].

There is no definitive exposé of China's purpose behind launching the BRI. Analysts contend it aims to fulfill multiple international and domestic political and economic purposes. On the international political front, it is believed that China aims to use the BRI to deepen political ties with other countries (or worse ensnare them), to improve its resource security

and supply chains, and to prevent terrorism. In the international economic sphere, commentators view China's BRI as a tool to *inter alia* expand exports, increase business opportunities for Chinese multinational corporations (MNCs), and stimulate use of its currency the renminbi. As for the domestic political arena, some feel the BRI has the potential to undercut parochial behaviors by various provinces and cities. Moving to the domestic economic front, many observers believe the BRI seeks to accelerate development in backward areas such as China's southwest and help China move up the industrial value-added chain [Wang 2016; Blanchard 2018a: 333—335; Zhao 2020].

It is highly debatable that the BRI will be fully embraced by all, implemented in its entirety, or all its expected benefits fully delivered [Blanchard 2018a; Chen 2018]. Assuming all this happens, then the BRI could have serious ramifications for the military, political, and economic interests of others such as the US, Japan, and India. For instance, it could bolster China's influence over flows of energy, information, raw materials, intermediate and final goods, and people. In addition, it could give China a leading or perhaps even dominant role in regions such as Southeast Asia, South Asia, or the Middle East. Furthermore, it could tie individual countries tightly to China and by increasing their dependence on Beijing and/or decrease the appeal of others causing political and economic troubles for the latter. Beyond this, it could ensconce the position of PRC contractors, investors, lenders, suppliers and service providers, and technical standards at the expense of other countries' MNCs and technical standards. Finally, it could reshape the Western trade, investment, and financial norms.

In light of these potential implications, countries such as India and Japan have adopted various countermeasures. For instance, India has worked to improve its political and economic ties with neighboring countries such as Maldives, Nepal, and Sri Lanka. It also has criticized the BRI and launched its own (relatively unimpressive) infrastructure scheme called Project Mausam [Blanchard 2018b]. For its part, Japan launched its own major initiative called the

Partnership for Quality Infrastructure Initiative (PQII) which promises 110 bln USD in funding from various Japanese financial institutions and Asia Development Bank (ADB) for Asian infrastructure. Japan has also built stronger linkages with India, Australia, and the US in an effort to offer an alternative to the BRI and call attention to some of its various defects⁶. It is to the US response that we now turn.

The US Response to China's BRI under President Barack Obama

This section discusses US President Obama's response to the BRI, which appeared on the scene during the first year of his second term in office. Worth noting, in 2011, his administration had already promulgated its own Silk Road venture, termed the New Silk Road Initiative (NSRI), which was far less ambitious in almost every respect than China's scheme. Afghanistan coupled with regional energy and transportation infrastructure was the core of the NSRI story in no small part because of Washington's desire to foster the troubled country's development as well as integration among Central and South Asia's integration. The NSRI's marquee project was the Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade project (CASA-1000), a 1.2 bln USD electricity transmission grid⁷. The NSRI, though, eventually died due to a lack of adequate funding, resources, and US political commitment to the endeavor⁸.

The Obama administration was attentive to China's BRI endeavor, commented generally about it and associated areas like China's

infrastructure activities, and exuded a moderately cooperative tone towards such activities (albeit without expressly mentioning the BRI). Illustrating the first dimension, in mid-April 2016, an US Department of State (DoS) Special Representative remarked the administration "continue[d] to engage Chinese officials on the Belt and Road Initiative... so that we can better understand China's priorities, and determine whether there are areas of mutual benefit"⁹.

Exemplifying the second dimension, a White House Fact Sheet issued at the end of President Xi's visit to Washington in late September 2015 stated, "The United States welcomes China's growing contributions to financing development and infrastructure in Asia and beyond"¹⁰. Reflective of the second and third dimensions, about three weeks after Xi promulgated the BRI, a DoS official with the Bureau of South and Central Asian Affairs said: "We welcome the efforts of China to develop energy and transportation infrastructure in the region... We see all these efforts as mutually reinforcing and beneficial to the Central Asia countries and Afghanistan... We believe that there is plenty of work to go around"¹¹.

Similarly, six months before Obama hosted Xi in Washington, US Deputy Secretary of State Tony Blinken opined the US did not "see China's involvement in Central Asia in zero-sum terms" and that China infrastructure investments were complementary to those of the US"¹².

⁹ Remarks at the Asia-Pacific Council of American Chambers of Commerce (APCAC) Gala Dinner // US Department of State. April 14, 2016. URL: <https://2009-2017.state.gov/e/eb/rls/rm/2016/255825.htm> (accessed: 29.01.2021).

¹⁰ Fact Sheet: U.S. — China Economic Relations // The White House. Office of the Press Secretary. September 25, 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/25/fact-sheet-us-china-economic-relations> (accessed: 29.01.2021).

¹¹ Tracy L.M. The United States and the New Silk Road // US Department of State. October 25, 2013. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/rls/rmks/2013/215906.htm> (accessed: 29.01.2021).

¹² Zimmerman T. The New Silk Roads: China, the U.S., and the Future of Central Asia // New York University Center on International Cooperation. October 2015. P. 16. URL: https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zimmerman_new_silk_road_final_2.pdf (accessed: 19.02.2021).

⁶ Harris T. 'Quality Infrastructure': Japan's Robust Challenge to China's Belt and Road // War on the Rocks. April 9, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/04/quality-infrastructure-japans-robust-challenge-to-chinas-belt-and-road> (accessed: 19.02.2021).

⁷ Zimmerman T. The New Silk Roads: China, the U.S., and the Future of Central Asia // New York University Center on International Cooperation. October 2015. P. 14—15. URL: https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zimmerman_new_silk_road_final_2.pdf (accessed: 19.02.2021).

⁸ Delaney R. Lessons for China in Failed US Silk Road Initiative // South China Morning Post. May 8, 2017. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2092218/lessons-china-failed-us-silk-road-initiative> (accessed: 19.02.2021).

The Obama administration did not proffer any explicit or strong criticisms of the BRI. Still, it raised concerns indirectly and directly. For instance, in April 2015, Mr. Obama said: “To the extent that China wants to put capital into development projects around the region, that’s a positive, [but there was a] need for adherence to best practices... and for projects to benefit local populations and not just the leaders of some countries and contractors”¹³.

The next month, a DoS Assistant Secretary of State observed, directly commenting on the BRI and other Eurasian integration schemes, that the US wanted “a more connected region”. However, trade needed to be “inclusive, multidirectional, and rules-based”¹⁴.

The available evidence does not support claims that the Obama administration never spoke publicly about the BRI or directly mentioned it. In any event, it is apparent that it was not a high priority. In this vein, one writer points out that “the BRI [was] never covered during the US — China Strategic and Economic Dialogue during the Obama years”¹⁵. Moreover, the public record does not show any substantive countermeasures by the administration. As one American researcher succinctly puts it, the “responses to the BRI under the Obama administration... were benign”, focusing on cooperation¹⁶. Aside from this, the content of the remarks by administration representatives makes clear that the administration seems to have viewed China’s initiative primarily through the lenses of its potential implications for Central Asia and Afghanistan rather than other regions or the entire globe.

¹³ Lawrence S., Nelson G.M. China’s ‘One Belt, One Road // Congressional Research Service in Focus. August 6, 2015. P. 2. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=IF10273> (accessed: 29.01.2021).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Luft G. Silk Road 2.0: A US Strategy toward China’s Belt and Road Initiative // Atlantic Council Strategy Paper. October 2017. No. 11. P. 4. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2017/10/US_Strategy_toward_Chinas_BRI_web_1003.pdf (accessed: 19.02.2021).

¹⁶ Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington’s Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

There were several conceivable factors driving the Obama administration’s stance. The administration was likely focused on other pressing matters such as Afghanistan, Iran, and climate change¹⁷.

Secondly, it viewed the BRI not only as a way to advance its objectives in Afghanistan and Central Asia, but also non-threatening in the context of Central Asia given the number of competing powers and contending regional infrastructure schemes there as well as the region’s relatively low priority to the US.

Thirdly, it would be odd, per one commentator, for the US to criticize China for trying to do something it tried to do [Starr 2019: 79—91].

Fourthly, the administration might have failed to appreciate the full implications of China’s initiative, though, to be fair, its ramifications were quite murky given that even as late as 2015 and 2016 many BRI projects had not started, finished, or produced effects. Moreover, for Obama, the PRC foreign policy initiative that most likely presented the biggest threat was the Regional Comprehensive Economic Partnership¹⁸.

Finally, Obama’s proclivity to favor cooperation during his early years in office and his generally non-confrontational posture towards China for much of his tenure may have tempered his administration’s BRI policies.

The US’s BRI Response under President Donald Trump

This section reviews the Trump administration’s reaction to the BRI. For a short period, its stance towards the BRI was positive, far from “unequivocal in its opposition to Beijing’s infrastructural development project” as one assessment claimed [Ashbee 2020: 375]. For example, at a White House press conference in early May, a spokesperson said, the US was

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Gan N., Delaney R. United States under Donald Trump is Veering Away from China’s Belt and Road // South China Morning Post. April 25, 2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3007504/united-states-under-trump-veering-away-chinas-belt-and-road> (accessed: 19.02.2021).

“considering cooperation under the BRI as it is a ‘major trade initiative’ and ‘obviously, trade is a major issue for us’”. In the wake of Trump’s summit with Xi, the US and China issued a 100-day action plan under the framework of the US — China Comprehensive Economic Dialogue. The 10th item on the list of initial actions noted: the US “recognizes the importance of China’s One Belt and One Road initiative and is to send delegates to attend the Belt and Road Forum [BRF] in Beijing May 14—15”¹⁹.

The US eventually sent then National Security Council (NSC) Senior Director for Asia Matt Pottinger, who, in Beijing, stated “US firms... are ready to participate in Belt and Road projects”²⁰. The next month during a meeting with PRC State Councilor Yang Jiechi, Trump reportedly said the US “is willing to conduct cooperation in relevant projects of the BRI”²¹. Nonetheless, the administration’s position towards the BRI appears to have been a little muddled²². Illustrating this, it sent Pottinger, a relatively low-level official, to the 2017 BRF and while in Beijing he stressed the need for China to ensure transparency in the bidding for BRI projects. Yet, while in Beijing, Pottinger also announced the formation of a business-US Embassy (Beijing) working group to facilitate US involvement in the BRI²³.

¹⁹ Joint Release: Initial Results of the 100-Day Action Plan of the U.S. — China Comprehensive Economic Dialogue // US Department of Commerce. May 11, 2017. URL: https://agdc.us/wp-content/uploads/2017/05/JOINT-RELEASE_-_Initial-Results-of-the-100-Day-Action-Plan-of-the-U.S.pdf (accessed: 29.01.2021).

²⁰ Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington’s Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

²¹ US President Donald Trump Meets with Yang Jiechi // PRC, Ministry of Foreign Affairs (MOFA). June 23, 2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1473199.shtml (accessed: 29.01.2021).

²² Luft G. Silk Road 2.0: A US Strategy toward China’s Belt and Road Initiative // Atlantic Council Strategy Paper. October 2017. No. 11. P. 10. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2017/10/US_Strategy_toward_Chinas_BRI_web_1003.pdf (accessed: 19.02.2021).

²³ See: Zhao H. US Forms Belt, Road Group // China Daily. May 16, 2017. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/>

Slam and Slights

It did not take long for the administration to embrace a clear, public, and increasingly negative stance towards China’s endeavor, though it was not always explicit. The first week of October 2017, then Secretary of Defense James Mattis stated in response to a question about the BRI during a US Senate hearing that “there are many belts and roads, and no one nation should put itself into a position of dictating ‘One Belt, One Road’ (OBOR)”²⁴. Two weeks later, during a policy speech on US — India relations, then US Secretary of State Rex Tillerson highlighted how Chinese projects and associated financing did not create jobs for locals, imposed burdensome debts, and made borrowers vulnerable to losing valuable assets²⁵. During a visit to Beijing in November, Trump reportedly was silent about the BRI even though Xi spoke about it during their conversations. Subsequently, in Vietnam, “Trump implicitly criticized the BRI” by distinguishing between US programs and “state-directed initiative that comes with many strings attached”²⁶. On December 13, speaking to US DoS employees at a town hall, Tillerson said: “We do pay close attention to their OBOR policy” and, paraphrasing Mattis, added: “China has One Belt, One Road; the United States and the global

[newsrepublic/2017-05/16/content_29374081.htm](https://www.newsrepublic.com/2017-05/16/content_29374081.htm) (accessed: 19.02.2021); Hsu S. Trump’s Support for China’s One Belt, One Road Initiative is Bad for U.S., Good for World // Forbes. May 18, 2017. URL: <https://www.forbes.com/sites/sarahsu/2017/05/18/trumps-support-for-chinas-one-belt-one-road-initiative-is-bad-for-u-s-good-for-world/?sh=351874f83402> (accessed: 19.02.2021).

²⁴ Political and Security Situation in Afghanistan // US Senate, Committee on Armed Services. October 3, 2017. P. 61–62. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/17-82_10-03-17.pdf (accessed: 29.01.2021).

²⁵ Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson // CSIS. October 18, 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson> (accessed: 29.01.2021).

²⁶ Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington’s Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

economy have many belts and many roads, and no one country gets to choose the belt or the road”. He also noted it was unclear if the BRI would be implemented within existing global rules and norms or try to redefine them²⁷.

The administration advanced similar kinds of criticism throughout 2018. In mid-February, the then Commander of the US Pacific Command asserted that the BRI was a “concerted, strategic endeavor by China to gain a foothold and displace the United States” as well as its regional allies and partners, and was putting “global chokepoints under pressure”²⁸. In mid-November, at the Asia-Pacific Economic Cooperation summit, former US Vice President Mike Pence derided the BRI and the PRC’s assorted infrastructure activities in strong, albeit indirect terms. Some of the most emotive content in his remarks includes: “Some are offering infrastructure loans... Yet the terms of those loans are often opaque at best. Projects they support are often unsustainable and of poor quality. And too often, they come with strings attached and lead to staggering debt... Know that the United States offer a better option. We don’t drown our partners in a sea of debt. We don’t coerce or compromise your independence... We do not offer a constricting belt or a one-way road”²⁹.

In March 2019, then Secretary of State Mike Pompeo implied the BRI had a “state national security element” and also that it involved “non-economic offers” and “predatory lending” and

that the US DoS was going to make sure that others saw it and identified it³⁰. The following month China hosted the 2nd BRF, which the US slighted by not sending any representatives. In September, Pompeo opined the BRI is part of a scheme to “try and create vassal states”³¹. In October, then US Commerce Secretary Wilbur Ross charged that the BRI “use[d] Chinese materials and Chinese nationals to build projects with very little local content” and that the BRI was “effectively a jobs program for China”³². In late November 2019, US Ambassador Alice Wells raised a familiar litany of concerns about Chinese projects ranging from transparency to irresponsible lending to corruption to a failure to use local labor to a failure to embrace international standards. She also asserted one root of BRI’s shortcomings was China’s focus on “solving its own domestic problems... sometimes at the expense of the receiving country”³³.

Strategizing about the BRI

Key Trump administration policy documents such as the 2017 National Security Strategy (hereinafter 2017 NSS), 2018 “Strategic Framework for the Indo-Pacific” (hereinafter 2018 Strategic Framework), and 2020 DoS “Elements of the China Challenge” policy paper

²⁷ US Says Paying Attention to OBOR, but Doesn’t Want to Contain China’s Growth // *Hindustan Times*. December 13, 2017. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/us-says-paying-attention-to-obor-but-doesn-t-want-to-contain-china-s-growth/story-xY3vo9kEBgbmdd5FteXj1M.html> (accessed: 19.02.2021).

²⁸ All Global Chokepoints under OBOR Pressure: Admiral Harris // *The Economic Times*. February 15, 2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/all-global-chokepoints-under-obor-pressure-admiral-harris/articleshow/62926472.cms> (accessed: 19.02.2021).

²⁹ Remarks by Vice President Pence at the 2018 APEC CEO Summit // US White House. November 16, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-2018-apec-ceo-summit-port-moresby-papua-new-guinea> (accessed: 29.01.2021).

³⁰ Conversation with Rich Lowry at the National Review Institute’s 2019 Ideas Summit // US Department of State. March 28, 2019. URL: <https://2017-2021.state.gov/conversation-with-rich-lowry-at-the-national-review-institutes-2019-ideas-summit/index.html> (accessed: 29.01.2021).

³¹ Secretary Michael R. Pompeo with Lou Dobbs of Lou Dobbs Tonight // US Department of State. September 1, 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-with-lou-dobbs-of-lou-dobbs-tonight/index.html> (accessed: 29.01.2021).

³² Remarks by Secretary Wilbur Ross at the Federalist Society // Just the Real News. October 15, 2019. URL: <https://www.justtherealnews.com/exec-depts/remarks-by-secretary-wilbur-ross-at-the-federalist-society/> (accessed: 29.01.2021).

³³ A Conversation with Ambassador Alice Wells on the China — Pakistan Economic Corridor // US Department of State. November 21, 2019. URL: <https://2017-2021.state.gov/a-conversation-with-ambassador-alice-wells-on-the-china-pakistan-economic-corridor/index.html> (accessed: 29.01.2021).

(hereinafter 2018 Elements paper), which make explicit mention of China's BRI, infrastructure, and Chinese OFDI (COFDI), constitute another part of the administration's BRI response³⁴. These documents indisputably have a rhetorical element to them since they directly and indirectly malign China's BRI, infrastructure, and FDI. As well, they raise alarm about Chinese efforts to use COFDI, infrastructure, and loans to gain preeminence in various functional realms (e.g., international economic governance) and geographic areas, negatively influence the access of other parties to such areas, foster dependencies, promote Chinese digital surveillance technologies, and undermine international norms. Still, these documents play far more than a stigmatizing role since they also function to highlight US concerns, prioritize US government political, military, and economic activities, coordinate US government agencies, send a message to US allies and partners, and identify general policies to accomplish US priorities.

Illustrating the derogatory function of such documents and their role in highlighting US concerns, the 2017 NSS states that China uses "investments in the developing world to expand influence and gain competitive advantages against the United States" and that "China's infrastructure investments and trade strategies reinforce its geopolitical aspirations"³⁵. For its part, the 2018 Elements paper opines that the BRI is one of China's tools to "expand foreign markets for Chinese companies and... a means

of drawing nationals... into Beijing's geopolitical orbit" and that China's infrastructure projects often "entrench China's long-term access to local elites and confer power over key parts of the host country's critical infrastructure"³⁶. The paper also remarks that "Beijing provides digital technology and physical infrastructure to advance the Chinese Communist Party's authoritarian objectives throughout the [Indo-Pacific] region"³⁷.

The aforementioned three documents devote (repeated) attention to development finance – highlighting Washington's concerns and priorities and messaging allies and partners — and offer some general policy proposals. For instance, the 2017 NSS says that the US will "modernize its development finance tools so that U.S. companies have incentives to capitalize on opportunities in developing countries"³⁸. It further remarks that the US and its partners must "encourage multilateral development banks to invest in high-quality infrastructure projects that promote economic growth"³⁹. The 2020 Elements paper stresses that the US must exploit "initiatives such as the International Development Finance Corporation [IDFC] and emerging Blue Dot Network to invest in friendly nations' physical and digital infrastructure and commercial ventures, especially in the Indo-Pacific region"⁴⁰.

In terms of sending a message to allies and partners, setting priorities, and proposing general policy directions, the 2017 NSS states, "we will strengthen cooperation with allies on high-

³⁴ See: National Security Strategy of the United States of America // US White House. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 29.01.2021); United States Strategic Framework for the Indo-Pacific [Secret] // US White House. February 15, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 29.01.2021); The Elements of the China Challenge // US DoS, Policy Planning Staff. November 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> (accessed: 29.01.2021).

³⁵ National Security Strategy of the United States of America // US White House. December 2017. P. 38, 46. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 29.01.2021).

³⁶ The Elements of the China Challenge // US DoS, Policy Planning Staff. November 2020. P. 12. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> (accessed: 29.01.2021).

³⁷ Ibid. P. 17.

³⁸ National Security Strategy of the United States of America // US White House. December 2017. P. 39. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 29.01.2021).

³⁹ Ibid. P. 41.

⁴⁰ The Elements of the China Challenge // US DoS, Policy Planning Staff. November 2020. P. 47–48. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> (accessed: 29.01.2021). The IDFC and Blue Dot Network are discussed below.

quality infrastructure”⁴¹. It notes, too, that the US will encourage regional cooperation to “maintain transparent infrastructure financing practices”⁴². The 2018 Strategic Framework mentions that in the Indo-Pacific the US will “build regional support for US — India Common principles... including transparent infrastructure-debt practices” while in Southeast Asia and the Pacific Islands the US will “promote an integrated economic development model in the Indo-Pacific that provides a credible alternative to One Belt One Road”⁴³.

Dueling Development Deals

On the development front, the Trump administration had three noteworthy responses to the BRI — the Better Utilization of Investment Leading to Development (BUILD) Act; a 113 mln USD Indo-Pacific investment allocation; and Prosper Africa — which admittedly had aims beyond countering China’s BRI. Due to space constraints, this article covers only the first two.

The BUILD Act came into effect in early October 2018. It created a new development-focused agency called the IDFC, which replaced the Overseas Private Investment Corporation (OPIC), assumed certain functions from the US Agency for International Development (USAID), and has new tools (e.g., the authority to take equity stakes) to support private sector investment in select projects in a wide range of developing countries with loans, insurance, and investments to facilitate such countries transitioning into market economies. For many, what is most noteworthy about the IDFC is its significantly larger budget (60 billion USD) versus OPIC’s (30 billion USD). Observers leave no doubt that one of the motivations driving the

passage of the BUILD Act was the desire to create a meaningful alternative to China’s BRI and infrastructure schemes⁴⁴.

The 113 mln USD investment allocation, announced by Mr. Pompeo in summer 2018, intended to support technical assistance, legal support, insurance, and risk mitigation, project assessment and financing programs, and policy advice initiatives relating to the digital economy, infrastructure, and energy in the Indo-Pacific. Mr. Pompeo labeled these funds “a down payment on a new era in US economic commitment to peace and prosperity in the Indo-Pacific region” and a component of the administration’s efforts to oppose any country that sought to dominate the Indo-Pacific. Many experts concluded that the initiative targeted China and also took the view that the program was puny in scale and overly vague⁴⁵.

Onward with Others

Another prong in the Trump administration’s response to the BRI was closer coordination, mostly as a follower rather than leader, with allies such as Japan, perceived partners like India, and friendly groupings such as the US — Japan — Australia — India Quadrilateral (hereinafter the “Quad”) and the

⁴⁴ See: Chaudhri J., Gurdak M.P., Willis G.H. How Will New U.S. International Development Finance Corporation Help American Companies // Jones Day Commentaries. October 2018. URL: <https://www.jonesday.com/en/insights/2018/10/how-will-new-us-international-development-finance> (accessed: 19.02.2021); Runde D.F., Bandura R. The BUILD Act has Passed: What’s Next // CSIS Critical Questions. October 12, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/build-act-has-passed-whats-next> (accessed: 19.02.2021).

⁴⁵ See: Indo-Pacific Business Forum Highlights // U.S. Chamber of Commerce. July 30, 2018. URL: <https://www.uschamber.com/event/indo-pacific-business-forum-highlights> (accessed: 19.02.2021); U.S. Plans \$113 Million ‘Down Payment on a New Era’ in Indo-Pacific: Pompeo // Reuters. July 30, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-pompeo/u-s-plans-113-million-down-payment-on-a-new-era-in-indo-pacific-pompeo-idUSKBN1KK1NP> (accessed: 19.02.2021); King A. US Answers Belt and Road with Own Indo-Pacific Investment Plan // Nikkei Asia. July 30, 2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-answers-Belt-and-Road-with-own-Indo-Pacific-investment-plan> (accessed: 19.02.2021).

⁴¹ National Security Strategy of the United States of America // US White House. December 2017. P. 47. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 29.01.2021).

⁴² Ibid.

⁴³ United States Strategic Framework for the Indo-Pacific [Secret] // US White House. February 15, 2018. P. 10, 15. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 29.01.2021).

Trilateral Infrastructure Group Working Group (consisting of Japan, Australia, and the US). These interactions sought to challenge China's BRI in several ways. The first was to shine the light on the BRI, COFDI, and infrastructure's shortcomings and, relatedly, advance more principled infrastructure and FDI activities. The second promoted alternatives to Chinese development schemes. The third was to stimulate increased funding by the Quad countries and international financial institutions such as the ADB which would, in turn, support these higher standards and counter initiatives.

It was in November 2017 when we began to witness visible US collaboration with Japan on the BRI in tandem with Trump's visit to Asia that year. Specifically, US OPIC signed Memorandums of Understanding (MoUs) with the Japan Bank for International Cooperation and Nippon Export and Investment Insurance; the US Trade and Development Agency concluded an agreement with Japan's Ministry of Economy, Trade, and Industry; and the two countries launched an energy partnership for developing regions. These and later MoUs and agreements sought to promote cooperation on and boost funding for mutually agreeable projects to increase affordable, open, transparent, sustainable, and productive investment in infrastructure, energy, and other sectors⁴⁶. The US also was supportive of Japan's 2015 PQII which stresses the need for projects to take due account of debt sustainability, quality, local employment, social and environmental effects, and proper procurement processes; the adoption of PQII principles at the G7 Ise-Shima Summit in 2016;

⁴⁶ See: Tiezzi S. In Japan, Trump and Abe Offer Alternatives to China's 'Belt and Road' // *The Diplomat*. November 8, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/in-japan-trump-and-abe-offer-alternative-to-chinas-belt-and-road> (accessed: 19.02.2021); Basu T. Japan's Belt and Road Puzzle, Decoded // *The Diplomat*. February 28, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/02/japans-belt-and-road-puzzle-decoded> (accessed: 19.02.2021); United States and Japan Sign Memorandum of Cooperation Strengthening Energy and Infrastructure Finance and Market Building // US Department of the Treasury. February 4, 2020. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm894> (accessed: 29.01.2021).

and the embrace of PQII principles at the 2019 G20 summit⁴⁷.

Shifting to India, the Trump administration was supportive of Indian concerns about the BRI [Rajagopalan 2020]. For example, the joint statement issued after Indian Prime Minister Narendra Modi visited Trump in June 2017 in Washington stressed agreement on the principle that "regional economic connectivity [should be enhanced] through the transparent development of infrastructure and the use of responsible debt financing practices... and call on other nations in the region to adhere to these principles"⁴⁸. Three months later, then US Defense Secretary Mattis seconded Indian claims that the BRI traversed through disputed territory⁴⁹. In the aforementioned October 2017 policy speech, former Secretary of State Tillerson stressed that the US and India "should be in the business of equipping other countries to defend their sovereignty, build greater connectivity, and have a louder voice in a regional architecture"⁵⁰. In 2019, Ambassador Wells opined, "we share India's concerns over projects that don't have an economic basis and that lead to countries ceding sovereignty"⁵¹.

⁴⁷ See: Harris T. 'Quality Infrastructure': Japan's Robust Challenge to China's Belt and Road // *War on the Rocks*. April 9, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/04/quality-infrastructure-japans-robust-challenge-to-chinas-belt-and-road> (accessed: 19.02.2021). On US support for QII, see: Weatherby C. Next Steps for US — Japan Collaboration on Energy Infrastructure // *East — West Center Asia-Pacific Issues*. October 2020. No. 145. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep26430> (accessed: 19.02.2021).

⁴⁸ Joint Statement — United States and India: Prosperity through Partnership // Government of India, Ministry of External Affairs. June 27, 2017. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/28560/Joint+Statement++United+States+and+India+Prosperity+Through+Partnership> (accessed: 19.02.2021).

⁴⁹ Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson // CSIS. October 18, 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson> (accessed: 29.01.2021).

⁵⁰ Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington's Negative Turn on the Belt and Road Initiative // *The Asian Forum*. May 21, 2018. URL: www.theasianforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

⁵¹ National Security Strategy of the United States of America // US White House. December 2017. URL:

Turning to the multilateral front, there are several initiatives involving the members of the Quad. To illustrate, at the end of July 2018, the US, Australia, and Japan set up a grouping to “mobilize investment in projects”, that featured “transparency, open competition, sustainability, adhering to robust global standards, employing the local workforce, and avoiding unsustainable debt burdens”⁵². In late November 2019, the US, Japan, and Australia launched the “Blue Dot Network”. The program would give a stamp of approval to infrastructure projects meeting certain standards relating to *inter alia* inclusiveness, transparency, economic viability, environmental sustainability, compliance with international laws and regulations, and construction quality. The hope was such a certification would encourage private investors and multilateral institutions like the ADB to invest in projects⁵³.

The Trump Administration's BRI Policy and its Drivers

As extensively documented, almost all of Trump's tenure in office featured ongoing rhetorical attacks against the BRI and related

<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 29.01.2021); United States Strategic Framework for the Indo-Pacific [Secret] // US White House. February 15, 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 29.01.2021); The Elements of the China Challenge // US DoS, Policy Planning Staff. November 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> (accessed: 29.01.2021).

⁵² Obe M. US, Japan, and Australia Team Up on Indo-Pacific Building Push // Nikkei Asia. July 31, 2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/US-Japan-and-Australia-team-up-on-Indo-Pacific-building-push> (accessed: 19.02.2021).

⁵³ See: Regalado F. US ‘Late’ in Pushing Blue Dot to Counter China's Belt and Road // Nikkei Asia. November 22, 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-late-in-pushing-Blue-Dot-to-counter-China-s-Belt-and-Road> (accessed: 19.02.2021); The U.S. Vision for the Indo-Pacific Region // US DoS. January 31, 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/the-u-s-vision-for-the-indo-pacific-region-2/index.html> (accessed: 29.01.2021); Kuo M.A. Blue Dot Network: The Belt and Road Alternative // The Diplomat. April 7, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/04/blue-dot-network-the-belt-and-road-alternative> (accessed: 19.02.2021).

Chinese activities. As well, the Trump administration began to incorporate references to the BRI into key American strategies such as its strategy for the Indo-Pacific. It further launched several initiatives on the development front such as the BUILD Act. Lastly, it increased cooperation with others such as Japan and joined in multilateral ventures like the Blue Dot Network. In terms of breadth and depth, the Trump administration's (relatively coherent) response was qualitative larger than the Obama administration's, with the bulk of activity taking place in 2017 and 2018⁵⁴. Its reaction, though, certainly did not reflect anything akin to a supercharged response in terms of expenditures, arm twisting of American allies, or action against Chinese companies⁵⁵. Analysts have advanced three main arguments to explain the Trump administration's BRI stance. One argument stresses the role of Trump as an individual. The second emphasizes the impact of domestic variables such as a policy community. The third focuses on “structural” factors, especially the US — China rivalry.

Analysts emphasizing the personality of Trump, consider how his personality, ideology, and worldviews might have played a role in his administration's reaction to the BRI. In regard to personality, they highlight his confrontational, narcissistic, and unpredictable style. With respect to ideology, they mention his America First doctrine, unwillingness to embrace traditional American policies towards allies, international institutions, and public goods, disdain for the extant neoliberal politico-economic order, disinclination to pay attention to matters of democracy, human rights, and good governance, and dislike of bureaucrats⁵⁶. As for worldviews,

⁵⁴ Ashbee [2020: 376] asserts the US strategy was incremental and a patchwork.

⁵⁵ This view is shared by: Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington's Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

⁵⁶ See: Bittner P. Trump's Wavering Stance on China's One Belt One Road // China US Focus. December 21, 2017. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/trumps-wavering-stance-on-chinas-one-belt-one-road> (accessed: 19.02.2021); Wuthnow J. From Friend to

they note Trump's view of China as an economic predator and later economic *and* political threat [Boutin 2019: 17—18; Ashbee 2020: 379—380]. While definitely part of the story, an explanation spotlighting Trump has trouble explaining his administration's shift from a slightly accommodative to a hostile posture towards the BRI, his administration's relatively linear and bounded implementation of its adversarial policy (once adopted), and its increased cooperation over time with allies and partners to deal with the BRI challenge.

The domestic politics argument contends a "policy community" consisting of academics, consultants, government officials, researchers, and others shaped the Trump administration's agendas and policy choices. It specifically was behind the administration's turn against the BRI, changed attitudes towards the PRC, newfound willingness to work with allies and partners, support for the BUILD Act, and other policy dynamics [Ashbee 2020: 375—376, 392]. According to this line of thinking, Trump's shallow thinking and mercurial nature made him susceptible to advice while the policy community's different views about China, the BRI, and the suitability of different policies resulted in uneven policy implementation and the inadequate allocation of resources [Ashbee 2020: 392—394]. One defect with the policy community argument is the dearth of evidence that there was a *community*. Another is the lack of proof it exerted a decisive influence on Trump's BRI agenda and policy choices. Beyond this, while the argument may explain inconsistencies in some policy areas, it fails to explain consistency in other areas such as US rhetoric and strategy from 2017 onward.

Structural factors also shaped the Trump administration's BRI strategy and bounded its response toolkit. Per some, the overarching

structural factor shaping the administration's behavior was the US — China rivalry. The BRI fed into the rivalry (and the rivalry exacerbated anxieties about the BRI) because it was intimately associated with China's challenge to US primacy in various regions, US-dominated international institutions, and US championed norms. There also were fears that it would undermine US prestige. As well, there were worries that it would allow China to dominate states and resource and trade flows⁵⁷.

For the school emphasizing structural factors, the US — China rivalry initially did not fuel US action against the BRI because Washington hoped China would help it with North Korea, the trade deficit, and other issues⁵⁸. In short, the rivalry was not yet intense enough to influence its stance towards the BRI. For its part, the BRI did not exacerbate the rivalry. One reason was Washington's (reported) ignorance about its downsides. Another reason was that US companies and allies initially saw opportunities emanating from the BRI⁵⁹. Ultimately, Washington's unrequited hopes for Chinese cooperation and dismay with PRC actions, increased awareness about the BRI's adverse

⁵⁷ See: LiveAtState with Tibor P. Nagy, Assistant Secretary of State for the Bureau of African Affairs // US DoS. December 21, 2018. URL: <https://2017-2021.state.gov/liveatstate-with-special-representative-for-ukraine-negotiations-kurt-volker-2/index.html> (accessed: 29.01.2021); Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington's Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021). See also: [Boutin 2019: 2—12; Sutter 2020: 143—145].

⁵⁸ Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington's Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

⁵⁹ See: Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington's Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021); Gan N., Delaney R. United States under Donald Trump is Veering Away from China's Belt and Road // South China Morning Post. April 25, 2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3007504/united-states-under-trump-veering-away-chinas-belt-and-road> (accessed: 19.02.2021).

Foe-Ish: Washington's Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021); Lawrence S. et al. U.S. — China Relations // Congressional Research Service Report (R45898). September 3, 2019. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45898> (accessed: 29.01.2021). See also: [Boutin 2019: 14—15; Sutter 2020: 143, 147—155].

implications, courting of India, intensified anti-PRC and anti-BRI sentiments in Washington, and a change in business and ally attitudes opened the door for a more aggressive response⁶⁰.

The question emerges as to why the Trump administration did not respond even more aggressively given the aforementioned structural shifts. One analyst points to budgetary limits⁶¹. Another important constraint is US development ideology which since the 1970s has shunned large-scale infrastructure projects⁶². On top of this, this ideology stresses not just the superiority of mobilizing private rather than state capital, but also the use of non-monetary tools to catalyze development⁶³. Illustrative of the US development ideology, during a background briefing, an unnamed Senior US DoS official answered a question about Chinese loan programs with the response, “we’re not in a position to compete with China in terms of, like, offering the kind of infrastructure investment that China offers... we believe quite strongly that... investment needs to be led by the private sector”⁶⁴.

⁶⁰ See: Hearing on China’s Belt and Road Initiative: Five Years Later // United States-China Economic and Security Review Commission. January 25, 2018. URL: <https://www.uscc.gov/hearings/chinas-belt-and-road-initiative-five-years-later> (accessed: 29.01.2021); Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington’s Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021); Ford L. The Trump Administration and the ‘Free and Open Indo-Pacific’ // Brookings Foreign Policy Brief. May 2020. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-trump-administration-and-the-free-and-open-indo-pacific> (accessed: 19.02.2021).

⁶¹ Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington’s Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

⁶² Goodman M.P. et al. The Higher Road: Forging a U.S. Strategy for the Global Infrastructure Challenge // CSIS Report. April 23, 2019. P. 15–16. URL: <https://www.csis.org/higherroad> (accessed: 19.02.2021).

⁶³ U.S. Policy in the Indian Ocean Region // US DoS. August 20, 2018. URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-policy-in-the-indian-ocean-region/index.html> (accessed: 29.01.2021).

⁶⁴ Background Briefing on U.S. — Central Asian Relations // US DoS. December 13, 2019. URL:

Conclusion

This article has explored the US — China rivalry with a specific focus on the US response to the BRI under the Trump and Obama administrations. It first described the BRI before exploring and analyzing the US’s reaction to China’s BRI during the Obama presidency. Subsequently, it delved into the Trump administration’s response, looking at its rhetoric, treatment of the BRI (as well as related Chinese infrastructure and investment activities) in its strategic doctrines, its launching of competitor development programs such as the BUILD Act, and its efforts to cooperate with others. It then moved into an analysis of various arguments about the variables shaping the US response to the BRI.

The article demonstrated that the Obama administration did respond to the BRI, but only in an extremely limited and mostly accommodative way. Reasons for this include a focus on other priorities such as Afghanistan, the absence of a feeling the BRI was threatening, and Obama’s largely nonconfrontational views about the PRC. The BRI did not fuel the US — China rivalry and the rivalry did not promote a negative US stance towards the BRI. The article showed that, in contrast, Washington adopted a more adversarial posture towards the BRI under Trump. This resulted from a mix of structural factors. Examples include increased US worries about China and the BRI; Washington’s feeling cooperation with China would not deliver desired payoffs; and a shifting domestic political environment. Unlike Obama’s time, the BRI stimulated the rivalry while the rivalry also supported a confrontational posture towards the BRI.

Writing in 2018 about US BRI policy, one analyst, Joel Wuthnow, forecast it would continue its “currently modestly antagonistic policy”, adding a pivot in a more cooperative or competitive direction is also possible⁶⁵. Later,

<https://2017-2021.state.gov/background-briefing-on-u-s-central-asian-relations/index.html> (accessed: 29.01.2021).

⁶⁵ Wuthnow J. From Friend to Foe-Ish: Washington’s Negative Turn on the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. May 21, 2018. URL: www.theasanforum.org/from-friend-to-foe-ish-washingtons-negative-turn-on-the-belt-and-road-initiative (accessed: 19.02.2021).

another forecast the US would worry less about the BRI and devote more attention to its opportunities [Starr 2019: 79—91]. While we might expect less inflammatory rhetorical because of Biden's personality, ideology, and worldview, my analysis does not suggest a "pivot" in a more cooperative or competitive direction.

Various structural factors will drive Washington to maintain, within limits, a negative stance towards the BRI.

Firstly, it remains anxious about the challenge posed by China and the BRI.

Secondly, while it seeks cooperation with Beijing in areas like climate change, there is no evidence it feels restraint towards China is needed to help it accomplish its major aims.

Thirdly, it favors increased cooperation with allies and partners.

Fourthly, it appears to put great stress on infrastructure.

Fifthly, financial and ideational constraints will prevent massive development countermeasures. The business implications of my analysis are that non-Chinese companies still should be cautious about involving themselves in Chinese BRI projects.

Nonetheless, they may find opportunities by exploiting US counter initiatives.

As for analytical value, this article shows how structural factors can illuminate state policies, changes in them, and the bounded nature of policies.

One important question is if the global pandemic necessitates modifying the preceding forecast. It depends in large part on how it influences the BRI's future course. If, for example, the pandemic affects China's economy or that of participants in a notably adverse fashion such that it proves impossible to initiate new BRI projects or complete existing ones then the BRI *ceteris paribus* will become less threatening and thus should feature less prominently in the US — China rivalry. If, on the other hand, the pandemic spurs progress on the BRI — after all, BRI countries including

China will need to find ways to support growth — or catalyzes aspects of the BRI such as the Digital Silk Road, which is threatening to the US because it posits a world centered around Chinese technology and technology networks, then the BRI likely will escalate US — China tensions. Aside from this, if nationalistic pandemic-related measures like the US and China's dueling vaccine diplomacy intensifies the bilateral rivalry, then it is possible the US may view the BRI, which has a component known as the Health Silk Road, more negatively and feel a need to respond.

There are several limitations to the analysis herein. One limitation is that it was not possible to conduct interviews with relevant policymakers or evaluate key documents, both which will become feasible only with the passage of time. Due to space limitations of the paper, China's responses (or lack thereof) to US measures are not covered [Liu 2020]. They likely played some role in Obama and Trump's views of the BRI and China and their posture towards both. Yet another is that I have not been able to explore in depth, for reasons of time and space, less high profile, but still noteworthy US actions — e.g., the application of sanctions on a Chinese company involved in a BRI project during Trump's tenure in office. In future work, I will address these lacunas.

In two years, the BRI will be ten years old. For almost four years after its birth, Washington viewed it as a train potentially worth boarding. In 2017, however, it began to belittle the train as evil. It had to slow it; keep passengers away from it; and build alternatives to it. It never tried seriously to derail it, though. As this article demonstrates, internal and external structural factors explain much of these witnessed behaviors. They also suggest why Washington likely will keep chugging along mostly the same course under the Biden administration. The BRI will continue to stimulate, but not supercharge, the Sino-American rivalry and the rivalry will continue to support a negative US stance towards the BRI.

Received / Поступила в редакцию: 26.02.2021
Accepted / Принята к публикации: 02.04.2021

References / Библиографический список

- Ashbee, E. (2020). ‘We don’t drown our partners in a sea of debt’: U.S. policy responses to China’s Belt and Road Initiative. *The Journal of American — East Asian Relations*, 27(4), 374—400. <https://dx.doi.org/10.1163/18765610-27040004>
- Blanchard, J.-M.F. (2018a). China’s Maritime Silk Road Initiative (MSRI) and Southeast Asia: A Chinese “pond” not “lake” in the Works. *Journal of Contemporary China*, 27(111), 329—343. <https://dx.doi.org/10.1080/10670564.2018.1410959>
- Blanchard, J.-M.F. (2021a). Belt and Road Initiative (BRI) Blues: Powering BRI research back on track to avoid choppy seas. *Journal of Chinese Political Science*, 26(1), 235—255. <https://dx.doi.org/10.1007/s11366-020-09717-0>
- Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2018b). *China’s Maritime Silk Road Initiative and South Asia. A political economic analysis of its purposes, perils, and promise*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2019). *China’s Maritime Silk Road Initiative and Southeast Asia. Dilemmas, doubts, and determination*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2021b). *China’s Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, freezes, and failures*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Boutin, K. (2019). Challenging security: The United States and the Belt and Road Initiative. *China and the World*, 2(1), 1—23. <https://dx.doi.org/10.1142/S259172931950007X>
- Chen, S. (2018). Regional responses to China’s Maritime Silk Road Initiative in Southeast Asia. *Journal of Contemporary China*, 27(111), 344—361. <https://dx.doi.org/10.1080/10670564.2018.1410960>
- Flint, C., & Zhu, C. (2019). The geopolitics of connectivity, cooperation, and hegemonic competition: The Belt and Road Initiative. *Geoforum*, 99, 95—101. <https://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.12.008>
- Goldstein, A. (2020). US — China rivalry in the twenty-first century: Déjà vu and Cold War II. *China International Strategy Review*, 2, 48—62. <https://dx.doi.org/10.1007/s42533-020-00036-w>
- Liu, F. (2020). The recalibration of Chinese assertiveness: China’s responses to the Indo-Pacific challenge. *International Affairs*, 96(1), 9—27. <https://dx.doi.org/10.1093/ia/iiz226>
- Lobell, S.E., Ripsman, N.M., & Taliaferro, J.W. (2009). *Neoclassical realism, the state, and foreign policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Medeiros, E.S. (2019). The changing fundamentals of US — China relations. *The Washington Quarterly*, 42(3), 93—119. <https://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2019.1666355>
- Rajagopalan, R. (2020). Evasive balancing: India’s unviable Indo-Pacific strategy. *International Affairs*, 96(1), 75—93. <https://dx.doi.org/10.1093/ia/iiz224>
- Rathbun, B. (2008). A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism. *Security Studies*, 17(2), 294—321. <https://dx.doi.org/10.1080/09636410802098917>
- Rose, G. (1998). Review: Neoclassical realism and theories of foreign policy. *World Politics*, 51(1), 144—172.
- Starr, S.F. (2019). US perspectives on China’s Belt and Road Initiative in Central Asia and the South Caucasus. *International Studies*, 56(2—3), 79—91. <https://dx.doi.org/10.1177/0020881719851916>
- Sutter, R. (2020). Obama, Trump, and US politics and diplomacy towards Asia. In O. Turner & I. Parmar (Eds.), *The US in the Indo-Pacific* (pp. 143—160). Manchester: Manchester University Press. <https://dx.doi.org/10.7765/9781526135025.00017>
- Wang, Y. (2016). Offensive for defensive: The Belt and Road Initiative and China’s new grand strategy. *The Pacific Review*, 29(3), 455—463. <https://dx.doi.org/10.1080/09512748.2016.1154690>
- Yung, C. (2021). The crisis in US — China bilateral security relations. *Asian Perspective*, 45(1), 33—47. <https://dx.doi.org/10.1353/apr.0.0002>
- Zhao, S. (2020). China’s Belt-Road Initiative as the signature of President Xi Jinping diplomacy: Easier said than done. *Journal of Contemporary China*, 29(123), 319—335. <https://dx.doi.org/10.1080/10670564.2019.1645483>

About the author: *Blanchard Jean-Marc F.* — PhD, Distinguished Professor, School of Advanced International and Area Studies, East China Normal University, China; Executive Director, Mr. & Mrs. S.H. Wong Center for the Study of Multinational Corporations, USA; e-mail: executive_director@mnccenter.org

Сведения об авторе: *Бланишар Жан-Марк Ф.* — доктор наук, заслуженный профессор Школы передовых международных и региональных исследований Восточно-китайского педагогического университета, Китай; исполнительный директор Центра изучения транснациональных корпораций им. г-на и г-жи С.Х. Вонг, США; e-mail: executive_director@mnccenter.org

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-304-324

Научная статья / Research article

США и Китай во внешнеэкономической политике Индии: в поисках баланса для сохранения стратегической автономии

Н.В. Галищева , Е.В. Небольсина

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Российская Федерация
 galistcheva@yandex.ru

Аннотация. Анализируются основные аспекты экономического сотрудничества Индии со своими ведущими партнерами — США и Китаем в 2000—2010-е гг. Исследование проведено с помощью смешанного метода научного познания, интегрирующего количественные и качественные методы. На основе исторического и статистического методов проведена оценка возможностей расширения их взаимодействия и трудностей, с которыми страны могут столкнуться. Авторы сравнили масштабы и особенности товарной структуры индо-американской и индо-китайской торговли, что позволило прийти к следующим выводам. Внутриотраслевая торговля между Индией и США находится на довольно высоком уровне. В свою очередь, это нетипично для взаимодействия между Индией и Китаем, которое носит межотраслевой характер, являющийся следствием слабой кооперации индийских и китайских предпринимателей. Дана оценка интенсивности индо-американской и индо-китайской взаимной торговли в период 2000—2018 гг. Результаты, полученные на основе расчетов индексов интенсивности экспорта и импорта Индии в / из США и КНР, а также индексов интенсивности экспорта и импорта ее партнеров в / из Индии, свидетельствуют о том, что в настоящее время Индия успешно завоевывает американский рынок, и конкурентоспособность ее товаров на нем неуклонно возрастает. Вместе с тем объем индо-китайского товарооборота остается гораздо ниже возможного при нынешнем участии Индии в мировой торговле. Между тем ни для США, ни для Китая Индия не является ведущим партнером. Также проводится анализ основных проблем как индо-американских, так и индо-китайских двусторонних отношений. В заключение подчеркивается, что в кратко- и среднесрочной перспективе экономическое сотрудничество между Индией и ее ведущими партнерами, вероятнее всего, будет лишь углубляться, а найденный ею разумный баланс при выстраивании двух важнейших векторов ее внешнеэкономической политики сохранится.

Ключевые слова: Индия, США, Китай, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), торгово-экономическое сотрудничество, инвестиции, Д. Трамп, Н. Моди, индекс интенсивности торговли, индекс Грубеля — Ллойда

Для цитирования: Галищева Н.В., Небольсина Е.В. США и Китай во внешнеэкономической политике Индии: в поисках баланса для сохранения стратегической автономии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 304—324. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-304-324

The U.S. and China in India's Foreign Economic Policy: In Quest of Balance for Maintaining Strategic Autonomy

Natalia V. Galistcheva , Elena V. Nebolsina

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russian Federation
 galistcheva@yandex.ru

Abstract. The paper investigates trade and investment relations between India and its two major trading partners, viz. the U.S. and China in the 2000—2010s. On the basis of mixed method research with equal use of quantitative and qualitative, as well as historical and statistical methods, the authors estimate the possibilities for expanding interstate interactions and the difficulties the countries might face. By comparing the scale and particulars of the product structure of Indo-American and Indo-Chinese trade, the authors reveal that intra-industry trade between India and the United States is at a fairly high level, which, in turn, is not typical for the trade between India and China, which is mostly inter-industry due to the sluggish cooperation of Indian and Chinese entrepreneurs. The authors assess the intensity of the Indo-American and Indo-Chinese bilateral trade between 2000—2018 by means of indices of intensity of India's exports and imports to / from the USA and China, as well as indices of intensity of exports and imports of its partners to / from India. The obtained results outline the upward trend of the share of Indian exports to the U.S. relative to other countries, which indicates that India is successfully conquering the U.S. market, and Indian goods are becoming increasingly competitive. Meanwhile, the volume of Indian-Chinese trade remains on a much lower level than it could be expected with the current share of India in the world trade. In the meantime, neither for the United States nor for China, India is a dominant partner. The article also investigates major obstacles hindering the development of both Indo-American and Indo-Chinese bilateral relations. The obtained results enable the authors to predict that in the short- and mid-term economic cooperation between India and its leading partners is likely to strengthen, with India keeping striving for standing neuter while building the two most crucial vectors of its foreign economic policy.

Key words: India, U.S., China, Indo-Pacific Region, trade and economic cooperation, investment, D. Trump, N. Modi, trade intensity index, Grubel — Lloyd index

For citation: Galistcheva, N.V., & Nebolsina, E.V. (2021). The U.S. and China in India's Foreign Economic Policy: In Quest of Balance for Maintaining Strategic Autonomy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 304—324. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-304-324>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, тем, что в настоящее время Индия является особым привилегированным стратегическим партнером России, и сотрудничество с ней традиционно является одним из основных направлений российской ВЭП. В этой связи для дальнейшего развития российско-индийских экономических отношений, корректировки их основных механизмов все более актуальным становится выделение индийских приоритетов и выявление особенностей проводимой Индией ВЭП.

Реализуемые с 1991 г. в Индии широко-масштабные либеральные реформы, направ-

ленные на трансформацию социально-экономической модели и интеграцию страны в мировое хозяйство, оказались весьма успешными. Демонстрируя ускоренные темпы роста национальной экономики (в 2000—2010-е гг. — в среднем 7—7,5 % годовых¹) и удерживая третье место в мировой иерархии ведущих экономик мира по ВВП по ППС вот уже 10 лет, по результатам 2020 г., по оценке МВФ, Индия вновь, как и в 2019 г., поднялась на шестую позицию в рейтинге ведущих

¹ World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown // International Monetary Fund. April 2020. P. 131. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed: 20.01.2021).

экономик по ВВП по обменному курсу, пропустив вперед лишь США, КНР, Японию, Германию и Великобританию².

Страна, уступающая лишь Китаю по численности населения, обладает ядерным оружием и ракетами, совершила мощный технологический рывок, став мировым лидером по объему экспорта ИТ-продукции (14,2 % общего объема экспорта десяти стран-лидеров в 2018 г.³) и заняв доминирующее положение на глобальном рынке ИТ-аутсорсинга.

Преобразования системы ВЭС Индии в 1990—2000-е гг. в условиях реализации политики *Look East* привели к развороту ее ВЭП на Восток, большей ориентации на развивающиеся страны, доля которых в индийском товарообороте выросла практически в 1,5 раза — с 46,5 % в экспорте и 46 % в импорте в 1990/91 ф.г.⁴ до 65,3 и 79,2 % в 2018/19 ф.г. соответственно⁵.

Беспрецедентный рост взаимного индокитайского товарооборота, проявившийся на рубеже XX—XXI вв. и превративший Китай в ведущего торгового партнера Индии, не привел, однако, к сколь-либо значимому наращиванию инвестиционного и научно-технического сотрудничества между двумя восточными гигантами.

Между тем, несмотря на существенное сокращение доли США в индийском товарообороте, особенно проявившееся в уменьшении объемов индийского импорта — с 12,1 % в 1990/91 ф.г.⁶ до 6,9 % в 2018/19 ф.г.⁷, —

их позиции в инвестиционном сотрудничестве стабильно крепки: страна уверенно входит в «тройку» ведущих инвесторов Индии. Также существенны позиции США и в индийском экспорте услуг: на них и Канаду приходится 61,4 % объема индийской ИТ-продукции⁸, что свидетельствует о том, что между индийскими поставщиками и американскими заказчиками имеются тесные партнерские связи. Кроме того, индийская диаспора оказывает влияние на американский политический истеблишмент и способствует всестороннему развитию как экономических, так и политических отношений [Li, Skor 2010]. Участие Индии в Вашингтонском проекте Индо-Тихоокеанского квартета (*Indo-Pacific Quad*), в который она входит наравне с США, Японией и Австралией, свидетельствует, с одной стороны, о заинтересованности индийской политической элиты в сотрудничестве с США, а с другой — ее обеспокоенности все возрастающим присутствием Китая в регионе.

Таким образом, вполне очевидно, что США и Китай являются крупнейшими и наиболее важными стратегическими партнерами Индии. При этом также налицо и ее двойственное положение. Являясь ареной противостояния двух держав за сферу влияния на нее, Индия сама вынуждена политически и экономически лавировать и находить адекватный баланс между американским и китайским векторами своей внешнеэкономической политики (ВЭП).

Цель настоящего исследования заключается в попытке выявления индийского подхода к определению разумного баланса между ее двумя ведущими партнерами для достижения собственных стратегических приоритетов (то есть в какой мере взаимная торговля и инвестиционное сотрудничество с обеими

² Projected GDP Ranking // Statistics Times. March 16, 2021. URL: <https://statisticstimes.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php> (accessed: 18.03.2021).

³ World Trade Statistical Review 2019 // WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts19_toc_e.htm (accessed: 30.03.2020).

⁴ Финансовый год в Индии начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего календарного года.

⁵ Рассчитано авторами по: Economic Survey 1995/96 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 1996. P. S88—S89; Economic Survey 2019/20 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2020. P. A113—A130.

⁶ Economic Survey 1992/1993 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. P. 104—105.

⁷ Economic Survey 2019/20 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2020. P. A120.

⁸ Survey on Computer Software and Information Technology-Enabled Services Exports: 2018—19 // Reserve Bank of India. November 18, 2019. URL: https://www.rbi.org.in/Scripts/BS_PressReleaseDisplay.aspx?prid=48664 (accessed: 20.12.2020).

странами соответствуют современным стратегическим приоритетам Индии) и выявлению рисков сотрудничества с ними.

Теоретической основой исследования стал синтез теории П. Кругмана [Krugman 1986] о грамотной внешнеторговой политике государства, оказывающей значительное позитивное влияние на всю национальную экономику, и теории М.Дж. Мелитца и Дж.И.П. Оттавиано [Melitz, Ottaviano 2008], анализирующей степень открытости национальной экономики в зависимости от размеров внутреннего рынка, а также экспортные и импортные возможности крупных по размеру государств. В свете анализа западного и восточного векторов внешнеэкономической политики Индии интерес представляет и теория ВЭП, разработанная специально для развивающихся стран известным британским экономистом, профессором Кентского университета Э. Тирлволлом [Thirlwall, Pacheco-Lopez 2017], а также теория внешнеторговой политики развивающегося государства М. Тодаро и С. Смита [Todaro, Smith 2015].

Для оценки уровня эффективности взаимной торговли авторы использовали математический подход Дж.Х. Грубеля и П.Дж. Ллойда [Grubel, Lloyd 1975], а для оценки интенсивности двусторонней индо-американской и индо-китайской торговли — метод, введенный в работах экономистов А.Дж. Брауна [Brown 1947] и К. Кожимы [Kojima 1964].

Вопросам анализа экономической политики Д. Трампа посвящен широкий перечень работ, и к числу наиболее авторитетных из них относятся исследования В. Валли [Valli 2018], Дж. Герберта, Т. МакКрискена, А. Роэ [Herbert, McCrisken, Wroe 2019], В.Б. Супяна [2018, 2020], Л.Ф. Лебедевой [2020], В.С. Васильева [2019].

Проблематика современных торгово-экономических отношений США и Индии поднимается в трудах Х.В. Панта и У. Джоши [Pant, Joshi 2016], Л.Н. Гарусовой [2018], А. Чжао Чжэнь [2019].

Различные аспекты индо-китайского соперничества представлены в работах Дж. Гарвера [Garver 2001], Дж.М. Смита

[Smith 2014], Б. Челлани [Chellaney 2013], Ш. Канты⁹. Основные направления внешнеэкономической политики Китая и Индии рассмотрены в целом ряде работ российских востоковедов, например, Е.Я. Араповой [2018], Н.В. Галищевой [2013], Н.Г. Хромовой [2019].

В зарубежной литературе наравне с основными направлениями индо-китайского сотрудничества также широко освещаются вопросы и индо-китайских противоречий. Наибольший интерес по этой проблематике представляют публикации Дж.К. Барала [Baral 2012] и Б. Челлани [Chellaney 2009].

Методологической основой исследования является смешанный метод научного познания [Johnson, Onwuegbuzie 2004] с объединением количественных и качественных методов и подходов. В качестве базового использован компаративный метод изучения двух важнейших направлений индийской ВЭП.

Новизна работы заключается в том, что в ней фактически впервые в российской научной литературе предпринята попытка многогранного компаративного анализа двух важнейших для Индии векторов внешнеэкономической политики — американского и китайского.

Исходя из того, что ВЭП представляет собой целостную систему мероприятий, выполняемых на государственном уровне с учетом сложившихся реалий и реализуемых в ходе экономического взаимодействия национальных субъектов внешнеэкономической деятельности с иностранными, при написании статьи авторы намеренно сконцентрировали свое внимание на анализе важнейших, наиболее репрезентативных для двустороннего сотрудничества ее аспектов — взаимной торговле, инвестиционном и научно-техническом сотрудничестве Индии с США и Китаем.

⁹ Kantha Sh. Changing Patterns in India — China Trade Relations // Institute of Chinese Studies. February 2020. No. 39. P. 8. URL: <https://www.icsin.org/uploads/2020/02/19/3d9eba12dba8421db3ef4a1a33e7b3b2.pdf> (accessed: 03.03.2020).

Взаимная торговля товарами: экономико-статистический анализ

Соединенные Штаты и Индия рассматривают друг друга в качестве важных стратегических партнеров для продвижения общих интересов на региональном и глобальном уровнях.

Безусловно, для Индии экономическое сотрудничество с США более важно. На экспорт США в Индию приходится около 3 % общего объема экспорта США. В то же время в 2019 г. США были первым по величине экспортным рынком индийских товаров (17 %) и третьим по величине поставщиком в Индию импортных товаров (7 %) после Китая (14 %) и ЕС (9 %) ¹⁰.

Ускоренный рост взаимного индийско-китайского товарооборота наметился в 1990—2000-е гг.: в 1992 г. этот показатель достиг почти 300 млн долл. США, в 2000 г. — 2,2 млрд долл. США, а в 2010 г. превысил 58,6 млрд долл. США ¹¹.

В 2010 г. Китай, обогнав США, стал самым крупным торговым партнером Индии и сохраняет эту позицию до сих пор, занимая третье место в индийском экспорте (свыше 5 % общего объема) и первое — в импорте. Ежегодные темпы прироста внешнеторгового оборота в начале 2000-х гг. превысили 20 %, а в 2002—2007 гг. достигли отметки 50—60 % ¹². В соответствии с индийской статистикой, взаимный индийско-китайский товарооборот в 2013/14 ф.г. составил 65,9 млрд долл. США, в 2016/17 ф.г. — 71,5 млрд долл. США, в 2018/19 ф.г. — 87,1 млрд долл. США (см. табл. 1). За январь-июль 2019 г. объем двусторонней торговли составил 53,3 млрд долл. США, из них индийский экспорт в Китай — 10,38 млрд долл. США, а индийский импорт — 42,92 млрд долл. США ¹³.

¹⁰ US — India Trade Relations // Congressional Research Service. December 23, 2020. P. 1. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10384.pdf> (accessed 13.03.2021).

¹¹ Economic Survey 2019/20 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2020. P. A 120, A 121, A129, A130.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

В соответствии с индийской статистикой для взаимного индийско-американского товарооборота характерна положительная динамика в 2007—2019 гг. (табл. 2).

В 2019 г. импорт товаров из США в Индию составил 34,41 млрд долл. США, а экспорт — 57,67 млрд долл. США. Таким образом, общий объем взаимной торговли Индии почти в 6,6 раза превысил показатель 2000 г. (14 млрд долл. США). Индия сохранила свою позицию 9-го по значимости торгового партнера США с профицитом в 23,3 млрд долл. США. Во взаимной торговле преобладают товары (62 %), в то время как на услуги приходится 38 % ¹⁴.

Основными категориями индийского экспорта являются необработанные алмазы (13,8 %), фармацевтические препараты (12,8 %), минеральное топливо (6 %), морепродукты (3,7 %) и ювелирные изделия (3,3 %). В товарной структуре импорта из США в 2019 г. доминировали нефть (16 %), необработанные алмазы (13 %), золото (4 %), гражданские самолеты и детали (4 %), уголь (3,6 %), воздушные суда, космические корабли и спутники (3,4 %) ¹⁵.

Индия и США — крупнейшие в мире экспортеры и импортеры необработанных алмазов, и причина их встречной торговли одним и тем же товаром заключается в том, что Индией, как правило, экспортируется крайне дешевое и трудоемкое для обработки сырье. Экспорт связан с тем, что страна, используя дешевую, но квалифицированную рабочую силу, улучшает качество алмазного сырья для более качественной и выгодной обработки, что соответственно повышает его цену [Хромова 2019: 20].

В товарной структуре индийского экспорта в КНР традиционно доминирует первичное сырье: минеральное топливо, нефть и нефтепродукты (около 18,9 %), продукция органической химии (около 18,8 %), хлопковое волокно (9,2 %), руды, шлак, зола (6,7 %),

¹⁴ India — US Trade and Investment // Embassy of India. URL: <https://www.indianembassyusa.gov.in/pages/MzQ> (accessed: 15.03.2020).

¹⁵ US Trade Numbers // WorldCity. URL: <https://www.ustradenumbers.com/country/india/> (accessed: 27.03.2020).

Таблица 1

Торговля Индии и Китая в 2010-е гг.

Показатель	2007/2008 ф.г.		2015/2016 ф.г.		2016/2017 ф.г.		2017/2018 ф.г.		2018/2019 ф.г.	
	млрд долл. США	% ¹⁶	млрд долл. США	%						
Экспорт	10,9	6,7	9,0	3,4	10,2	3,7	13,3	4,4	16,8	5,1
Импорт	27,2	10,8	61,7	16,2	61,3	16,0	76,4	16,4	70,3	13,7
Оборот	38,1	9,2	70,7	11,0	71,5	10,8	89,7	11,7	87,1	10,3
Сальдо	-16,3		-52,7		-51,1		-63,1		-53,5	

Источник: рассчитано и составлено авторами по: Economic Survey 2009/10 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2010. P. A94, A99; Economic Survey 2010/11 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2011. P. A94, A99; Economic Survey 2016/17 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2017. P. A113, A121; Economic Survey 2019/20 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2020. P. A120, A121, A129, A130.

Table 1

India — China Bilateral Trade in 2010s

Indicator	2007/2008 financial year		2015/2016 financial year		2016/2017 financial year		2017/2018 financial year		2018/2019 financial year	
	bln USD	% ¹⁷	bln USD	%						
Exports	10.9	6.7	9.0	3.4	10.2	3.7	13.3	4.4	16.8	5.1
Imports	27.2	10.8	61.7	16.2	61.3	16.0	76.4	16.4	70.3	13.7
Turnover	38.1	9.2	70.7	11.0	71.5	10.8	89.7	11.7	87.1	10.3
Balance	-16.3		-52.7		-51.1		-63.1		-53.5	

Source: calculated and compiled by the authors according to: Economic Survey 2009/10 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2010. P. A94, A99; Economic Survey 2010/11 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2011. P. A94, A99; Economic Survey 2016/17 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2017. P. A113, A121; Economic Survey 2019/20 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2020. P. A120, A121, A129, A130.

Таблица 2

Торговля Индии и США в 2010-е гг.

Показатель	2007/2008 ф.г.		2015/2016 ф.г.		2016/2017 ф.г.		2017/2018 ф.г.		2018/2019 ф.г.	
	млрд долл. США	%								
Экспорт	20,7	12,5	40,3	15,4	42,2	15,3	47,9	15,8	52,4	15,9
Импорт	21,1	5,0	21,8	5,7	22,3	5,8	26,6	5,7	35,6	6,9
Оборот	41,8	8,1	62,1	9,7	64,5	9,8	74,5	9,7	88,0	10,42
Сальдо	-0,4		18,5		19,9		21,3		16,8	

Источник: рассчитано и составлено авторами по: Economic Survey 2009/10 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2010. P. A94, A99; Economic Survey 2010/11 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2011. P. A94, A99; Economic Survey 2016/17 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2017. P. A113, A121; Economic Survey 2019/20 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2020. P. A120, A121, A129, A130.

Table 2

India — USA Bilateral Trade in 2010s

Indicator	2007/2008 financial year		2015/2016 financial year		2016/2017 financial year		2017/2018 financial year		2018/2019 financial year	
	bln USD	%								
Exports	20.7	12.5	40.3	15.4	42.2	15.3	47.9	15.8	52.4	15.9
Imports	21.1	5.0	21.8	5.7	22.3	5.8	26.6	5.7	35.6	6.9
Turnover	41.8	8.1	62.1	9.7	64.5	9.8	74.5	9.7	88.0	10.42
Balance	-0.4		18.5		19.9		21.3		16.8	

Source: calculated and compiled by the authors according to: Economic Survey 2009/10 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2010. P. A94, A99; Economic Survey 2010/11 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2011. P. A94, A99; Economic Survey 2016/17 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2017. P. A113, A121; Economic Survey 2019/20 // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2020. P. A120, A121, A129, A130.

¹⁶ % от итога по соответствующему разделу / per cent from the total for the corresponding section.

¹⁷ % от итога по соответствующему разделу / per cent from the total for the corresponding section.

пластмассы (около 6,7 %), ядерные реакторы, котлы и механические устройства (более 5 %), соль, сера, земли и камень, штукатурные материалы, известь и цемент (около 4,3 %). Однако в последнее время наметилась некоторая тенденция диверсификации индийских поставок: в них увеличилась доля машин и оборудования, а также химической продукции. Индия предпринимает попытки для их дальнейшего расширения, в том числе и за счет товаров с более высокой добавленной стоимостью, что может способствовать решению проблемы существенного дефицита во взаимной торговле с Китаем.

В товарной структуре индийского импорта из КНР существенная доля традиционно приходится на электрические машины и оборудование (31,5 % в 2018 г.). Другие значимые позиции индийского импорта — ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства; органическая химия; пластиковые изделия; железо и сталь (в 2018 г. 18,5, 11,6, 3,7 и 2,3 % соответственно). В целом индийская импортная корзина в торговле с Китаем отличается существенным разнообразием, с одной стороны, и достаточно высокой технологичностью — с другой. При этом по отдельным импортным позициям Индия в существенной мере зависит от своего партнера. Так, из Китая импортируется около 90 % ввозимых из-за рубежа мобильных телефонов, 55—60 % продукции электроники, 1/3 — машин и оборудования, около 2/5 — органических химикатов, 1/4 — удобрений¹⁸. Между тем вследствие коронавирусной инфекции ожидается, что доля Китая в индийском импорте электроники в 2020/21 ф.г. может снизиться до 30—35 %¹⁹.

¹⁸ Kantha Sh. Changing Patterns in India — China Trade Relations // Institute of Chinese Studies. February 2020. No. 39. P. 8. URL: <https://www.icsin.org/uploads/2020/02/19/3d9eba12dba8421db3ef4a1a33e7b3b2.pdf> (accessed: 03.03.2020).

¹⁹ Joy Sh. COVID-19 may further dwindle Chinese electronics goods import to India // Deccan Herald. March 14, 2020. URL: <https://www.deccanherald.com/business/business-news/covid-19-may-further-dwindle-chinese-electronics-goods-import-to-india-813680.html> (accessed: 18.03.2020).

Для оценки качества внутриотраслевой торговли в рамках заданной пары стран (Индия — США и Индия — Китай) в разрезе 15 крупнейших товарных позиций в 2000—2018 гг. авторы с опорой на авторитетные исследования²⁰ рассчитали индекс Грубеля — Ллойда в средневзвешенной форме по формуле

$$GL_k^{ij} = \frac{[X_k^{ij} - M_k^{ij}]}{X_k^{ij} + M_k^{ij}}, \quad (1)$$

где X_k^{ij} — экспорт отрасли k из страны i в страну j ; M_k^{ij} — импорт отрасли k страны i из страны j .

Анализ индекса Грубеля — Ллойда показывает, что по целому ряду товарных групп внутриотраслевая торговля Индии и США находилась на довольно высоком уровне: в 2018 г. для драгоценных и полудрагоценных камней этот показатель составлял 0,798, машин, механических устройств, ядерных реакторов и котлов — 0,967, минерального топлива — 0,625, электрических машин и оборудования — 0,960, продуктов органической химии — 0,981, продукции химической промышленности — 0,897, пластика и пластиковых изделий — 0,852.

В 2018 г. на низком уровне осуществлялась внутриотраслевая торговля фармацевтическими товарами (0,119), транспортными средствами (0,223), текстилем (0,056), предметами одежды (0,002), продукцией из железа и стали (0,289). В отличие от ситуации с США, по большинству товарных групп внутриотраслевая торговля Индии и Китая находилась на очень низком уровне (рис. 1). Для продукции машиностроения индекс Грубеля — Ллойда составлял 0,109, транспортных средств — 0,116. На среднем уровне внутриотраслевая торговля осуществлялась по таким позициям, как минеральное топливо (0,541), фармацевтическая продукция (0,493), продукция органической химии (0,528), пластик и изделия из него (0,562). Лишь для

²⁰ World Trade Organization. A Practical Guide to Trade Policy Analysis. United Nations, 2012. P. 19. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/gds2012d2_en.pdf (accessed: 12.07.2020). См. также: [Vidya, Prabheesh 2019: 511; Пак 2018: 99—100].

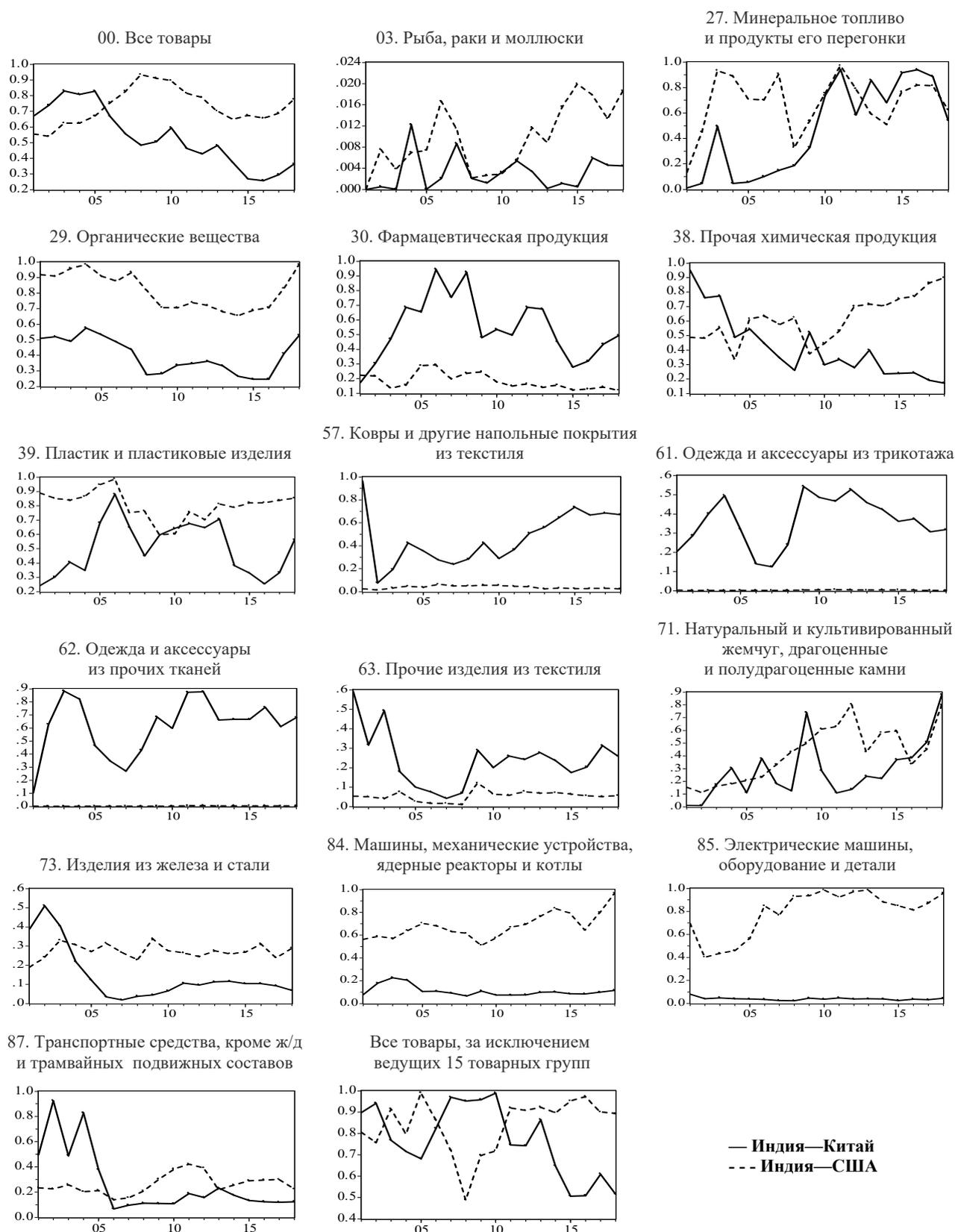

Рис. 1. Индекс Грубеля — Ллойда Индия — США и Индия — Китай по ключевым товарным группам в 2000—2018 гг.

Источник: рассчитано и построено авторами по: US — India Trade Relations // Congressional Research Service. February 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10384.pdf> (accessed: 20.02.2020); UN Comtrade Database.

URL: <http://comtrade.un.org/data/> (accessed: 12.03.2020).

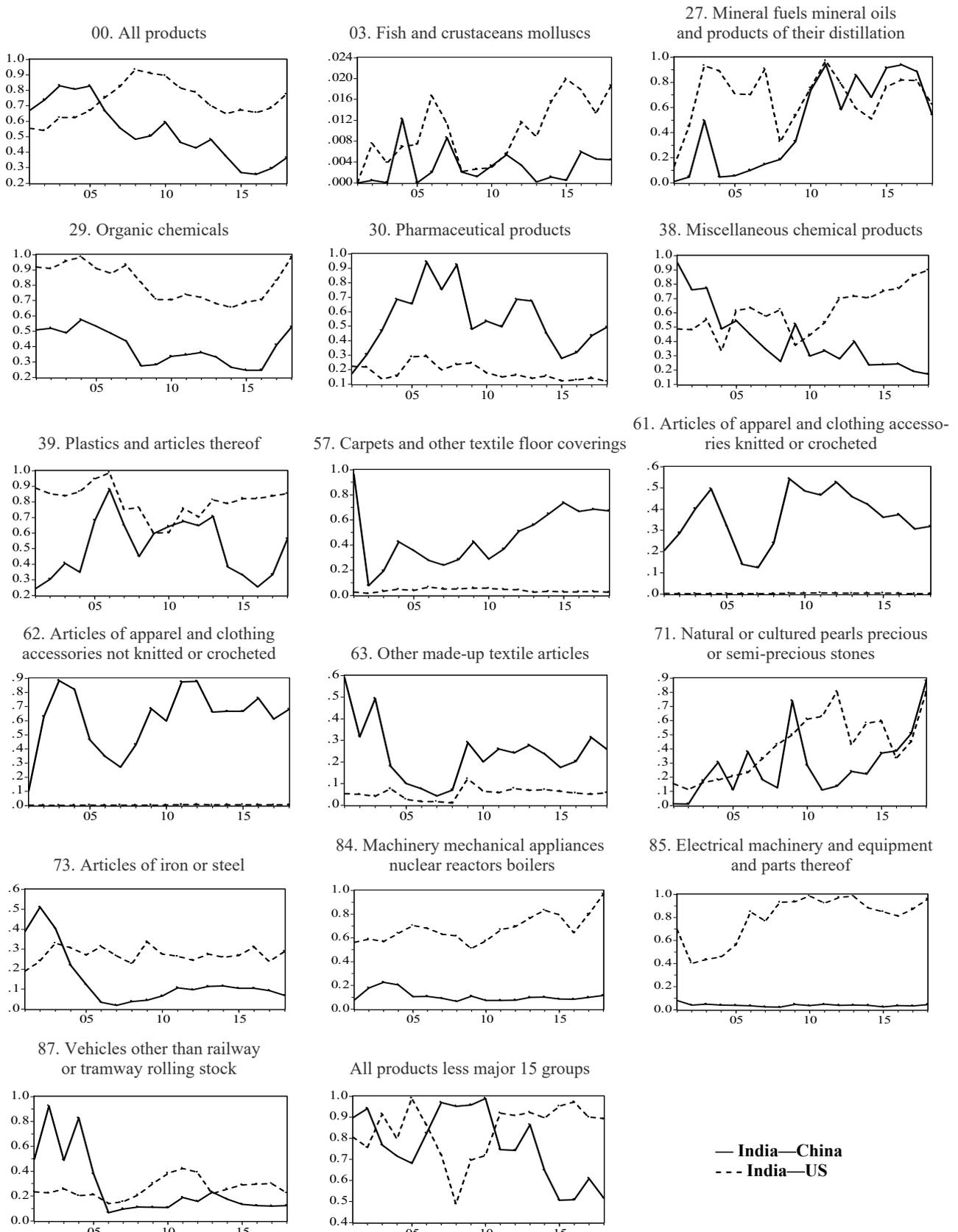

Fig. 1. US — India and India — China Grubel — Lloyd Index on major product groups, 2000—2018

Source: calculated and designed by the authors according to: US — India Trade Relations // Congressional Research Service. February 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10384.pdf> (accessed: 20.02.2020); UN Comtrade Database. URL: <http://comtrade.un.org/data/> (accessed: 12.03.2020).

драгоценных и полудрагоценных камней и товаров текстильной, пищевкусовой и кожевенной промышленности индекс Грубеля — Ллойда составил 0,88, 0,792, 0,840 и 0,882 соответственно.

Анализ статистических данных подтверждает, что качество индо-американской внутриотраслевой торговли гораздо выше, чем индо-китайской. Взаимная торговля между Индией и США носит горизонтальный, или внутриотраслевой, характер, что является явным свидетельством весьма высокой заинтересованности во взаимной кооперации бизнесменов двух стран, которые охотно учреждают совместные предприятия как на территории Индии, так и США. В свою очередь, взаимная торговля между Индией и КНР носит вертикальный, или межотраслевой, характер, что является следствием пока еще слабой кооперации индийских и китайских предпринимателей. Таким образом, индо-американское взаимодействие в данной сфере на перспективу более устойчиво, чем индо-китайское.

Для оценки интенсивности торговли авторы рассчитали индекс интенсивности (ИИ) экспорта, который введен в работе А.Дж. Брауна [Brown 1947], а позже доработан К. Кожимой [Kojima 1964: 19]. Значение ИИ для экспорта может быть рассчитано по формуле

$$ИИ_{ij} = \frac{\frac{X_{ij}}{M_j}}{\frac{X_i}{M_w - M_i}}, \quad (2)$$

где X — экспорт товаров; M — импорт товаров; X_{ij} — экспорт из страны i в страну j ; M_w — мировой объем импорта. Формула (2) отличается от представленной А.Дж. Брауном тем, что поменялись местами M_j и X_i . Эта перестановка математически допустима и, по мнению авторов статьи, упрощает интерпретацию индекса.

Значение ИИ для импорта может быть рассчитано по формуле

$$ИИ_{ji} = \frac{\frac{M_{ji}}{X_i}}{\frac{M_j}{X_w - X_j}}, \quad (3)$$

где M_{ji} — импорт в страну j из страны i ; X_w — мировой объем экспорта.

Доля индийского экспорта в США по отношению к другим странам минимальна в 2010 г. и в настоящее время растет (рис. 2). Индия успешно завоевывает одно из самых привлекательных направлений для экспорта — рынок США, что говорит о возрастающей конкурентоспособности индийских товаров. С 2014 г. ИИ экспорта из Индии в США превышает единицу. Для ИИ импорта в 2000—2018 гг. в целом характерна повышательная динамика со спадами в 2008—2009 и 2013 гг., хотя даже в эти годы показатель был близок к 1, что подчеркивает высокую роль США в индийском импорте.

Для США Индия не является ведущим партнером. Пиковое значение интенсивности экспорта (0,79) было достигнуто в предкризисном 2007 г., а импорта (0,934) — в 2008 г. Начиная с 2014 г. роль Индии в экспорте и импорте США увеличивается, но пик так и не достигнут.

Как показано на рис. 3, ИИ торговли Индии с Китаем в 2000—2018 гг. находился в диапазоне 0,4—0,8, и выше поднимался лишь в 2005—2007 гг. (в этот период ИИ импорта поднимался выше 1, в то время как по экспорту он был около 1) и в 2010 г. (ИИ экспорта — 0,806 и импорта — 0,914). Таким образом, объем индийско-китайского товарооборота остается гораздо ниже возможного при нынешнем уровне участия Индии в мировой торговле.

С 2000 г. ИИ торговли Китая с Индией стабильно превышает 0,8, а в 2007—2009 гг. и в 2016—2018 гг. поднялся выше 1, что означает достаточно высокую интенсивность торговли Китая с Индией исходя из его роли в мировой торговле (в 2017—2018 гг. ИИ экспорта составил 1,040 и 1,028, а импорта — 1,232 и 1,098 соответственно). Таким образом, китайский экспорт постепенно преодолевает сопротивление и завоевывает индийский рынок.

Товарная структура торговли с обеими странами в целом соответствует стратегическим интересам Индии. Фактически проводя в настоящее время очередную модернизацию

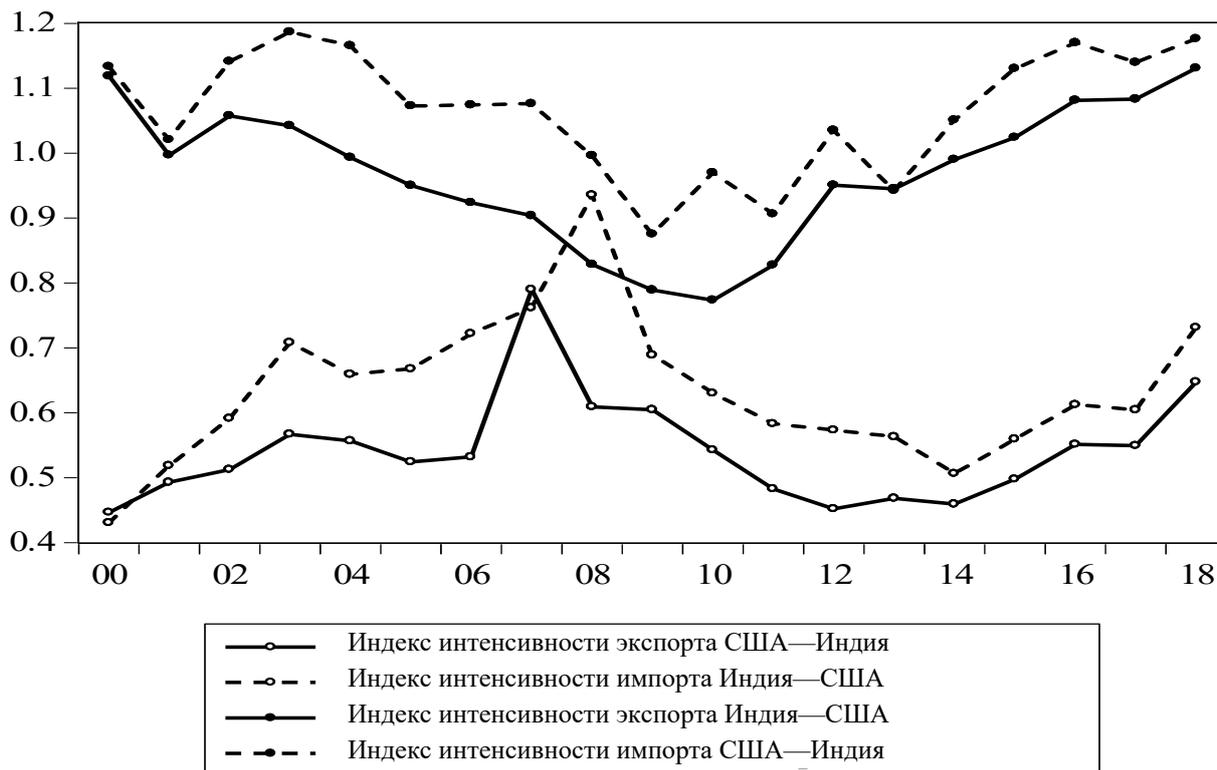

Рис. 2. Индекс интенсивности взаимной торговли товарами между Индией и США

Источник: рассчитано и построено авторами по: UN Comtrade Database.

URL: <http://comtrade.un.org/data/> (accessed: 12.03.2020).

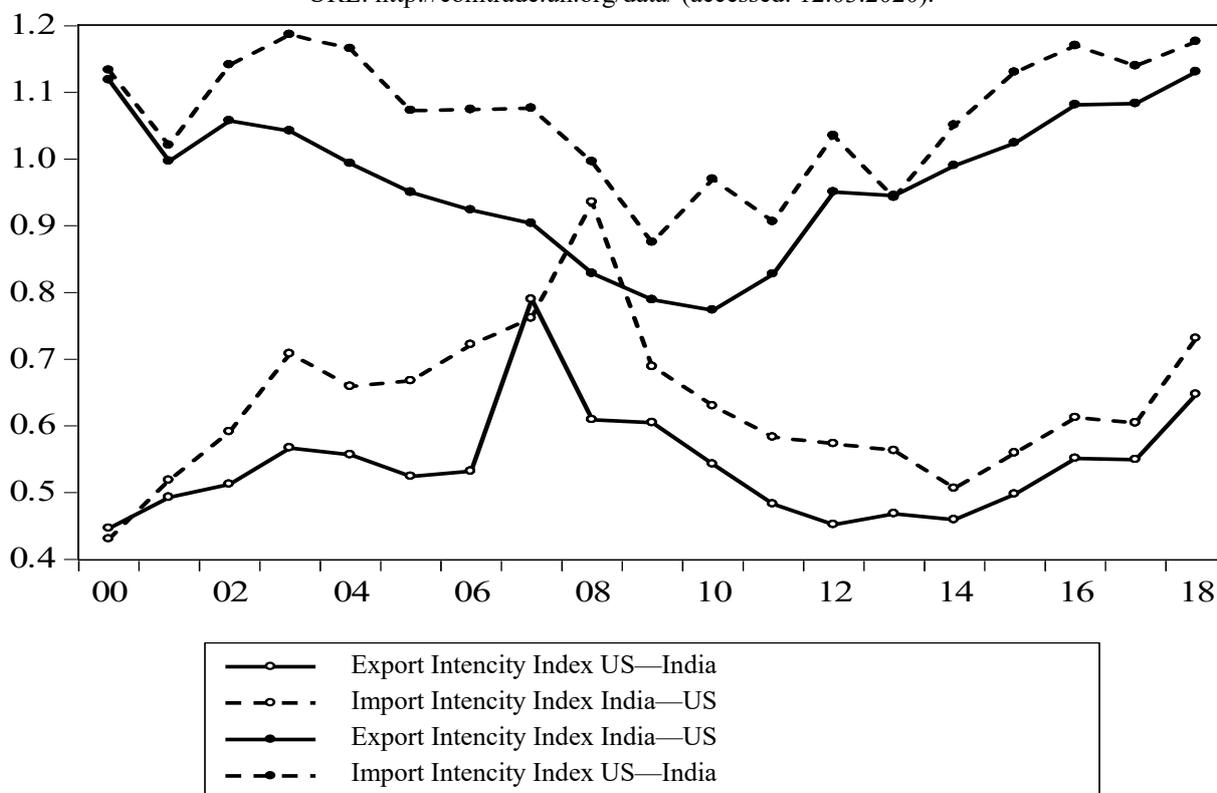

Fig. 2. India — US bilateral trade intensity index

Source: calculated and designed by the authors according to: UN Comtrade Database.

URL: <http://comtrade.un.org/data/> (accessed: 12.03.2020).

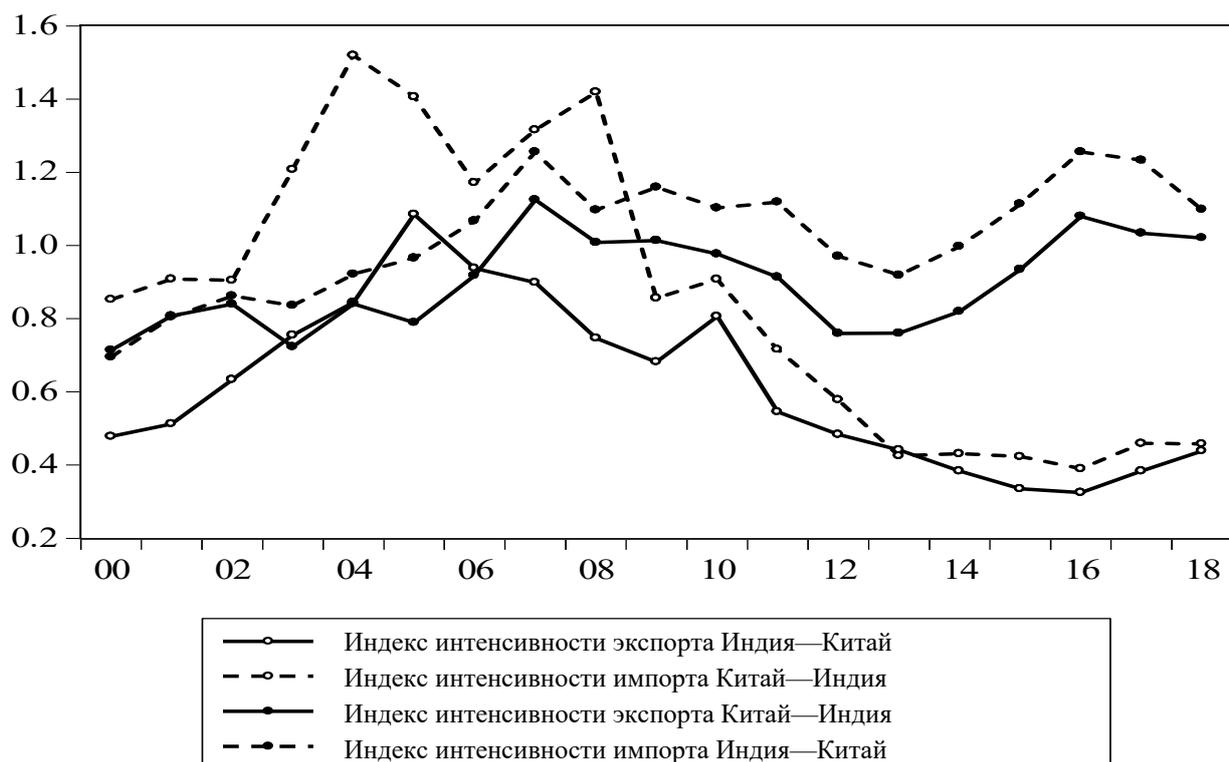

Рис. 3. Индекс интенсивности взаимной торговли товарами между Индией и Китаем

Источник: рассчитано и построено авторами по: UN Comtrade Database.

URL: <http://comtrade.un.org/data/> (accessed: 12.03.2020).

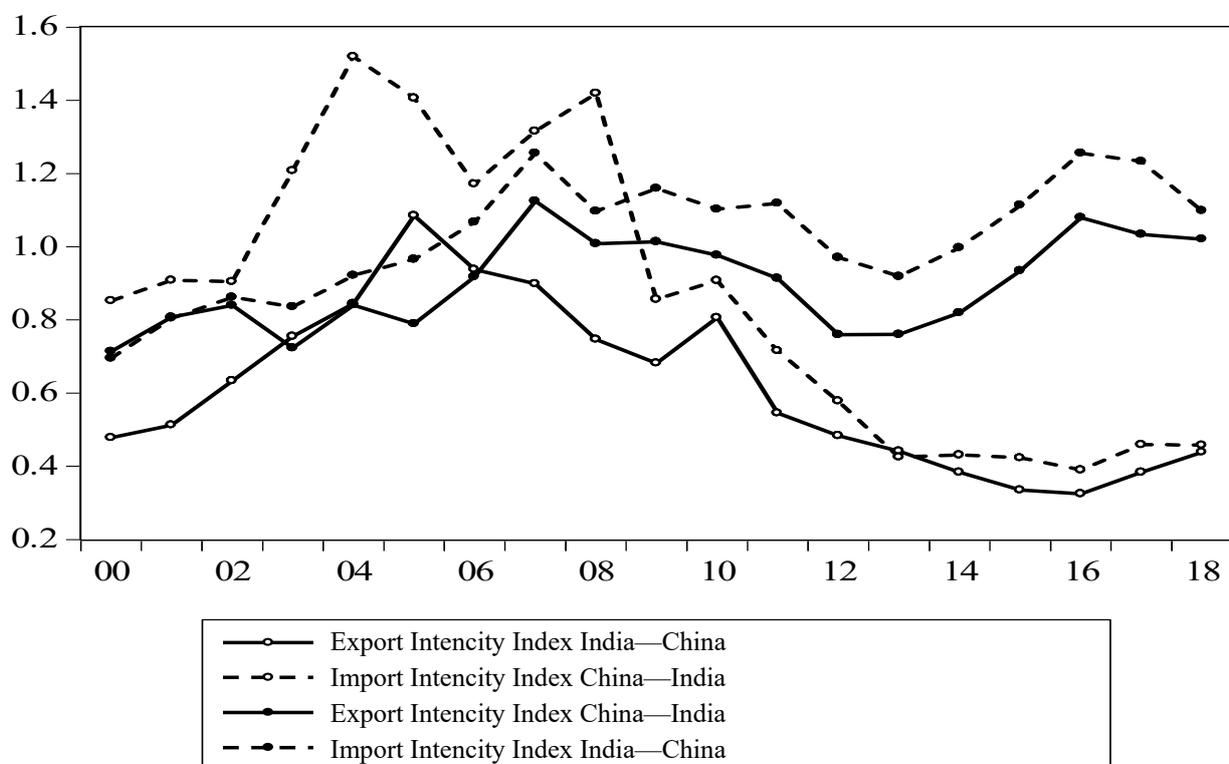

Fig. 3. India — China bilateral trade intensity index

Source: calculated and designed by the authors according to: UN Comtrade Database.

URL: <http://comtrade.un.org/data/> (accessed: 12.03.2020).

и трансформируя структуру промышленного производства в пользу высокотехнологических производств, Индия завозит из КНР относительно дешевое, но в определенном смысле передовое оборудование. Вместе с тем, остро нуждаясь в минеральном топливе, быстро развивающаяся индийская экономика пытается диверсифицировать его поставки, в том числе и путем ввоза нефти и угля из США.

Основные аспекты индийской внешнеторговой политики: американский и китайский векторы

С приходом в Белый дом президента Д. Трампа Индия и США заявили о своем стремлении продолжать сотрудничество в формировании Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), что можно считать реакцией на увеличение темпов экономического роста и военной мощи Китая. Данная стратегия пришла на смену малоэффективной политике поворота в Азию (*Pivot to Asia*) и перебалансировки (*rebalancing*), инициированных Б. Обамой [Singh, Pande, Smith, Saran, Joshi, Lohman 2018: 13].

В 2018 г. состоялся первый американо-индийский диалог министров обороны и иностранных дел в формате 2+2, завершившийся подписанием Соглашения о совместимости средств связи и безопасности (*Communications Compatibility and Security Agreement, COMCASA*). Документ предоставляет индийским военнослужащим доступ к зашифрованным информационным каналам и возможность приобретать американское высокотехнологичное оборудование для защищенных систем связи.

На встрече 2019 г. главными темами стали укрепление сотрудничества в стратегической и оборонной сферах, а также в ИТР.

В 2019 г. в США была принята новая версия закона о выделении бюджетных средств на нужды обороны (*National Defense Authorization Act*), которая предусматривает предоставление Индии статуса партнера США²¹, равного членам НАТО, что означает

²¹ H.R.2500 — National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 // 116th Congress (2019—2020). URL:

дальнейшее углубление военного сотрудничества в части передачи современных технологий.

С 2008 г. США и Индия подписали ряд соглашений на поставку оборонной продукции на сумму более 15 млрд долл. США по сравнению с 500 млн долл. США за все предыдущие годы вместе взятые. Основные позиции в перечне включают 24 корабельных многоцелевых вертолета MH-60R SeaHawk (2,6 млрд долл. США) и 6 дополнительных боевых вертолетов AH-64 Apache (930 млн долл. США)²². Между тем США настоятельно призывают к реформам офсетных обязательств при импорте подобной продукции и увеличению лимита иностранного участия в виде прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в оборонный сектор. Участие Индии в многомиллиардной сделке по приобретению российской системы противовоздушной обороны S-400 может привести к американским санкциям в отношении Индии в соответствии с Законом о противодействии противникам США посредством санкций²³.

Стратегическое партнерство Индии и США может быть ослаблено ввиду ряда объективных причин. Ставки ввозных пошлин в Индии относительно велики, особенно в сельском хозяйстве (в среднем 31,5 %), а также в отношении медицинских устройств и некоторых потребительских товаров. Страна может повысить применяемые ставки до связанных, не нарушая при этом своих обязательств в рамках правил Всемирной торговой организации (ВТО), что создает неопределенность для американских экспортеров.

<https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2500> (accessed: 02.03.2020).

²² Roblin S. More U.S. — India Arms Sales Could Follow \$3.5 Billion Helicopter Deal // Forbes. February 26, 2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2020/02/26/modi-and-trump-sign-35-billion-helicopter-deal-more-could-follow/#136b295023aa> (accessed: 28.02.2020).

²³ Countering America's Adversaries through Sanctions Act, P.L. 115—144 // US Department of the Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act> (accessed: 02.03.2020).

В свою очередь, Индия выступает против 25-процентного тарифа на сталь и 10-процентного тарифа на алюминий, введенных со стороны США. После лишения администрацией США Индии права участия во Всеобщей системе тарифных преференций (ВСП) за неспособность обеспечить справедливый доступ к рынкам в мае 2019 г., на десятую часть индийского экспорта в США были введены тарифы в 1—7 %. В ответ Индия ввела пошлины на 28 позиций американской продукции (преимущественно сельскохозяйственные товары).

Выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и введение США санкций против Ирана несут серьезные потери для экономики Индии. В мае 2019 г. Индия перестала покупать иранскую нефть и сократила бюджет на строительство морского порта Чабанар, так как поставщики оборудования для порта отказались совершать поставки, опасаясь ответной реакции США.

В конце октября 2019 г. Индия, будучи страной, в которой действуют одни из самых высоких торговых пошлин во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), вышла из соглашения, чтобы не уменьшать пошлины до нуля. Помимо этого ей пришлось бы открыть свой рынок для Китая, который входит во ВРЭП, что привело бы к увеличению объема более дешевой китайской продукции в страну и вытеснению товаров индийского производства.

Предполагалось, что во время визита Д. Трампа в Индию в феврале 2020 г. может быть достигнуто соглашение о частичном восстановлении преференций для Индии в рамках ВСП в обмен на определенные уступки Индии, но ожидания не оправдались. Бюджет Индии на 2020/21 ф.г. включает значительное повышение тарифов на группы товаров, в том числе импортируемых из США.

Дальнейшее развитие ситуации во многом зависит от нового президента США Джо Байдена, администрация которого обещает способствовать укреплению связей с Индией, усилению ее оборонного потенциала и продолжению совместной работы по борьбе с изменением климата. С одной стороны, эти

намерения и проект по расширению сотрудничества по линии военных ведомств, обсуждаемый в ходе визита нового главы Пентагона Л. Остина в Дели в марте 2021 г., позволяют ожидать укрепления отношений между странами, но с другой — вначале требуется устранить ряд серьезных проблем. Индия рассчитывает на возвращение в список стран с преференциальным торговым режимом, окончание мелких торговых войн, упрощение визового режима и отмену санкций против Ирана, мешающих Индии диверсифицировать свои нефтяные поставки и угрожающих ее инфраструктурным проектам. Вероятность нивелирования перечисленных барьеров в ближайшей перспективе не представляется высокой. Преимуществом такого положения дел для Индии является возможность сохранить свободу маневра во взаимодействии с США и Китаем, демонстрируя последнему свою способность при необходимости сблизиться с США.

Существенная проблема в индийско-китайской торговле — значительный торговый дисбаланс в пользу Китая, увеличившийся в пореформенный период более чем в 100 раз и связанный, прежде всего, с дисбалансом структуры взаимной торговли. Индия не находится в числе ведущих торговых партнеров Китая, занимая 7-е место в китайском экспорте и лишь 26-е место — в импорте. Индия предпринимает шаги по сокращению торгового дефицита во взаимной торговле с Китаем, пытаясь обеспечить доступ своей продукции на китайский рынок. В рамках Пятилетней программы развития торгово-экономического сотрудничества между Индией и Китаем, подписанной в 2014 г., у Индии уже есть некоторые успехи: в 2018 г. доступ на китайский рынок получили все сорта риса, кроме басмати, рапсовое масло, отдельные сорта рыбы, а в 2019 г. — листья табака и перец сорта «чили»²⁴, что, безусловно, отвечает стратегическим устремлениям современной Индии.

²⁴ India — China Bilateral Relations // Ministry of External Affairs. Government of India. September 26, 2019. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf (accessed: 25.11.2019).

Индия всемерно стимулирует экспорт своей продукции в Китай, а также увеличивает ставки импортных пошлин на китайские товары. Кроме того, Индия вынуждает Китай организовать на своей территории совместные предприятия по производству той продукции, которая в значительных объемах завозится в страну, прежде всего машин и оборудования.

Кроме прогрессирующего отрицательно сальдо торгового баланса индо-китайская взаимная торговля также страдает и от многочисленных тарифных и нетарифных барьеров (главным образом сложных таможенно-административных формальностей, технического регулирования и количественных ограничений). Известно, что, несмотря на внешнеэкономическую либерализацию, индийский внутренний рынок и поныне остается в достаточной мере защищенным от конкуренции со стороны иностранных товаров как высокими ввозными базисными пошлинами, так и всевозможными дополнительными взиманиями. Так, например, в отдельные годы Индия периодически вводит так называемую специальную дополнительную пошлину, ставка которой варьируется от 8 до 14 % [Галищева 2013: 85—86].

Взаимная торговля услугами

С начала тысячелетия объем взаимной торговли услугами Индии с США увеличивается довольно быстрыми темпами: 54,6 млрд долл. США в 2018 г. по сравнению с 6 млрд долл. США в 2000 г. В 2018 г. экспорт услуг из Индии в США оценивался в 28,8 млрд долл. США, а импорт — в 25,8 млрд долл. США²⁵. Основные статьи экспорта представлены телекоммуникационными, компьютерными и информационными услугами, исследованиями и разработками, а также относятся к туристическому сектору. Основные статьи импортируемых услуг приходились на туризм, интеллектуальную собственность

²⁵ India — US Trade and Investment // Embassy of India. December 17, 2019. URL: <https://www.indianembassyusa.gov.in/pages/MzQ> (accessed: 27.03.2020).

(компьютерное программное обеспечение, аудио- и видеопродукцию) и транспортный сектор.

Профицит торговли услугами с США составляет 3 млрд долл. США²⁶, что вызывает у последних серьезное беспокойство. Препятствия на пути доступа американских компаний к рынку услуг Индии включают ограничения Индии на иностранную собственность и требования об открытии представительств на территории страны. В свою очередь, Индия оспаривает в ВТО сборы США за рабочие визы и отслеживает потенциальные действия США по пересмотру визовой программы H-1B для высококвалифицированных работников. Индия также продолжает добиваться заключения международного соглашения о социальном обеспечении, необходимого для устранения двойного налогообложения в отношении выплат за работу по найму и координации социальной защиты работников, которые строят свою карьеру, работая в двух странах.

В апреле 2018 г. Резервный банк Индии опубликовал новое правило для поставщиков платежных систем, согласно которому все данные пользователей, собранные в пределах границ страны, должны быть локализованы в течение шести месяцев с целью возможного надзора над ними²⁷. Это всего лишь часть более широкого комплекса мер Индии по защите и конфиденциальности межотраслевых данных.

Предполагается, что в 2021 г. в силу может вступить закон о персональной защите данных, который, с одной стороны, является своевременным и оправданным, учитывая многочисленные кибератаки и скандалы с конфиденциальностью. С другой стороны, реализация данной законодательной инициативы подразумевает создание новых инфраструктурных объектов и обеспечение более жестких нормативных требований, что

²⁶ Ibid.

²⁷ Likhi K. India's data localization efforts could do more harm than good // Atlantic Council. February 1, 2019. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/india-s-data-localization-efforts-could-do-more-harm-than-good/> (accessed: 23.03.2020).

приведет к повышению операционных расходов для иностранных компаний, расположенных в Индии или предоставляющих жителям Индии свои услуги, которые, как правило, хранят персональные данные индийцев на удаленных серверах. В итоге это может серьезно повлиять на общее состояние экономики Индии и движение ПИИ²⁸.

Правительство Индии также беспокоило выход США из Парижского соглашения, так как это могло повлечь сокращение бюджета Зеленого климатического фонда на треть [Zhang, Dai, Lai, Wang 2017], серьезно ослабить финансирование развивающихся стран [Корнеев 2018: 372—373] и лишить американо-индийские отношения одной из самых новых и быстрорастущих областей сотрудничества. В феврале 2021 г. США официально завершили процесс возвращения в Парижское соглашение по климату.

Индо-китайская торговля услугами невелика по своим масштабам, прежде всего, вследствие языкового барьера и весьма существенных ограничений на китайском рынке. По оценкам авторов статьи, индийская экспортная корзина состоит, главным образом, из туристских услуг и компьютерных и информационных технологий, а импортная — из туристских и транспортных услуг.

Инвестиционное и научно-техническое сотрудничество

Согласно данным Департамента развития промышленности и внутренней торговли Индии (*Department for Promotion of Industry and Internal Trade*), США занимают 6-е место среди основных источников ПИИ в Индию²⁹. В 2018 г. объем накопленных ПИИ из США в Индию составил 46 млрд долл. США, что на 3,4 % больше, чем в 2017 г. Основные вложения идут в профессиональные, научные и

технические услуги, производство, финансы и страхование, что соответствует стратегическим интересам Индии, которая заинтересована в ускоренной трансформации структуры промышленного производства в пользу высокотехнологичных производств. Объем накопленных ПИИ из Индии в США в 2018 г. составил 9,6 млрд долл. США, что на 2 % меньше, чем в 2017 г.³⁰ В основном ПИИ направляются в профессиональные, научные и технические услуги, производственные и кредитные организации, что явно соответствует стратегическим приоритетам Индии на современном этапе и способствует реализации амбициозной программы *Make in India*, а также обеспечению профессиональной подготовки кадров для современного производства.

Привлекая ПИИ в кредитную сферу, индийское руководство надеется на постепенное усиление здоровой конкуренции на внутреннем рынке и насыщение его финансовыми ресурсами, которых не хватает быстроразвивающейся экономике.

Во время визита премьер-министра Индии Н. Моди в США в 2014 г. было принято решение об учреждении Индийско-американской инвестиционной инициативы, направленной на облегчение доступа прямых иностранных и портфельных инвестиций на рынки стран-участниц, развитие рынка капитала и финансирование инфраструктуры. Также была достигнута договоренность о создании платформы сотрудничества для внедрения передовых американских технологий в индийскую инфраструктуру. Планируется, что американские фирмы станут ведущими партнерами в развитии Аллахабада, Аджмера и Вишакхапатнама как умных городов.

Для привлечения ПИИ Индия повысила максимальный лимит доли иностранного участия в страховом (49 %) и банковском секторах (74 %)³¹, однако страна требует, чтобы

²⁸ Srinivas R. All You Need to Know about India's First Data Protection Bill // CISOMAG. January 3, 2020. URL: <https://www.cisomag.com/all-you-need-to-know-about-indias-first-data-protection-bill/> (accessed: 15.02.2020).

²⁹ India — US Trade and Investment // Embassy of India. URL: <https://www.indianembassyusa.gov.in/pages/MzQ> (accessed: 25.03.2020).

³⁰ U.S. — India Bilateral Trade and Investment // Office of the United States Trade Representative. August 2019. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia/india> (accessed: 17.12.2019).

³¹ Ayres A. A Field Guide to U.S. — India Trade Tensions // CFR. February 13, 2020. URL: <https://www.cfr.org/>

иностранные страховые компании находились под ее контролем.

Беспокойство США по поводу инвестиционных барьеров усиливается в связи с новыми ограничениями со стороны Индии на ведение бизнеса такими платформами электронной коммерции, как *Amazon* и *Flipkart*. С точки зрения США, недостаточная прозрачность регулятивных механизмов в Индии и политика по локализации данных могут затруднить движение инвестиционных потоков.

В связи с коронавирусной пандемией многие американские компании покидают китайский рынок и направляют свои инвестиционные потоки в Индию, что в полной мере соответствует стратегическим интересам последней по укреплению своих позиций в глобальных цепочках поставок. Появление на рынке американских игроков позволит Индии ускорить восстановление экономики после карантина и несколько приблизить долю сектора обрабатывающей промышленности в ВВП в 15 % к целевому (хотя и вряд ли достижимому в столь краткосрочной перспективе) значению в 25 % к 2022 г., создать новые рабочие места, что крайне необходимо после того, как 122 млн людей лишились работы³².

Индо-китайское инвестиционное сотрудничество на рубеже веков протекало весьма вяло. Это обуславливалось, главным образом, опасением каждой из сторон допустить на свой рынок соперника. Однако по мере укрепления их финансового потенциала и роста экономической мощи Индия и Китай пошли на взаимное открытие своих границ для капитала конкурента. Так, в 2010 г. китайские предприниматели инвестировали около 2 млн долл. США ПИИ в индийскую экономику, а в 2012 г. — уже 148 млн долл. США. По итогам 2017 г. общий объем накопленных китайских ПИИ в индийскую экономику составляет

4,747 млрд долл. США³³. Между тем Китай по-прежнему не является сколь-либо значимым инвестором в индийскую экономику несмотря на то, что он успешно проникает на другие азиатские рынки [Арапова 2018: 82] — здесь его доля составляет лишь около 2 % общего объема привлеченного Индией предпринимательского капитала.

Действующий в настоящее время на индийском рынке китайский капитал в целом соответствует стратегическим задачам индийской экономики. Не представляя существенной угрозы развитию национального бизнеса, он в определенной мере способствует модернизации производства посредством привнесения новых технологий в производство электроприборов, электрического оборудования и добычу полезных ископаемых, которые Индия не в состоянии извлекать самостоятельно. Испытывая острую нехватку электроэнергии, Индия с помощью китайского капитала активно осваивает технологии в области альтернативной энергетики. Между тем определенные риски в этом вопросе очевидны: 90 % индийского рынка солнечной энергии контролируются китайскими компаниями *Trina Solar*, *JA Solar*, *Jinko*, *Yingli* и *Hareon*³⁴.

Индийские предприятия также проникают на китайский рынок: в начале XXI в. свыше 125 индийских компаний участвовали в более чем 2 тыс. инвестиционных проектов в Китае (общий объем инвестиций — около 80 млн долл. США). Во втором десятилетии XXI в. приток индийских инвестиций в Китай увеличился: с 28 млн долл. США в 2010 г. до 50 млн долл. США — в 2012 г., а объем накопленных в Китае ПИИ в сентябре 2017 г. составил 851,91 млн долл. США³⁵. При этом Китай не является главным объектом приложения индийского капитала, на него приходится лишь 0,34 % общего объема индийских прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ)³⁶.

article/field-guide-us-india-trade-tensions (accessed: 04.03.2020).

³² Byas M. Job losses may have narrowed // Centre for Monitoring Indian Economy. May 26, 2020. URL: <https://www.cmie.com/kommon/bin/sr.php?kall=warticle&dt=2020-05-26%2008:18:26&msec=533> (accessed: 25.10.2020).

³³ India — China Trade and Economic Relations // Embassy of India. URL: <https://www.eoibeijing.gov.in/economic-and-trade-relation.php> (accessed: 10.03.2020).

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

В отраслевом распределении индийского капитала в Китае доминируют автомобильная промышленность, текстильно-швейное производство, пищевая промышленность и фармацевтика. На китайском банковском рынке представлены такие известные индийские банки, как *Bank of Baroda*, *Bank of India*, *State Bank of India*, *ICICI Bank* и т. д.

Научно-техническое сотрудничество между Индией и Китаем протекает весьма вяло и ограничивается лишь рядом успешных проектов в сферах ИТ, биотехнологий, космоса и энергетики, которые развивают как государственные НИИ, так и частные компании. Примером успешной кооперации являются совместные разработки в области палеонтологии индийского института *the Birbal Sahni Institute of Palaeo sciences* и китайского института *Nanjing Institute of Geology and Paleontology* в Пекине. Взаимодействие осложняется языковым барьером, весьма сложной системой предоставления китайских виз для индийских ученых и обязанностью индийских НИИ и университетов получать специальное разрешение государства для кооперации с китайскими партнерами.

Выводы

Таким образом, Индия успешно развивает торгово-экономические связи и с США, и с КНР, несмотря на наличие в двусторонних отношениях определенных сложностей. США заинтересованы в углублении сотрудничества с Индией, пытаясь ослабить ее партнерские отношения с Россией, а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и форума БРИКС (Бразилия — Россия — Индия — Китай — ЮАР).

Между тем очевидно, что, несмотря на соперничество Индии и Китая в мировом хозяйстве в целом и Азиатском регионе в частности, их экономическое сотрудничество в кратко- и среднесрочной перспективе, вероятнее всего, будет лишь углубляться. При этом в будущем Китаю неизбежно придется считаться как со все возрастающим индийским экономическим, так и военным потенциалом.

С одной стороны, активизация политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе отвечает программе Индии *Act East policy*, направленной на укрепление позиций Индии в регионе. С другой стороны, маловероятно, что интенсивная борьба между США и Китаем, которая в последние годы особенно ярко проявляется в виде противоречий в торговой политике, вызовет у Индии желание наносить ущерб отношениям со своими давними партнерами, в том числе и Россией.

Безусловно, подписание «первого этапа» американо-китайского торгового соглашения в начале 2020 г. создает новые возможности для усиления коллаборации с китайскими партнерами в технологическом секторе. Для реализации Китаем стратегии *Made in China 2025* необходимы западные технологии и совместные проекты с опытными игроками, которыми и могут выступить индийские финансовые и ИТ-компании, имеющие давние контакты с американскими контрагентами и обладающие высокой квалификацией в своей области. Вероятно, Индия продолжит попытки сохранить стратегическую автономию, лежащую в основе ее государственной политики с первых дней независимости.

Поступила в редакцию / Received: 20.03.2021
Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список

- Арапова Е.Я. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 6. С. 77—85. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-77-85
- Васильев В.С. Экономический подъем США в 2017—2019 гг.: фактор Д. Трампа // *Россия и Америка в XXI веке*. 2019. № 4. С. 1—1. DOI: 10.18254/S207054760008140-1
- Галищева Н.В. Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М.: Буки Веди, 2013.

- Гарусова Л.Н. Индия и США: формирования Индо-Тихоокеанского геополитического пространства // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 18. С. 65—84.
- Корнеев А.В. Устойчивое развитие и проблемы выхода США из Парижского соглашения по климату // Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития / под ред. В.Б. Супяна. М.: Институт США и Канады РАН, «Весь Мир», 2018. С. 363—384.
- Лебедева Л.Ф. Внешнеторговая политика Д. Трампа: риски и вызовы на уровне штатов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 43—48. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-43-48
- Пак Е.В. Международная внутриотраслевая торговля как фактор углубления интеграции в ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 2. С. 95—104.
- Супян В.Б. Экономическая политика Д. Трампа: новые подходы или повторение пройденного? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5. С. 5—19. DOI: 10.7868/S0321206818050015
- Супян В.Б. Экономическая модель Д. Трампа: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 34—42. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42
- Хромова Н.Г. Алмазно-бриллиантовый комплекс Индии на мировом алмазном рынке // Азия и Африка сегодня. 2019. № 11. С. 16—21. DOI: 10.31857/S032150750007017-0
- Чжао Чжэнь А. Перспективы Индийско-американских экономических отношений // Торговая политика. 2019. № 2. С. 61—71.
- Baral J.K. Conflict and cooperation in India — China relations // Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 78—93.
- Brown A.J. Applied economics: Aspects of the world economy in war and peace. London: G. Allen & Unwin, 1947.
- Chellaney B. Coming water wars // The International Economy. 2009. Fall. P. 1—2. URL: http://www.international-economy.com/TIE_F09_Chellaney.pdf (accessed: 12.09.2020).
- Chellaney B. Rising powers, rising tensions: The troubled China — India relations // SAIS Review. 2013. Vol. 32. No. 2. P. 99—108.
- Garver J.W. Protracted contest: Sino-Indian rivalry in the Twentieth century. Washington: University of Washington Press, 2001.
- Grubel H.G., Lloyd P.J. Intra-industry trade: The theory and measurement of international trade in differentiated products. London: MacMillan, 1975.
- Herbert J., McCrisken T., Wroe A. The ordinary presidency of Donald J. Trump. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-04943-0
- Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J. Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // Educational Researcher. 2004. Vol. 33. No. 7. P. 14—26. DOI: 10.3102/0013189X033007014
- Kojima K. The pattern of international trade among advanced countries // Hitotsubashi Journal of Economics. 1964. Vol. 5. No. 1. P. 16—36.
- Krugman P.R. Strategic trade policy and new international economics. Cambridge, MA: The MIT Press, 1986.
- Li W., Skop E. Diaspora in the United States: Chinese and Indians compared // Journal of Chinese Overseas. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 286—310. DOI: 10.1163/179325410X526131
- Melitz M.J., Ottaviano G.I.P. Market size, trade and productivity // Review of Economic Studies. 2008. No. 75. P. 295—316. DOI: 10.1111/j.1467-937X.2007.00463.x
- Pant H.V., Joshi, Y. The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power. London: Palgrave Pivot, 2016. DOI: 10.1007/978-1-137-55772-8
- Singh A., Pande A., Smith J.M., Saran S., Joshi S., Lohman W. The new India — US partnership in the Indo-Pacific: Peace, prosperity and security. Observer Research Foundation, Hudson Institute, 2018. URL: <https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2018/01/ORF-Heritage-Hudson.pdf> (accessed: 12.02.2021).
- Smith J.M. Cold peace: China — India rivalry in the Twenty-First century. Lexington Books, 2014.
- Thirlwall A.P., Pacheco-Lopez P. Economics of development. Theory and evidence: 10th edition. Palgrave Macmillan, 2017.
- Todaro M.P., Smith S.C. Economic development: 12th edition. Harlow: Pearson, 2015.
- Valli V. The American economy from Roosevelt to Trump. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. DOI: 10.1007/978-3-319-96953-4
- Vidya C.T., Prabheesh K. Intra-industry trade between India and Indonesia // Bulletin of Monetary Economics and Banking. 2019. Vol. 21. P. 511—530. DOI: 10.21098/bemp.v0i0.978
- Zhang H.-B., Dai H.-Ch., Lai H.-X., Wang W.T. U.S. withdrawal from the Paris Agreement: Reasons, impacts, and China's response // Advances in Climate Change Research. 2017. Vol. 8. No. 4. P. 220—225. DOI: 10.1016/j.accre.2017.09.002

References

- Arapova, E.Ya. (2018). China: trends of international interaction amid contemporary challenges. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 62(6), 77—85. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-77-85>
- Baral, J.K. (2012). Conflict and cooperation in India — China relations. *Journal of Defence Studies*, 6(2), 78—93.
- Brown, A.J. (1947). *Applied economics: Aspects of the world economy in war and peace*. London: G. Allen & Unwin.
- Chellaney, B. (2009). Coming water wars. *The International Economy*, Fall, 1—2. Retrieved from http://www.international-economy.com/TIE_F09_Chellaney.pdf
- Chellaney, B. (2013). Rising powers, rising tensions: The troubled China — India relations. *SAIS Review*, 32(2), 99—108.
- Galistcheva, N.V. (2013). *India in the world economy at the turn of the century: International economic ties and external economic policy*. Moscow: BukiVedi publ. (In Russian).
- Garusova, L.N. (2018). India and the United States: The formation of the Indo-Pacific geopolitical area. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 18, 65—84. (In Russian).
- Garver, J.W. (2001). *Protracted contest: Sino-Indian rivalry in the Twentieth century*. University of Washington Press.
- Grubel, H.G., & Lloyd, P.J. (1975). *Intra-industry trade: The theory and measurement of international trade in differentiated products*. London: MacMillan.
- Herbert, J., McCrisken, T., & Wroe, A. (2019). *The ordinary presidency of Donald J. Trump*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04943-0>
- Johnson, R.B., & Onwuegbuzie, A.J. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come. *Educational Researcher*, 33(7), 14—26. <https://doi.org/10.3102/0013189X033007014>
- Khromova, N.G. (2019). The diamond complex of India in the global diamond market. *Asia and Africa Today*, (11), 16—21. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750007017-0>
- Kojima, K. (1964). The pattern of international trade among advanced countries. *Hitotsubashi Journal of Economics*, 5(1), 16—36.
- Korneev, A.V. (2018). Sustainable development and the problems of the US withdrawal from the Paris climate agreement. In V.B. Supyan (Eds.), *US economy in the 21st century: Challenges and development trends* (pp. 363—384). Moscow: Institut SShA i Kanady RAN publ., “Ves’ Mir” publ. (In Russian).
- Krugman, P.R. (1986). *Strategic trade policy and new international economics*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Lebedeva, L.F. (2020). Foreign trade policy under D. Trump: Risks and challenges at the state level. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(7), 43—48. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-43-48>
- Li, W. & Skop, E. (2010). Diaspora in the United States: Chinese and Indians compared. *Journal of Chinese Overseas*, 6(2), 286—310. <https://doi.org/10.1163/179325410X526131>
- Melitz, M.J., & Ottaviano, G.I.P. (2008). Market size, trade and productivity. *Review of Economic Studies*, 75, 295—316. <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2007.00463.x>
- Pak, E.V. (2018). The role of international intra-industry trade in deepening integration in the Eurasian Economic Union. *Russian Foreign Economic Journal*, (2), 95—104. (In Russian).
- Pant, H.V., & Joshi, Y. (2016). *The US pivot and Indian foreign policy: Asia’s evolving balance of power*. London: Palgrave Pivot. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-55772-8>
- Singh, A., Pande, A., Smith, J.M., Saran, S., Joshi, S., & Lohman, W. (2018). *The new India — US partnership in the Indo-Pacific: Peace, prosperity and security*. Observer Research Foundation, Hudson Institute. Retrieved from <https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2018/01/ORF-Heritage-Hudson.pdf>
- Smith, J.M. (2014). *Cold peace: China — India rivalry in the Twenty-First century*. Lexington Books.
- Supyan, V.B. (2018). Economic policy of President Trump: New approaches or just reiteration of the past? *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (5), 5—19. (In Russian). <https://doi.org/10.7868/S0321206818050015>
- Supyan, V.B. (2020). D. Trump’s economic model: Results and prospects. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(7), 34—42. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42>
- Thirlwall, A.P., & Pacheco-Lopez, P. (2017). *Economics of development. Theory and evidence*: 10th edition. Palgrave Macmillan.
- Todaro, M.P., & Smith, S.C. (2015). *Economic development*: 12th edition. Harlow: Pearson.
- Valli, V. (2018). *The American Economy from Roosevelt to Trump*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-96953-4>

- Vasiliev, V.S. (2019). US economic recovery in 2017—2019: D. Trump's factor. *Russia and America in the 21st Century*, (4), 1—1. (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207054760008140-1>
- Vidya, C.T., & Prabheesh, K. (2019). Intra-industry trade between India and Indonesia. *Bulletin of Monetary Economics and Banking*, 21, 511—530. <https://doi.org/10.21098/bemp.v0i0.978>
- Zhang, H.-B., Dai, H.-Ch., Lai, H.-X., & Wang, W.T. (2017). U.S. withdrawal from the Paris Agreement: Reasons, impacts, and China's response. *Advances in Climate Change Research*, 8(4), 220—225. <https://doi.org/10.1016/j.accre.2017.09.002>
- Zhaozhen, A. (2019). Perspectives of Indian-American economic relation. *Trade Policy*, (2), 61—71. (In Russian).

Сведения об авторах: Галищева Наталья Валерьевна — доктор экономических наук, заведующая кафедрой мировой экономики Московского государственного института международных отношений МИД России; ORCID: 0000-0001-7377-6625; e-mail: galistcheva@yandex.ru

Небольсина Елена Вахтанговна — кандидат экономических наук, доцент кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений МИД России; ORCID: 0000-0003-0738-4660; e-mail: e.nebolsina@inno.mgimo.ru

About the authors: Galistcheva Natalia Valerievna — PhD, Dr. of Sc. (Economics), Head, Department of International Relations, School of International Relations, MGIMO University; ORCID: 0000-0001-7377-6625; e-mail: galistcheva@yandex.ru

Nebolsina Elena Vakhtangovna — PhD in Economics, Associate Professor, Department No. 2 of the English Language, School of International Economic Relations, MGIMO University; ORCID: 0000-0003-0738-4660; e-mail: e.nebolsina@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-325-337

Научная статья / Research article

Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР

А.В. Бояркина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация
✉ boyarkina.av@dvfu.ru

Аннотация. На фоне усугубления экологических и климатических угроз, которые принимают поистине глобальный масштаб, государства переосмысливают свои подходы к защите окружающей среды для преодоления набирающего обороты экологического кризиса. Интенсивное использование природных ресурсов, характерное для традиционной модели экономического роста, уже не соответствует «духу» современной экологической повестки. Взамен постулируется новая модель экоккультуры, предполагающая разумный баланс экономических, экологических и социальных потребностей развития. Взаимосвязь между экономическим развитием и защитой окружающей среды ставит перед государствами, в том числе развивающегося мира, задачи по переходу на чистые возобновляемые источники энергии, атомные станции и строительству экологически чистого жилья. Будучи новым «локомотивом» глобализации, Китай, столкнувшись с обострением экологических проблем, как никто другой, понимает своевременность и важность их решения. В статье анализируется экологическая повестка в современной внешней политике Китая с использованием системного анализа и структурно-функционального метода. Осложнение экологической ситуации в КНР заставляет руководство страны предпринимать активные шаги по борьбе с изменением климата. Пекин вносит «экоккультуру» в стратегию национального развития, реализуя курс на строительство «экологической цивилизации», основанной на уважении и защите природы. Решающее значение в концептуальном оформлении экологического измерения принадлежит концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества». Немаловажная роль отводится концепциям «экологической цивилизации» и «двух гор». С отсылкой к неомарксизму в исследовании применяется морфологический анализ идеологии М. Фридена, согласно которому указанные выше теории можно классифицировать как ядерные в генеральном курсе социализма с китайской спецификой. В Китае сохраняется сложная и тревожная ситуация с загрязнением атмосферы. По глубокому убеждению автора, в рамках общего вектора по обеспечению процветания страны руководство КНР вплотную занимается решением экологических проблем, что находит понимание и поддержку мирового сообщества. Практическая реализация экологической повестки характерна для внешнеполитической стратегии Си Цзиньпина.

Ключевые слова: Китай, экологический аспект внешней политики, строительство «экологической цивилизации», единая экоккультура, концепция «Сообщества единой судьбы человечества», концепция «экологической цивилизации»

Для цитирования: Бояркина А.В. Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 325—337. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-325-337

© Бояркина А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ecological Dimension in China's Foreign Policy Strategy

Anna V. Boyarkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

✉ boyarkina.av@dvfu.ru

Abstract. Against the backdrop of worsening ecological and climatic threats, which have taken on a truly global scale, states are rethinking their environmental protection approaches to address the growing environmental crisis. The intensive use of natural resources, characteristic of the traditional model of economic growth, no longer corresponds to the “spirit” of the modern environmental agenda. Instead, a new model of eco-culture is being postulated, suggesting a reasonable balance of economic, environmental and social development needs. The relationship between economic development and environmental protection challenges states, including those of the developing world, to switch to clean renewable energy sources, nuclear power plants, and the construction of environmentally friendly housing. As the new “driver” of globalization, China, facing the aggravation of environmental problems, fully understands the timeliness and importance of their solution like no one else. The article analyzes the environmental agenda in China's modern foreign policy using system analysis and the structural-functional method. The complication of the environmental situation in the PRC forces the country's leadership to take active measures to combat climate change. Beijing is introducing “eco-culture” into its national development strategy, pursuing a course of building an “ecological civilization” based on respect and protection of nature. The concept of Xi Jinping's “Community of One Destiny for Mankind” is crucial in the conceptualization of the environmental dimension. An important role is given to the concepts of “ecological civilization” and “two mountains”. With reference to neo-Marxism, the study uses a morphological analysis of the ideology of M. Frieden, according to which the above theories can be classified as nuclear in the general course of socialism with Chinese characteristics. China continues to have a complex and alarming situation with atmospheric pollution. According to the author's deep conviction, within the framework of the general vector of ensuring the country's prosperity, the PRC leadership is closely engaged in solving environmental problems, which is understood and supported by the world community. The practical implementation of the environmental agenda is mostly characteristic of Xi Jinping's foreign policy strategy.

Key words: China, environmental foreign policy, building of ecological civilization, common ecoculture, concept of community of common destiny for all mankind, concept of ecological civilization

For citation: Boyarkina, A.V. (2021). Ecological Dimension in China's Foreign Policy Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 325—337. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-325-337>

Введение

Наряду с быстрым развитием современной промышленности и технологий противоречие между человеком и природой постепенно усиливается, что приводит к проблемам в области окружающей среды. В настоящее время экологические проблемы, ставшие глобальной угрозой для всего международного сообщества, заставляют государства переходить на новую инновационную модель развития, предполагающую разумный баланс экологических, экономических и социальных потребностей человечества.

Высокие темпы экономического роста и индустриализации существенно обострили проблемы экологии в Китае. При этом наиболее остро для КНР стоит вопрос выбросов в атмосферу CO₂. В условиях выхода из кризиса, связанного с COVID-19, и возобновления

производственно-экономических процессов Китай вновь ведет активную борьбу с загрязнением воздуха. Китайская промышленность наносит ощутимый ущерб окружающей среде, что влияет не только на качество экологии соседних стран региона, но и общую ситуацию на планете в целом.

В стратегии национального развития КНР фигурируют задачи по выстраиванию «экокультуры». В этой логике руководство страны реализует курс на строительство «экологической цивилизации». Эта идея, выдвинутая на XVII съезде Коммунистической партии Китая в 2007 г., была включена в его Устав на XVIII съезде в 2012 г., как и концепция «Сообщества единой судьбы человечества». На XIX съезде КПК в 2017 г. лидер КНР Си Цзиньпин озвучил призыв к защите природы и сохранению чистоты планеты.

Новая редакция Конституции КНР 2018 г. опирается на данные концепции, которые в своей основе постулируют переход к экологическому мышлению в Китае и в мире в целом.

Цель данного исследования — проанализировать экологический аспект в рамках реализации внешней политики КНР и процесс строительства единой «экокультуры» мира.

«Экологическая культура» в китайском понимании

В числе первых свой взгляд на категорию «экологическая культура» предложили американские неозволюционисты Л. Уайт и Дж. Стюард [Липец 2017: 43]. Эколог из США Л.У. Мильбрат считает ее «экологическим авангардом» общества [Milbrath 1984], а академик В.И. Вернадский рассматривает как «экологическое сообщество», которое «преодолеет исторически тяжелые явления и разлагающую жизнь и приведет к неизбежному расцвету» [Вернадский 1940, 2001].

По мнению европейских ученых, экологическая культура — это динамично развивающаяся система, связанная с проблемами и эволюцией общества и природы [Vakleva 2017: 261]. Как особый срез человеческой цивилизации она определяет доминирующий способ производства, анализирует экологическую составляющую, ограничивающую аппетиты агентов капиталистического рынка [Dickens 1992]. Британский антрополог М. Дуглас и американский политолог А. Вилдавски рассматривают этот феномен как вид культурологической теории, возникший в ответ на развитие населения в эпоху модернизации [Douglas, Wildavsky 1982].

Российские исследователи используют комплексный подход в изучении экологической ситуации в Китае [Кранина 2016, 2017, 2020; Ушаков 2019], причин кризиса в данной сфере и влияние сдвигов в социальной структуре китайского общества [Шмелева, Ван 2009; Мозиас 2016; Жариков 2017] и изменения статуса страны на международной арене на политику в этой области¹, а также

¹ Лузянин С.Г. Экология с китайской спецификой: между желаемым и действительным // Эксперты

анализируют китайские подходы к вопросам энергетической безопасности Китая [Томберг 2017].

Важный пласт исследований в данной области принадлежит китайской школе. Понятие «культура» происходит от латинского слова *cultura*, то есть от слова «культ». В Китае культура «文化» состоит из двух символов-понятий (иероглифов): «文» (письмена, небесные знаки) и «化» (изменение). Данный термин означает «изменение письменных знаков», эволюцию письменного наследия. Понятие «экологическая культура» является одним из проявлений «общей культуры». Это позитивное и творческое начало, направленное на гармонизацию интересов людей, общества и возможностей природы [Vakleva 2017: 257]. Еще в Древнем Китае понятие «экология» интерпретировали как взаимосвязь между жизнью человека и различными элементами окружающей среды. Понимание природы и забота о ней — это жизнь, гармония и терпимость².

Под термином «экологическая культура» (生态文化) китайцы понимают гармонизацию отношений человека и природы, а также «мягкую» и мощную движущую силу окружающей среды. По сравнению с «жесткими мерами», такими как административные законы, она обладает большей привлекательностью³. По мнению китайских исследователей, «экокультура» является способом выражения творческой деятельности, направленной на создание и воссоздание, материальный и духовный прогресс цивилизации, неотделимый

МГИМО. 19.08.13. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/240932/> (дата обращения: 05.10.2020).

² Shengtai wenhua gun zhonghua wenming yunyu zhe fengfu shengtai wenhua // Renmin ribao [Экокультура: Китайская цивилизация порождает богатую экологическую культуру // Жэньминь Жибао]. 02.08.2018. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1607668383916855639&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 28.08.2020). (На кит. яз.).

³ Zhang Shaomin. Dali tuijin shengtai wenhua jianshe // Zhongguo huanjing bao [Чжан Шаоминь. Всемерно продвигать строительство экологической культуры // Новости окружающей среды Китая]. 12.04.2018. URL: http://theory.gmw.cn/2018-04/12/content_28291975.htm (дата обращения: 22.09.2020). (На кит. яз.).

от культурной поддержки народа⁴. Воспитание такой культуры является не только важным признаком строительства «экологической цивилизации», но и моделью поведения⁵.

Показательно, что многие эксперты, в том числе Хэн Сяоцин, У Пин⁶ и Вэй Ин, рассматривают традиционные национальные концепции в данной сфере с точки зрения марксистского учения [Xiao Qing 2018: 1531—1535; Ying 2019: 162—163]. Профессор Чэнь Чжэньи предлагает интегрировать марксистское учение об «экологической цивилизации» и китайскую традиционную мысль с целью ее гармоничного строительства и развития в Китае [Chenzhenyi 2016: 278]. Профессора Хуан Чэнлянь⁷ и Чжан Сяодэ⁸ также анализируют взаимосвязь теории Си Цзиньпина о строительстве «социалистической экологической цивилизации» и марксистской экологической философии.

Применение морфологического анализа идеологии британского ученого М. Фридена

⁴ Zhang Shaomin. Dali tuijin shengtai wenhua jianshe // Zhongguo huanjing bao [Чжан Шаоминь. Всемирно продвигать строительство экологической культуры // Новости окружающей среды Китая]. 12.04.2018. URL: http://theory.gmw.cn/2018-04/12/content_28291975.htm (дата обращения: 22.09.2020). (На кит. яз.).

⁵ Hu Changsheng. Peiyu shengtai wenhua zhicheng shengtai wenming // Xuexi shibao [Ху Чжаншэн. Развивать экологическую культуру и поддерживать экологическую цивилизацию // Сюэси Шибэо]. 04.09.2017. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0904/c40531-29512360.html> (дата обращения: 22.09.2020). (На кит. яз.).

⁶ Wu Ping. Makesi zhuyi zhexue yu zhongguo chuantong shengtai guan [У Пин. Марксистская философия и традиционный китайский взгляд на экологию] // Baidu. 06.03.2014. URL: <https://wenku.baidu.com/view/001d040e767f5acfa1c7cd4e.html> (дата обращения: 22.09.2020). (На кит. яз.).

⁷ Huang Chengliang. Xijiping xin shidai shengtai wenming jianshe sixiang de hexin jiazhi // Zhongguo gongchandang xinwen wang. [Хуан Чэнлянь. Основная ценность мыслей Си Цзиньпина о строительстве экологической цивилизации в новую эпоху // Новости КПК]. 23.02.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0223/c40531-29830760.html> (дата обращения: 26.09.2020). (На кит. яз.).

⁸ Zhang Xiaode. Shengtai wenming jianshe nei sheng fazhan zhi lu // Zhejiang ribao [Чжан Сяодэ. Внутренние факторы развития строительства экологической цивилизации // Чжэцзян Жибао]. 12.08.2015. URL: http://zjrb.zjol.com.cn/html/2015-08/12/content_2901184.htm?div=-1 (дата обращения: 30.09.2020). (На кит. яз.).

на базе неомарксизма позволяет заключить, что такие концепты, как «экологическая цивилизация», «теория двух гор», «Сообщество единой судьбы человечества», выступают ядерными в генеральном курсе социализма с китайской спецификой [Lees, Shepherd 2018].

Внутренняя политика Китая в области окружающей среды на рубеже XX—XXI вв.

После образования КНР в 1949 г. и до 1970—1980-х гг. природоохранная деятельность не входила в стратегическую повестку КНР. Это проявлялось в том числе в скудном финансировании экологических инициатив и проектов. В 1966—1976 гг. в Китае развернулась «культурная революция». Бывший председатель страны Мао Цзэдун сделал ставку на стратегию затяжной народной войны. До вступления в ООН в 1971 г. правительство КНР не включало во внешнюю политику вопросы экологии. До 1980 г. Китай практически не участвовал в международных конференциях по экологии, сосредоточив усилия на борьбе с империализмом, а затем с советским ревизионизмом. В целом до 1990-х гг. проводимые в КНР процессы можно описать как «эпоху войн и революций», что априори не предполагало пристального внимания к новым вызовам безопасности, включая экологический кризис.

К концу XX в. Китай столкнулся с резким обострением экологической ситуации, что неизменно повлекло необходимость экспертных и научно обоснованных подходов к экологическим вопросам. В 2000-е гг. руководство страны фактически признало, что высокие темпы экономического роста достигнуты ценой глубокого социального расслоения и деградации окружающей среды [Мозиас 2016: 275].

В 2005 г. в сфере экологии и защиты окружающей среды произошли стратегические подвижки. В официальных материалах появились термины «экологическая культура» и «экологическая безопасность»⁹. В годы

⁹ Лузянин С.Г. Экология с китайской спецификой: между желаемым и действительным // Эксперты

11-й пятилетки (2006—2010 гг.) правительство инициировало развитие низкоуглеродной экономики (低碳经济) и «низкоуглеродного зеленого образа жизни» (绿色低碳生活方式). При этом в 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК сформирована концепция «экологической цивилизации» (生态文明观), в основе которой — уважение и защита природы¹⁰.

С приходом к власти Си Цзиньпина начался новый качественный этап в строительстве китайской экосистемы. Весной 2014 г. было объявлено, что Китай вступает в период «новой нормы» экономического развития [Ушаков 2019: 117]. В своих выступлениях Си Цзиньпин неоднократно отмечал, что «необходимы золотые и серебряные горы» и «изумрудные воды и зеленые горы». На основании данных образцов появилась целая природоохранная концепция — «теория двух гор» («两山论»)¹¹, которая подразумевает защиту окружающей среды, развитие экономики и превращение промышленной цивилизации в экологическую¹².

В рамках 13-й пятилетки (2016—2020 гг.) правительство КНР заявило о необходимости «ускорения продвижения построения спра-

ведливой экологической цивилизации» на базе устойчивого, поступательного стимулирования инновационного развития страны [Кранина 2017: 319]. При этом важный компонент отводится энергетической политике, которая связана с текущей ситуацией в государстве, которую многие зарубежные авторы характеризуют как «экологическую катастрофу» [Томберг 2017: 4, 11]. Китай по-прежнему является главным нарушителем международных экологических норм, в том числе по уровню выбросов вредных веществ в атмосферу.

Повышенное внимание к «зеленой» энергетике связано с тем, что на рубеже 2000—2010-х гг. Китай превратился в самый крупный в мире углеродный рынок. В 2011—2013 гг. страна вновь погрузилась в «экологический шок», вызванный выбросом опасного смогообразующего вещества — окислов азота (5,7 %) [Ушаков 2019: 117]. В январе 2013 г. в Пекине зафиксирован рекордный смог, вызванный выхлопными газами автомобилей и выбросами предприятий. Руководство КНР объявило красный уровень экологической опасности. В этот период термин «смог» становится одним из ключевых¹³.

Автор разделяет общепризнанный подход, что реальная экологическая ситуация в КНР гораздо хуже и опаснее описываемой по своим последствиям. В отчете британского агентства Carbon Brief представлена статистика и динамика загрязнения по годам и крупнейшим государствам-загрязнителям. Так, достигнув в 2014 г. пика по количеству выбросов загрязняющих веществ CO₂ почти в 1,2 гигатонн (12 млн тонн) в Китае, ЕС и США, с 2015 г. данный показатель в обозначенных странах начал медленно сокращаться, в то время как в Индии и остальном мире наблюдается его рост¹⁴ (рис. 1).

МГИМО. 19.08.13. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/240932/> (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁰ Hujintao zai zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao. Ba, dali tuijin shengtai wenming jianshe // Xinhua she. [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. Восьмая глава «Всемерно продвигать строительство экологической цивилизации» // Синьхуа]. 17.11.2012. URL: http://www.xinhuanet.com/18cpcnc/2012-11/17/c_113711665_9.htm (дата обращения: 30.09.2020). (На кит.яз.).

¹¹ Си Цзиньпин впервые выдвигает «теорию двух гор» 15 августа 2005 г. во время инспекционной поездки в качестве секретаря партийного комитета уезда Аньцзи провинции Чжэцзян, определив ее «основным руководством по построению «экологической цивилизации» в Китае.

¹² Huang Chengliang. Xijiping xin shidai shengtai wenming jianshe sixiang de hexin jiazhi // Zhongguo gongchandang xinwen wang. [Хуан Чэнлян. Основная ценность мыслей Си Цзиньпина о строительстве экологической цивилизации в новую эпоху // Новости КПК]. 23.02.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0223/c40531-29830760.html> (дата обращения: 26.09.2020). (На кит.яз.).

¹³ Wu Ping. Makesi zhuyi zhexue yu zhongguo chuantong shengtai guan [У Пин. Марксистская философия и традиционный китайский взгляд на экологию] // Baidu. 06.03.2014. URL: <https://wenku.baidu.com/view/001d040e767f5acfa1c7cd4e.html> (дата обращения: 22.09.2020). (На кит.яз.).

¹⁴ Согласно соответствующим решениям РКИК ООН и национальным условиям КНР, Национальному

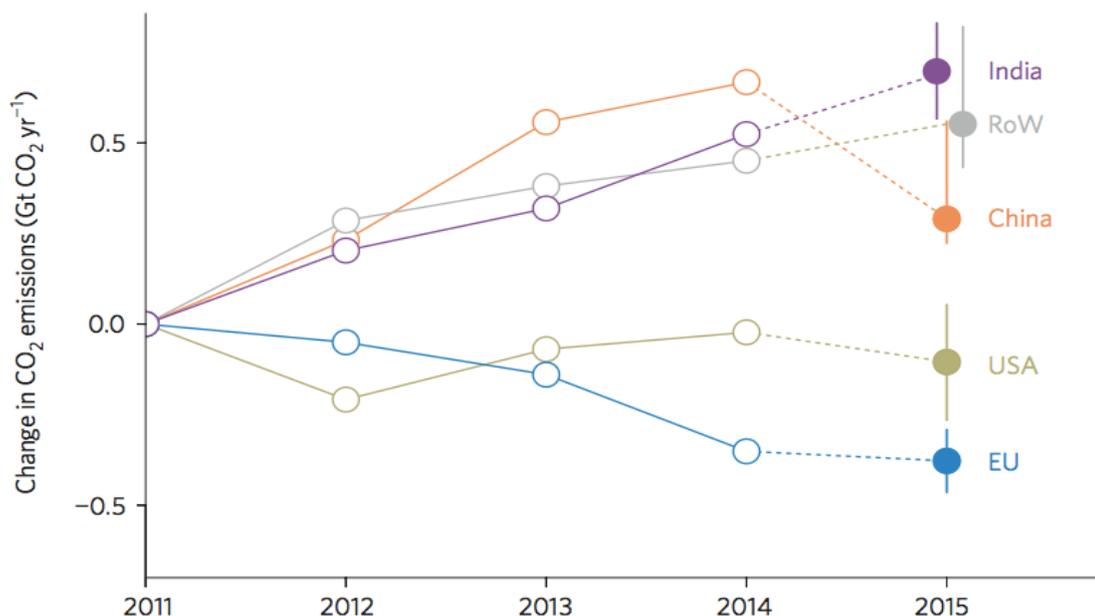

Рис. 1. Годовые изменения глобальных выбросов CO₂ в результате использования углеводородов и промышленных загрязнений в 2011—2015 гг.

Источник: Decrease in China's coal use sees global emissions fall in 2015 // Carbon Brief Clear on climate. December 7, 2015. URL: <https://www.carbonbrief.org/decrease-in-chinas-coal-use-sees-global-emissions-fall-in-2015> (accessed: 26.09.2020).

Fig. 1. Change in CO₂ emissions, 2011—2015

Source: Decrease in China's coal use sees global emissions fall in 2015 // Carbon Brief Clear on climate. December 7, 2015. URL: <https://www.carbonbrief.org/decrease-in-chinas-coal-use-sees-global-emissions-fall-in-2015> (accessed: 26.09.2020).

Загрязнение отравляющими веществами и другие проблемы вызвали перестройку структуры энергопотребления в Китае, в том числе сокращение использования каменного угля¹⁵. На фоне постепенного снижения его доли в топливно-энергетическом комплексе в 2020 г., по предварительным подсчетам,

кадастру парниковых газов, к выбросам относят: углекислый газ (CO₂), метан (CH₄), закись азота (N₂O), гидрофторуглероды (HFC), перфторуглероды (PFC) и гексафторид серы (SF₆), выбросы из промышленности, сельского хозяйства, землепользования и лесного хозяйства. См.: The People's Republic of China Second Biennial Update Report on Climate Change // United Nations Climate Change. 2018. P. 9. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/China%202B UR_English.pdf (accessed: 26.09.2020).

¹⁵ Нужно ликвидировать первопричины загрязнения // Russian.china.org.cn. 16.04.2021. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2021-04/16/content_77412931.htm (дата обращения: 20.04.2021). См. также: [Томберг 2017; Кранина 2020].

данный показатель составил 56,8 %, что все еще приводит к значительным выбросам в атмосферу¹⁶.

Экологические проблемы Китая самым неблагоприятным образом влияют на здоровье местного населения. Как результат, от пылевых бурь и смога страдают крупнейшие города, в частности Пекин. Так, в период с 16 по 21 декабря 2016 г. в столице и еще 22 городах был объявлен красный уровень тревоги в связи со смогом; пыльные бури покрывали города слоем песка, почва подверглась деградации вследствие эрозии [Жариков 2017: 27; Ушаков 2019: 113]. Согласно исследованиям издания The Lancet, в 2017 г. в Китае количество человек, погибших из-за загрязнения воздуха, превысило 1,24 млн [Landrigan, Fuller, Acosta, Adeyi, Arnold, Basu et al. 2018: 491].

¹⁶ Там же.

В этой связи первостепенной задачей становится улучшение экологии атмосферы, что должно позиционироваться в качестве государственной стратегии. Однако было бы несправедливо полагать, что ситуация в Китае непоправима, правительство игнорирует происходящие процессы и не пытается этому противостоять. В 2013 г. был принят План действий по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха до 2017 г., в 2014 г. — по предотвращению загрязнения водной среды до 2020 г., в 2016 г. — по предотвращению загрязнения почвенной среды. На саммите АТЭС в 2014 г. Китай объявил о планах по снижению загрязнения атмосферы и переводу энергопотребления на возобновляемые источники, такие как ветро- и геотермальная энергетика. Кроме того, в рамках работы по внесению уязвимых районов Китая в стратегию экологической «красной линии» наблюдается заметное увеличение производства электромобилей, выделение субсидий для водителей низкоуглеродных машин и другие меры поддержки [Жариков 2017: 27; Кранина 2020: 144]. В 2018 г. подписан генеральный план природоохранной деятельности до 2020 г., в котором акцент традиционно сделан на борьбе со смогом¹⁷.

Весь спектр экологических проблем, с которыми столкнулся Китай, а именно — загрязнение атмосферы, морской среды, нарушение верхнего слоя почвы, опустынивание земель и многие другие — негативно влияют на граничащие с ним регионы и соседние страны (Монголию, Россию и Японию). Российский Дальний Восток также подвержен загрязнению со стороны северо-восточных провинций Китая¹⁸. Так, песчаные бури из Китая в виде дождей с песком и грязью накрывают южные регионы Хабаровского и Приморского края (Владивосток). С 1996 г. под воздействием сбросов загрязняющих веществ приграничными промыш-

¹⁷ Китай представил план природоохранной деятельности до 2020-го // ЭКД! 25.06.2018. URL: <https://ekd.me/2018/06/kitaj-predstavil-plan-prirodooxrannoj-deyatelnosti-do-2020-go/> (дата обращения: 22.09.2020).

¹⁸ Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и автономный район Внутренняя Монголия.

ленными предприятиями Северо-Востока Китая обострились экологические проблемы реки Амур. Со своей стороны российские ученые указывают на весьма декларативный характер взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в области охраны окружающей среды. Государства главным образом разрабатывают совместные стратегии без принятия конкретных практических механизмов их реализации. Ряд ученых довольно скептически оценивают усилия КНР, считая, что у Пекина отсутствует понятная экологическая политика и имеется скрытое нежелание выделять большие средства на решение проблем улучшения окружающей среды [Жариков 2017: 21—30].

Автор полагает, что главное отличие экологической политики Ху Цзиньтао от аналогичной политики Си Цзиньпина состоит в том, что под руководством последнего уходит в прошлое модель развития, которая наносит ущерб или даже разрушает экологию¹⁹. Когда-то выступавшие против ограничения выбросов, китайские лидеры соглашались с тем, что изменение климата — это серьезная глобальная проблема, с которой возможно справиться только посредством межгосударственного сотрудничества. В этой логике и была сформулирована на XVII съезде КПК в 2007 г. задача создания системы экокультуры (生态文化体系). В настоящее время политическое руководство Китая принимает решительные меры как по защите окружающей среды, так и созданию целостной и единой системы экокультуры²⁰, реализуя новую, нейтральную политику в этой сфере на основе принципов «зеленого», низкоуглеродного, рециркуляционного устойчивого развития.

¹⁹ Xi Jinping: Tuidong xingcheng luse fazhan fangshi he shenghuo fangshi wei renmin qunzhong chuangzao liang hao shengchan shenghuo huanjing // Xinhua she [Си Цзиньпин: Содействие формированию зеленого образа жизни и хороших производственных условий для населения // Синьхуа]. 27.05.2017. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0527/c64094-29305289.html> (дата обращения: 15.09.2020). (На кит. яз.).

²⁰ Zhongguo guanjian ci. Zhiguo li zhengce: Quan er ce. Beijing: Xin shijie chuban she [Ключевые слова Китая. Управление государством / Бюро изданий и распространения китайского языка. Пекин: «Синь Шицзе», 2019. С. 428—437. (На кит. яз.).

Стратегия по выходу Китая на международный уровень: строительство экологической цивилизации и единой мировой экокультуры

Опираясь на теоретико-методологические разработки китайских древних мыслителей и современных ученых, лидер КНР Си Цзиньпин продвигает новый подход к экологической культуре и повестке. Под его руководством Китай играет активную роль в международных переговорах по изменению климата. Выдвинутые им экологические концепции выступают ключевым звеном общей теории «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ)²¹, которая призвана сформировать ответы на базовые вызовы человечества на основе рационального сотрудничества через консолидацию общих интересов.

Си Цзиньпин заявляет, что создание «прекрасного Китая» (美丽中国), как одна из стратегических целей национального возрождения, улучшит экологию на всей планете и ускорит устойчивое развитие мира в целом, помогая реализовать и общую мечту человечества — «сохранить планету Земля»²².

Современное видение этой стратегии представлено в докладе Си Цзиньпина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 г., где определены направления реализации «Сообщества единой судьбы человечества». Лидер КНР призывает мировое сообщество «сохранить мать-природу» и «идти по пути зеленого, низкоуглеродистого, циклического и устойчивого развития»²³. Только сотрудничество на основе данных принципов может обеспечить победу. По мнению китайских ученых, зеленое, низкоуглеродистое

²¹ В октябре 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде КПК руководитель Китая Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ, кит. 人类命运共同体).

²² Zhongguo guanjian ci. Zhiguo li zhengce: Quan er se. Beijing: Xin shijie chuban she [Ключевые слова Китая. Управление государством / Бюро изданий и распространения китайского языка. Пекин: «Синь Шицзе»], 2019. С. 428—437. (На кит. яз.).

²³ Си Цзиньпин. О государственном управлении. II. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2018. С. 750.

(低碳绿色), циклическое и устойчивое производство и здоровый (зеленый) образ жизни (绿色生活方式) открывают цивилизованный путь для развития производства, благополучия и улучшения экологии²⁴.

В концептуальном отношении строительство «экологической цивилизации» в сочетании с «Сообществом единой судьбы человечества» имеет философский подтекст с отсылкой к современным марксистским идеям, таким как «развитие и защита», «экология и цивилизация», «гуманизм и натурализм». Это естественная диалектика, которую Си Цзиньпин предлагает современному Китаю и миру для построения здоровой и экологически устойчивой экосреды²⁵.

Китай солидаризируется с подходом мирового сообщества по изменению климата: на реализацию экологической повестки он увеличил свой взнос в фонд Секретариата в соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК ООН), а также подписал Парижское соглашение на XXI Конференции Сторон РКИК ООН [Zhao 2018: 36—37]. Принятые обязательства призваны внести вклад в смягчение последствий изменения климата.

Си Цзиньпин настаивает на необходимости ускорения создания системы «экологической цивилизации»²⁶. Настойчивый призыв Китая

²⁴ Zheng Baoguo. Renlei mingyun gongtongti sixiang de bianzheng tongyi xing // Guoji wenti yanjiu [Чжэн Баогуо. Диалектическое единство мысли сообщества единой судьбы человечества // Исследования международных проблем]. № 6. 2018. URL: http://www.cssn.cn/gjgxx/gj_zyqk/201811/t20181129_4784926.shtml (дата обращения: 27.08.2020). (На кит. яз.).

²⁵ Huang Chengliang. Xijiping xin shidai shengtai wenming jianshe sixiang de hexin jiazhi // Zhongguo gongchandang xinwen wang [Хуан Чэнлянь. Основная ценность мыслей Си Цзиньпина о строительстве экологической цивилизации в новую эпоху // Новости КПК]. 23.02.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0223/c40531-29830760.html> (дата обращения: 26.09.2020). (На кит. яз.).

²⁶ Zheng Xiaoyun. Yong wenhua de liliang zhu tui shengtai wenming jiashe // Guangming ribao [Чжэн Сяюнь. Используйте силу культуры для содействия построению экологической цивилизации // Гуанмин Жибао]. 29.10.2018. URL: <http://www.sky.yn.gov.cn/zxft/zx/02548660095205806433> (дата обращения: 11.11.2020). (На кит. яз.).

решать проблемы в области строительства экокультуры тесно связан со стремлением к устойчивому развитию мира. Лидер КНР предлагает создать «экологическое сообщество» (建设生态文明共同体), которое является органической частью «единого сообщества» человечества. С этой целью, по его инициативе, в Китае учрежден Фонд сотрудничества Юг — Юг по климатическим изменениям в размере 20 млрд юаней и выпущены Руководящие замечания по развитию зеленого строительства «Одного пояса, одного пути»²⁷. Он подчеркивает диалектическое единство в процессе формирования «экологической цивилизации», которая, по мнению китайского лидера, и является единственным способом реализации СЕСЧ²⁸.

Выступая на Парижской конференции ООН по изменению климата в 2015 г., Си Цзиньпин амбициозно заявил, что Китай — первая в мире страна в области энергосбережения, использования новых и возобновляемых источников энергии. Си Цзиньпин признал, что десятилетия быстрого экономического роста Китая «нанесли ущерб окружающей среде и ресурсам» [Tobin 2018: 164]. В выступлении были приведены показатели по снижению страной к 2030 г. выбросов углекислого газа до максимального значения на 60—65 % и увеличению объема запасов леса²⁹. Некоторые его предложения направлены на содействие развитию СЕСЧ.

На XIX съезде КПК была обозначена ведущая роль Китая в решении проблемы изменения климата в рамках международного сотрудничества³⁰. Вместе с тем многие

западные аналитики и политики довольно скептически настроены по отношению к экологическим инициативам и призывам КНР, оценивая экологическое измерение внешней политики Китая как неэффективное и даже опасное, не способствующее укреплению концепции «Сообщества единой судьбы человечества» и «экологической цивилизации» [Tobin 2018: 164].

Рассуждая о региональных отношениях Китая со странами АСЕАН, Европейским союзом и Африкой в рамках концепции «единой судьбы» до 2018 г., периода, когда СЕСЧ еще не вошла в Устав КПК и Конституцию КНР и не стала государственной политикой, Си Цзиньпин знакомил страны мира с данной теорией и проводил ее так называемую популяризацию. Результаты исследований ее практического применения до этого года пока преждевременны.

Выступая на общих дебатах 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Си Цзиньпин предрек, что пандемия COVID-19 — это далеко не последний кризис человечества и поддержал скоординированное взаимодействие стран в рамках таких многосторонних форматов, как инициатива «Один пояс, один путь», концепция «Сообщества единой судьбы человечества», и других внешнеполитических стратегий. С этой целью Китай намерен увеличивать размер своих предполагаемых национальных взносов и стремиться перейти через пик выбросов углекислого газа CO₂ до 2030 г., а к 2060 г. создать углеродно-нейтральную экономику³¹.

В сентябре 2020 г., выступая на саммите ООН по биоразнообразию, Си Цзиньпин подчеркнул особую роль экокультуры в развитии Китая и «гармонии всего мироздания»

²⁷ Си Цзиньпин. О государственном управлении. II. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2018. С. 754—759.

²⁸ Zheng Baoguo. Renlei mingyun gongtongti sixiang de bianzheng tongyi xing // Guoji wenti yanjiu. [Чжэн Баогуо. Диалектическое единство мысли сообщества единой судьбы человечества // Исследования международных проблем]. № 6. 2018. URL: http://www.cssn.cn/gjgxx/gj_zyqk/201811/t20181129_4784926.shtml (дата обращения: 27.08.2020). (На кит. яз.).

²⁹ Си Цзиньпин. О государственном управлении. II. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2018. С. 759.

³⁰ Zhang Yinghang. Shijiu da baogao guanyu shengtai wenming jianshe de sen ge chuangxin // Renmin luntan wang. [Чжан Инхан. Три нововведения в построении

экологической цивилизации в докладе XIX съезде КПК // Народный Форум]. 06.12.2017. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/1206/c40531-29688522.html> (дата обращения: 19.11.2020). (На кит. яз.).

³¹ Xijiping zai di qishiwu jie lianheguo dahui yiban xing bianlun shang de jianghua (quanwen) // Xinhua wang. [Выступление Си Цзиньпина на общих дебатах в рамках 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Синьхуа]. 22.09.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-09/22/c_1126527652.htm (дата обращения: 12.11.2020). (На кит. яз.).

(“万物和谐”), которая де-факто включена «во все аспекты социально-экономического развития страны». В своей речи китайский лидер выдвинул четыре предложения, первое из которых состоит в том, чтобы «придерживаться концепции “экологической цивилизации” и усиливать динамику построения прекрасного мира» (一是坚持生态文明, 增强建设美丽世界动力)³².

Результаты реализации весьма амбициозных планов КНР в духе экосистемы очевидны. За последние 10 лет Китаю удалось увеличить площадь лесных ресурсов более чем на 70 млн гектаров; занять одно из первых мест в мире по принятию широкомасштабных мер по борьбе с опустыниванием и восстановлению водно-болотных угодий, а также сохранению разнообразия биологических и генетических ресурсов; защитить 90 % видов экосистем и 85 % ключевых популяций диких животных³³.

Вместе с тем КНР находится на первом месте по мировым выбросам парниковых газов (метан, озон, углекислые газы CO₂, ртуть и т. д.), производя почти вдвое больше выбросов, чем США и Индия (табл. 1). По оценкам Международного энергетического агентства, в 2019—2020 гг. Китай остался на первом месте в мире по объему выбросов CO₂ (28,8 % от совокупного объема мирового выброса, 11,535 млн тонн), в 2020 г. из-за пандемии COVID-19 эти показатели упали на 12 % по сравнению с 2019 г.³⁴

³² Xijiping zai lianheguo shengwu duoyang xing fenghui shang fabiao zhongyao jianghua // Renmin wang — Renmin ribao. [Си Цзиньпин выступил с важной речью на саммите ООН по биоразнообразию // Жэньминьван — Жэньминь Жибао]. 01.10.2020. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/1001/c64094-31881871.html> (дата обращения: 14.11.2020). (На кит. яз.).

³³ Ibid.

³⁴ Экология и экономика: тенденция к декарбонизации // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Октябрь 2020. Вып. 66. С. 5. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C_web.pdf (дата обращения: 14.11.2020); Global Energy Review: CO₂ Emissions in 2020. Understanding the impacts of COVID-19 on global CO₂ emissions // IEA. Article 2. March 2021. URL: <https://www.iea.org/articles/global-energy-review-co2-emissions-in-2020> (accessed: 21.04.2021).

Таблица 1. ТОП-10 стран по выбросам в атмосферу углекислого газа в 2015—2020 гг., млн тонн
Table 1. TOP-10 Countries that Emitted the Most Carbon Dioxide into Atmosphere, 2015—2020, millions of tons

№	Страны / Countries	2015—2016	2017	2018	2019—2020
1	Китай / China	10,671	9,839	9,528	11,535
2	США / USA	5,248	5,269	5,41	5,107
3	Индия / India	2,929	2,467	2,65	2,597
4	Россия / Russia	1,730	4,7	1,587	1,792
5	Япония / Japan	1,227	3,3	1,080	1,153
6	Германия / Germany	0,787	2,2	0,696	0,702
7	Иран / Iran	0,630	1,9	0,579	0,701
8	Саудовская Аравия / Saudi Arabia	0,604	1,8	0,492	0,614
9	Республика Корея / South Korea	0,639	1,7	0,606	0,651
10	Канада / Canada	0,588	1,6	0,565	0,584

Источник / Source: составлено автором по данным / compiled by the author on the basis of: Emissions CO₂ China // World bank. 2016. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=CN>; CO₂ Emissions from fuel combustion // International Energy Agency. 2018. URL: <http://energyatlas.iea.org/#/!tellmap/1378539487>; Chart of the day: These countries create most of the world's CO₂ emissions // World Economic Forum. June 7, 2019. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/06/chart-of-the-day-these-countries-create-most-of-the-world-s-co2-emissions/>; Emissions Database for Global Atmospheric Research // European Commission. URL: <https://edgar.jrc.ec.europa.eu>; Global Energy Review: CO₂ Emissions in 2020 // IEA. March, 2021. URL: <https://www.iea.org/articles/global-energy-review-co2-emissions-in-2020> (accessed: 21.02.2021).

По данным Национального бюро статистики КНР, в 2018 г. потребление энергии снизилось на 3,1 %, а выбросы углекислого газа — на 4 %. В 2020 г. объемы производства и поставки электроэнергии, тепла, газа и воды выросли на 5,5 %³⁵. Таким образом, можно

³⁵ 2020 Nian 6 yuefen guimo yishang gongye zengjia zhi zengzhang 4.8 % // Guojia tongji ju. [В июне 2020 г. добавленная стоимость промышленного производства Китая сверх установленного размера увеличилась на 4,8 % // Национальное бюро статистики КНР]. 16.07.2020. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202007/t20200716_1776195.html (дата обращения: 10.05.2021). (На кит. яз.).

утверждать, что страна вновь столкнулась с ростом выбросов в атмосферу, при этом наиболее остро для большинства районов Китая стоит проблема смога и загрязнения воздуха.

Заключение

Понятие «экологическая культура» китайцы интерпретируют как мощную движущую силу защиты окружающей среды, которая является всеобъемлющей частью экологии мира. КНР вплотную начал заниматься экологическими проблемами на национальном уровне, ограничивая выбросы углерода, и встраиваться в мировую повестку лишь в последнее десятилетие XX в. Показательно, что сегодня Китай выступает спонсором большого числа международных конференций по данной проблематике.

Более десяти лет назад заложены основы будущего воплощения в жизнь природоохранной «концепции экологической цивилизации», «теории двух гор» строительства «экологической цивилизации» и «прекрасного Китая». Родоначальником нового качественного этапа в строительстве «экологической цивилизации» в Китае и в мире становится Си Цзиньпин. Именно с его приходом к

власти Китай начинает практическую реализацию экологического измерения внешней политики. На национальном уровне выстроена целая экосистема, которая предполагает среди прочего более жесткие санкции против чиновников, не выполняющих поставленные руководством задачи по охране окружающей среды. В случае провала «экокультуры» и «экологической цивилизации» при сохранении прежних показателей вредных выбросов в атмосферу, реки и моря, потребления угля, а также сбора бытовых сточных вод в городах и поселках уровень загрязнения воздуха может достичь критических показателей.

Международные обязательства КНР в области экологии, готовность решать сложные задачи по охране окружающей среды, весь эколого-стратегический комплекс Си Цзиньпина дают основания полагать, что Китай и впредь будет придерживаться выполнения взятых обязательств и планов. Это характеризует страну как важного и ответственного актора, готового нести ответственность и возглавлять многие процессы. Выдвинутая Си Цзиньпином концепция «экологической цивилизации» в известном смысле претендует на глобальный характер.

Поступила в редакцию / Received: 19.08.2020

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список

- Вернадский В.И.* Биогeoхимические очерки. 1922—1932 гг. М. — Л.: Академия наук СССР, 1940.
- Вернадский В.И.* Дневники: 1926—1934. М.: Наука, 2001.
- Жариков Е.П.* Экология в трансграничных с Китаем регионах Дальнего Востока // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 1. С. 21—32. DOI: 10.24866/1813-3274/2017-1/21-32
- Кранина Е.И.* Китай: ускорение строительства «экологической цивилизации» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 102—111.
- Кранина Е.И.* Стратегия «зеленого» развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 138—151. DOI: 10.31857/S013128120009857-3
- Кранина Е.И.* Строительство «экологической цивилизации» Китая // Итоги 12-й пятилетки (2011—2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 317—330.
- Липец Е.Ю.* Культурная экология: современные аспекты исследования этнической культуры // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 42—46.
- Мозиас П.М.* Экологическая политика в Китае: вверх по лестнице, ведущей вниз? // Общество и государство в Китае. 2016. № 2. С. 274—314.
- Томберг И.Р.* Формирование энергетической политики КНР в начале XXI века: внутренние ресурсы и мирохозяйственные перспективы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ИВ РАН, 2017.

- Ушаков И.В. Экологическая цивилизация: мечта или мираж? // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № S5—1. С. 112—122. DOI: 10.31857/S013128120007132-6
- Шмелева И.А., Ван Г. Экологическая размерность политики современного Китая // Политическая экспертиза: Политэкс. 2009. Т. 5. № 4. С. 191—209.
- Chen Zhenyi. Makesi zhuyi shengtai wenming guan yu zhongguo chuantong shngtai sixiang ronghe de lujing xuanze // Caizhi [Чен Чж. Соединение марксистского взгляда на экологическую цивилизацию и китайской традиционной экологической мысли // Цай Чжи]. 2016. № 6. С. 278. (На кит. яз.).
- Dickens P. Society and nature. Towards a green social theory. New York, London: Harvester-Wheatsheaf, 1992.
- Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture: An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Landrigan Ph., Fuller R., Acosta N., Adeyi O., Arnold R., Basu N. et al. The Lancet Commission on pollution and health // The Lancet. 2018. Vol. 391. No. 10119. P. 462—512. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)32345-0
- Lees E., Shepherd E. Morphological analysis of legal ideology: Locating interpretive divergence // Journal of Property, Planning and Environmental Law. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 5—16. DOI: 10.1108/JPEL-12-2017-0041
- Milbrath L.W. Environmentalists, vanguard for a new society. New York: State University of New York Press, 1984.
- Tobin L. Xi's vision for transforming global governance a strategic challenge for Washington and its allies // Texas National Security Power. 2018. Vol. 2. No. 1. P. 155—166. DOI: 10.26153/tsw/863
- Vakleva Z. About the category of ecological culture // Научни трудове на съюза на учениците — пловдив. Серия А: Обществени науки, Изкуство и Култура. 2017. Vol. 4. P. 257—261.
- Xiao Qing H. Xijiping xin shidai zhongguo tese shehui zhuyi shengtai wenming guan // Shehui kexue qianyan. [Сяоцин Х. Взгляд Си Цзиньпина на социалистическую экологическую цивилизацию с китайской спецификой в новую эпоху // Границы социальных наук]. 2018. № 7 (9). С. 1531—1535. (На кит. яз.).
- Ying W. Zhongguo chuantong shengtai guan de lishi jianjie // Renmin luntan [Ин В. Историческое предупреждение в контексте традиционных экологических концепций Китая // Народный форум]. 2019. № 24. С. 162—163. (На кит. яз.).
- Zhao X. In pursuit of a community of shared future // World Century Publishing Corporation and Shanghai Institutes for International Studies China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 23—37.

References

- Chen Zhenyi. (2016). Makesi zhuyi shengtai wenming guan yu zhongguo chuantong shngtai sixiang ronghe de lujing xuanze [Combining the Marxist View of Ecological Civilization and Chinese Traditional Ecological Thought]. *Cai Zhi*, (6), 278. (In Chinese).
- Dickens, P. (1992). *Society and nature. Towards a green social theory*. New York, London: Harvester-Wheatsheaf.
- Douglas, M., & Wildavsky, A. (1982). *Risk and culture: An essay on the selection of technical and environmental dangers*. Berkeley: University of California Press.
- Kranina, E.I. (2016). Speeding-up the creation of “ecologically friendly civilization” in China. *Far Eastern Affairs*, (5), 102—111. (In Russian).
- Kranina, E.I. (2017). Acceleration of advance of construction of an “ecological civilization” China. In A.V. Ostrovskiy (Eds.), *Results of the 12th five-year plan (2011—2015) and prospects for the development of China's economy until 2020* (pp. 317—330). Moscow: IDV RAN publ. (In Russian).
- Kranina, E.I. (2020). The strategy of “green” development in China. *Far Eastern Affairs*, (2), 138—151. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120009857-3>
- Landrigan, Ph., Fuller, R., Acosta, N., Adeyi, O., Arnold R., Basu, N. et al. (2018). The Lancet Commission on pollution and health. *The Lancet*, 391(10119), 462—512. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(17\)32345-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(17)32345-0)
- Lees, E., & Shepherd, E. (2018). Morphological analysis of legal ideology: locating interpretive divergence. *Journal of Property, Planning and Environmental Law*, 10(1), 5—16. <https://doi.org/10.1108/JPEL-12-2017-0041>
- Lipets, E.Yu. (2017). Cultural ecology: modern aspects of the study of ethnic culture. *Scientific Thought of Caucasus*, (4), 42—46. (In Russian).
- Milbrath, L.W. (1984). *Environmentalists, vanguard for a new society*. New York: State University of New York Press.
- Mozias, P.M. (2016). Ecological policy in China: Up the stairs leading down? *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*, (2), 274—314. (In Russian).

- Shmeleva, I.A., & Wan, G.J. (2009). The ecological dimension of politics of modern China. *Political Expertise: Polytex*, 5(4), 191—209. (In Russian).
- Tobin, L. (2018). Xi's vision for transforming global governance a strategic challenge for Washington and its allies. *Texas National Security Power*, 2(1), 155—166. <http://dx.doi.org/10.26153/tsw/863>
- Tomberg, I.R. (2017). *Formation of China's energy policy at the beginning of the 21st century: internal resources and world economic prospects* [thesis' abstract]. Moscow: IV RAN publ. (In Russian).
- Ushakov, I.V. (2019). Ecological civilization: Dream or mirage? *Far Eastern Affairs*, (S5-1), 112—122. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.31857/S013128120007132-6>
- Vakleva, Z. (2017). About the category of ecological culture. *Научни трудове на съюза на учените — пловдив. Серия А: Обществени науки, Изкуство и Култура*, (4), 257—261.
- Vernadsky, V.I. (1940). *Biogeochemical essays. 1922—1932*. Moscow — Leningrad: Akademiya nauk SSSR publ. (In Russian).
- Vernadsky, V.I. (2001). *Letters: 1926—1934*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Xiao Qing, H. (2018). Xijiping xin shidai zhongguo tese shehui zhuyi shengtai wenming guan. *Shehui kexue qianyan* [Xi Jinping's perspective on a socialist ecological civilization with Chinese characteristics in a new era. *Social Sciences Frontiers*], 7(9), 1531—1535. (In Chinese).
- Ying, W. (2019). Zhongguo chuantong shengtai guan de lishi jianjie [Historical warning in the context of China's traditional ecological concepts]. *Renmin Luntan*, (24), 162—163. (In Chinese).
- Zhao, X. (2018). In pursuit of a community of shared future. *World Century Publishing Corporation and Shanghai Institutes for International Studies China Quarterly of International Strategic Studies*, 4(1), 23—37.
- Zharikov, E.P. (2017). Ecology in the RFE regions bordering with China. *Aziatsko-Tikhookeanskii Region: Ekonomika, Politika, Pravo*, (1), 21—32. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2017-1/21-32>

Сведения об авторе: Бояркина Анна Владимировна — кандидат политических наук, доцент Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета; ORCID: 0000-0001-9819-8171; e-mail: boyarkina.av@dvfu.ru

About the author: Boyarkina Anna Vladimirovna — PhD in Politics, Associate Professor, Oriental Institute — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University; ORCID: 0000-0001-9819-8171; e-mail: boyarkina.av@dvfu.ru

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-338-349

Научная статья / Research article

Фактор США в израильско-китайских и израильско-индийских отношениях

А.А. Микаелян , В.М. Морозов

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация
 mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Аннотация. Проанализировано влияние США на политику Израиля в рамках сотрудничества с КНР и Индией. США оказали и до сих пор оказывают значительное влияние на развитие израильско-китайских и израильско-индийских отношений. Актуальность рассматриваемой темы связана с растущей ролью вышеуказанных азиатских держав в мировой политике на фоне усугубления китайско-американских противоречий, перерастающих в торговую войну. Цель статьи — исследовать влияние США на политику Израиля в отношении Китая и Индии. Рассматривается, как израильское руководство адаптировалось к влиянию Вашингтона, при этом соблюдая свои стратегические интересы развития сотрудничества с КНР и Индией. Используя методы историзма, сравнительного анализа и историко-системного анализа, автор приходит к следующим выводам. Во-первых, влияние США на израильско-китайские отношения прошло 5 этапов развития: первый этап (1971—1989 гг.) — косвенная поддержка Вашингтоном развития контактов между Тель-Авивом и Пекином; второй этап (1990—1998 гг.) — критика американской стороны в адрес военно-технического сотрудничества Израиля и КНР; третий этап (1999—2005 гг.) — переход Вашингтона от критики к политике давления с целью отказа руководства Израиля от военного сотрудничества с КНР; четвертый этап (2006—2016 гг.) — принятие Израилем требований США и отказ от поставок вооружений Пекину (при этом Тель-Авив фокусирует свое внимание на развитии торгово-экономических отношений с КНР); пятый этап (2017 г. — н. вр.) — критика американской стороной израильско-китайского сотрудничества в сфере экономики на фоне ухудшения контактов между Пекином и Вашингтоном. Правительство Израиля стремится отвечать требованиям США, при этом учитывая важное экономическое значение взаимодействия с Пекином. Во-вторых, фактор США, напротив, способствовал развитию израильско-индийских отношений, оказав положительное влияние на развитие торгово-экономического и военного сотрудничества Тель-Авива и Нью-Дели. В-третьих, действия США можно объяснить попыткой сохранить свои национальные интересы. При этом отмечается, что влияние Америки на политику Израиля в Азии полностью соответствует региональным приоритетам Вашингтона, установленным в Стратегии национальной безопасности США (2017 г.).

Ключевые слова: внешняя политика Израиля, Израиль, КНР, Индия, США, Ближний Восток, Азия

Для цитирования: *Микаелян А.А., Морозов В.М.* Фактор США в израильско-китайских и израильско-индийских отношениях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2021. Т. 21. № 2. С. 338—349. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-338-349

The U.S. Factor in Sino-Israeli and Indian-Israeli Relations

Arman A. Mikaelian[✉], Vladimir M. Morozov[✉]

MGIMO University; Moscow, Russian Federation

✉ mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Abstract. The article analyses the US influence on Israeli policy towards both China and India. The United States has had and still has a significant influence on the dynamics of Israeli-Chinese and Israeli-Indian relations. The relevance of the issue stems from the growing importance of China and India in the world affairs amid rising tensions between the US and China that are spilling into a trade war. The article aims to explore the US influence on Israel's policy in Asia. It examines the way how the Israeli leadership has adapted to Washington's influence while promoting its strategic cooperation with China and India. The study comprises historical method, comparative analysis and historical-systematic analysis. The author comes to the following conclusions. First, Washington's influence on Sino-Israeli relations has gone through five development stages: the first stage (1971—1989): implicit US support for the development of Sino-Israeli relations; the second stage (1990—1998): American criticism of military and technical cooperation between Israel and China; the third stage (1999—2005): Washington's shift from criticism to pressure policy in order to prevent the Israeli leadership from military cooperation with China; the fourth stage (2006—2016): Israel's acceptance of US demands and refusal to supply arms to Beijing (with Tel Aviv focusing on the development of trade and economic relations with China); the fifth stage (2017 — present): U.S. criticism of Israeli-Chinese economic cooperation amid worsening contacts between Beijing and Washington. The Israeli government is trying to meet Washington's demands as well as preserve its strategic economic relations with Beijing. Second, the US factor, on the contrary, contributed to normalization of Indian-Israeli relations, having a positive impact on the development of trade, economic and military cooperation between Tel Aviv and New Delhi. Third, the US actions can be explained by an attempt to preserve its national interests. At the same time, the author stresses that the US influence on Israel's policy in Asia complies with Washington's regional priorities set forth in the 2017 US National Security Strategy.

Key words: Israel's foreign policy, Israel, China, India, the USA, the Middle East, Asia

For citation: Mikaelian, A.A., & Morozov, V.M. (2021). The U.S. Factor in Sino-Israeli and Indian-Israeli Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 338—349. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-338-349>

Комплексный анализ внешней политики Государства Израиль в азиатском регионе и в целом во всем мире будет неполным без учета позиции и фактора США. Связано это, в первую очередь, с особыми отношениями, которые сложились между этими странами. Вашингтон и Тель-Авив активно сотрудничают в политической, торгово-экономической и военной сферах. В частности, Израиль ежегодно получает военную помощь от США в размере 3,3 млрд долл. США¹.

¹ U.S. Foreign Aid to Israel // Congressional Research Service. RL33222. Version 39. November 16, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf> (accessed: 31.03.2020).

Развитие отношений между Израилем и такими крупными азиатскими державами, как Индия и Китайская Народная Республика (КНР), вызывает интерес Вашингтона, поскольку ряд вопросов, в частности поставки израильских вооружений, напрямую затрагивают интересы США в Азии. Учитывая американскую военную помощь Израилю и стратегический характер американо-израильских отношений, Вашингтон может потребовать от израильской стороны прекратить поставки вооружений в третьи страны, если это противоречит его интересам, в особенности если речь идет о Китае и Индии.

Исследование влияния США на внешнюю политику Израиля в рамках его

взаимодействия с Пекином и Нью-Дели крайне актуально ввиду интенсификации израильско-китайских и израильско-индийских отношений и перехода к «всеобъемлющему инновационному сотрудничеству» с Пекином в 2018 г. и стратегическому сотрудничеству с Индией в 2014 г. на фоне усиления противоречий между Вашингтоном и Пекином, а также растущего интереса США к развитию военно-политических отношений с Нью-Дели.

Зарубежные ученые в большей степени не обращали отдельного внимания на анализ влияния США на израильско-китайские и израильско-индийские отношения. В основном данный вопрос рассматривался исключительно в контексте общего анализа сотрудничества Израиля с данными странами [Abadi 2004; Kumaraswamy 2010; Shai 2011, 2016; Xian 2016; Katz, Bohbot 2017; Inbar 2017; Cowshish 2017; Chaziza 2017; Wang 2020; Narutyunyan 2020].

Отдельно следует отметить доклады израильского института исследований национальной безопасности (INSS)² и корпорации RAND [Efron, Shatz, Chan, Haskel, Morris, Scobell 2019].

Работы российских специалистов по проблематике израильско-китайских и израильско-индийских отношений немногочисленны и не освещают влияние США [Кашин 2017; Морозов, Микаелян 2018; Марьясис 2018]. Отдельно фактор США рассматривался в нескольких трудах специалистов, занимающихся израильско-китайскими и израильско-индийскими отношениями [Kumaraswamy 2005; Evron 2013; Blarel 2017].

Настоящая статья представляет собой попытку дать оценку влияния США на политику Израиля в рамках сотрудничества с Китаем и Индией. Теоретической базой исследования является концепция неореализма. Для достижения этой цели автором были использованы принцип историзма, методы сравнительного и историко-системного анализа. Принцип историзма позволил проследить эволюцию явлений и закономерностей при

анализе влияния политики США, а методы историко-системного и сравнительного анализа обеспечили возможность соизмерения уровней сотрудничества Израиля с КНР и Индией с учетом всего комплекса американо-китайских и американо-индийских отношений. Данная работа также направлена на получение представления о том, как Тель-Авив адаптировался к требованиям американской стороны с учетом соблюдения собственных стратегических интересов.

Фактор США

в израильско-китайских отношениях

Развитие отношений между Государством Израиль и КНР с момента своего возникновения в 1948 г. и вплоть до конца холодной войны было обусловлено влиянием глобальных геополитических факторов, среди которых:

— арабо-израильский конфликт и поддержка Пекином позиции арабских государств и прав палестинского народа в период 1950—1970-х гг., что вызвало в дальнейшем опасения Китая относительно ухудшения отношений с арабским миром из-за возможного сближения с Тель-Авивом;

— война в Корее 1950—1953 гг. и критика со стороны ООН и западных стран роли КНР в этом конфликте [Rajiv 2017: 413];

— в 1950-х гг. акцент израильского руководства на развитие дружеских отношений с европейскими странами [Shichor 2014: 125].

Отдельного внимания заслуживает фактор США, который в настоящее время продолжает оказывать влияние на отношения между Тель-Авивом и Пекином.

По мнению автора, США начали оказывать влияние на политику Израиля в отношении Китая еще до официального признания Пекина Тель-Авивом. Перед принятием решения об официальном признании КНР в МИД Израиля проходили споры относительно целесообразности уведомления американской стороны о намерениях Тель-Авива. Однако окончательное решение министра иностранных дел Израиля М. Шарета заключалось не только в том, чтобы не информировать Вашингтон, но и не сообщать

² Israel and China Relations: Opportunities and Challenges / Ed. by A. Orion, G. Lavi. Memorandum No. 194. INSS, 2019.

израильскому постоянному представителю при ООН и постоянному представителю А. Эбану о решении официально признать КНР [Shai 2016: 44]. Автор полагает, что действия израильского руководства можно трактовать как нежелание привлекать внимание Вашингтона, который, будучи союзником Китайской Республики (Тайвань), мог воспрепятствовать процессу сближения двух стран.

В дальнейшем из-за вышеуказанных геополитических факторов контакты между Израилем и КНР на официальном уровне практически прекратились. Сближение США с Китаем в 1971 г. создало для Тель-Авива перспективы возможной нормализации отношений с Пекином. Для того чтобы подчеркнуть на международном уровне свои намерения, Израиль в ООН поддержал резолюцию о принятии КНР в состав организации, хотя ранее в 1965—1970 гг. Тель-Авив выступал против подобных инициатив [Curtis, Gitelson 1976: 207].

Сближение Китая и США создало дилемму для Вашингтона, поскольку он имел обязательства по защите Тайваня. В частности, в 1971—1979 гг. США должны были осуществить поставку противокорабельных ракет Нагрооп и ракет класса воздух—воздух AIM-9L, однако любая поставка оружия Тайбэю могла привести к прекращению начавшегося процесса. В результате Вашингтон обратился к Израилю с просьбой поставить в Тайвань вооружения, схожие по характеристикам с американскими ракетами. В начале 1970-х гг. Тель-Авив осуществил поставку в Тайвань ракет Gabriel-2 и Shafrir [Shichor 1998: 72]. По мнению автора, Израиль, осуществив поставку ракетного вооружения в Тайвань из-за невозможности США соблюсти свои обязательства перед Китайской Республикой вследствие сближения с КНР, упустил возможность нормализации израильско-китайских отношений.

Следует также отметить, что в это же время министр иностранных дел Израиля И. Аллон обратился к госсекретарю США Г. Киссинджеру с просьбой оказать содействие в нормализации израильско-китайских

отношений. Г. Киссинджер отметил, что нормализация взаимодействия между Израилем и КНР возможна только после установления дипломатических отношений между Вашингтоном и Пекином [Shai 2016: 104].

При рассмотрении израильско-китайского сотрудничества после установления между Пекином и Тель-Авивом дипломатических отношений в 1992 г. можно констатировать, что Вашингтон в целом оказывал негативное влияние на развитие израильско-китайских отношений, в особенности в военно-технической сфере. Кроме того, анализ взаимоотношений Китая и Израиля с учетом влияния США позволяет исследовать, как менялась позиция Вашингтона по этому вопросу. Примечательно, что в 1992 г. в американских СМИ появились сообщения, что Израиль якобы поставлял в КНР технологии, связанные с американским противозенитным комплексом Patriot [Abadi 2004: 130].

Пекин и Тель-Авив отрицали факт поставки данных технологий, однако президент США Дж. Буш-старший направил в Израиль группу из 17 экспертов для проведения расследования. В итоге группа не нашла никаких доказательств подобных поставок [Kumaraswamy 2005: 94].

В 1993 г. Счетная палата США опубликовала доклад, в котором Израиль обвинялся в продаже третьей стране технологий противоракетного комплекса Arrow, который был совместной американско-израильской разработкой [Abadi 2004: 133]. Премьер-министр Израиля И. Рабин заявил, что его страна не нарушала своих обязательств перед Вашингтоном [Abadi 2004: 133].

Тем не менее директор ЦРУ Р. Гейтс отмечал различие взглядов между США и Израилем в вопросах поставки американских военных технологий Китаю [Kumaraswamy 2005: 94]. Аналогичную точку зрения имел и преемник Р. Гейтса, Р. Вулси, который заявлял, что установление дипломатических отношений между Израилем и КНР, история их неофициального военно-технического сотрудничества, а также усилия Пекина по модернизации вооруженных сил указывают на укрепление израильско-китайского военно-технического сотрудничества [Abadi 2004: 133].

На фоне критики израильско-китайского сотрудничества, раздававшейся из Вашингтона, Тель-Авив принял участие в тендере, инициированном правительством КНР, на поставку радаров для самолетов дальней радиолокационной разведки, в котором кроме Израиля приняли участие Россия и Великобритания. Пекин отдал предпочтение радару израильского производства Phalcon. При этом Израиль информировал американское руководство и Министерство обороны США о своих планах и действиях [Katz, Vohbot 2017: 241]. В ходе переговоров с израильской стороной Пекин потребовал использовать в качестве самолета носитель Ил-76. В результате двусторонний контракт между Израилем и КНР расширился, и к его реализации подключилась Российская Федерация в качестве поставщика самолета-носителя для радара Phalcon [Kumaraswamy 2005: 96]. В 1995 г. Счетная палата США опубликовала доклад, в котором она квалифицировала Израиль и Россию как страны, оказывающие содействие КНР в модернизации ее вооруженных сил³.

Израиль также подвергся критике в двух докладах Счетной палаты США, опубликованных в 1998 г. для Конгресса⁴ и Сената США⁵. В документах отмечалось, что поставки израильских вооружений, в частности радара Phalcon, и передача Пекину технологий и наработок, связанных с израильским истребителем IAI Lavi, усиливают военный потен-

³ National Security: Impact of China's Military Modernization in the Pacific Region, Report to Congressional Committees // United States General Accounting Office. GAO/NSIAD-95-84. June 1995. P. 19. URL: <https://www.gao.gov/assets/nsiad-95-84.pdf> (accessed: 03.04.2020).

⁴ China: U.S. and European Union Arms Sales since the 1989 Embargoes, Testimony Before the Joint Committee // United States General Accounting Office. GAO/T-NSIAD-98-171. April 28, 1998. P. 9. URL: <https://www.gao.gov/assets/t-nsiad-98-171.pdf> (accessed: 03.04.2020).

⁵ U.S. National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China // Select Committee, United States House of Representatives. Report 105-851. Vol. 1. January 3, 1999. P. 26. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRPT-105hrpt851/pdf/GPO-CRPT-105hrpt851.pdf> (accessed: 03.04.2020).

циал КНР. Автор полагает, что особого внимания заслуживает доклад Специального комитета Палаты представителей США от 1999 г., в котором вновь упоминается радар Phalcon и передача технологий IAI Lavi⁶.

В 1999 г. произошла смена модели поведения Вашингтона. США перешли от критики к прямому давлению на Тель-Авив с целью отмены контракта на поставку радара Phalcon. Так, председатель подкомитета по ассигнованиям Палаты представителей США С. Каллахан заявил о принятии решения о сокращении военной помощи, выделяемой Израилю, на 250 млн долл. США, что равно сумме контракта на поставку радара Phalcon. Примечательно, что в то время это был самый крупный контракт на поставку оружия в истории ВПК Израиля [Katz, Vohbot 2017: 243]. Как представляется, Пекин намеревался в дальнейшем осуществить закупку еще восьми самолетов Ил-76 с установленными израильскими радарными Phalcon, при этом сумма нового контракта составила бы 1 млрд долл. США [Kumaraswamy 2005: 96].

На фоне критики и давления США Израиль продолжал подтверждать Пекину свою готовность реализовать контракт [Shai 2011: 27]. Однако в 2000 г., спустя несколько дней после визита председателя КНР Ц. Цзэминя в Израиль, в страну прибыла американская делегация во главе с министром обороны США У. Коэном, который требовал от премьер-министра Израиля Э. Барака аннулировать соглашения с КНР [Kumaraswamy 2005: 97]. В конечном итоге из-за давления США Тель-Авив был вынужден отменить контракт и выплатить китайской стороне компенсацию за срыв контракта в размере 350 млн долл. США (по другим данным — 319 млн долл. США) [Shichor 2014: 132; Ayyadi, Kamal 2016: 266].

В 2004 г. Пекин обратился к Израилю с просьбой провести работы по техническому

⁶ China: Military Imports From the United States and the European Union Since the 1989 Embargoes, Report to the Chairman, Joint Economic Committee, U.S. Senate // United States General Accounting Office. GAO/NSIAD-98-176. June 1998. P. 10. URL: <https://www.gao.gov/assets/nsiad-98-176.pdf> (accessed: 03.04.2020).

обслуживанию и модернизации купленных в 1994 г. израильских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Harpy. Как отмечает эксперт по израильско-китайским отношениям профессор А. Шай, Израиль намеревался провести работы только по техническому обслуживанию⁷. В то же время, по мнению американских исследователей, Вашингтон, полагая, что Израиль намерен также модернизировать БПЛА Harpy, стал вновь выдвигать требования об отмене соглашения и, более того, требовать не возвращать Китаю переданные БПЛА, несмотря на то, что они являлись собственностью КНР [Efron, Shatz, Chan, Haskel, Morris, Scobell 2019: 44; Shai 2016: 168]. США приняли решение оказать давление на Израиль и временно приостановили участие Тель-Авива в программе разработки истребителя F-35 [Rajiv 2017: 419]. Из-за американской позиции Израиль вновь был вынужден пойти на срыв контракта. Более того, после вышеупомянутых инцидентов по требованию американской стороны в Министерстве обороны Израиля был создан специальный отдел по контролю за экспортом вооружений⁸, а генеральный директор Министерства обороны Израиля А. Ярон был отправлен в отставку [Ayudi, Kamal 2016: 266].

Данные примеры демонстрируют негативное влияние США на развитие израильско-китайских отношений в военной сфере. Подобная позиция Вашингтона обусловлена обеспокоенностью относительно усиления военного потенциала Китая за счет поставок новых военных технологий из Израиля. Как следствие, давление США на Тель-Авив и срыв двух контрактов фактически привели к полному прекращению военно-технического сотрудничества между Израилем и Китаем.

После 2005 г. израильско-китайские отношения продолжили стабильно развиваться

исключительно в экономической сфере. В частности, Китай стал самым крупным торговым партнером Израиля в Азии, а товарооборот вырос с 50 млн долл. США в 1992 г. до 10 млрд долл. США — в 2013 г. и до 11,8 млрд долл. США — в 2020 г.⁹ Более того, в 2015 г. Израиль вступил в состав Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а министр транспорта Израиля И. Кац дал положительную оценку китайской инициативе «Один пояс, один путь», что указывает на интерес Тель-Авива к данному проекту [Xian 2016: 12—13].

Автор полагает, что до 2017 г. фактор США не оказывал влияния на израильско-китайские отношения, поскольку Тель-Авив более не сотрудничал с Китаем в тех сферах, которые угрожали интересам США. Как отмечает в своей статье профессор Й. Еврон, процесс экспорта технологий двойного назначения в КНР был значительно усложнен, поскольку израильским компаниям необходимо было получить экспортную лицензию. Более того, якобы в некоторых случаях (источник не уточняет, в каких именно) израильские компании вынуждены получать разрешение на экспорт из Вашингтона [Evron 2013: 519].

Тель-Авив и Пекин за последние годы заключили большое количество различных договоров и соглашений в торгово-экономической сфере, при этом китайская сторона в значительной степени заинтересована в сотрудничестве в сфере высоких технологий и реализации инфраструктурных проектов на территории Израиля. Более того, китайские компании стали все чаще инвестировать в Израиль и покупать доли израильских компаний [Segev, Lavi 2019: 77]. В частности, в 2010 г. в условиях секретности компания Huawei приобрела две израильские высокотехнологические компании Toga Networks и Hexatier, а в 2015 г. китайская компания

⁷ Shai A. The Evolution of Israeli-Chinese Friendship // S. Daniel Abraham Institute for International and Regional Studies: Confucius Institute. Research Paper. 2014. No. 7. P. 26.

⁸ Israel and China Relations: Opportunities and Challenges / Ed. by A. Orion, G. Lavi. Memorandum No. 194. INSS, 2019. P. 121.

⁹ Foreign trade 2020 — Goods // Central Bureau of Statistics of Israel. URL: https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/DocLib/2021/024/16_21_024maz_usd.pdf (accessed: 07.04.2020). См. также: [Murat Agdemir 2017: 267].

Bright Food купила крупную израильскую продовольственную компанию Tnuva¹⁰.

В целом, как отмечает российский ученый Д. Марьясис, в 2012—2016 гг. общий объем накопленных китайских инвестиций в экономику Израиля составил 16 млрд долл. США [Марьясис 2018: 44]. По данным израильского эксперта Д. Эллы, совокупные китайские инвестиции в 2002—2020 гг. составили 19 млрд долл. США, при этом значительная часть (9 млрд долл. США) приходится на сферу высоких технологий¹¹.

Автор полагает, что, принимая во внимание ухудшение американо-китайских отношений, углубление китайско-израильских экономических отношений вызывает обеспокоенность в США. В частности, интерес Вашингтона приковывали контракты между правительством Израиля и двумя китайскими компаниями: Shanghai International Port Group и China Harbour Engineering Co. Согласно данным контрактам, компании будут участвовать в строительстве новых терминалов портов Хайфы и Ашдода. Опасения у американской стороны вызывает тот факт, что рядом с портом Хайфы расположена база ВМС Израиля, которая также используется Шестым флотом США в качестве порта для захода своих кораблей. В свою очередь, порт Ашдода также расположен близко к крупной базе ВМС Израиля и другим стратегически важным объектам инфраструктуры [Efron, Shatz, Chan, Haskel, Morris, Scobell 2019: 107—108].

Недовольство в Вашингтоне вызывают и условия соглашения с Shanghai International Port Group, в рамках которых китайская компания получит право сроком на 25 лет управлять контейнерным терминалом на территории порта Хайфы¹². Также США

обеспокоены тем, что строительство портов и железной дороги, соединяющей порт Эйлата с портами Ашдода и Хайфы, выполняется китайскими компаниями с целью реализации китайского проекта Red-Med [Chaziza 2017: 6]. Участие китайских компаний в данных проектах подвергли критике бывший начальник военно-морских операций ВМС США, контр-адмирал Г. Рафхед и бывший посол США в Израиле Д. Шапиро, при этом последний «назвал решение Тель-Авива ошибкой и призвал исправить ее как можно скорее» [Wang 2020: 10].

Не менее важным, с точки зрения США, является использование в Израиле продукции китайских телекоммуникационных компаний ZTE и Huawei, которые якобы могут заниматься сбором информации. Бывший советник национальной безопасности президента США Дж. Болтон в 2018 г. во время своего визита в Израиль и встречи с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху призывал израильскую сторону пересмотреть условия израильско-китайского экономического взаимодействия, включая участие китайских технологических компаний¹³.

При этом необходимо отметить, что внутри самого Израиля также звучит критика израильского руководства и его политики по отношению к китайским компаниям. В частности, угрозу национальной безопасности со стороны китайских компаний отмечали глава Службы общей безопасности Израиля Н. Аргаман¹⁴ и бывший директор Моссад Э. Халеви¹⁵. Израильские эксперты и сам

¹³ Israel is said to bar China and Turkey from bidding for \$40 million airport tender // The Times of Israel. January 25, 2019. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-said-to-bar-china-turkey-from-bidding-for-airport-tender/> (accessed: 01.04.2020).

¹⁴ Rosh haShabak mazhir: hitharvitan shel havarot siniot baAretz mesukanut levitahon hamedina // Maariv [Глава ШАБАК предупреждает: чрезмерное участие китайских компаний в Израиле угрожает безопасности страны // Maariv]. 09.01.2019. URL: <https://www.maariv.co.il/news/israel/Article-679518> (дата обращения: 28.07.2020). (На иврите).

¹⁵ Ahren R. PM lauds 'growing friendship' between Israel, China as he hosts vice president // The Times of Israel. October 23, 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/pm-lauds-growing-friendship-between-israel-china-as-he-hosts-vice-president/> (accessed: 28.07.2020).

¹⁰ Israel and China Relations: Opportunities and Challenges / Ed. by A. Orion, G. Lavi. Memorandum No. 194. INSS, 2019. P. 63—65.

¹¹ Ella D. Chinese Investments in Israel: Developments and a Look to the Future // INSS Special Publication. February 1, 2021. URL: <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2021/02/special-publication-010221-1.pdf> (accessed: 07.04.2020).

¹² Israel and China Relations: Opportunities and Challenges / Ed. by A. Orion, G. Lavi. Memorandum No. 194. INSS, 2019. P. 64.

премьер-министр Б. Нетаньяху выступают за учреждение специального органа по надзору за иностранными инвестициями для решения так называемой «китайской угрозы»¹⁶.

В свою очередь, заместитель министра иностранных дел КНР Ч. Цзюнь в ходе визита в Израиль в 2019 г. подверг критике попытки США заставить Израиль отказаться от китайских инвестиций [Narutyunyan 2020: 427]. В то же время жесткие ограничения на экспорт израильских технологий в КНР могут оказать негативное влияние в целом на сферу высоких технологий Израиля [Evron 2017: 839].

Возобновление критики израильско-китайских отношений со стороны США в настоящее время стало оказывать прямое воздействие на контакты между Тель-Авивом и Пекином. В 2019 г. Израиль запретил китайским компаниям участвовать в тендере на сумму 40 млн долл. США на строительство нового международного аэропорта¹⁷. В 2020 г. тендер на строительство крупного завода по опреснению морской воды Sorek 2 (на сумму 1,5 млрд долл. США) был передан израильской компании IDE Technologies вместо китайской СК Hutchison Holdings Ltd. Как отмечал министр энергетики Израиля Ю. Штайниц, предложение израильской компании было самым прибыльным, однако окончательное решение принималось на фоне давления администрации президента США Д. Трампа и незадолго до визита в Израиль госсекретаря США М. Помпео¹⁸.

¹⁶ Lavi G., Ella D. Israel — China Ties: A Developing Friendship that is Cause for Concern? // *INSS Insight*. 2018. No. 1104. P. 4. URL: <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2018/11/No.-1104.pdf> (accessed: 12.08.2020).

¹⁷ Israel said to bar China, Turkey from bidding for \$40 million airport tender // *The Times of Israel*. January 25, 2019. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-said-to-bar-china-turkey-from-bidding-for-airport-tender/> (accessed: 04.08.2020).

¹⁸ Schwartz F. Amid U.S. Pressure, Israel Rejects Chinese Bid for Major Infrastructure Project // *The Wall Street Journal*. May 26, 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/amid-u-s-pressure-israel-rejects-chinese-bid-for-major-infrastructure-project-11590502529> (accessed: 04.08.2020).

Фактор США

в израильско-индийских отношениях

Развитие израильско-индийских отношений также было подвержено влиянию США. В частности, руководство Индии полагало, что нормализация отношений с Тель-Авивом способствует улучшению американо-индийских отношений [Кашин 2017: 34].

Точкой отсчета, когда фактор США стал отражаться на израильско-индийских отношениях, можно считать конец 1980-х гг., поскольку в 1987 г. американская неправительственная еврейская организация «Антидиффамационная лига» (ADL) опубликовала доклад под названием «Кампания Индии против Израиля», в котором политика Нью-Дели по отношению к Израилю подверглась критике¹⁹.

Данный доклад стал демонстрацией настроения израильского лобби в США по отношению к Индии. Учитывая намерение индийского руководства улучшить американо-индийские отношения, негативная позиция организаций, продвигающих интересы Израиля в США, теоретически могла помешать планам премьер-министра Индии Р. Ганди.

В результате в 1988 г. Р. Ганди провел встречу с американским конгрессменом, председателем подкомитета отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона комитета Палаты представителей США по иностранным делам, а также известным про-израильским политиком С. Солларзом. При этом в данной встрече также приняли участие представители крупных про-израильских организаций: глава Конференции ведущих американских еврейских организаций М. Абрахам, президент ADL Э. Фоксман, президент Американского еврейского конгресса Р. Лифтон и исполнительный директор Американо-еврейского комитета (American Jewish Committee, AJC) И. Сильверман [Blarel 2017: 393]. По итогам этой встречи индийское

¹⁹ ADL Report Traces India's Ostracism of Israel over Several Decades // *Jewish Telegraphic Agency*. May 8, 1987. URL: <https://www.jta.org/1987/05/08/archive/adl-report-traces-indias-ostracism-of-israel-over-several-decades> (accessed: 08.05.2020).

руководство дало агреман на назначение вице-консула Израиля в Индии на должность консула²⁰.

В 1989 г. американская делегация (в ее состав вошли С. Солларз и представители ADL) посетила с визитом Нью-Дели и провела переговоры с министром иностранных дел Индии Н. Рао [Blarel 2017: 393]. В результате этих переговоров индийское правительство расширило юрисдикцию израильского консульства в Бомбее, включив в его состав штат Керала, в котором проживала крупная еврейская община [Kumaraswamy 2010: 243].

Однако, по мнению автора, самым ярким примером, доказывающим, что фактор США оказывал позитивное воздействие на израильско-индийские отношения является тот факт, что решение об установлении дипломатических отношений между Нью-Дели и Тель-Авивом было принято в Индии за несколько часов до того, как индийский премьер-министр Н. Рао направился с официальным визитом в США [Kumaraswamy 2010: 254].

В отличие от рассмотренной выше негативной роли США в израильско-китайском военно-техническом сотрудничестве израильско-индийское взаимодействие в этой сфере, наоборот, пользовалось поддержкой со стороны Вашингтона. Так, в 1998 г., после того как США ввели санкции против Нью-Дели из-за ядерных испытаний, Вашингтон не критиковал Израиль и не требовал отмены контрактов на поставку вооружений и передачи военных технологий в Индию [Blarel 2017: 395]. Необходимо подчеркнуть, что после ядерных испытаний и Каргильской войны 1999 г. расширилась номенклатура вооружений, поставляемых Израилем в Индию [Морозов, Микаелян 2018: 128]. Более того, в 2000 г. США выдали разрешение Израилю на продажу радара Green Pine, который работает в связке с американско-израильским противоракетным комплексом Arrow [Joshi, O'Donnell 2019: 35].

²⁰ Прежний консул Израиля Йосеф Хассон в 1982 г. был объявлен персоной нон-грата в Индии, после чего вплоть до 1988 г. интересы Израиля в Индии представлял дипломат в ранге вице-консула. См.: [Kumaraswamy 2010: 243].

Наиболее ярким примером заинтересованности США в улучшении израильско-индийских отношений служит ситуация, сложившаяся вокруг контракта на поставку Индии радара Phalcon. Примечательно, что контракт был почти полностью идентичен подписанному ранее между Израилем и Китаем, однако в этот раз Вашингтон не требовал отмены соглашения [Cowshish 2017: 402].

В этой связи надо особо подчеркнуть коллективные действия израильского лобби в США (Американо-израильского комитета по общественным связям (American Israel Public Affairs Committee, AIPAC) и АЈС) и индийского лобби UIPAC (US — India Political Action Committee) [Blarel 2017: 395]. Так, в частности, в 2003 г. советник по национальной безопасности премьер-министра Индии Б. Мишра, принимая участие в организованном АЈС мероприятии, отметил общность между Индией, Израилем и США, заявляя, что хорошие отношения между всеми тремя странами являются естественными [Kumaraswamy 2010: 274].

Отметим, что израильское и индийское лобби в США не ограничилось сотрудничеством исключительно в вопросе радаров Phalcon. В 2003 г. совместные действия двух лобби способствовали принятию поправок в закон об оказании американской помощи Пакистану, а в 2008 г. израильское лобби активно выступало в поддержку подписания американско-индийского ядерного соглашения [Inbar 2017: 378].

Касательно позитивного влияния фактора США на военно-техническое сотрудничество Израиля и Индии следует обратить внимание на один интересный и неслучайный момент, который подчеркивает бывший начальник штаба ВВС Индии, главный маршал ВВС Н.А. Кумар Браун: «Интерес вызывает тот факт, что с увеличением количества платформ американского производства (самолетов и вертолетов) в составе ВВС Индии увеличивается схожесть между ВВС Израиля и Индии, что в недалеком будущем может быть еще больше подкреплено совместными военными учениями» [Browne 2017: 332].

Заключение

Проведенный анализ влияния США на израильско-китайские и израильско-индийские отношения позволяет сделать следующие выводы.

Воздействие США на израильско-китайские отношения можно в целом назвать негативным. Несомненно, имело место и положительное влияние, поскольку процесс начала тайного военно-технического сотрудничества Тель-Авива и Пекина происходил на фоне сближения Пекина и Вашингтона. Тем не менее дальнейшие действия США поставили точку в израильско-китайском военно-техническом сотрудничестве в 2005 г., а в настоящее время США ставят под вопрос стабильность израильско-китайских отношений.

Американское влияние на израильско-китайские отношения можно разделить на пять этапов развития.

Первый этап (1971—1989 гг.) происходит на фоне сближения США и КНР, чем и объясняется косвенное содействие американской стороны развитию израильско-китайских отношений.

Второй этап (1990—1998 гг.) характеризуется интенсификацией израильско-китайского военного сотрудничества, что вызвало недовольство в Вашингтоне, где начали высказывать критику в адрес Тель-Авива. В частности, США обвиняли Израиль в передаче КНР американских военных технологий. Однако проверки не подтвердили этого. Более того, критика стороны различных органов США не имела какого-либо реального влияния на израильско-китайские отношения.

На третьем этапе (1999—2005 гг.) Вашингтон начал оказывать давление на Израиль и требовать от израильских властей отказаться от поставок радаров Phalcon и БПЛА Harpy, которые, по мнению американских властей, могли значительно усилить китайский военный потенциал. Для реализации своих намерений американская сторона приняла решение заморозить часть военной помощи Израилю, соразмерную сумме контракта на поставку радаров Phalcon, а также временно отстранить Тель-Авив от участия в

программе разработки истребителя пятого поколения F-35.

Четвертый этап (2006—2016 гг.) связан с установлением США «правил игры» и полным прекращением военно-технического сотрудничества между КНР и Израилем. Тель-Авив фокусировал свое внимание на развитии торгово-экономических отношений с Пекином, в особенности в сфере высоких технологий.

На современном этапе (2017 г. — н. вр.) наблюдается расширение израильско-китайского торгово-экономического сотрудничества. В частности, китайские компании участвуют в строительстве крупных инфраструктурных проектов на территории Израиля. Более того, Тель-Авив высказывает заинтересованность китайской инициативой «Один пояс, один путь». Все это происходит на фоне ухудшения американо-китайских отношений и позиционирования Пекина как геополитического оппонента США.

Вашингтон, высказывая критику в адрес Тель-Авива, предпринимает попытку ограничить сотрудничество КНР с Израилем. Однако правительство Израиля стремится действовать таким образом, чтобы отвечать требованиям США (запрет участия китайских компаний в ряде тендеров; создание специального органа по надзору за иностранными инвестициями), сохраняя стратегически важным вопрос развития сотрудничества с Пекином в экономической сфере.

Влияние США на израильско-индийские отношения можно однозначно характеризовать как позитивное. В период с 1985 г. до настоящего времени Вашингтон прямо или косвенно оказывал содействие укреплению израильско-индийских отношений, которые в настоящее время вышли на уровень стратегического партнерства. Американская политика, вероятно, может способствовать выстраиванию треугольника сотрудничества Израиль — Индия — США. Подобный сценарий развития потенциально может нанести вред российско-индийскому стратегическому партнерству, в частности путем значительного снижения доли российских вооружений на рынке Индии и их замены на американские

образцы вооружений, которые проще интегрируются с израильскими системами.

Действия и влияние США на политику Израиля можно объяснить попыткой Вашингтона защищать и продвигать свои национальные интересы, ограничивая или поощряя сотрудничество Тель-Авива с Пекином и Нью-Дели. Это наиболее очевидно при рассмотрении влияния США на израильско-китайские и израильско-индийские отношения с учетом Стратегии национальной безопасности США 2017 г., в которой делается особый акцент на развитии отношений с Индией как «основным партнером США в сфере безопасности в Азии». В свою очередь, Китай подвергается критике как страна, стремящаяся перестроить мировой порядок.

Более того, в документе отмечается, что «США конкурируют в условиях, когда Пекин инвестирует в крупные инфраструктурные проекты по всему миру»²¹.

Автор считает, что критика, выражаемая Вашингтоном из-за участия китайских компаний в реализации крупных инфраструктурных проектов на территории Израиля, является прямым продолжением политики США в рамках упомянутой Стратегии национальной безопасности.

²¹ United States of America. The National Security Strategy of the United States of America. Washington: President of the U.S, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 07.04.2020).

Поступила в редакцию / Received: 17.08.2020

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

- Кашин В.П. Индия — Израиль: трудная дорога к стратегическому партнерству // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 31—37. [Kashin, V.P. (2017). India — Israel: Difficult way to strategic partnership. *Asia and Africa Today*, (12), 31—37. (In Russian).]
- Марьясис Д.А. Китай и Израиль: 25 лет экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. С. 40—46. DOI: 10.31857/S032150750000097-8 [Maryasis, D.A. (2018). China and Israel: 25 years of economic cooperation success. *Asia and Africa Today*, (7), 40—46. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750000097-8>]
- Морозов В.М., Микаелян А.А. Индийский вектор израильской внешней политики // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2. С. 125—134. [Morozov, V.M., & Mikaelian, A.A. (2018). Indian vector of Israel foreign policy. *The Bryansk State University Herald*, (2), 125—134. (In Russian).]
- Abadi, J. (2004). *Israel's quest for recognition and acceptance in Asia: Garrison state diplomacy*. London: Frank Cass.
- Ayyadi, I., & Kamal, M. (2016). China — Israel arms trade and co-operation: History and policy implications. *Asian Affairs*, 46(2), 260—273. <https://doi.org/10.1080/03068374.2016.1170491>
- Blarel, N. (2017). Assessing US influence over India — Israel relations: A difficult equation to balance? *Strategic Analysis*, 41(4), 384—400. <https://doi.org/10.1080/09700161.2017.1330437>
- Browne, N.A.K. (2017). A perspective on India — Israel defense and security ties. *Strategic Analysis*, 41(4), 325—335. <https://doi.org/10.1080/09700161.2017.1330934>
- Chaziza, M. (2017). Israel — China relations enter a new stage: Limited strategic hedging. *Contemporary Review of the Middle East*, 5(1), 1—16. <https://doi.org/10.1177/2347798917744293>
- Cowshish, A. (2017). India — Israel defence trade: Issues and challenges. *Strategic Analysis*, 41(4), 401—412. <https://doi.org/10.1080/09700161.2017.1330445>
- Curtis, M., & Gitelson, S.A. (Eds.). (1976). *Israel in the Third World*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books.
- Efron, S., Shatz, H.J., Chan, A., Haskel, E., Morris, L.J., & Scobell, A. (2019). *The evolving Israel — China relationship*. Santa Monica: RAND Corporation. Retrieved from https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2641.html
- Evron, Y. (2013). Between Beijing and Washington: Israel's technology transfers to China. *Journal of East Asian Studies*, 13(3), 503—528. <https://doi.org/10.1017/S1598240800008328>
- Evron, Y. (2017). The economic dimension of China — Israel relations: Political implications, roles and limitations. *Israel Affairs*, 23(5), 828—847. <https://doi.org/10.1080/13537121.2017.1343870>

- Harutyunyan, A. (2020). China and Israel: Evolving relationship within the Belt and Road Initiative. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 14(3), 410—429. <https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1808378>
- Inbar, E. (2017). Israel and India: Looking back and ahead. *Strategic Analysis*, 41(4), 369—383. <https://doi.org/10.1080/09700161.2017.1330450>
- Joshi, Y., & O'Donnell, F. (2019). *India and nuclear Asia: Forces, doctrine, and dangers*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Katz, Y., & Bohbot, A. (2017). *The weapon wizards: How Israel became a high-tech military superpower*. New York: St. Martin's Press.
- Kumaraswamy, P.R. (2005). Israel — China relations and the Phalcon controversy. *Middle East Policy*, 12(2), 93—103. <https://doi.org/10.1111/j.1061-1924.2005.00204.x>
- Kumaraswamy, P.R. (2010). *India's Israel policy*. New York: Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/kuma15204>
- Murat Agdemir, A. (2017). Israel 'Looks East': Besides India and China, Israel's relations with Japan seem to flourish. *Japanese Journal of Political Science*, 18(2), 262—285. <https://doi.org/10.1017/S1468109917000020>
- Rajiv, S.S.C. (2017). Israel — China ties at 25: The limited partnership. *Strategic Analysis*, 41(4), 413—431. <https://doi.org/10.1080/09700161.2017.1330942>
- Segev, H., & Lavi, G. (2019). Control of the global technology market: The battle of the superpowers. *Strategic Assessment*, 21(4), 79—90. Retrieved from <https://strategicassessment.inss.org.il/wp-content/uploads/antq/fe-665020630.pdf>
- Shai, A. (2011). Sino-Israeli relations: Current reality and future prospects. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*, 5(2), 17—42. <https://doi.org/10.1080/19370679.2011.12023178>
- Shai, A. (2016). *Sin veIsrael. Bein sinim veehudim. Bein Beijing Lirushalaim [China and Israel. Between Chinese and Jews, between Beijing and Jerusalem]*. Tel-Aviv: Yediot Ahronot Book Publisher. (In Hebrew).
- Shichor, Y. (1998). Israel's military transfers to China and Taiwan. *Survival*, 40(1), 68—91. <https://doi.org/10.1093/survival/40.1.68>
- Shichor, Y. (2014) Israel and China: Mutual demystification in Chinese-Israeli relations. In C. Shindler (Eds.), *Israel and the world powers: Diplomatic alliances and international relations beyond the Middle East* (pp. 106—124). London: I.B. Tauris & CO Ltd. <https://doi.org/10.5040/9780755611522.ch-005>
- Wang, Y. (2020). Israel — China relations in the Trump era. *Journal of Modern Jewish Studies*, 1—24. <https://doi.org/10.1080/14725886.2020.1803593>
- Xian, X. (2016). The “Belt and Road Initiative” and China-Israeli relations. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*, 10(3), 1—23. <https://doi.org/10.1080/19370679.2016.12023285>

Сведения об авторах: *Микаелян Арман Артакович* — аспирант кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений МИД России; ORCID: 0000-0002-9922-245X; e-mail: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Морозов Владимир Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, проректор по кадровой политике Московского государственного института международных отношений МИД России; ORCID: 0000-0003-2429-9150; e-mail: morozov@inno.mgimo.ru

About the authors: *Mikaelian Arman Artakovich* — PhD Student, Department of Diplomacy, MGIMO University; ORCID: 0000-0002-9922-245X; e-mail: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Morozov Vladimir Mikhailovich — PhD in History, Associate Professor, Department of Diplomacy, Vice-Rector for HR Policy, MGIMO University; ORCID: 0000-0003-2429-9150; e-mail: morozov@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-350-371

Научная статья / Research article

Сравнительный анализ деятельности американских НКО в КНР и китайских НКО в США

М.В. Харкевич¹, И.И. Писарев², В.С. Чересов², М.О. Новоградская²

¹ МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

² Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация
pinoy@mail.ru

Аннотация. Анализируется деятельность американских некоммерческих организаций (НКО) в Китае и китайских НКО в США в контексте глобальной конкуренции между США и Китаем за будущую модель мироустройства. В классической науке о международных отношениях, особенно в ее теоретической парадигме реализма, в анализе преобладает рассмотрение государств как акторов международных отношений, однако в последние десятилетия стал очевидным значительный интерес исследователей и к негосударственным акторам, таким как группы интересов и НКО, которые также оказывают свое влияние на развитие международных отношений. НКО в Китае и США имеют разную историю, условия функционирования, а также оказывают различное влияние на властные институты, однако, несмотря на это, являются сопоставимыми категориями для проведения сравнительного анализа между ними. Объектами анализа выступают китайские НКО, осуществляющие свою деятельность на территории США, и американские НКО, функционирующие на территории Китая. Теоретической основой исследования являются теоретические подходы, сложившиеся в политике групп интересов. Методологической основой послужили сравнительный количественный анализ и анализ социальных сетей (далее — сетевой анализ). Данное исследование является междисциплинарным и использует аналитические возможности сравнительной политологии, политики групп интересов и науки о международных отношениях. Результаты исследования показывают, что, во-первых, несмотря на строгое регулирование деятельности НКО в КНР, у американских НКО больше возможностей для работы в этой стране, чем у китайских НКО — в США, где условия их деятельности, на первый взгляд, представляются более благоприятными. Во-вторых, несмотря на преимущества, которые дает создание партнерских связей и сетей, ни американские, ни китайские НКО их в своей деятельности, по сути, не формируют, из-за чего теряют много возможностей и перспектив развития. В-третьих, хотя условия их деятельности в обеих рассматриваемых странах и разнятся, американские и китайские НКО имеют равные шансы достижения своих целей. В-четвертых, американские НКО в Китае менее зависимы от своего правительства, чем китайские НКО в США — от китайского правительства.

Ключевые слова: группы интересов, политика групп интересов, американские НКО в Китае, китайские НКО в США, лоббирование, лоббизм, сравнительный количественный анализ, анализ социальных сетей, сетевой анализ

Для цитирования: Харкевич М.В., Писарев И.И., Чересов В.С., Новоградская М.О. Сравнительный анализ деятельности американских НКО в КНР и китайских НКО в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 350—371. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-350-371

© Харкевич М.В., Писарев И.И., Чересов В.С., Новоградская М.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Comparative Analysis of American NGOs in China and Chinese NGOs in the U.S.

Maxim V. Kharkevich¹ , Ivan I. Pisarev² ,
Vsevolod S. Cheresov², Marina O. Novogradskaya²

¹ MGIMO University, Moscow, Russian Federation

² Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

 pinoy@mail.ru

Abstract. This article analyzes the activities of American non-governmental organizations (NGOs) in China and Chinese NGOs in the United States in the context of global competition between the United States and China for the leadership in the future model of the world order. In International Relations theory, especially in its theoretical paradigm of realism, the consideration of states as actors in international relations dominates scholarship. However, in recent decades it has become apparent that researchers have a significant interest in non-state actors, such as interest groups and NGOs, and their impact on international relations. NGOs in China and the United States have different historical backgrounds, environments, and government institutions in different ways. Still, but in terms of comparative analysis they represent comparable categories. The analysis offered in this study shows that, firstly, despite the strict regulation of the activities of NGOs in place in China, American NGOs have more opportunities to work in this environment than Chinese NGOs do in the United States, where the situation for their activities is apparently more favorable. Secondly, despite the advantages that partnerships provide, neither American nor Chinese NGOs form partnership networks and therefore, lose momentum for their own development. Thirdly, although the conditions for their activities differ in both countries, American and Chinese NGOs have equal opportunities to pursue their goals. Finally, American NGOs in China are less dependent on their government than Chinese NGOs in the United States are on the Chinese government. The study is comparative and takes as its units of analysis Chinese NGOs in the United States and American NGOs in China. Developments in the field of interest group politics serve as the theoretical framework for this research. The investigation uses methods of comparative quantitative analysis and social network analysis, while the interdisciplinary nature of the methods allow them to take advantage of the analytical capabilities of Comparative Political Science, Interest Group Politics, and International Relations.

Key words: interest groups, interest group politics, American NGOs in China, Chinese NGOs in the United States, lobbying, comparative quantitative analysis, social networks analysis

For citation: Kharkevich, M.V., Pisarev, I.I., Cheresov, V.S., & Novogradskaya, M.O. (2021). Comparative Analysis of American NGOs in China and Chinese NGOs in the U.S. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 350—371. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-350-371>

Введение

Политика групп интересов является смежным направлением в международных отношениях и политологии, анализирующим деятельность групп интересов и воздействие, которое они оказывают на политическую систему общества.

В научных исследованиях по этой тематике среди прочих форм групп интересов выделяются группы общественных, частных и региональных интересов, отраслевые и профессиональные ассоциации, консалтинговые и юридические компании, аналитические центры, индивидуальные и независимые лоббисты и другие акторы. К группам

общественных интересов чаще всего относят *некоммерческие организации* (НКО), которые также известны как *неправительственные организации* (НПО). Несмотря на то, что в литературе оба термина являются взаимозаменяемыми, они обладают разными смысловыми оттенками, поскольку в одном случае раскрывается некоммерческий, в другом случае — неправительственный характер деятельности таких организаций.

Во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в. группы общественных интересов в виде НКО стали играть столь значимую роль, что наряду с государствами и межправительственными международными организациями их стали считать одними

из ключевых акторов международных отношений [McGlinchey 2017: 33].

В настоящее время политика групп интересов стала признанной научной дисциплиной во многих европейских странах и США, где эта отрасль знания складывалась в течение всего XX в. В контексте формирования, например, институтов Европейского союза политика групп интересов получила свое активное развитие начиная с конца XX в. В настоящее время эта тема переживает бум интереса исследователей во многих странах мира благодаря публикации работ, анализирующих деятельность различных видов групп интересов, которые вовлечены в *лоббирование* (продвижение частных интересов) и *адвокатирование* (продвижение общественных интересов) при взаимодействии с органами власти (чаще всего — органами *законодательной* власти).

Классическими теоретическими традициями анализа политики групп интересов считаются плюрализм А. Бенгли [Bentley 1908], Д. Трумэна [Truman 1951] и Р. Даля [Dahl 1961], корпоративизм П. Шмиттера и У. Стрика [Schmitter, Streeck 1981], а также теория коллективных действий М. Олсона [Olson 1965]. К современным теоретическим подходам в рамках этого анализа относят теорию спроса и предложения средств доступа П. Боуэна [Bouwen 2002], теорию множественности точек доступа для представительства групповых интересов Д. Лоуэри [Lowery 2007] и другие подходы.

Важность политики групп интересов некоторым исследователям представляется столь значительной, что Д. Лоуэри отмечает: «Политика групп интересов естественным образом является центральной темой политической науки» [Lowery 2007: 30].

Целью данной работы является изучение условий и возможностей деятельности групп общественных интересов, представленных НКО в Китае и США, для определения наиболее перспективных для них типов и форм деятельности как в одной, так и в другой стране. Правительства обоих государств не являются единственными акторами в двусторонних китайско-американских

отношениях. Научным сообществом уже признан тот факт, что некоммерческий сектор играет важнейшую роль в развитии международных отношений [Hall 2016: 3]. Взаимодействие между КНР и США в этом смысле не является исключением.

В данном исследовании рассматриваются следующие актуальные темы применительно к китайским НКО в США и американским НКО в КНР:

1) основные направления лоббирования и адвокатирования иностранных НКО в обеих странах;

2) наиболее распространенные и наиболее перспективные организационные формы иностранных НКО на территории обеих стран;

3) наиболее распространенные источники финансирования деятельности этих НКО;

4) существование в обеих странах сетей партнерств иностранных НКО, которые бы работали совместно как партнеры или коспонсоры проектов;

5) потенциал иностранных НКО на территории обеих стран.

Методы исследования

Данное исследование основывается на использовании методов сравнительного количественного, а также сетевого анализа.

В рамках сравнительного количественного анализа в данной работе нами были исследованы 50 американских экономических НКО, осуществляющих свою деятельность в КНР (по состоянию на 31 октября 2020 г.) на основе следующих пунктов анализа:

1) продвигаемые ими интересы;

2) институциональный тип НКО;

3) их географическая представленность внутри КНР;

4) наличие у них представительств не только на территории КНР, но и в других странах (то есть не мононациональный, а многонациональный характер деятельности);

5) источники их финансирования;

6) организации-партнеры НКО.

Затем нами были обобщены результаты и выделены наиболее распространенные типы интересов, которые представляют такие

организации, наиболее частотные институциональные типы этих организаций, а также провинции КНР, в которых наблюдается наибольшее и наименьшее количество американских НКО.

Аналогичный анализ по тем же критериям был проведен и для 50 китайских НКО, осуществляющих свою деятельность в США, для проведения сравнения и сопоставления с их американскими аналогами на территории КНР.

С точки зрения методологии авторами данного исследования из всего многообразия НКО как групп интересов были выбраны те типы НКО, которые существуют одновременно и на территории КНР, и на территории США. Таким типом стали *экономические* НКО. В целях анализа были отобраны американские НКО в КНР, информация о которых имеется в открытом доступе на сайте China Development Brief¹ и на сайте China File², где собраны данные, полученные в ходе реализации исследовательского проекта China NGO Project. Также были отобраны китайские НКО в США, информация о которых представлена на сайте некоммерческой организации United Chinese Americans³.

В рамках сетевого анализа были сформированы сетевые карты деятельности НКО на территории обеих стран. На сетевые карты нанесены 50 американских и 50 китайских НКО на основе учета их партнерских отношений. Под *партнерством* в рамках данного анализа понимаются отношения, основанные на доверии, в которых объекты исследования проводят совместные мероприятия и проекты и иногда (но не всегда) вступают в отношения оказания финансовой поддержки.

¹ NGO Directory // China Development Brief. URL: <https://chinadevelopmentbrief.cn/ngo-directory/> (accessed: 29.09.2020).

² Registered Foreign NGO Representative Offices Interactive Map and Filterable Table // China NGO Project. URL: <https://www.chinafile.com/ngo/registered-foreign-ngo-offices-map-full-screen> (accessed: 29.09.2020).

³ Endorsing Organizations // United Chinese Americans. URL: <https://ucausa.org/co-signers-of-uca/> (accessed: 29.09.2020).

Теоретическая основа понимания китайского контекста деятельности иностранных НКО

Среди плюралистических подходов к анализу некоммерческого сектора выделяют теорию *рыночной демократии*. Она исходит из того, что индивиды, которые имеют определенные предпочтения в отношении предоставляемых государством общественных услуг, демонстрируют эти предпочтения во время выборов. Основной посыл этой теории заключается в том, что общественные услуги, востребованные большинством, с высокой вероятностью могут получить правительственную поддержку. В то же время услуги, востребованные среди меньшинства, с большей вероятностью будут предоставляться негосударственным сектором [Clemens 2006: 207].

Автор данной теории Э. Клеменс подчеркивает, что программы развития гражданского общества, спонсируемые фондами и правительствами, зачастую поддерживают общественные практики, призванные содействовать демократизации общества. Кроме того, они могут поддерживать и мобилизовать политическую оппозицию [Clemens 2006: 210]. В контексте КНР это может относиться и к иностранным НКО, которые вне зависимости от продвигаемых интересов передают китайскому обществу и ценности страны своего происхождения. Исходя из этого, становится понятно, почему китайское руководство стремится к столь строгому регулированию деятельности американских НКО в Китае.

Вместе с тем, как бы ни старалось государство строить преграды для деятельности определенных типов НКО — политических или религиозных, политические практики общественного плюрализма могут реализовываться и иными способами. Например, если члены НКО через свободные выборы избирают своих лидеров, которые проводят открытые дебаты и публично выражают свое мнение, то на подсознательном уровне людям прививаются определенные демократические ценности, даже если они находятся в условиях авторитарной системы [Clemens 2006: 209]. Таким образом, политические стимулы

могут возникать и вне сферы функционирования партийной системы страны.

В то время как вышесказанное легко объясняет китайский контекст, из этой теории становится понятным, что при наличии прав НКО необязательно должны быть подконтрольны государственным структурам [Clemens 2006: 207]. Здесь также необходимо отметить, что хотя НКО в Китае формально и не являются частью политической системы, в определенных условиях они должны играть по правилам, которые диктует государство. В этой связи для более полного понимания контекста деятельности иностранных НКО в Китае использование лишь одного теоретического подхода представляется недостаточным, потому обратимся к еще одной теории.

Китай, будучи недемократической политией, склонен использовать более строгое законодательство, регулирующее деятельность как китайских, так и зарубежных НКО, что задает теоретическую рамку в духе корпоративизма П. Шмиттера и У. Стрика для понимания деятельности НКО в современном Китае. Многие исследователи отмечают корпоративистскую природу китайского государства, которое имеет низкий уровень терпимости к НКО. По словам Р. Ся и Л. Уайт, государственный корпоративизм может быть охарактеризован как *тщательный государственный надзор, который создает и контролирует вертикальные сети власти для упреждения роста горизонтально формирующихся интересов* [Hsia, White 2002: 303]. Корпоративизм позволяет правительству КНР тесно координировать и ограничивать политическое влияние НКО [Whiting 1991: 20]. Из-за таких неблагоприятных условий зарубежным и китайским НКО трудно осуществлять нормальное функционирование. Хотя в некоторых случаях местные власти и пытаются как-то смягчить законодательство, регулирующее деятельность НКО, все же общий подход к НКО в Китае остается корпоративистским [Hsu, Hasmath 2014: 524].

Китайское государство видит возможность использовать НКО для повышения уровня жизни населения страны, но в то же время оно опасается и потенциальных

политических рисков. Соответственно, корпоративистская природа отношений между государством и НКО в Китае делает такие отношения между ними намного более близкими, чем отношения между государством и различными НКО в странах Запада [Семенов 2017: 271]. Что касается привилегий, то Коммунистическая партия Китая (КПК) наделяет ими только определенные НКО, а именно НКО, сформированные самим государством.

Исследователи отмечают, что финансирование зарубежными НКО местных НКО или определенных проектов происходит не напрямую. С зарубежными фондами, например, взаимодействуют чиновники, которые при финансировании выступают своего рода посредниками. Если зарубежная НКО выделяет определенную сумму государственной структуре с пожеланием поддержать ту или иную инициативу, то эта структура, в свою очередь, и направляет деньги конечному получателю. При этом получатель может оказаться не тем, кому зарубежная НКО рассчитывала перечислить финансы, поскольку получатель выбирается по усмотрению государственной структуры, направляющей средства. Таким образом, это можно считать одним из методов государственного контроля в КНР над сектором НКО [Hsu J., Hsu C., Hasmath 2017: 1168].

Причина, по которой правительство КНР не желает наделять НКО большими полномочиями, – это страх перед потерей собственного контроля над политической ситуацией в стране. Власти в основном обеспокоены тем, что НКО могут использовать свое влияние на общество и нанести тем самым урон основополагающему государственному порядку, взяв на себя часть функций государства [Jie 2006: 33]. Китайский исследователь И. Цзин в своих работах отмечает отсутствие прозрачности и открытости как одну из причин доминирующей роли китайского правительства в некоммерческом секторе [Jing 2015: 593].

В то же время И. Цзин считает, что в Китае формируется все более плюралистическое общество и его смешанная система ценностей подрывает механизмы социального

управления, ориентированного на контроль со стороны государства. Благодаря тому, что Китай открыт глобализации, стала нарастать поддержка НКО со стороны китайского населения, а вместе с ней увеличивается и влияние некоммерческого сектора на китайское общество, что позитивно отражается на росте легитимности НКО в Китае [Jing 2015: 591—592].

Китайские государственные лидеры осознают и потенциальные плюсы, которые дает государству некоммерческий сектор.

Во-первых, присутствие НКО придает больше легитимности китайскому правительству, так как это означает, что КНР – это стабильный политический режим.

Во-вторых, НКО рассматриваются как удобный инструмент властей для трансляции их политических взглядов народу [Hsia, White 2002: 335].

В-третьих, иностранные НКО предоставляют финансовую поддержку слабо развитым отраслям здравоохранения и образования, где у правительства Китая недостаточно ресурсов, чтобы справляться самостоятельно [Whiting 1991: 21].

Как было сказано ранее, с учетом запрета политической, военной и религиозной деятельности НКО в Китае в основном работают в следующих областях:

- 1) гуманитарная поддержка;
- 2) экономическое развитие;
- 3) экология.

Иностранные НКО, действующие в этих сферах, нацеливают свою деятельность на бедные, наименее развитые провинции страны, такие как Юньнань, Сычуань и Тибет [Jie 2006: 36]. КПК особенно ценит и приветствует транснациональные проекты в этих провинциях, учитывая, что власть не может их сама профинансировать [Whiting 1991: 21]. По этой причине правительство в значительной мере опирается на иностранные НКО в развитии здравоохранения, образования и кредитования. Тем не менее неполитическая природа иностранных НКО в КНР не означает полного отсутствия политических последствий их деятельности.

Некоторые финансово состоятельные НКО, согласно исследованиям, несмотря на

законодательные запреты, все-таки могут оказывать косвенное влияние на политику государства. Например, такие НКО имеют возможность проводить кампании по повышению осведомленности населения об определенной социально-экономической проблеме, и государство будет вынуждено принимать более решительные действия в этом направлении, чтобы не провоцировать недовольство населения [Hsu J., Hsu C., Hasmath 2017: 1173].

Дж. Сю, К. Сю и Р. Хасмат пишут, что некоммерческий сектор в Китае может также выполнять аутсорсинговую роль в отношении государства. Например, государство выделяет финансы, а НКО занимается разработкой подходов к социально-экономическим проблемам, которые в последующем будут решены на выделенные государством средства [Hsu J., Hsu C., Hasmath 2017: 1170].

Правовой контекст деятельности зарубежных НКО в КНР

Во избежание необоснованных выводов при анализе необходимо обратить внимание на определенные НКО, которые по меркам негосударственного сектора в своей деятельности слишком ориентированы на государство, но вместе с тем остаются недостаточно к нему привязанными, чтобы считаться полностью государственными организациями. Такой тип НКО в англоязычной литературе получил название *Government-Organized NGOs* (GONGOs). В русском языке, к сожалению, не устоялось термина-эквивалента этого англоязычного термина, поэтому в данном исследовании мы будем использовать его русскоязычную транслитерацию — ГОНГО.

Важно отметить, что научная литература проводит границу между ГОНГО и общепринятыми НКО. Данный вопрос подробно рассмотрен в работе авторского коллектива Р. Хасмат, Т. Хилдбрандта и Дж. Сю, в которой они дают характеристики ГОНГО [Hasmath, Hildebrandt, Hsu 2019].

Во-первых, при определении ГОНГО важно обращать внимание на то, как они были образованы (государством или другими лицами), и на то, как управляется их деятельность в

настоящий момент (при поддержке государства или без нее).

Во-вторых, необходимо рассматривать их деятельность в рамках политической среды их деятельности, включая вопросы финансирования.

В-третьих, важно понимать, какие цели преследует ГОНГО.

Что касается механизмов контроля ГОНГО со стороны государства, необходимо заметить, что они не сводятся только к финансированию. Они также включают в себя слияние интересов государств и ГОНГО на административном уровне. Соответственно, в политике групп интересов ГОНГО с наибольшей вероятностью отстаивают именно прогосударственную политическую повестку.

Кроме того, важно понимать различия, существующие между НКО и ГОНГО, как это показано в табл. 1.

Существует точка зрения, что ГОНГО существуют лишь в рамках авторитарных государств, хотя это не совсем так: ГОНГО могут возникать и в условиях демократических режимов, хотя для них они и менее типичны. ГОНГО являются значимым типом групп общественных интересов в китайской политике групп интересов.

Отношения между государством и сектором НКО в условиях КНР анализируются в работах Д. Сю и Р. Хасмат, И. Цзина, Р. Ся, Л. Уайт и т. д. Например, Д. Сю и Р. Хасмат в своем исследовании отмечают, что китайское государство открыто использует такие меры управления некоммерческими организациями, как давление и пропаганда [Hsu, Hasmath 2014: 522]. Более того, эти авторы утверждают, что в современном Китае центральные и местные власти искусно управляют группами интересов, которые могут быть потенциально опасны для государства [Hsu, Hasmath 2014: 522].

Р. Ся и Л. Уайт указывают, что НКО в Китае служат своего рода мостом от правительства к народу и, как ни удивительно, от народа к правительству [Hsia, White 2002: 335]. Интересным представляется сравнение взаимодействия китайских властей с американскими и собственно китайскими НКО. В этой связи полезным представляется анализ

Таблица 1

Различия между НКО и ГОНГО		
Критерий сравнения	НКО	ГОНГО
Материальная основа деятельности	Публичные и частные пожертвования, фандрайзинг	Финансовые средства, выделяемые правительством
Восприятие легитимности в глазах общественности	Заявления, действия и толкование событий выглядят легитимно в глазах общественности	Заявления, действия и толкование событий выглядят нелегитимно и скомпрометировано ввиду близости ГОНГО к правительству (такое понимание более характерно для либеральных демократий)
Географическая представленность деятельности	Локальная, региональная, национальная, а также представленность на международном уровне	
Ценностная ориентация	Отражают ценности и взгляды отдельно взятых НКО	Отражают правительственные ценности и взгляды

Источник: [Hasmath, Hildebrandt, Hsu 2019].

Table 1

Differences between NGOs and GONGOS		
Comparison criterion	NGOs	GONGOs
Material basis of activity	Public or private donations, fundraising	Government sponsored
Public perception of the legitimacy of an activity	Statements, actions and interpretations are seen as legitimate by the public	Statements, actions and interpretations can be viewed as compromised by the public given their closeness to government (notably the case in liberal democracies)
Geographical representation of activities	Local, Regional, National and/or International Power	
Value orientation	Reflect individual NGO values and beliefs	Reflect government values and beliefs

Source: [Hasmath, Hildebrandt, Hsu 2019].

И. Цзина, который в своей работе рассматривает различные стратегии, применяемые правительством Китая в целях развития китайского некоммерческого сектора. Таких стратегий И. Цзин выделяет несколько, однако авторам данной статьи самыми интересными показались уклонение от прямого

вмешательства и манипуляции рынком. В целях повышения профессионализма НКО государство опирается на рыночную конкуренцию, чтобы определить наиболее квалифицированные организации, которые заслуживают государственной поддержки в виде грантов и государственных заказов [Jing 2015: 593].

Феномен лоббирования в КНР был подробно рассмотрен в работах С. Уайтинг и Э. Попович. Э. Попович в своем анализе приходит к выводу, что в КНР публичное отстаивание общественных инициатив (непрямое лоббирование) считается более важным, чем осуществление такой деятельности через прямой доступ к лицам, принимающим решения (прямое лоббирование) [Poročić 2017: 7]. Тем не менее ученый признает, что необходим более глубокий анализ практики лоббирования в КНР, особенно в контексте понимания того, насколько оно может быть эффективным. В этой связи С. Уайтинг указывает на то, что эффективное лоббирование или продвижение интересов, которое на выходе оказывает положительное влияние на социально-экономическое развитие страны, необязательно требует автономии и самостоятельности для НКО [Whiting 1991: 21].

В историческом ракурсе развитие НКО в Китае с периода начала реформ было рассмотрено исследователями А.А. Семеновым, Ч. Цзе и др. В работе А.А. Семенова показано эволюционное развитие китайского сектора НКО, разъяснена терминология, используемая в КНР для обозначения различных видов НКО, а также выделены следующие типы НКО в Китае:

- общественные организации;
- гражданские некоммерческие институты;
- фонды [Семенов 2017: 274].

Ч. Цзе в своей работе утверждает, что со временем определенные типы НКО становятся все более нежелательными в КНР. Деятельность НКО, связанная с политически чувствительными проблемами или религией, в настоящее время запрещена в этой стране [Jie 2006: 36], хотя раньше она допускалась.

В 2016 г. правительство КНР утвердило Закон об управлении деятельностью иностранных НКО на материковой части Китая. Он вступил в силу в январе 2017 г. и распространил свое действие на некоммерческие неправительственные общественные организации, законно учрежденные за пределами Китая, такие как фонды, общественные организации, аналитические центры и т. д.⁴ С одной стороны, согласно закону, иностранным НКО разрешается вести свою деятельность в таких областях, как экономика, образование, наука и технологии, культура, здравоохранение, спорт и защита экологии⁵. С другой стороны, этим организациям официально запрещено участвовать в коммерческой, политической или религиозной деятельности. В случае нарушений такие организации привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством КНР.

Данный закон, а также виды деятельности иностранных НКО в Китае были описаны в работах Ч. Фэна. Исследователь высказывает сильную критику в отношении рассматриваемого закона об управлении деятельностью иностранных НКО, указывая на значительные сложности, которые он вызвал в их работе на территории страны. В их числе он упоминает прямой надзор со стороны Министерства общественной безопасности КНР, а также ограниченность правового поля для ведения иностранными НКО своей деятельности на территории КНР [Feng 2017: 98]. В своей работе применительно к текущему моменту автор выделяет три категории иностранных НКО в КНР:

- 1) небольшое меньшинство НКО, которые сумели легально зарегистрироваться;
- 2) НКО, которые прекратили свою работу на территории КНР из-за нежелательной, по мнению китайских властей, природы своей деятельности;

⁴ In-house translation of Law of the People's Republic of China on Administration of Foreign NGOs' Activities within China // Hogan Lovells Law Firm. 2016. URL: https://www.hoganlovells.com/~/_/media/hogan-lovells/pdf/publication/2016/china-en-law-of-the-prc-on-administration-of-foreign-ngos-activities-within-china.pdf?la=en (accessed: 29.09.2020).

⁵ Ibid.

3) НКО, принявшие решение действовать неформально, то есть без оформления легальной регистрации, так как данная процедура на практике представляется слишком сложной для реализации [Feng 2017: 98]. Ч. Фэн также выделяет три основные сферы деятельности иностранных НКО в Китае: гуманитарная, экологическая и экономическая (также известная как *сфера развития*).

Судебная практика в отношении НКО, которая ранее казалась расплывчатой и реализуемой по прихоти правительства, теперь обрела правовые рамки, однако в отношении нее мало что изменилось. Представители иностранных НКО в КНР считают, что Закон 2017 г. стал очередным инструментом для надзора и контроля над работой НКО в руках органов безопасности, но большинство иностранных НКО все же продолжают свою работу на территории Китая после введения нового закона [Feng 2017: 96, 102].

Иностранные НКО также обязаны отчитываться о своих китайских партнерах и источниках финансирования⁶. С точки зрения авторов статьи, это повышает уровень недоверия со стороны граждан Китая в отношении этих НКО, так как они несколько раз подумают, прежде чем взаимодействовать с определенной иностранной НКО, чтобы не испортить свою репутацию. Существует еще одно мнение: благодаря введению жесткого регулирования деятельности иностранных НКО правительство КНР пытается минимизировать свои риски и по максимуму использовать плюсы, которые предоставляют иностранные НКО в решении существующих в стране проблем [Feng 2017: 99].

Американские НКО в КНР

Авторы работы составили список из 50 американских НКО в КНР, которые работают в сфере экономического развития

⁶ In-house translation of Law of the People's Republic of China on Administration of Foreign NGOs' Activities within China // Hogan Lovells Law Firm. 2016. URL: https://www.hoganlovells.com/~/_media/hogan-lovells/pdf/publication/2016/china-en-law-of-the-prc-on-administration-of-foreign-ngos-activities-within-china.pdf?la=en (accessed: 29.09.2020).

(рис. 1). По подсчетам, наиболее распространенными направлениями их деятельности являются образование (22), здравоохранение (21), борьба с бедностью (14), экономическое развитие (12) и международные обмены (12).

Менее распространенными направлениями деятельности НКО являются работа с молодежью (10), наука и технологии (9), экология (8), создание гражданского общества (7), работа с лицами с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) (6), борьба с природными катаклизмами (5), право и управление (5), инфраструктура (5), развитие села (4) и работа с детьми (4).

Наименее популярными направлениями деятельности НКО оказались гендерные вопросы (3), искусство и культура (3), городское развитие (3), сельское хозяйство (2), медицинские технологии (1), энергетика (1), продовольствие (1), условия труда работников (1), туризм (1) и спорт (1).

Интересно, что перед началом исследования картина представлялась иной. Казалось, что экономическое развитие, наука и технологии, здоровье, борьба с бедностью и природными катаклизмами, инфраструктура, сельское и городское развитие будут занимать первые позиции. Однако неожиданно для себя мы выяснили, что образование, международные обмены, работа с молодежью, создание гражданского общества, а также право и управление гораздо больше интересуют американские НКО в Китае.

Данные НКО, которые официально относятся к сфере экономического развития, по сути, привносят часть американской культуры и ценностей через преподавание английского языка, продвижение языковых и профессиональных программ обмена, возвращение гражданского общества, помощь американским родителям в усыновлении китайских детей, принятие решений через голосование и свободное выражение общественного мнения.

Было выявлено, что фонды (17 НКО) являются самым распространенным институциональным типом американских НКО, работающих в Китае. Далее следуют благотворительные организации (11), торговые ассоциации (9), аналитические центры (5), общественные организации (3) и т. д.

Несмотря на правовые ограничения, одна из НКО обозначила себя как религиозная гуманитарная организация (Holt International).

Ответ на вопрос, почему же фонды так выделяются среди остальных НКО, очевидно, связан с вопросами финансирования. Фонды некогда оказались надежным источником иностранной валюты для КНР, поэтому

представляется естественным, что им проще получать от Министерства общественной безопасности КНР одобрение на ведение своей деятельности в стране. Более того, фонды с большей вероятностью склонны финансово поддерживать важные общественные проекты, которые в противном случае не получили бы необходимых ресурсов.

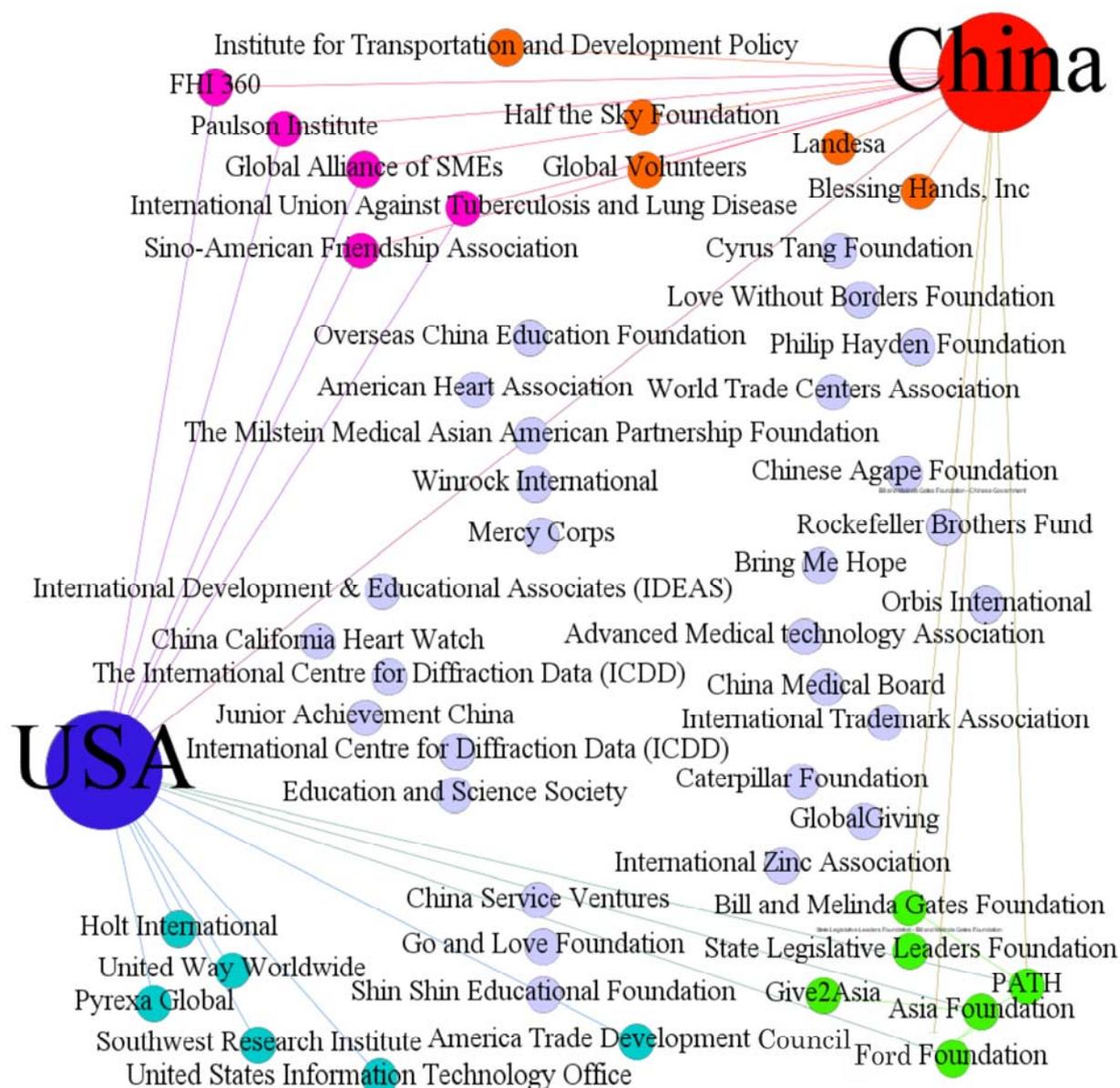

Рис. 1. Карта американских НКО в КНР и сети их партнерств

Источник: составлено авторами на основе данных: Registered Foreign NGO Representative Offices Interactive Map and Filterable Table // China NGO Project.

URL: <https://www.chinafile.com/ngo/registered-foreign-ngo-offices-map-full-screen> (accessed: 29.01.2021).

Fig. 1. Map of American NPOs in the PRC and their network of partnerships

Source: compiled by the authors using data of: Registered Foreign NGO Representative Offices Interactive Map and Filterable Table // China NGO Project.

URL: <https://www.chinafile.com/ngo/registered-foreign-ngo-offices-map-full-screen> (accessed: 29.01.2021).

В КНР 27 НКО получили разрешение работать на территории всей страны, 17 НКО из них действуют в наиболее бедных провинциях, таких как Ганьсу, Сычуань, Тибет, Юньнань и т. д.; 43 НКО имеют офисы в политических и экономических центрах страны, таких как Пекин, Чунцин, Гуанчжоу, Шанхай, Шеньчжень, Тяньцзинь и т. д. С одной стороны, наличие представительства в крупном городе дает больше возможностей для лоббирования интересов этих организаций, но с другой — наличие представительства в центральном городе вызывает меньше вопросов со стороны контролирующих министерств ввиду близкого расположения к ним. К тому же в крупнейших городах американские НКО соседствуют с американскими консульствами или посольством и могут в случае необходимости получить от них необходимую поддержку.

Наконец, 16 НКО, работающих в бедных провинциях КНР, продвигают такие направления, как образование, международные обмены, работа с детьми и создание гражданского общества. Население этих провинций финансово и материально обеспечено хуже, поэтому оно наиболее восприимчиво к американским НКО, которые предлагают им новые возможности. В этом отношении можно предположить, что такие НКО могут действовать более эффективно, чем другие.

Что касается географии распространения американских НКО в Китае, то только 12 НКО работают исключительно на территории КНР. Среди остальных организаций восемь концентрируются на своей деятельности в Азиатском регионе, а 30 — осуществляют ее по всему миру. Интересно также, что 31 из 50 НКО также занимаются лоббированием на своей родине в США.

Американские НКО, работающие только в КНР, зарегистрированы в крупных китайских городах и в основном специализируются на образовании, международных обменах, работе с молодежью и лицами с ОВЗ. При этом такие НКО занимаются лоббированием в Конгрессе США для большей поддержки в КНР.

Как было сказано ранее, в плане финансирования Закон об иностранных НКО 2017 г.

запрещает им вести в КНР любую коммерческую деятельность. Тем не менее им разрешается получать прибыль от реализуемых ими программ, проведения специальных мероприятий, оказания консалтинговых услуг и осуществления продаж. Даная прибыль впоследствии должна направляться на достижение уставных целей этих НКО.

НКО нередко прибегают к получению пожертвований от частных лиц, фондов, корпораций, правительств, многосторонних институтов, средств массовой информации, учебных заведений, церквей и клубов. Иногда НКО могут обращаться к жертвователям за получением грантов, а также собирать финансовые средства в виде членских взносов. В то же время 17 НКО не оглашают публично, как того требует закон, источник своего дохода, что свидетельствует о непрозрачности финансирования их деятельности.

Согласно результатам сетевого анализа, проведенного авторами данного исследования (см. рис. 1), было обнаружено, что только 6 из 50 НКО поддерживают партнерские отношения в КНР. 28 из них официально являются полностью независимыми. 14 НКО поддерживают партнерские отношения с правительством США, а 13 — с правительством КНР.

Судя по данным, представленным выше, можно прийти к выводу, что американские НКО, осуществляющие свою деятельность в КНР без сети партнерств, теряют много возможностей в мобилизации ресурсов для своей деятельности. В то же время 19 из 50 НКО поддерживают отношения с американскими правительственными структурами и поэтому с большей долей вероятности смогут продуктивно осуществлять свою деятельность.

Теоретическая основа функционирования НКО в США

Так же как и в случае с КНР, ситуацию в США нельзя объяснить с точки зрения лишь одной теории. Мы считаем, что систему отношений между государством и некоммерческим сектором в США следует рассматривать через теорию плюрализма и теорию элит.

Теория плюрализма исходит из того, что власть распределяется среди множества групп интересов, которые могут быть представлены профсоюзами, бизнес-ассоциациями, частными лоббистами и т. д.⁷ Поскольку существует множество групп, все они соревнуются между собой за влияние на политические процессы в обществе.

Д. Баскин подчеркивает, что в общественно-политической жизни одновременно существуют параллельные тенденции. Правительства все больше проникают в общественную жизнь, а граждане все чаще взаимодействуют между собой на основе общих интересов, что приводит к формированию новых групп интересов [Baskin 1970: 74].

Властные институты принуждают различные неструктурированные социальные общности к определенному поведению, при этом у этих общностей есть возможность сформировать свои собственные группы интересов, которые могут выступать в противовес принуждению со стороны государства. Это обуславливает конкуренцию между многочисленными группами общественных интересов, и победа отдельных групп здесь зависит от ряда факторов, среди которых: численность группы, ее сплоченность и инструменты, используемые ею в конкурентной борьбе за влияние. В демократических обществах, таких как США, для групп общественных интересов важно иметь значительную численность для легитимации своих интересов. Авторитет той или иной группы интересов также зависит от того, насколько сплоченно работают ее члены. Кроме того, чем более эффективно используются инструменты влияния, такие как медиа, экспертные мнения и т. д., тем больше у группы шансов преуспеть [Bentley 1908: 434—446].

Каждая группа интересов характеризуется собственным набором черт, которые позволяют им преуспевать больше в одной сфере и меньше — в другой.

В конечном итоге успех группы интересов зависит от двух переменных. Во-первых,

⁷ Pluralist theory // A Glossary of Political Economy. URL: http://webhome.auburn.edu/~johnspm/gloss/pluralist_theory.phtml (accessed: 29.09.2020).

это способность группы поддерживать ценность ресурсов влияния с течением времени. Во-вторых, это способность поддерживать благоприятную и стабильную рабочую атмосферу внутри группы [Baskin 1970: 76].

В своем монументальном исследовании «Кто правит?» сторонник плюралистического подхода в политике групп интересов Р. Даль утверждает, что политики обычно склонны прислушиваться к интересам групп, так как от них зависит соотношение голосов в ходе проведения предвыборных кампаний [Dahl 1961: 104—114].

Вместе с тем теория элит отрицает представительное участие групп интересов в политике или, по крайней мере, значимость такого участия. Элитисты утверждают, что в действительности только ограниченные круги управляют страной, принимая решения, выгодные им самим. Ч.Р. Миллс, автор работы «Властная элита», отмечает, что правящий класс в США включает деловые, военные и политические элиты [Mills 1956: 269—298]. Это подтверждается тем, что на 2015 г. более половины конгрессменов США были миллионерами⁸.

Обе теоретические интерпретации по своему актуальны. Являясь частью правительства, элиты подвержены соблазну предлагать и продвигать законопроекты, отвечающие их частным интересам. В свою очередь, группы интересов ищут способы реализации потребностей своих сообществ, в нашем случае — это потребности, реализуемые посредством иностранных НКО.

Правовой контекст деятельности зарубежных НКО в США

В США развитие некоммерческого сектора исторически поддерживалось на всех этапах истории страны. Факт того, что число НКО с приблизительно 13 тыс. в 1940 г. выросло до более чем 1,5 млн к концу XX в., говорит сам за себя [Hall 2016: 32].

⁸ Rappeport A. Making It Rain: Members of Congress Are Mostly Millionaires // The New York Times. January 12, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/politics/first-draft/2015/01/12/making-it-rain-members-of-congress-are-mostly-millionaires/> (accessed: 29.09.2020).

В отличие от КНР законодательство по НКО в США разнится от штата к штату в части, касающейся требований, которые предъявляются при регистрации НКО. Госдепартамент США отмечает, что основателю НКО необходимо предоставить краткое описание организации, ее миссию, название, адрес представителя в штате, а также оплатить небольшой регистрационный взнос⁹.

НКО, ведущие свою деятельность на территории США, могут получать любой вид финансовой поддержки из-за рубежа вне зависимости от источника — будь то поддержка от другого государства или другой НКО.

В США НКО могут получать свободный от уплаты налогов статус, что регулируется Кодексом внутренних доходов от 1954 г., в частности статьи 501(с)(3) и 501(с)(4). Закон не разграничивает типы НКО на более и менее желательные, а также не делит их по направлениям деятельности. Существует только список НКО, которые могут претендовать на вненалоговый статус, а это требует от НКО не стремиться к участию в политической деятельности и оказанию политического влияния. При этом НКО не запрещено выражать и отстаивать позицию по политическим вопросам и критиковать правительство США¹⁰.

В случае перехода НКО, не облагаемых налогами, в политическую сферу они просто лишаются своих привилегий. Никто не имеет права распускать НКО на основании, связанном с неприятием миссии, руководства или деятельности данной организации¹¹.

Согласно Кодексу внутренних доходов США, зарубежные НКО могут быть зарегистрированы в стране как благотворительные организации или организации социальной направленности. Они могут действовать как внепартийные фонды или быть связанными с иностранными политическими субъектами. В отношении иностранных НКО в США не существует особых ограничений по сферам

деятельности. Также организации могут публиковать свои материалы и не быть подконтрольны правительству США¹². При этом иностранные НКО в США могут приступать к работе только после того, как получают специальную лицензию на функционирование в определенном штате. Эта процедура схожа с той, которую проходят местные НКО¹³.

Системное регулирование деятельности групп интересов в США было воплощено в двух федеральных законах: законе «О регистрации иностранных агентов» 1938 г. и законе «О регулировании лоббизма» 1946 г. Лоббисты, представляющие интересы зарубежных стран и организаций, обязаны регистрироваться в соответствии с этими законами. В случае нарушения установленных норм лоббисту грозит штраф в размере 5000 долл. США, а также лишение свободы сроком на один год. Согласно закону «О регистрации иностранных агентов», за всеми иностранными группами, занимающимися лоббированием, устанавливалось наблюдение. Такое требование было достаточно жестким по отношению к иностранным лоббистам, поскольку к внутренним лоббистам оно не относилось. В свою очередь, согласно закону «О регулировании лоббизма», каждый иностранный лоббист обязан был заполнить заявление с указанием информации о себе и своем заказчике, а также ежеквартально отправлять в Государственный департамент отчет о доходах и расходах на поставленные заказчиком цели [Агапов 2015: 200—201].

Формулировки закона «О регулировании лоббизма» оставляли лазейку: лоббисты сами решали, были ли средства, выделенные им заказчиком, потрачены на достижение поставленных заказчиком целей или нет. Многие иностранные группы интересов вообще не указывали лоббистскую деятельность как основную. Поэтому в большинстве случаев лоббистам при желании удавалось обходить этот закон, а в некоторых случаях само правительство предпочитало его игнорировать, если речь шла о группах интересов из государств, состоящих с США в союзных

⁹ Non-Governmental Organizations (NGOs) in the United States // U.S. Department of State. January 20, 2021. URL: <https://www.state.gov/non-governmental-organizations-ngos-in-the-united-states/> (accessed: 29.01.2021).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

отношениях [Ньюхаус 2009: 112]. Кроме того, закон «О регулировании лоббирования» затрагивал лоббистскую деятельность, ведущуюся исключительно в Конгрессе, в то время как лоббистская деятельность иностранных групп интересов в отношении исполнительной власти в США оставалась нерегулируемой.

Общее законодательство, регулирующее лоббизм, не обновлялось в США в течение практически 50 лет. Лишь в 1995 г. был принят новый закон «О раскрытии лоббистской деятельности». Он ввел массу новых понятий, в том числе определение лоббистского контакта, а также обновленную трактовку термина «лоббист». В соответствии с законом 1995 г. лоббистом считается любое физическое лицо, нанятое клиентом для оказания услуг, включающих более одного лоббистского контакта. Такое лицо должно тратить не менее 20 % своего рабочего времени на оказание лоббистских услуг, предоставляемых клиенту в течение шестимесячного периода. Данный закон, в отличие от предыдущих, признавал, что лоббистская деятельность может вестись не только в отношении законодательной, но и в отношении исполнительной ветви власти [Крестьянская 2014: 163].

В законе 1995 г. также перечислено множество исключений и пороговых ограничений, определяющих, что должно сообщаться лоббистом органам власти в США, контролирующим его деятельность.

Со временем проявились и недостатки этого закона. В частности, за его исполнением не осуществлялся строгий надзор, и меры наказания за нарушение его положений применялись крайне редко. Многие лоббисты вообще не обращали внимания на этот нормативный акт, поскольку никто не проверял их отчетность [Ньюхаус 2009: 112]. Кроме того, информация о заказчике, доходах и расходах лоббистов зачастую не попадала в общественный доступ.

Закон «О раскрытии лоббистской деятельности» был призван снизить степень влияния иностранных групп интересов, которая в 1990-е гг. невероятно возросла. Но регулирование лоббизма было все еще недостаточно

жестким, что продемонстрировал коррупционный лоббистский скандал 2006 г., связанный с именем Джека Абрамоффа. После разбирательства данного скандала в Конгрессе законодательство о регулировании деятельности лоббистов было ужесточено в очередной раз. В 2007 г. был принят закон «О честном лидерстве и открытом правительстве», который ввел жесткие меры ответственности за неправомерное лоббирование, а также позволил бывшим сенаторам участвовать в лоббистской деятельности лишь спустя два года после их выхода в отставку. Под запрет попали дарение подарков и оплата поездок для тех официальных лиц, в отношении которых осуществляется лоббистская деятельность. Кроме того, закон возложил на лоббистов обязанность публиковать информацию о сумме пожертвований, которые они направляют на предвыборные кампании американских конгрессменов [Агапов 2015: 203—204].

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что главная слабость американской модели регулирования лоббизма заключается в том, что лоббист имеет право выбирать, в соответствии с каким законом зарегистрироваться – более жестким законом «О регистрации иностранных агентов» 1938 г. или более мягким законом «О раскрытии лоббистской деятельности» 1995 г. И хотя в США возникали различные инициативы принятия законопроектов, которые бы обязывали лоббистов регистрироваться в соответствии с обоими законами, они, однако, не получали поддержки.

Таким образом, американское правительство продолжает принимать новые законы, регулирующие лоббистскую деятельность в ответ на случаи, связанные с коррупционными злоупотреблениями лоббистов, создавая все более регулируемую, но вместе с тем более цивилизованную среду реализации лоббистской деятельности.

Китайские НКО в США

Проанализировав 50 китайских НКО в США (рис. 2), мы обнаружили следующее. В плане продвигаемых интересов большинство китайских НКО концентрируют свою

Рис. 2. Карта китайских НКО в США и сети их партнерств

Источник: составлено авторами на основе данных: Endorsing Organizations // United Chinese Americans. URL: <https://ucausa.org/co-signers-of-uca/> (accessed: 29.01.2021).

Fig. 2. Map of Chinese NPOs in the USA and their network of partnerships

Source: compiled by the authors using data of: Endorsing Organizations // United Chinese Americans. URL: <https://ucausa.org/co-signers-of-uca/> (accessed: 29.01.2021).

деятельность на сферах образования (38) и культуры (37). Третье наиболее распространенное направление деятельности — работа с молодежью (11).

Если учесть напряженность в китайско-американских отношениях в настоящее время, то неудивительно, что именно образование и культура занимают верхние позиции,

ведь они политически нейтральны. Китайские образовательные и культурные НКО имеют потенциал изменить отношение американцев и к китайцам, и к Китаю.

Несмотря на торговую войну, осложняющую отношения между странами в настоящий момент, некоторые китайские НКО в США продолжают свою деятельность в таких

сферах, как наука и технологии (6), экономическое развитие (5), создание гражданского общества (4), бизнес (3), торговля и инвестиции (3) и международные обмены (3). Как представляется, это позитивный факт, так как данные организации могут внести вклад в развитие реального сотрудничества между КНР и США, снизив градус политико-экономических противоречий.

Удивительно, но лишь две китайские НКО в США стремятся заниматься такой темой, как права человека, а именно отстаивать право на равное отношение к китайцам на рабочих местах, и занимаются борьбой с антикитайской этнической дискриминацией. Наименее популярные области интересов рассматриваемых китайских организаций (по 1 НКО на каждую область) связаны с туризмом, религией, правосудием, а также правом и управлением.

Если говорить об институциональных типах, то наиболее часто встречающимися из них стали ассоциации. Далее следуют образовательные (15) и общественные организации (13). Фонды (3), благотворительные организации (2) и аналитические центры (1) являются наименее распространенными из институциональных типов. Низкая популярность последних, по нашему мнению, связана с социально-экономическими проблемами, а именно с тем, что в США, возможно, мало таких сфер, которые могли бы быть интересны китайским НКО данного типа в связи с высокой конкуренцией в этих областях с местными американскими НКО.

Внутри США географическая представленность охарактеризована в соответствии с региональной классификацией, разработанной Бюро переписи населения США¹⁴. 19 из 50 НКО расположены на юге страны, 11 — на Среднем Западе и Западе, 7 НКО работают на Северо-Востоке. Большинство этнических китайцев, однако, проживают на Западе и Северо-Востоке США¹⁵. Это говорит

¹⁴ Abadi M. Even the US government can't agree on how to divide up the states into regions // *Business Insider*. May 10, 2018. URL: <https://www.businessinsider.com/regions-of-united-states-2018-5> (accessed: 29.01.2021).

¹⁵ Echeverria-Estrada C., Batalova J. Chinese Immigrants in the United States // *Migration Policy Institute*.

о том, что китайские НКО в США не обязательно включают китайцев в целевую аудиторию своей деятельности.

Большая часть китайских НКО в США (38) работают только в этой стране и не имеют других представительств за рубежом. Пять НКО имеют представительства в КНР, и только две — также работают в третьих странах. Вероятно, это обусловлено тем, что большинство НКО работают только в США, в связи с чем у них больше шансов эффективно достигнуть своих целей благодаря лучшей концентрации ресурсов на рынке НКО одной страны.

С финансовой точки зрения пожертвования играют ключевую роль для 21 китайских НКО в США. Три НКО получают официальное финансирование от правительства КНР, но ни одна из них не поддерживается в той же степени и правительством США. Две организации финансируются Институтом Конфуция, пять получают доходы от проводимых мероприятий, реализуемых программ, а также членских взносов и пожертвований.

Мы полагаем, что существует две причины, почему правительство КНР может финансировать данные организации.

Во-первых, оно может быть заинтересовано в сохранении китайской культуры среди китайских эмигрантов в США и препятствовании их полной американизации. В случае необходимости Китай сумеет мобилизовать данный человеческий ресурс.

Во-вторых, через финансирование таких НКО правительство КНР может изменить восприятие Китая среди простых американцев: чем лучше они будут понимать Китай, тем более дружелюбно будут настроены по отношению к нему.

Что касается сетевого анализа, то исследование показало, что 15 китайских НКО в США имеют партнерские отношения с правительством КНР, а 4 — с Институтом Конфуция; 22 китайские НКО в США имеют партнерские отношения с правительством США. Еще 22 НКО действуют самостоятельно.

January 15, 2020. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states> (accessed: 29.01.2021).

Как видно из представленной на рис. 2 карты, китайские НКО в США не формируют сеть партнерств между собой даже на уровне штатов. Они скорее склонны сотрудничать с правительственными структурами и муниципальными властями.

Сравнение деятельности американских НКО в Китае и китайских НКО в США

Исследование показывает, что круг интересов американских НКО в Китае значительно шире, чем у китайских НКО в США. Например, в ходе анализа ситуации в КНР мы выделили 25 направлений деятельности некоммерческих организаций, в то время как в США – всего 9. С учетом того что Закон КНР об управлении деятельностью иностранных НКО предполагает более строгое регулирование, чем в США, данный факт представляется любопытным.

Причина более широкого круга направлений деятельности американских НКО в КНР также может заключаться в том, что в КНР существует множество социально-экономических проблем, которые правительство не может решить самостоятельно, по причине чего ему в любом случае необходимы дополнительные ресурсы. Как бы правительство КНР ни хотело все контролировать, оно все равно принимает зарубежную поддержку, даже если это влечет за собой некоторые нежелательные для китайского государства последствия.

Более того, сравнивая конкретные направления деятельности по степени распространенности среди анализируемых НКО, можно выделить наиболее актуальные для КНР и США повестки лоббистской деятельности. Так, в наиболее бедных провинциях Китая американские НКО чаще получают поддержку от правительственных структур КНР по таким направлениям, как образование, здравоохранение, борьба с бедностью, наука и технологии, экология, работа с лицами с ОВЗ, инфраструктурное строительство и борьба с природными катаклизмами. Это напрямую связано с тем, что КНР до сих пор не удалось преодолеть проблему

непропорционального развития разных провинций и регионов страны, поскольку приморские провинции этой страны располагают большими производственными и финансовыми ресурсами по сравнению с западными районами.

В то же время для деятельности китайских НКО в США более характерны следующие направления: образование, культура, работа с молодежью, наука и технологии, экономическое развитие и бизнес. С одной стороны, на фоне роста антикитайских настроений в США разумные шаги в продвижении китайской культуры и языка могут изменить положение в лучшую сторону¹⁶. В этом, безусловно, заинтересовано правительство КНР, спонсирующее часть своих ГОНГО, о чем будет дополнительно сказано ниже. С другой стороны, такая выборка направлений деятельности китайских организаций в США не обязательно привязана к политико-экономической повестке КНР.

В первую очередь следует принять во внимание такую внутривнутриполитическую особенность США, как *культурное разнообразие*. Еще в 1968 г. в США был принят Закон о билингвальном образовании, позволяющий этническим группам обучаться на своем родном языке и создавать свои этнические школы [Гаева 2015: 92]. Именно на это и ориентированы многие китайские НКО в США, действующие в сферах образования и культуры. В свою очередь, для поддержания социальной стабильности в стране правительство может всячески поощрять культурное разнообразие, полностью не отходя от политики ассимиляции китайской общины в США (через английский язык, мейнстримную культуру и т. д.). Все это вполне объясняет тот факт, что 22 китайские НКО из всех анализируемых получают ту или иную поддержку от американских государственных структур.

Интерес вызывает тот факт, что, несмотря на конфронтацию США и КНР в сфере

¹⁶ Chang G.H. 'Run them over': The rise of a new Sinophobia and its dangers to us all // Quincy Institute for Responsible Statecraft. March 27, 2020. URL: <https://responsiblestatecraft.org/2020/03/27/run-them-over-the-rise-of-a-new-sinophobia-and-its-dangers-to-us-all/> (accessed: 29.01.2021).

технологий, в обеих странах действуют НКО данного направления (9 организаций в КНР и 6 – в США). Их активность происходит на фоне увеличивающегося числа технологических ограничений и санкций, накладываемых на китайские компании. Поэтому можно говорить о том, что поддержание конструктивного диалога между странами становится непростой задачей. Попытки санкционного сдерживания технологического развития КНР осуществляются прежде всего из-за нежелания США терять лидирующие позиции в этой стратегически важной области. Например, одно только обустройство телекоммуникационных сетей 5G к 2034 г. обещает принести мировой экономике около 535 млрд долл. США [Гамза 2020: 113]. В этой связи можно положительно расценивать сам факт взаимодействия гражданских обществ и НКО двух стран в сфере технологий. Потенциально их деятельность может снизить градус межгосударственной конфронтации, хотя о больших перспективах взаимодействия в сфере технологий речь, конечно, пока не идет.

Что касается институциональных форм НКО, то в КНР анализируемые американские организации в первую очередь представлены фондами, благотворительными организациями и бизнес-ассоциациями. В США, напротив, китайские НКО такого типа не пользуются популярностью, поскольку в этой стране более распространены китайские образовательные и общественные организации.

В Китае американские фонды исторически были важным источником иностранного капитала. В связи с важностью иностранного капитала для Китая у зарубежных фондов есть возможность оказывать влияние на внутреннее развитие страны через финансирование более предпочтительных для себя проектов. Востребованность американских бизнес-ассоциаций в КНР связана с тем, что китайская культура деловых отношений сильно отличается от западной, разнятся правовые аспекты ведения бизнеса. Соответственно, американскому бизнесу полезно иметь связующее звено между ним и китайскими коллегами в виде подобных ассоциаций, тем более что Китай является производственной площадкой для таких крупнейших американских

компаний, как Apple, Nike, General Motors, Boeing и т. д. Любопытно, что хотя образование и является одной из преобладающих сфер деятельности американских НКО, в Китае мало общественных и образовательных организаций, которые непосредственно занимаются обучением населения. Причина кроется в том, что продвижение образования в Китае организуется именно фондами США через благотворительность и финансирование китайских образовательных учреждений, то есть опосредованно, а не напрямую.

По сравнению с американскими НКО китайские организации гораздо реже представлены в форме фондов и благотворительных организаций, вследствие чего пользуются меньшими сравнительными преимуществами на территории США. Безусловно, образовательные и общественные организации релевантны и для американского контекста, однако фонды и благотворительные организации в продвижении образовательной повестки могли бы оказаться в той же степени полезными. В США на законодательном уровне НКО могут получать любой вид зарубежной финансовой поддержки¹⁷. Соответственно, китайские ГОНГО имели бы большее влияние на внутрисполитические процессы в США, если бы у них было больше возможностей финансирования внутриамериканских проектов через фонды и благотворительность.

Кроме того, исторически США были страной, где наиболее бурными темпами развивалась благотворительная деятельность и сложились располагающие к ней условия. В этой связи перспективным видится расширение деятельности китайских НКО в этом направлении.

Подавляющее большинство американских НКО имеют свои представительства в крупных китайских городах, что создает для них больше возможностей взаимодействия с китайскими властями, хотя официально в КНР и не существует лоббизма. Кроме того, эти же организации занимаются лоббированием своих интересов в Конгрессе США для

¹⁷ Non-Governmental Organizations (NGOs) in the United States // U.S. Department of State. January 20, 2021. URL: <https://www.state.gov/non-governmental-organizations-ngos-in-the-united-states/> (accessed: 29.01.2021).

получения финансовой или иной поддержки своей деятельности на территории КНР на таких направлениях, как образование, международные обмены и работа с молодежью. Для большей эффективности в распространении знаний, навыков и ценностей (как американских, так и более частных, продвигаемых конкретными НКО) половина американских НКО работает там, где они больше всего нужны, а именно — в беднейших провинциях КНР.

Чуть менее половины китайских организаций в США (22 НКО) работают в штатах, где проживает значительное число этнических китайцев. С одной стороны, НКО стремятся к объединению сообщества этнических китайцев на почве общих культуры и языка. С другой стороны, нередко китайские НКО в США работают там, где живет меньшее число этнических китайцев, что свидетельствует о том, что не для всех китайских НКО этнические китайцы являются основной целевой аудиторией. Такие НКО пытаются менять устоявшийся негативный образ современного коммунистического Китая среди американцев некитайского происхождения, что является более сложной задачей.

Наконец, сетевой анализ для определения партнерств китайских и американских НКО в США и Китае показал, что официально самостоятельно действующих американских организаций в Китае больше (28 НКО), чем китайских в США (22 НКО). Официально поддерживающих партнерские отношения с правительством страны своего происхождения среди американских НКО меньше (14 НКО), чем среди китайских (15 НКО и еще 4 НКО, получающих поддержку от Института Конфуция). Таким образом, можно утверждать, что американские НКО в меньшей степени зависят от своего правительства и в основном не являются ГОНГО, то есть созданными по инициативе государства.

Рассмотренные китайские НКО чаще поддерживают партнерские отношения с правительством страны пребывания (22), чем американские (13), что объясняется существованием легального и законодательно регулируемого феномена лоббирования иностранных групп интересов в США и большей

доступностью законного лоббистского взаимодействия между китайскими НКО и американским Конгрессом.

Среди китайских НКО практически нет партнерских связей на территории США. Только четыре организации получают финансовую поддержку от Института Конфуция и проводят с ним совместные мероприятия. С учетом природы деятельности китайских НКО, а именно их большей зависимости от государства, а значит, и связи с ним факт отсутствия партнерств среди китайских НКО в США выглядит необычно.

Среди американских НКО в Китае партнерские связи встречаются тоже редко (6 случаев такого взаимодействия). Это негативно сказывается на возможностях работы НКО: масштаб их деятельности, качество проектов, финансирование находятся не на таком высоком уровне, как могло бы быть при взаимной поддержке между ними и при координации действий.

Заключение

Изучение условий и возможностей деятельности американских НКО в Китае и китайских НКО в США позволило прийти к ряду выводов.

Во-первых, по нашему мнению, несмотря на строгое регулирование деятельности НКО в КНР, у американских некоммерческих организаций есть больше возможностей для работы в Китае, чем у китайских НКО — в США, где условия их деятельности представляются более благоприятными.

Во-вторых, для американских НКО доступно большее число направлений деятельности, так как многие сферы социально-экономической жизни остаются без внимания со стороны правительства КНР. Вместе с тем рассеивание внимания и усилий на такой широкий круг вопросов не позволит американским НКО добиться существенного успеха в какой-то определенной сфере деятельности.

В США схожие социально-экономические вопросы, которые в Китае игнорируются государственными структурами, решаются правительством или другими многочисленными национальными НКО. В связи с этим, с

одной стороны, сужается круг сфер деятельности китайских НКО, специализирующихся на социально-экономическом развитии, а значит, и спектр возможностей для расширения их лоббистского влияния. С другой стороны, ввиду политики культурного разнообразия, комбинируемой с политикой ассимиляции населения в США, китайские НКО получают великолепный шанс для популяризации китайской традиционной культуры и китайского языка, при этом получая финансовую и иную поддержку со стороны как китайского, так и американского правительства. Такие концентрированные усилия могут привести к тому, что лоббистский потенциал влияния китайских НКО в США может возрасти.

В-третьих, подавляющее большинство американских НКО по своей форме являются фондами, благотворительными организациями и бизнес-ассоциациями. Такие формы организации дают американским НКО возможность финансировать множество проектов в различных сферах деятельности, а также оказывать поддержку различным китайским образовательным учреждениям. Однако это также означает, что американские НКО теряют возможность контактировать с китайским обществом напрямую.

Китайские НКО в США, наоборот, представлены преимущественно образовательными и общественными организациями и, непосредственно преподавая китайский язык населению США, обладают преимуществом перед американскими НКО в Китае. Вместе с тем они упускают множество возможностей, которые предоставляют такие формы организации деятельности, как фонды и бизнес-ассоциации.

В-четвертых, несмотря на преимущества, которые дает создание партнерских связей или сетей, ни американские, ни китайские НКО их в своей деятельности, по сути, не имеют, из-за чего теряют много возможностей и перспектив развития. Это негативно сказывается на масштабе деятельности НКО, качестве их проектов и финансировании, которые находятся не на таком высоком уровне,

как могло бы быть при условии взаимной поддержки и координации деятельности.

Появление разветвленной сети партнерств НКО, координирующих свои проекты, оказывающих взаимную поддержку и обменивающихся полезными практиками, может также внести ощутимый вклад в устранение ряда социально-экономических проблем КНР и способствовать установлению более тесных связей между гражданскими обществами и группами общественных интересов в США и КНР.

Американские НКО меньше зависят от своего правительства и в основном не являются ГОНГО. Как уже было сказано, официально самостоятельно действующих американских организаций в Китае больше (28), чем китайских в США (22). Официально поддерживающих партнерские отношения с правительством страны своего происхождения среди американских НКО меньше (14), чем среди китайских (15 НКО и еще 4 НКО, получающие поддержку от Института Конфуция). Феномен ГОНГО в данном случае не характерен для американских НКО.

Географически деятельность американских НКО гораздо шире, она охватывает целый ряд других стран Азии, а также страны за пределами азиатского региона, что может привести к рассеиванию усилий и потенциально снизить степень влияния, которое американские НКО могут оказать на китайское общество. В то же время непосредственно в самом Китае американские НКО выбирают одни из самых бедных провинций, чтобы максимизировать эффективность своей деятельности. В то же время китайские НКО более сфокусированы конкретно на США, что повышает потенциальную эффективность их деятельности, однако зачастую организации выбирают не самые удачные штаты для расположения.

Таким образом, американские и китайские НКО имеют примерно равное количество недостатков и преимуществ, а потому и равные шансы достижения своих целей в обеих странах, несмотря на то, что они действуют в разных условиях.

Поступила в редакцию / Received: 26.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

- Агапов И.О. Американская модель правового регулирования лоббирования // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 178—185. [Agapov, I.O. (2015). American model of legal regulation of lobbying. *Actual Problems of Russian Law*, (10), 178—185. (In Russian).]
- Гаева А.С. Мультикультурная политика США // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2015. № 2. С. 90—96. [Gayeva, A.S. (2015). Multicultural policy of the United States of America. *Nauchno-Analiticheskii Zhurnal Obzrevatel' — Observer*, (2), 90—96. (In Russian).]
- Гамза Л.А. Технологическое противостояние США и Китая в АТР // Россия и АТР. 2020. № 3 (109). С. 110—133. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10038 [Gamza, L.A. (2020). Technological confrontation between the US and China in the Asia Pacific Region. *Russia and the Pacific*, (3), 110—133. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10038>]
- Крестьянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединенных Штатах Америки и Канаде // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 161—168. [Kremyanskaya, E.A. (2014). Legal aspects of regulating lobbying in the United States of America and Canada. *MGIMO Review of International Relations*, (2), 161—168. (In Russian).]
- Ньюхаус Д. Дипломатия инкорпорейтед // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 3. С. 108—126. [Newhouse, J. (2009). Diplomacy, Inc. *Russia in Global Affairs*, 7(3), 108—126. (In Russian).]
- Семенов А.А. Классификация неправительственных организаций в КНР // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 270—279. DOI: 10.17223/1998863X/37/27 [Semenov, A.A. (2017). Classification of Non-Governmental Organizations in the PRC. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (37), 270—279. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/27>]
- Baskin, D. (1970). American pluralism: Theory, practice, and ideology. *The Journal of Politics*, 32(1), 71—95. <https://doi.org/10.2307/2128865>
- Bentley, A.F. (1908). *The process of government: A study of social pressures*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bouwen, P. (2002). Corporate lobbying in the European Union: The logic of access. *Journal of European Public Policy*, 9(3), 365—390. <https://doi.org/10.1080/13501760210138796>
- Clemens, E.S. (2006). The constitution of citizens: Political theories of nonprofit organizations. In W.W. Powell & R. Steinberg (Eds.), *The nonprofit sector: A research handbook* (pp. 207—220). Yale University Press.
- Dahl, R.A. (1961). *Who governs? Power and democracy in an American city*. New Haven, US: Yale University Press.
- Feng, C. (2017). The NGO law in China and its impact on overseas funded NGOs. *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*, 9(3), 96—105. <https://doi.org/10.5130/ccs.v9i3.5601>
- Hall, P.D. (2016). Historical perspectives on nonprofit organizations in the United States. In D.O. Renz & R.D. Herman (Eds.), *The Jossey-Bass handbook of nonprofit leadership and management* (pp. 3—33). Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781119176558.ch1>
- Hasmath, R., Hildebrandt, T., & Hsu, J.Y.J. (2019). Conceptualizing government-organized non-governmental organizations. *Journal of Civil Society*, 15(3), 267—284. <https://doi.org/10.1080/17448689.2019.1632549>
- Hsia, R.Y.-J., & White, L.T. (2002). Working amid corporatism and confusion: Foreign NGOs in China. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 31(3), 329—351. <https://doi.org/10.1177/0899764002313002>
- Hsu, J.Y.J., & Hasmath, R. (2014). The local corporatist state and NGO relations in China. *Journal of Contemporary China*, 23(87), 516—534. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.843929>
- Hsu, J.Y.J., Hsu, C.L., & Hasmath, R. (2017). NGO strategies in an authoritarian context, and their implications for citizenship: The case of the People's Republic of China. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 28(3), 1157—1179. <https://doi.org/10.1007/s11266-016-9806-0>
- Jie, C. (2006). The NGO community in China. Expanding linkages with transnational civil society and their democratic implications. *China Perspectives*, (68), 29—40. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.3083>
- Jing, Y. (2015). Between control and empowerment: Governmental strategies towards the development of the non-profit sector in China. *Asian Studies Review*, 39(4), 589—608. <https://doi.org/10.1080/10357823.2015.1090394>
- Lowery, D. (2007). Why do organized interests lobby? A multi-goal, multi-context theory of lobbying. *Polity*, 39(1), 29—54. <https://doi.org/10.1057/palgrave.polity.2300077>
- McGlinchey, S. (Eds.). (2017). *International relations*. Bristol, England: E-International Relations Publishing.
- Mills, C.W. (1956). *The power elite*. Oxford: Oxford University Press.

- Olson, M. (1965). *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Harvard: Harvard University Press.
- Popović, E. (2017). Lobbying practices of citizens' groups in China. *SAGE Open*, 7(2), 1—9. <https://doi.org/10.1177/2158244017713554>
- Schmitter, P.C., & Streeck, W. (1981). *The organization of business interests: a research design to study the associative action of business in the advanced industrial societies of Western Europe*. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin.
- Truman, D.B. (1951). *The governmental process. Political interests and public opinion*. New York: Alfred A. Knopf.
- Whiting, S.H. (1991). The politics of NGO development in China. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2(2), 16—48. <https://doi.org/10.1007/BF01398669>

Сведения об авторах: *Харкевич Максим Владимирович* — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры мировых политических процессов, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета»; ORCID: 0000-0001-9476-9694; e-mail: am.kharkevich@inno.mgimo.ru

Писарев Иван Иванович — преподаватель кафедры международных отношений и кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета; ORCID: 0000-0002-0491-9503; e-mail: pinoy@mail.ru

Чересов Всеволод Сергеевич — студент кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета; e-mail: mr.cheresov99@mail.ru

Новоградская Марина Олеговна — студентка кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета; e-mail: novogradskaya2000@gmail.com

About the authors: *Kharkevich Maxim Vladimirovich* — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Governance and Politics, Deputy Director of the Department of Scientific Policy, MGIMO University, Editor-in-Chief, MGIMO Review of International Relations; ORCID: 0000-0001-9476-9694; e-mail: am.kharkevich@inno.mgimo.ru

Pisarev Ivan Ivanovich — Faculty Member, Department of Pacific Asia of the Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University; ORCID: 0000-0002-0491-9503; e-mail: pinoy@mail.ru

Cheresov Vsevolod Sergeevich — Student, Department of Pacific Asia of the Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University; e-mail: mr.cheresov99@mail.ru

Novogradskaya Marina Olegovna — Student, Department of Pacific Asia of the Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University; e-mail: novogradskaya2000@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-372-387

Научная статья / Research article

Международный аспект реализации ЦУР 16: роль и практические шаги Российской Федерации

А.А. Игнатов

РАНХиГС, Москва, Российская Федерация
✉ ignatov-aa@ranepa.ru

Аннотация. Цель устойчивого развития (ЦУР) 16 «Мир, правосудие и эффективные институты» входит в перечень ключевых направлений долгосрочного развития, определенных ООН в 2015 г. ЦУР, сменившие Цели развития тысячелетия, сформулированы таким образом, что их полноценная реализация предполагает принятие усилий на многосторонней основе. Анализ имеющейся литературы показывает, что международному сотрудничеству в контексте реализации ЦУР 16 уделяется незначительное внимание. Также наблюдается недостаточная проработанность проблематики участия России в международных инициативах по реализации ЦУР 16. Настоящая статья призвана отчасти восполнить данный пробел, представив результаты анализа деятельности России на международной арене, способствующей реализации ЦУР 16. Россия на сегодняшний день является одним из ключевых субъектов международной политики. Деятельность России на международной арене, включая участие в многосторонних программах помощи странам и регионам, испытывающим трудности в разрешении внутренних противоречий, способствует реализации ЦУР 16. Тем не менее данный аспект не освещается как в рамках Добровольного обзора России для форума высокого уровня, так и в рамках имеющихся исследований. Анализируется накопленный отечественными и зарубежными исследователями опыт изучения особенностей реализации ЦУР 16 и роли России в данном процессе. Исследуется международная деятельность России, содействующая построению устойчивых и открытых обществ, равный доступ к правосудию и создание эффективных национальных институтов. Также приведены несколько общих замечаний и рекомендаций относительно стратегических приоритетов России в деле реализации ЦУР 16 в международном масштабе.

Ключевые слова: ООН, цель устойчивого развития, ЦУР, Россия, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, СНГ, Организация Договора о коллективной безопасности, ОДКБ, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Эволюция многостороннего сотрудничества по содействию развитию под эгидой ООН: от декады развития к Целям устойчивого развития (ЦУР)», проект № 18-014-00008.

Для цитирования: Игнатов А.А. Международный аспект реализации ЦУР 16: роль и практические шаги Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 372—387. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-372-387

Implementation of SDG 16: Russia's Role and Actions

Alexander A. Ignatov

RANEPA, Moscow, Russian Federation
✉ ignatov-aa@ranepa.ru

Abstract. Sustainable Development Goal (SDG) 16 ‘Peace, Justice and Strong Institutions’ is one of 17 SDGs identified by the UN in 2015. The SDGs that supersede the Millennium Development Goals imply continuous multilateral actions to ensure their full and timely implementation. Analysis of the available literature

© Игнатов А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

shows that insufficient attention is paid to the international component of SDG implementation. An insufficient examination of Russia's participation in international initiatives to implement the SDGs, and SDG 16 in particular, is also noted. This article intends to fill in this gap by presenting the results of an analysis of Russia's activities in the international arena, contributing to the implementation of SDG 16. Russia today is one of the key actors in international politics. Russia's activities in the international arena, including its participation in multilateral programs of assistance to countries and regions experiencing difficulties in resolving internal conflicts, contribute to the implementation of SDG 16. However, this aspect is not covered in Russia's Voluntary National Review for the High-Level Political Forum, nor in available research. The author examines the features of a modern approach to studying the international aspect of the SDG's implementation. Furthermore, the author analyzes Russia's activities on the international arena contributing to SDG 16 implementation. The article concludes with the author's observations regarding appropriate steps to increase Russia's contribution to SDG 16 implementation.

Key words: UN, Sustainable Development Goal, SDG, Russia, BRICS, Collective Security Treaty Organization, SCO, CIS, Collective Security Treaty Organization, CSTO, Organization for Security and Co-operation in Europe, OSCE

Acknowledgements: This research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of a research project entitled "Evolution of Multilateral Development Cooperation Under the Auspices of the United Nations: From Development Decade to Sustainable Development Goals (SDGs)" project No. 18-014-00008.

For citation: Ignatov, A.A. (2021). Implementaion of SDG 16: Russia's Role and Actions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 372—387. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-372-387>

Введение

Цели устойчивого развития ООН (ЦУР), принятые в 2015 г., стали новой вехой в повестке содействия международному развитию ООН. ЦУР сменили собой Цели развития тысячелетия (ЦРТ), одобренные на Саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. Потребность принятия обновленной программы глобального развития обусловлена рядом противоречий, выявленных еще в процессе согласования восьми глобальных целей развития и оказавших непосредственное влияние на эффективность реализации ЦРТ наряду с международным финансовым кризисом 2008 г. [Ларионова 2020: 156—157].

Расширение повестки устойчивого развития привело к появлению в рамках ЦУР новых направлений сотрудничества, которые не были эксплицитно осмыслены и представлены в рамках ЦРТ. Ярким примером этого служит ЦУР 16 «Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях». Именно в рамках ЦУР 16 впервые в истории коллективных программ действий в области устойчивого развития была обозначена

взаимосвязь между качеством институтов и прогрессом в реализации заявленных целей, что подтверждается результатами имеющихся исследований [Gates, Hegre, Nygård, Strand 2012; Klinsky, Golub 2016; Cernev, Fenner 2020; Takian, Rajaeieh 2020]. Этот тезис поддерживает Институт экономики и мира (Institute for Economics and Peace) [Hope 2020: 58].

Сама идея ЦУР подразумевает неразрывность процессов интеграции Целей в национальные стратегии и развитие международного сотрудничества. Тем не менее по отдельным ЦУР, в частности ЦУР 16, вопрос о значимости международного сотрудничества для достижения поставленных задач остается недостаточно изученным.

Следует отметить, что ограниченность накопленных знаний касается не только реализации ЦУР 16 в принципе, но и роли отдельных стран в данном процессе, в частности Российской Федерации, на современном этапе выступающей в качестве одного из основных гарантов международного мира и безопасности на правах постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также ряда иных институтов глобального управления и региональных организаций. Представленная работа призвана отчасти сгладить выявленное противоречие.

Первый раздел статьи посвящен изучению имеющихся источников по рассматриваемой проблематике. Далее в статье рассматриваются примеры из деятельности России по реализации задач в рамках ЦУР 16. В заключении автором приведены несколько общих замечаний и рекомендаций относительно стратегических приоритетов России в деле реализации ЦУР 16 в международном масштабе.

Представленное исследование характеризуется наличием ряда ограничений в отношении рассматриваемых площадок и форматов, обусловленных, с одной стороны, недостаточной проработанностью избранной темы, что было определено на этапе анализа литературы, а с другой — ограниченностью располагаемых автором исследования ресурсов. Наряду с этим автор работы не преследовал цели произвести полную и глубокую качественную оценку предпринимаемых Россией шагов в контексте реализации задач ЦУР 16 с точки зрения их эффективности, в том числе в отношении выделяемых на эти цели средств. Оба обозначенных вопроса могут стать предметом более глубокого и основательного дальнейшего изучения.

Анализ литературы. Постановка проблемы

Особенности реализации ЦУР на современном этапе заслуженно привлекают внимание ученых и экспертов. Еще большую актуальность исследования в данной области приобретают на фоне распространения пандемии COVID-19. Подчеркивается, что в условиях вынужденных ограничений, обусловленных пандемией, реализация ЦУР сталкивается с препятствиями и ставится под вопрос, особенно в случае развивающихся стран [Barbier, Burgess 2020]. Несомненно и то, что пандемия COVID-19 нанесет существенный ущерб процессу достижения ЦУР в глобальном измерении, нивелируя успехи международного сотрудничества за последние несколько лет.

Большинство авторов имеющихся исследований рассматривают эффективность международного сотрудничества по реализации ЦУР с точки зрения выделяемых на цели

развития средств в целом. Отмечается, что основная ответственность за финансовую поддержку международного развития лежит на развитых странах, имеющих, помимо прочего, значительное влияние на процесс принятия решений в ключевых институтах глобального экономического регулирования, при этом в настоящее время выделяемый объем средств представляется недостаточным¹.

Исследования, посвященные непосредственно реализации ЦУР 16, носят ограниченный характер, что, как правило, выражается в смещении фокуса исследования на национальный или региональный аспекты реализации данной ЦУР [Nygård 2017; El Baradei 2019], в результате чего международная компонента отходит на второй план. Работы, в которых изучается реализация рассматриваемой ЦУР в международном контексте, зачастую намеренно ограничивают направления сотрудничества, сужая широкий спектр связанных с данной ЦУР действий² до отдельных показателей, например числа перемещенных лиц и беженцев [Cernev, Fenner 2020], или ограничивая сферу исследования изучением особенностей выполнения отдельных задач [Satterthwaite, Dhital 2019; Kelly, Henry 2019].

Имеющиеся исследования относительно участия России в реализации ЦУР следует также охарактеризовать как ограниченные. Отечественные и зарубежные авторы накопили некоторый опыт анализа особенностей имплементации ЦУР в Российской Федерации [Колмар, Сахаров 2019; Ланьшина, Барина, Логинова, Лавровский, Понедельник 2019; Ali, Hussain, Zhang, Nurunnabi, Li

¹ Kharas H., Dooley M. Sustainable development finance proposals for the global COVID-19 response // Brookings. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/08/Development-Financing-Options_Final.pdf (accessed: 11.12.2020). Подробнее см.: [Barua 2020; Lagoarde-Segot 2020].

² Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/> (дата обращения: 11.12.2020).

2018], однако рассмотренные исследования не затрагивают вопросы международного сотрудничества России в указанной области. Данный компонент также не освещается в рамках Добровольного национального обзора хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.³

В рамках настоящего исследования были проанализированы примеры участия России в реализации ЦУР 16 в международном измерении. Результаты работы представлены в табл. 1.

Отбор списка форматов и площадок международного взаимодействия в контексте реализации ЦУР 16 был осуществлен согласно положениям Концепции внешней политики Российской Федерации⁴. Приоритет был отдан площадкам, непосредственно упоминаемым в числе приоритетных в тексте Концепции⁵.

Дополнительным критерием при отборе выступал характер участия России в работе рассматриваемых площадок и организаций — главным образом таким институтам, в рамках которых Россия выступает постоянным членом или страной-учредителем⁶. Кроме того, при отборе учитывались особенности повестки того или иного института — предпочтение отдавалось политическим институтам в силу

специфики поставленных в рамках ЦУР 16 задач.

Таким образом, в итоговый список рассматриваемых площадок вошли Организация Объединенных Наций (ООН), БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)⁷.

Базой для анализа выступают документы, согласованные и принятые в рамках указанных форумов и организаций в период с 2015 по ноябрь 2020 г.⁸, а также решения, направленные на создание специализированных механизмов и форматов взаимодействия. Отобранные примеры были соотнесены с конкретной задачей / задачами ЦУР 16.

Анализ полученных результатов

ООН

ООН на современном этапе остается важнейшей международной организацией, координирующей международные усилия по реализации ЦУР 16. В контексте реализации ЦУР 16 через механизмы ООН Россия выступает и как инициатор новых проектов, и как непосредственный исполнитель согласованных многосторонних решений.

³ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/DNO.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.12.2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 11.12.2020)

⁵ Помимо ООН и организаций системы ООН в Концепции упоминаются еще 18 международных площадок, среди которых: «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, РИК (Россия — Индия — Китай), ВТО, СНГ, Союзное государство, ЕАЭС, ОДКБ, ОБСЕ, НАТО, ЕС, Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона, АСЕАН, Форум «Азия — Европа», Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Африканский союз.

⁶ В том числе на правах страны — правопреемницы СССР.

⁷ Согласно Концепции, «Группа двадцати» считается одной из важнейших площадок международного сотрудничества, однако «двадцатка» не была включена автором в итоговый список. Деятельность «Группы двадцати» вносит вклад в реализацию ЦУР, в том числе ЦУР 16, однако в силу особенностей повестки данного форума, который изначально создавался как институт экономического регулирования, вопросы, связанные с реализацией повестки обеспечения безопасности и стабильности (за исключением противодействия коррупции), не являются основным фокусом деятельности форума, вследствие чего автором статьи было принято решение не включать «двадцатку» в список рассматриваемых институтов.

⁸ В отдельных случаях допускалось включение действий, предпринятых за рамками обозначенного периода, например, создание КСОР ОДКБ в 2009 г. При отборе автор принимал во внимание подобные факты, если предпринятое действие соответствует характеру задач в рамках ЦУР 16, а также остается актуальным в рамках рассматриваемого периода (2015—2020 гг.).

Таблица 1

Деятельность России по реализации ЦУР 16 в международном масштабе

	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
ООН	Участие в миротворческих операциях, конвенциях	Взносы в бюджет ЮНИСЕФ	Участие в миротворческих операциях	Участница международных конвенций	
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	Участие в миротворческих операциях	Участница международных конвенций	Финансирование проектов ПРООН согласно Рамочному соглашению и вне Соглашения	Участница международных конвенций	Резолюция о международной информационной безопасности
	16.a			16.b	
	Участие в миротворческих операциях, финансирование проектов ПРООН согласно Рамочному соглашению и вне Соглашения			Участница международных конвенций	
БРИКС	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	—	—	Декларируемый приоритет поддержания авторитета международного права; Форум Верховных судов БРИКС	Взаимодействие в формате встреч представителей по вопросам безопасности	Антикоррупционная рабочая группа БРИКС (2015)
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	—	—	Работа формата БРИКС+, поддержка перераспределения квот	—	Рабочая группа БРИКС по вопросам борьбы с терроризмом; Антитеррористическая стратегия БРИКС (2020)
	16.a			16.b	
Рабочая группа БРИКС по вопросам борьбы с терроризмом; Антитеррористическая стратегия БРИКС (2020)			Форум Верховных судов БРИКС		
ШОС	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	Создание и поддержание работы РАТС ШОС	—	Многостороннее взаимодействие Верховных судов	Взаимодействие на уровне Советов безопасности	—
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	—	—	Инициирован статус страны — партнера по диалогу	—	Совместное Заявление о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет (2020)
	16.a			16.b	
Взаимодействие на уровне Советов безопасности, совместные антитеррористические учения «Мирная миссия»			—		
СНГ	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	—	—	Многостороннее взаимодействие Координационного совета генеральных прокуроров МПА СНГ	Антитеррористический центр СНГ, Совет командующих пограничными войсками, Совета руководителей финансовой разведки	Межгосударственный совет по противодействию коррупции; Концепция сотрудничества в противодействии коррупции
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
Взаимодействие в формате МИМРД МПА СНГ			Совет руководителей миграционных органов	Межпарламентская Ассамблея СНГ	

Таблица 1 (окончание)

СНГ	16.a			16.b	
	Антитеррористический центр СНГ; Соглашение об обмене информацией в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием (2017)			Межпарламентская Ассамблея СНГ	
ОБСЕ	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	Страна-сопредседатель Минской группы; финансирование Организации	Финансирование деятельности Организации			
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	Финансирование деятельности Организации	—			Взаимодействие с Представителем ОБСЕ по вопросам свободы СМИ
	16.a			16.b	
	Финансирование деятельности Организации			—	
ОДКБ	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	Создание и поддержание КСОП (2009)	—		Создание и поддержание КСОП (2009)	—
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	—				
	16.a			16.b	
	Создание и поддержание КСОП (2009)			—	

Источник: составлено автором.

Table 1

Russia's Actions on International Implementation SDG 16

UN	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	Peace-keeping operations, conventions	Donations to UNICEF	Peace-keeping operations	Party to international conventions	
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	Peace-keeping operations	Party to international conventions	Donations to UNDP projects under the Framework agreement's provision and beyond	Party to international conventions	Draft Resolution on international information security
	16.a			16.b	
	Peace-keeping operations; donations to UNDP projects under the Framework agreement's provision and beyond			Party to international conventions	
BRICS	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	—		Declared support for international law; BRICS Chief Justices Forum	Regular meetings of High representatives for security issues	BRICS Anti-Corruption Working Group (2015)
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	—		BRICS+ format; support for quota-reallocation reform	—	BRICS Counter-Terrorism Working Group; BRICS Counter-Terrorism Strategy (2020)
	16.a			16.b	
BRICS Counter-Terrorism Working Group; BRICS Counter-Terrorism Strategy (2020)			Declared support for international law; BRICS Chief Justices Forum		

Table 1 (end)

	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
SCO	Establishment and maintenance of SCO RATS	—	High Courts multilateral cooperation	Security Councils' cooperation	—
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	—		Establishment of a Dialog-Partner Country status	—	Declaration on Combating proliferation of terrorist, separatist and extremist ideology, including via the Internet (2020)
	16.a			16.b	
	Security Councils' cooperation; joint counter-terrorist exercises 'Peaceful Mission'			—	
CIS	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	—		Cooperation via the General Prosecutors' Coordination Council of the CIS Inter-Parliamentary Assembly	CIS Counter-Terrorism Center; Border-Security Forces Chiefs Council; the Financial Intelligence Chiefs Council	Inter-Governmental Anti-Corruption Council; Concept note on Anti-Bribery and Anti-Corruption Cooperation
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	CIS Inter-Parliamentary International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarism and Suffrage Protection of Citizens (IIMDD)		CIS Executive Committee cooperation agreements	Migration Offices Chief Officials Council	CIS Inter-Parliamentary Assembly
	16.a			16.b	
	CIS Counter-Terrorism Center; Agreement on Information Sharing Concerning Anti-Terrorism Activities and Violent Extremism Including Financing (2017)			CIS Inter-Parliamentary Assembly	
OSCE	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	OSCE Minsk Group co-chair; OSCE financing	OSCE Financing			
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	OSCE Financing		—		Cooperation with the OSCE Representative on Mass Media
	16.a			16.b	
OSCE Financing			—		
CSTO	16.1	16.2	16.3	16.4	16.5
	Establishment and maintenance of the Collective Forces of Rapid Reaction — CORF (2009)	—		Establishment and maintenance of the Collective Forces of Rapid Reaction — CORF (2009)	—
	16.6	16.7	16.8	16.9	16.10
	—			—	
	16.a			16.b	
Establishment and maintenance of the Collective Forces of Rapid Reaction — CORF (2009)			—		

Source: compiled by the author.

Значительным вкладом в дело реализации ЦУР 16 представляется участие российских миротворцев в операциях под эгидой ООН⁹ в ключевых регионах мира, а также финансирование данных операций из средств российского бюджета¹⁰. Россия рассматривает миротворчество в качестве одной из основных функций ООН и важнейшим инструментом снижения уровня конфликтов в международных отношениях и управления кризисами [Братерский 2018: 159]. Только за период с 2015 по октябрь 2020 г. российские миротворцы — полицейские, служащие вооруженных сил и эксперты — приняли участие в десяти операциях ООН, призванных обеспечить сохранение мира и стабильности в ключевых регионах планеты, что является непременным условием установления верховенства права и нормальной работы репрезентативных органов на всех уровнях¹¹.

Россия вносит свой вклад в реализацию программ, направленных на расширение участия развивающихся государств в глобальном

⁹ Следует отметить, что по численности направляемого для участия в миротворческих операциях ООН персонала (гражданских и военных специалистов) Россия уступает странам-лидерам по данному показателю. В 2015—2020 гг. российский контингент в среднем составлял 83 человека, тогда как в период с 2000 по 2014 г. средняя численность российского контингента достигала 256 человек. «Пятерку» мировых лидеров по состоянию на 31 октября 2020 г. составляют Бангладеш, Эфиопия, Руанда, Непал и Индия, контингенты которых по численности превышают пять тысяч человек каждый. См.: Troops and Police Contributors // United Nations peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 11.12.2020). За все время проведения миротворческих операций Россия потеряла 51 миротворца. См. Total Fatalities since 1948 // United Nations peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/fatalities> (accessed: 11.12.2020).

¹⁰ Вклад России составляет не менее 3,04 % суммы запланированных расходов (порядка 197 млн долл. США). Аналогичные взносы запланированы на 2020—2021 гг. См.: Осуществление резолюций 55/235 и 55/236 Генеральной Ассамблеи. Доклад Генерального секретаря // ООН. 24.12.2018. URL: <https://undocs.org/ru/A/73/350/Add.1> (дата обращения: 11.12.2020).

¹¹ Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post Police, UN Military Experts on Mission, Staff Officers and Troops // United Nations peacekeeping. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_summary_of_contributions_30.pdf (accessed: 11.12.2020)

управлении, в частности, выделяла средства для реализации программы, направленной на помощь Беларуси в процессе вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО)¹². Россия также последовательно выступает в поддержку реформы ключевых органов ООН для наилучшего представления интересов развивающихся стран, в частности среди партнеров по БРИКС.

Российская Федерация является участником множества международных конвенций, связанных с теми или иными аспектами реализации ЦУР 16, принятых на уровне ООН, в том числе как страна — правопреемница СССР. Отметим следующие примеры: Конвенция ООН против коррупции 2003 г.; Конвенция по борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; Конвенция о статусе апатридов 1954 г.; Конвенция о сокращении безгражданства 1961 г.; Конвенция о правах инвалидов 2006 г. Россия также поддержала принятие Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г.

Важно отметить инициативы России, направленные на выработку международного консенсуса в вопросах информационной безопасности. В 2018 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла две предложенные Россией резолюции по указанной проблематике¹³. В 2019 г. Россия внесла на обсуждение Генеральной Ассамблеи проект резолюции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях, призванный «как можно больше осовременить»¹⁴ Будапештскую конвенцию, принятую в 2001 г. Проект резолюции, поддержанный 79 голосами «за», предполагает учреждение специального межправительственного комитета экспертов

¹² Russia — UNDP Partnership. URL: <https://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/partnerships/russa-undp-partnership.html> (accessed: 11.12.2020).

¹³ Зиновьева Е.С. Дипломатическое наступление России в области информационной безопасности // МГИМО. 22.11.2018. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/diplomaticheskoe-nastuplenie-rossii-v-oblasti-informatsionnoy-bezopasnosti/#1> (дата обращения: 11.12.2020).

¹⁴ ГА ООН приняла резолюцию России по разработке конвенции для борьбы с киберпреступлениями // ТАСС. 28.12.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7439717> (дата обращения: 11.12.2020).

открытого состава «для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»¹⁵.

БРИКС

Межгосударственный форум БРИКС, постоянными членами которого являются Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, представляет собой одну из важнейших международных переговорных площадок. Россия стояла у истоков межгосударственного форума БРИКС и остается одним из наиболее активных участников объединения, которое служит платформой для согласования коллективных позиций «пятерки» по вопросам, касающимся достижения задач в рамках ЦУР 16¹⁶.

Представляется обоснованным утверждение о том, что БРИКС своей деятельностью косвенно способствует реализации большинства задач, связанных с ЦУР 16. Самой первой декларацией, принятой по итогам саммита БРИК в Екатеринбурге в 2009 г., страны-партнеры объявили целью работы форума формирование «более демократичного и справедливого многополярного миропорядка, основанного на верховенстве международного права»¹⁷. «Пятерка» также выражает активную поддержку наращиванию участия развивающихся стран в глобальном управлении посредством аутрич-механизма БРИКС+¹⁸.

Россия последовательно выступает за реализацию на платформе БРИКС повестки противодействия коррупции. В 2015 г. в ходе

российского председательства в «пятерке» был дан старт работе Антикоррупционной рабочей группы БРИКС. Наряду с рабочей группой Россия на правах председателя обеспечила включение в список постоянно действующих механизмов взаимодействия встречи старших должностных лиц по противодействию коррупции [Ларионова, Игнатов, Попова, Сахаров, Шелепов 2020: 72].

Российская Федерация инициировала обсуждение мер противодействия терроризму и экстремизму на платформе БРИКС в 2015 г. на уровне высоких представителей стран БРИКС, курирующих вопросы безопасности. Наряду с противодействием терроризму высокие представители по вопросам безопасности курируют противодействие всем формам организованной преступности, в том числе наркоторговле¹⁹. Для практической реализации приоритетов сотрудничества в данной области в 2016 г. БРИКС была создана специальная Рабочая группа, ключевым направлением деятельности которой является борьба с финансированием терроризма и использованием информационных и коммуникационных технологий для противоправной деятельности [Ларионова, Игнатов, Попова, Сахаров, Шелепов 2020: 72]. В ходе председательства России в БРИКС в 2020 г. была согласована и принята Антитеррористическая стратегия БРИКС, закрепившая основные принципы и цели сотрудничества «пятерки» в данной области²⁰.

Председательство России в БРИКС в 2020 г. примечательно и тем, что работа иных форматов сотрудничества, связанных с реализацией ЦУР 16, например, представителей Верховных судов²¹, не была прервана даже в

¹⁵ Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // ООН. 20.01.2020. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/247> (дата обращения: 11.12.2020).

¹⁶ Отдельные задачи в рамках ЦУР 16 не входят в спектр практического взаимодействия стран-партнеров в рамках БРИКС. К таковым относятся задачи 16.1, 16.2 и 16.9.

¹⁷ Совместное заявление лидеров стран БРИК. Екатеринбург, 16 июня 2009 г. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/20090616_BRIC_summit.pdf (дата обращения: 11.12.2020).

¹⁸ Например, в 2018 г. в рамках председательства ЮАР к обсуждению были приглашены Аргентина, Индонезия, Египет, Ямайка и Турция.

¹⁹ Высокие представители стран БРИКС обсудили актуальные вопросы сотрудничества «пятерки» в сфере безопасности // БРИКС. 18.09.2020. URL: <https://brics-russia2020.ru/news/20200918/581844/Vysokie-predstaviteli-stran-BRIKS-obsudili-aktualnye-voprosy-sotrudnichestva-pyaterki-v-sfere.html> (дата обращения: 11.12.2020).

²⁰ Антитеррористическая стратегия БРИКС // БРИКС. Ноябрь 2020. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148163.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).

²¹ Меры поддержки граждан и бизнеса обсудили на форуме Председателей Верховных судов стран БРИКС // РАНХиГС. 08.09.2020. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/>

условиях ограничений, связанных с распространением коронавируса.

ШОС

Созданная в 2001 г., в настоящее время ШОС представляет собой один из наиболее значимых региональных механизмов обеспечения коллективной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму [Муратбекова 2019: 139]. Россия стоит у истоков организации, являясь членом «Шанхайской пятерки» стран — основателей ШОС.

Исходные задачи и сформировавшаяся за годы работы идентичность ШОС [Муратбекова 2019] предопределяет достаточно ограниченную сферу совпадения повестки сотрудничества организации и задач в рамках ЦУР 16. Ключевые задачи в данном контексте — 16.3, 16.4 и 16.a²².

В 2019—2020 гг. Россия одновременно была страной — председателем ШОС и БРИКС. Как уже было отмечено, Россия обеспечила поддержание нормальной работы большинства рабочих форматов, несмотря на ограничения, связанные с распространением COVID-19. В контексте ШОС необходимо отметить проведение встреч на уровне Верховных судов стран — членов ШОС²³, глав военных ведомств²⁴, секретарей Советов безопасности²⁵.

news/meriy-podderzhki-grazhdan-i-biznesa-obsudili-na-forume-predsedateley-verkhovnykh-sudov-stran-briks/ (дата обращения: 11.12.2020).

²² Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/> (дата обращения: 27.04.2020).

²³ XV Совещание председателей Верховных судов государств-членов ШОС в режиме видео-конференц-связи // Верховный Суд Российской Федерации. 30.10.2020. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/29371/ (дата обращения: 11.12.2020).

²⁴ В Подмоскowie под руководством Министра обороны России прошло совместное заседание глав военных ведомств стран ШОС, СНГ и ОДКБ // ШОС. 07.09.2020. URL: <https://sco-russia2020.ru/news/20200907/709064/V-Podmoskove-pod-rukovodstvom->

Одним из ключевых достижений России в содействии реализации повестки противодействия терроризму на платформе ШОС является согласование решения о создании Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС ШОС). Учрежденная на встрече в Санкт-Петербурге в 2002 г., РАТС предотвратила осуществление порядка 600 планируемых террористических актов [Муратбекова 2019: 146], способствуя тем самым сокращению показателя смертности от применения насилия.

Продолжая многолетний процесс выработки коллективной позиции по вопросам глобальной информационной безопасности, Россия еще в 2009 г. добилась принятия Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности²⁶, на базе которого в 2011 г. были составлены Правила поведения государств в области обеспечения международной информационной безопасности. Наконец, в 2020 г. в ходе очередного российского председательства в ШОС главы государств-членов согласовали совместное Заявление о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет²⁷.

Ministra-oborony-Rossii-proshlo-sovmestnoe-zasedanie-glav-voennykh.html (дата обращения: 11.12.2020).

²⁵ Под председательством российской стороны в режиме видеоконференции состоялась пятнадцатая Встреча Секретарей Советов безопасности государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // ШОС. 16.09.2020. URL: <https://sco-russia2020.ru/news/20200916/760684/Pod-predsedatelstvom-rossiyskoy-storony-v-rezhime-videokonferentsii-sostoyalas-pyatnadsataya-Vstrecha.html> (дата обращения: 11.12.2020).

²⁶ Ибрагимова Г. Информационная безопасность в повестке дня ШОС: на пути к саммиту 2015 г. в Уфе // ПИР-Центр. 16.07.2014. URL: <https://www.pircenter.org/media/content/files/12/14056985180.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).

²⁷ Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет // ШОС. 10.11.2020. URL: <https://sco-russia2020.ru/images/108/44/1084438.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).

СНГ

СНГ выступает ведущей на постсоветском пространстве организацией широкого профиля, деятельность которой содействует реализации задач ЦУР 16 на международной основе. Россия является членом СНГ с момента создания организации. За годы своего существования на базе СНГ было создано значительное количество рабочих форматов и механизмов, позволяющих осуществлять координацию и практическое сотрудничество по большинству направлений, связанных с реализацией ЦУР 16.

В настоящий момент в состав СНГ входят 9 стран, многие из которых могут быть отнесены к группе развивающихся государств согласно принятым международным стандартам²⁸. Исполнительный комитет СНГ осуществляет взаимодействие со множеством международных организаций, в частности ООН²⁹. Деятельность Исполкома может рассматриваться как мера расширения и активизации участия развивающихся стран в глобальном управлении.

Обладая статусом ведущего члена Содружества, Россия активно содействует реализации ключевых задач в рамках ЦУР 16. На правах председателя СНГ в 2017 г. Россия согласовала принятие двух важных документов — Концепции сотрудничества в противодействии коррупции³⁰ и Концепции сотрудничества в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового

уничтожения³¹. Кроме того, и в период собственного председательства, и в ходе председательств стран — партнеров по СНГ, Россия неизменно содействует обеспечению преемственности решений и эффективной работе рабочих форматов СНГ, таких как Анти-террористический центр СНГ³², Межпарламентская Ассамблея СНГ, курирующая вопросы совершенствования правовых систем стран-членов и мониторинга соблюдения выборных процедур³³, и Исполнительный комитет СНГ. Кроме того, в концепцию председательства России в СНГ в 2017 г. были заложены вопросы обеспечения основных прав и свобод для лиц без гражданства, проживающих на территории СНГ³⁴.

Таким образом, среди рассматриваемых форматов СНГ выделяется широким охватом деятельности, по сути связанной с реализацией задач ЦУР 16. Исключением являются задачи 16.1 и 16.2, в отношении которых не были обнаружены конкретные примеры деятельности органов Содружества.

²⁸ World Situation Prospects. Statistical annex // United Nations. 2020. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2020_Annex.pdf (accessed: 11.12.2020).

²⁹ Международные организации, с рабочими органами которых Исполнительный комитет СНГ имеет договорные отношения о сотрудничестве // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3715/83791/> (дата обращения: 11.12.2020).

³⁰ Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в противодействии коррупции // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. 11.10.2017. URL: <https://cis.minsk.by/page/show?id=19285> (дата обращения: 11.12.2020).

³¹ Концепция сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения // Антитеррористический центр государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/9032> (дата обращения: 11.12.2020).

³² Совместные антитеррористические учения государств — участников СНГ // Антитеррористический центр государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://www.cisatc.org/1289/133/161> (дата обращения: 11.12.2020).

³³ На момент написания статьи был осуществлен мониторинг «около 130 избирательных кампаний и референдумов». См.: Межпарламентская Ассамблея: главная площадка для взаимодействия парламентариев СНГ // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: https://iacis.ru/ob_organizacii/chto_takoe_mpa_sng (дата обращения: 11.12.2020).

³⁴ Концепция председательства Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2017 году // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. 23.12.2016. URL: <http://cis.minsk.by/page/show?id=19235> (дата обращения: 11.12.2020).

ОДКБ

ОДКБ осуществляет взаимодействие по широкому кругу вопросов, связанных с обеспечением безопасности на пространстве стран — членов Организации. В настоящее время статус членом имеют 6 государств. В сферу деятельности ОДКБ отнесены компетенции по созданию единой для государств-членов системы реагирования на кризисные ситуации, угрожающие их безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету³⁵.

Деятельность Организации непосредственно направлена на решение вопросов, связанных с сокращением смертности от применения насилия, прежде всего в условиях внутри- и межгосударственных конфликтов, а также в результате террористической деятельности. Основным инструментом реализации приоритетов сотрудничества в данных областях выступают Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), создание которых было инициировано Россией в 2008—2009 гг. КСОР принимают участие в мероприятиях, связанных с устранением террористической угрозы и борьбой с организованной преступностью, охраной государственных границ.

Следует также отметить, что Россия прилагает значительные усилия для координации деятельности органов ОДКБ с другими организациями в сфере поддержания региональной безопасности и стабильности, в частности ШОС и СНГ. Например, в 2020 г. в рамках председательства России в ШОС было принято решение о проведении совместных антитеррористических учений ШОС, ОДКБ и СНГ³⁶.

³⁵ Статья 8 Устава ОДКБ. См.: Устав Организации Договора о коллективной безопасности // ОДКБ. 26.04.2012. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti/ (дата обращения: 18.11.2020).

³⁶ ШОС, СНГ и ОДКБ впервые проведут совместные учения по борьбе с терроризмом // Коммерсант. 04.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4481736> (дата обращения: 11.12.2020).

ОБСЕ

Основной фокус деятельности ОБСЕ — обеспечение безопасности на пространстве стран-партнеров. В сферу компетенции ОБСЕ входит борьба с террористической угрозой, незаконным оборотом наркотических средств, организованной преступностью, безопасностью при использовании ИКТ. Тем самым ОБСЕ содействует реализации целого перечня задач, связанных с ЦУР 16. Россия на правах страны — правопреемницы СССР выступает в качестве инициатора Хельсинкского процесса, а русский язык является одним из рабочих языков Организации.

Важным в рассматриваемом контексте представляется участие России в работе Минской группы ОБСЕ по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта. Россия сопредседательствует в Минской группе вместе с США и Францией. Ключевая задача группы — мирное урегулирование конфликта между Арменией и Азербайджаном. Несмотря на возобновление боевых столкновений в спорном районе осенью 2020 г.³⁷, Минская группа продолжает предоставлять посреднические услуги, необходимые для достижения договоренностей между противостоящими сторонами и предотвращения обострения ситуации.

В контексте деятельности ОБСЕ по обеспечению доступа общественности к достоверной информации следует отметить взаимодействие России с Представителем ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. Например, в 2019 г. в Москве была организована конференция высокого уровня по обеспечению безопасности журналистов, участие в которой принимал Представитель ОБСЕ³⁸.

³⁷ Гончаренко Р. Нагорный Карабах: что изменилось осенью 2020 года (инфографика) // DW. 13.11.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/nagornyj-karabakh-cto-izmenilos-osenju-2020-goda/a-55596211> (дата обращения: 11.12.2020).

³⁸ Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ проведет в Москве конференцию по вопросам свободы СМИ и безопасности журналистов в России и регионе ОБСЕ // ОБСЕ. 21.10.2019. URL: <https://www.osce.org/ru/representative-on-freedom-of-media/436796> (дата обращения: 11.12.2020).

Несмотря на высокий статус России в ОБСЕ как страны — правопреемницы СССР, сыгравшего значительную роль на начальном этапе создания Организации, на современном этапе в контексте содействия России реализации ЦУР 16 в международном измерении роль ОБСЕ может быть охарактеризована как второстепенная. Российская сторона на постоянной основе участвует в работе Минской группы, однако события осени 2020 г. и последующее урегулирование ситуации силами противоборствующих сторон в обход механизмов Минской группы³⁹ ставят под вопрос эффективность дальнейшей работы данного формата. За исключением Минской группы основной формой участия России в деятельности ОБСЕ в настоящее время является внесение регулярных взносов в фонд Организации⁴⁰.

Заключение

В рамках настоящей статьи были проанализированы имеющиеся исследования по вопросу международного аспекта реализации ЦУР 16. Было выявлено, что имеющиеся работы носят ограниченный характер, что, как правило, выражается в сужении сферы исследования до узкого перечня задач, связанных с реализацией ЦУР 16. Было также установлено, что вклад России в реализацию ЦУР 16 на международном уровне изучен недостаточно глубоко. Представленная работа была призвана восполнить обнаруженные пробелы.

Относительно роли и вклада России в поддержание международной стабильности и

безопасности в соответствии с задачами ЦУР 16 следует отметить, что даже с учетом высокого статуса России в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН в международном контексте преимущество отдается региональным форматам сотрудничества, таким как ШОС, СНГ и ОДКБ. Россия выполняет свои международные обязательства в качестве одного из ключевых государств — членов ООН, направляя военный и гражданский персонал для выполнения полевых миссий под эгидой Организации, а также оказывая финансовую поддержку деятельности ООН в области международной безопасности, но в то же время большее внимание Россия уделяет вопросам безопасности в странах ближнего зарубежья, что подтверждает недавний пример разрешения кризиса в Нагорном Карабахе, куда по согласованию с вовлеченными сторонами был направлен российский воинский контингент, существенно превосходящий по численности персонал, предоставляемый для участия в миссиях, санкционированных ООН.

На основании проделанного исследования в заключении настоящей статьи целесообразно привести несколько общих замечаний относительно стратегии дальнейшего участия России в процессе реализации ЦУР 16 в международном измерении.

Представляется перспективным расширение повестки неформальных институтов глобального управления, среди которых следует выделить БРИКС, в сферах, непосредственно связанных с реализацией ЦУР 16. Преимуществом БРИКС является гибкость повестки, а отсутствие формальной обязательности принимаемых решений открывает широкие возможности для выработки коллективных решений относительно целого ряда задач в рамках ЦУР 16. Ключевой задачей для России в ходе будущих председательств в БРИКС⁴¹ может стать согласование позиции «пятерки» в вопросах информационной

³⁹ Договоренности о прекращении огня на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе обсуждались в трехстороннем формате Россия — Азербайджан — Армения. В том же составе было принято решение о вводе контингента российских миротворцев в зону конфликта. См.: Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 10.11.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 11.12.2020).

⁴⁰ Россия в ОБСЕ // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/rossia-i-diskussii-o-budusem-obse> (accessed: 11.12.2020).

⁴¹ Согласно устоявшемуся порядку ротации председательств, Россия примет на себя роль принимающей стороны в 2025 и в 2030 г.

безопасности для дальнейшего представления в рамках более широких площадок, в том числе в «Группе двадцати» и далее — в ООН. Наряду с продолжением работы по обеспечению общественности доступом к информации органичным дополнением к повестке БРИКС может стать совместная деятельность по защите детей от проявления насилия и в целом по сокращению насильственной смертности.

Кроме того, представляется необходимым дальнейшая координация совместных действий стран — участниц ОДКБ, ШОС и СНГ в вопросах противодействия экстремизму и террористической угрозе. Опыт,

полученный в 2020 г., создает положительный прецедент для действий в будущем, что, безусловно, окажет позитивное влияние на качество взаимодействия по данному направлению в силу разности природы указанных институтов и располагаемых ими инструментов. Роль России как постоянного члена всех трех указанных организаций в данном контексте состоит в применении своих сравнительных преимуществ в качестве ведущего игрока на обширном евразийском пространстве безопасности для согласования позиций стран-партнеров и сближения повестки рассматриваемых институтов.

Поступила в редакцию / Received: 12.12.2020

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список

- Братерский М.В.* Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // *Вестник международных организаций*. 2018. Т. 13. № 1. С. 157—170. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-09
- Колмар О.И., Сахаров А.Г.* Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 1. С. 189—206. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-11
- Ланьшина Т.А., Барина В.А., Логинова А.Д., Лавровский Е.П., Понедельник И.В.* Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах — лидерах в данной сфере // *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 1. С. 207—224. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-12
- Ларионова М.В.* Вызовы достижения Целей развития тысячелетия // *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 1. С. 155—176. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-07
- Ларионова М.В., Игнатов А.А., Попова И.М., Сахаров А.Г., Шелепов А.В.* Десять лет БРИКС: что дальше? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
- Муратбекова А.* Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 4. С. 138—160.
- Ali S., Hussain T., Zhang G., Nurunnabi M., Li B.* The implementation of Sustainable Development Goals in “BRICS” countries // *Sustainability (Switzerland)*. 2018. Vol. 10. Iss. 7. P. 1—14. DOI: 10.3390/su10072513
- Barbier E.B., Burgess J.C.* Sustainability and development after COVID-19 // *World Development*. 2020. Vol. 135. P. 1—4. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105082
- Barua S.* Financing Sustainable Development Goals: A review of challenges and mitigation strategies // *Business Strategy and Development*. 2020. Vol. 3. No. 3. P. 277—293. DOI: 10.1002/bsd2.94
- Cernev T., Fenner R.* The importance of achieving foundational Sustainable Development Goals in reducing global risk // *Futures*. 2020. Vol. 115. P. 1—12. DOI: 10.1016/j.futures.2019.102492
- El Baradei L.* Politics of evidence based policy making: Reporting on SDG 16 in Egypt // *International Journal of Public Administration*. 2019. Vol. 43. Iss. 5. P. 425—440. DOI: 10.1080/01900692.2019.1668414
- Gates S., Hegre H., Nygård H.M., Strand H.* Development consequences of armed conflict // *World Development*. 2012. Vol. 40. Iss. 9. P. 1713—1722. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.04.031
- Hope K.R. Sr.* Peace, justice and inclusive institutions: Overcoming challenges to the implementation of Sustainable Development Goal 16 // *Global Change, Peace and Security*. 2020. Vol. 32. Iss. 1. P. 57—77. DOI: 10.1080/14781158.2019.1667320
- Kelly W.E., Henry W.P.* Anti-corruption, ethics, sustainable infrastructure, and the UN Sustainable Development Goals // *International Conference on Sustainable Infrastructure 2019: Leading Resilient Communities*

- through the 21st Century: Proceedings of the International Conference on Sustainable Infrastructure. 2019. P. 626—633. DOI: 10.1061/9780784482650.067
- Klinsky S., Golub A. Sustainability science // Justice and Sustainability / Ed. by H. Heinrichs, P. Martens, G. Michelsen, A. Wiek. Dordrecht, Netherlands: Springer, 2016. P. 161—173.
- Lagoarde-Segot T. Financing the Sustainable Development Goals // Sustainability. 2020. Vol. 12. Iss. 7. P. 1—22. DOI: 10.3390/su12072775
- Nygård H.M. Achieving the sustainable development agenda: The governance — conflict nexus // International Area Studies Review. 2017. Vol. 20. Iss. 1. P. 3—18. DOI: 10.1177/2233865916683609
- Satterthwaite M., Dhital S. Measuring access to justice: Transformation and technicality is SDG 16.3 // Global Policy. 2019. Vol. 10. Iss. S1. P. 96—109. DOI: 10.1111/1758-5899.12597
- Takian A., Rajaeieh G. Peace, health, and sustainable development in the Middle East // Archives of Iranian Medicine. 2020. Vol. 23. Iss. 4. P. 23—26. DOI: 10.34172/AIM.2020.S5

References

- Ali, S., Hussain, T., Zhang, G., Nurunnabi, M., & Li, B. (2018). The implementation of Sustainable Development Goals in “BRICS” countries. *Sustainability (Switzerland)*, 10(7), 1—14. <https://doi.org/10.3390/su10072513>
- Barbier, E.B., & Burgess, J.C. (2020). Sustainability and development after COVID-19. *World Development*, 135, 1—4. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105082>
- Barua, S. (2020). Financing Sustainable Development Goals: A review of challenges and mitigation strategies. *Business Strategy and Development*, 3(3), 277—293. <https://doi.org/10.1002/bsd2.94>
- Bratersky, M.V. (2018). Russia and peacekeeping operations: Conceptual and practical components of Russia’s policy. *International Organisations Research Journal*, 13(1), 157—170. (In Russian and English). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-09>
- Cernev, T., & Fenner, R. (2020). The importance of achieving foundational Sustainable Development Goals in reducing global risk. *Futures*, 115, 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.102492>
- El Baradei, L. (2019). Politics of evidence based policy making: Reporting on SDG 16 in Egypt. *International Journal of Public Administration*, 43(5), 425—440. <https://doi.org/10.1080/01900692.2019.1668414>
- Gates, S., Hegre, H., Nygård, H.M., & Strand, H. (2012). Development consequences of armed conflict. *World Development*, 40(9), 1713—1722. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2012.04.031>
- Hope, K.R. Sr. (2020). Peace, justice and inclusive institutions: Overcoming challenges to the implementation of Sustainable Development Goal 16. *Global Change, Peace and Security*, 32(1), 57—77. <https://doi.org/10.1080/14781158.2019.1667320>
- Kelly, W.E., & Henry, W.P. (2019). Anti-corruption, ethics, sustainable infrastructure, and the UN Sustainable Development Goals. *International Conference on Sustainable Infrastructure 2019: Leading Resilient Communities through the 21st Century: Proceedings of the International Conference on Sustainable Infrastructure 2019*, 626—633. <https://doi.org/10.1061/9780784482650.067>
- Klinsky, S., & Golub, A. (2016). Justice and sustainability. In H. Heinrichs, P. Martens, G. Michelsen & A. Wiek (Eds.), *Sustainability science* (pp. 161—173). Dordrecht, Netherlands: Springer.
- Kolmar, O.I., & Sakharov, A.G. (2019). Prospects of implementation of the UN SDG in Russia. *International Organisations Research Journal*, 14(1), 189—206. (In Russian and English). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11>
- Lagoarde-Segot, T. (2020). Financing the Sustainable Development Goals. *Sustainability*, 12(7), 1—22. <https://doi.org/10.3390/su12072775>
- Lanshina, T.A., Barinova, V.A., Loginova, A.D., Lavrovsky, E.P., & Ponedelnik, I.V. (2019). Localizing and achieving the Sustainable Development Goals at the national level: Cases of leadership. *International Organisations Research Journal*, 14(1), 207—224. (In Russian and English). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-201901-12>
- Larionova, M.V. (2020). The challenges of attaining the Millennium Development Goals (MDGs). *International Organisations Research Journal*, 15(1), 155—176. (In Russian and English). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-07>
- Larionova, M.V., Ignatov, A.A., Popova, I.M., Sakharov, A.G., & Shelepov, A.V. (2020). BRICS at Ten: The Way Forward. Moscow: Izdatel’skij dom “Delo” RANHiGS publ. (In Russian).

- Muratbekova, A. (2019). Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's identity crisis: What is next? *International Organisations Research Journal*, 14(4), 138—160. (In Russian and English).
- Nygård, H.M. (2017). Achieving the sustainable development agenda: The governance — conflict nexus. *International Area Studies Review*, 20(1), 3—18. <https://doi.org/10.1177/2233865916683609>
- Satterthwaite, M., & Dhital, S. (2019). Measuring access to justice: Transformation and technicality is SDG 16.3. *Global Policy*, 10(S1), 96—109. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12597>
- Takian, A., & Rajaeieh, G. (2020). Peace, health, and sustainable development in the Middle East. *Archives of Iranian Medicine*, 23(4), 23—26. <https://doi.org/10.34172/AIM.2020.S5>

Сведения об авторе: *Игнатов Александр Александрович* — научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ORCID: 0000-0001-6740-4454; e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

About the author: *Ignatov Alexander Alexandrovich* — Researcher, Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; ORCID: 0000-0001-6740-4454; e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-388-391

Рецензия на книгу:
Fouskas V.K., Roy-Mukherjee S., Huang Q., Udeogu E.
China & the USA: Globalisation and the Decline of America's Supremacy.
London, New York: Palgrave Macmillan, 2021. 102 p.

А.И. Салицкий

ИМЭМО РАН, Москва, Российская Федерация
✉sal.55@mail.ru

Для цитирования: Салицкий А.И. Рецензия на книгу: Fouskas V.K., Roy-Mukherjee S., Huang Q., Udeogu E. China & the USA: Globalisation and the Decline of America's Supremacy. London, New York: Palgrave Macmillan, 2021. 102 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 388—391. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-388-391

Book review:
Fouskas, V.K., Roy-Mukherjee, S., Huang, Q., & Udeogu, E. (2021).
China & the USA: Globalisation and the Decline of America's Supremacy.
London, New York: Palgrave Macmillan, 102 p.

Alexander I. Salitskii

IMEMO RAS, Moscow, Russian Federation
✉sal.55@mail.ru

For citation: Salitskii, A.I. (2021). Book review: Fouskas, V.K., Roy-Mukherjee, S., Huang, Q., & Udeogu, E. (2021). China & the USA: Globalisation and the Decline of America's Supremacy. London, New York: Palgrave Macmillan, 102 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 388—391. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-388-391>

В августе 2020 г. увидела свет небольшая монография четырех авторов *China & the USA: Globalisation and the decline of America's supremacy* [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021]. В работе, написанной в

обстановке развернувшегося ковидного кризиса и столь же острого противостояния США и Китая, видна оригинальная и глубокая проработка ряда крупных проблем послевоенного мирового развития и текущей ситуации,

© Салицкий А.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

монография получилась очень насыщенной и напряженной — в полной мере передавая атмосферу непростого 2020 г.

Авторы относят себя к участникам дискуссий, идущих среди левого крыла ученых в Великобритании и мире. Немалая часть их работы посвящена критическому рассмотрению истории, теории и практики неолиберализма, а также политики неолиберальной глобализации, проводимой ядром евроатлантического мира во главе с США.

Главную идею книги авторы видят в объяснении *причин* усиления Китая в мировой экономике и политике. К ним они относят, во-первых, глобальный американский проект неолиберального финансового управления, который вызвал в странах ядра неприемлемый уровень уязвимости (в том числе проблему долгов) из-за эрозии реального сектора и падения производительности труда. Вторая причина — четкая ориентация Китая на экономическое развитие, которое, в свою очередь, стало результатом использования с 1980-х гг. западного капитала и относительной автономности китайского государства в деле успешного приспособления к своим интересам американского глобального проекта и частного предпринимательства [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 1—7].

Показано, что зарождение неолиберализма в 1970-х гг. в США было во многом связано с перенакоплением капитала и снижением его прибыльности в промышленности, в том числе из-за конкуренции со стороны Германии и Японии. Последовал демонтаж золотого стандарта, начался вынос мощностей в отдельные развивающиеся страны, ухудшилось положение трудящихся в странах ядра, начался уход капиталов в финансовую сферу. Стагфляция и резкое повышение процентной ставки в США в конце десятилетия привели в 1980-е гг. к удорожанию кредита и долговым кризисам в развивающихся странах. Монетаристские подходы стали вытеснять кейнсианские идеи, в том числе во Франции и Италии [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 9—12]. В результате существенно снизились темпы экономического роста. Если в Западной Европе в 1950—1973 гг. они в среднем

составляли 4,08 % в год, то в 1973—1998 гг. — только 1,78 % [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 14—15].

Триумф неолиберализма и финансовой глобализации пришелся на 1990—2007 гг. В этот период вследствие гипертрофированного развития финансовой сферы и роста долгов промышленный капитал и реальный сектор стран ядра отошли на задний план. Доля обрабатывающей промышленности в Великобритании и США снизилась до 8,8 и 11,1 % ВВП, лишь в Германии и Японии ситуация была лучше: 21 и 20,8 % [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 13].

Наращение долгов в странах ядра продолжилось после кризиса 2008—2009 гг. К концу 2019 г. на них приходилось 75,4 % мирового долга в отличие от периода 1970—1980-х гг., когда долги в основном были уделом стран «Юга» [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 17—18]. Период после кризиса характеризовался также ростом эксплуатации трудящихся, усилением неравенства и обострением социальных проблем [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 21—22].

Авторы подробно анализируют борьбу идей и политических партий в Европе в период становления, господства и наблюдаемого кризиса неолиберализма. По их мнению, профсоюзы, а также приходившие к власти социал-демократы в Германии, социалисты во Франции и лейбористы в Британии несут немалую долю ответственности за утверждение этого курса в европейской политике и его последствия, в том числе в виде финансового кризиса 2008—2009 гг. и нынешней радикализации политических движений [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 23—34].

Упадок Запада, таким образом, вызван политикой его корпоративных и политических элит, консенсусом между правыми и левыми и отсутствием у них стратегической ориентации относительно пути дальнейшего движения [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 36—37].

Во второй части работы рассматриваются причины выдвигания Китая на мировую авансцену. Подчеркивается, что эта страна не стала частью американской системы глобального

финансового управления, наложившего институциональные и иные ограничения на общества развитых стран, включая Японию и Австралию. Указывается на цельность политической системы Китая, включающей, в частности, центральный банк страны, ограничивающий движение финансового капитала [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 39—40].

Прослеживается процесс становления экспортного сектора в 1980-е гг. на базе дешевой рабочей силы, дальнейшего использования зарубежного предпринимательского капитала и технологий, постоянной модернизации производства, в том числе за счет организации собственных ТНК. Всепроницающее государство способно подчинять деятельность крупного бизнеса, в том числе частного, национальным стратегическим задачам, будь то развитие отсталых регионов страны, освоение зарубежных источников топлива и сырья, экологические и технологические планы [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 42—45]. Авторы отвергают представление о том, что Китай при этом остается лишь «службой Америки», считая, что его подъем разрушает интегрированность атлантического блока и лидерство в нем США [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 47].

Далее авторы подробно рассматривают компоненты китайского экономического вызова Западу, и этот вызов отнюдь не исчерпывается достижениями в глобальной промышленной конкуренции. Обращается внимание на высокие места госбанков Китая в международных рейтингах, а также на тот факт, что показатели эффективности их западных конкурентов часто завышены из-за низких налогов. Отмечено, что в списке Forbes 2019 г. присутствовало 575 компаний США и 309 — из Китая (включая Гонконг), а в 2003 г. это соотношение составляло 776 к 43. Приводятся выкладки, иллюстрирующие непрерывное облагораживание структуры китайского экспорта за счет высокотехнологичной и наукоемкой продукции, упоминаются почти монопольное положение КНР на рынке редкоземельных элементов, имеющих особую ценность для ряда современных производств, а также программа «Сделано в Китае 2025»,

ориентированная на укрепление технологической независимости [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 49—58].

Значительное внимание в монографии уделено кардинальному сдвигу в модели развития КНР после кризиса 2008—2009 гг. На место ориентированному на экспорт и инвестиции в инфраструктуру росту приходит развитие с опорой на внутренний спрос. На фоне статистических данных о стагнации трудовых доходов в западных странах контрастно быстро увеличивается заработная плата в Китае, не отстает от нее и производительность труда, возраставшая в 2010-е гг. в среднем на 7–8 % в год против 1-процентного роста в США. Актуальным выглядит и экскурс в программу выравнивания доступа к базовым медицинским услугам, инициированную в КНР в 2009 г. [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 58—61].

В контексте вызова Западу рассматривается и вопрос об экспорте предпринимательского капитала из Китая, который, как показано в монографии, уже существенно потеснил западные ТНК в Африке и Латинской Америке. Отражены сдвиги в отраслевой структуре китайских зарубежных инвестиций, их субъекты и их регулирование. При этом авторы приводят многочисленные примеры дискриминации китайских компаний в западных странах в середине 2010-х гг., в дальнейшем усиленные торговой войной президента США Д. Трампа против Китая [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 63—65].

В заключительном разделе оценивается эффективность мер противостояния распространению COVID-19 (монография была завершена в июле 2020 г.) в Китае, а также во Вьетнаме и на Кубе. Авторы высоко оценили успехи этих стран, относя их на счет устройства общественного здравоохранения, внимания государства к профилактике заболеваний и т. п. На Западе же, по их мнению, потерпело поражение неolibеральное понимание медицины как частной и платной услуги, а не общественного блага [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 67—71].

Подводя итог, авторы констатируют, что китайский вызов Западу делает

настоятельным переход от неолиберализма к кейнсианству, который проще осуществить в США и Британии, чем в ЕС [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 78]. Никакой имперский порядок в прошлом не был вечным, но формальное признание его конца

предваряет, по Антонио Грамши, «междоусобице», во время которого появляются многочисленные патологические симптомы, в том числе подпитывающие друг друга авторитаризм верхов и ксенофобия низов [Fouskas, Roy-Mukherjee, Huang, Udeogu 2021: 79].

Поступила в редакцию / Received: 27.02.2021

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

Fouskas, V.K., Roy-Mukherjee, S., Huang, Q., & Udeogu, E. (2021). *China & the USA: Globalisation and the decline of America's supremacy*. London, New York: Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Салицкий Александр Игоревич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН; ORCID: 0000-0001-6134-768X; e-mail: sal.55@mail.ru

About the author: Salitskii Alexandr Igorevitch — PhD, Dr. of Sc. (Economics), Chief Research Fellow, Center for Problems of Development and Modernization, IMEMO RAS; ORCID: 0000-0001-6134-768X; e-mail: sal.55s@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-392-394

Рецензия на книгу:
China's Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, Freezes, and Failures / Ed. by J.-M.F. Blanchard. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. 291 p.

А.А. Забелла

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉ zabella-aa@rudn.ru

Для цитирования: *Забелла А.А.* Рецензия на книгу: China's Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, Freezes, and Failures / Ed. by J.-M.F. Blanchard. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. 291 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 392—394. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-392-394

Book review:
Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2021). China's Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, Freezes, and Failures. Singapore: Palgrave Macmillan, 291 p.

Anastasia A. Zabella

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉ zabella-aa@rudn.ru

For citation: Zabella, A.A. (2021). Book review: Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2021). China's Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, Freezes, and Failures. Singapore: Palgrave Macmillan, 291 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 392—394. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-392-394>

Среди книг, посвященных одному из базовых проектов инициативы «Один пояс, один путь», книга Жан-Марка Бланшара «Морской Шелковый путь Китая, Африка и Ближний Восток: достижения, застои и неудачи» [Blanchard 2021] занимает особое место. Она состоит из четырех глав, затрагивающих проблематику Африки и Ближнего Востока в контексте продвижения Морского Шелкового пути (МШП).

Данный труд является продолжением серии книг, опубликованных по результатам

конференций о китайской инициативе Морской Шелковый путь. В 2018 г. вышла в свет книга «Морской Шелковый путь Китая и Южная Азия» [Blanchard 2018], а в 2019 г. — «Морской Шелковый путь Китая и Юго-Восточная Азия» [Blanchard 2019].

Ядром авторского коллектива стали Ж.-М.Ф. Бланшар, доктор философии, исполнительный директор Центра изучения транснациональных корпораций С.Х. Вонга и заслуженный профессор Школы перспективных международных и региональных исследований

© Забелла А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Восточно-китайского педагогического университета; Мордехай Чазиза, доктор философии, старший преподаватель кафедры политики и управления Академического колледжа Ашкелона (Израиль); Маночехр Доррадж, доктор философии, профессор политологии Техасского христианского университета (США) и др.

В издании книги участвовали Центр изучения транснациональных корпораций г-на и г-жи Ш. Вонг (Wong MNC Center), калифорнийский аналитический центр, специализирующийся на политической экономии транснациональных корпораций Восточной Азии, Восточно-китайский педагогический университет (ECNU) и др.

Цель исследования состоит в анализе участия конкретных регионов в китайской инициативе Морской Шелковый путь. Авторы отмечают важность исследования двух глобальных проектов по отдельности, а не в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Изучение Северной Африки и Ближнего Востока предопределено, по мнению авторов, тем, что два региона являются «физическим сердцем инициативы ОПОП» [Blanchard 2021: 1]. В книге анализируется участие следующих государств в МШП: Эфиопия, Джибути, Танзания, Иран, Ирак, Египет. Помимо прочего авторами изучены позиция Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива по МШП, а также роль МШП в деле сопряжения Африканского континента.

Примечательно, что авторы не только подчеркивают выгоды, которые сулит странам участие в инициативе Морского Шелкового пути, но также подчеркивают, что сотрудничество не будет столь же гладким, как шелк. Отмечается большое значение саммитовой дипломатии (Форум сотрудничества Китай — Африка (Forum on China — Africa Cooperation, FOCAC) и Форум сотрудничества Китая и арабских стран (China Arab States Cooperation Forum, CASCFF)); данные форумы стали катализатором расширения взаимодействия в рамках реализации проекта МШП.

Авторы сфокусировали большое внимание на проблемах реализации МШП, отметив важность систематического рассмотрения

множества политических и экономических переменных на различных уровнях для анализа перспектив проекта. Китайский Морской Шелковый путь в Африке и на Ближнем Востоке может быть, по мнению авторов, не более чем «старым вином в новых бутылках, ...хотя его аромат нравится как Китаю, так и участникам» [Blanchard 2021: 32].

Одним из препятствий, стоящих на пути продвижения МШП, является торговый дисбаланс между КНР и участниками [Blanchard 2021: 71]. Авторами неоднократно подчеркивается высокая значимость реализации инфраструктурных проектов, но они носят лишь среднесрочный, а не долгосрочный характер и не могут способствовать интеграции континента в глобальную экономику [Blanchard 2021: 71].

С точки зрения теоретических выводов, к которым приходят авторы, следует отметить, что внутривнутриполитические переменные требуют внимания, а политико-экономический анализ может лучше пролить свет на то, что происходит в экономике участников проекта [Blanchard 2021: 98]. Особая роль в МШП, безусловно, отводится Джибути. Интересы КНР будут расширяться, и со временем произойдет переход от «защиты» к «обороне дальних морей» и даже к «защите открытого океана» [Alden, Alao, Chun, Barber 2018: 46].

Ключевым выводом книги является то, что успех проекта во многом зависит от его поддержки высшим руководством государств-участников. Красной нитью в работе прослеживается мысль о влиянии внешних факторов на реализацию проекта [Blanchard 2021: 216].

К существенным плюсам рецензируемой книги следует отнести широкий пласт источников и литературы. Рецензируемая монография изобилует наличием статистических данных, что существенно усиливает данный труд. Авторы достаточно полно отразили ретроспективу, основные направления и тенденции сотрудничества между Китаем и изучаемыми странами, организациями. Примечательно, что авторы сами указывают на некоторые ограничения, которые затрудняют изучение прогресса в реализации проекта, например в Иране (недостаток информации; непрозрачное

мышление иранских лидеров и сложность выявления их истинных взглядов; давление со стороны США) [Blanchard 2021: 183].

Вместе с тем книга приобрела бы большую значимость, если бы содержала анализ

большого числа африканских государств, например Кении, о которой речь идет в работе, к сожалению, в недостаточной степени. Тем не менее это нисколько не умаляет актуальность данной книги.

Поступила в редакцию / Received: 31.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

- Alden, C., Alao, A., Chun, Z., & Barber, L. (Eds.) (2018). *China and Africa. Building peace and security cooperation on the continent*. Switzerland: Palgrave Macmillan.
- Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2018). *China's Maritime Silk Road Initiative and South Asia. A political economic analysis of its purposes, perils, and promise*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2019). *China's Maritime Silk Road Initiative and Southeast Asia. Dilemmas, doubts, and determination*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Blanchard, J.-M.F. (Eds.). (2021). *China's Maritime Silk Road Initiative, Africa, and the Middle East. Feats, freezes, and failures*. Singapore: Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Забелла Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-7082-5073; e-mail: zabella-aa@rudn.ru

About the author: Zabella Anastasia Aleksandrovna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations; Senior Lecturer, Department of Foreign Languages RUDN University; ORCID: 0000-0001-7082-5073; e-mail: zabella-aa@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-395-397

Рецензия на книгу:
**Frankel F.R. When Nehru Looked East:
Origins of India — US Suspicion and India — China Rivalry.
Oxford: Oxford University Press, 2020. 339 p.**

А.А. Барсегян , **А.С. Буторов**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[✉butorov-as@rudn.ru](mailto:butorov-as@rudn.ru)

Для цитирования: Барсегян А.А., Буторов А.С. Рецензия на книгу: Frankel F.R. When Nehru Looked East: Origins of India — US Suspicion and India — China Rivalry. Oxford: Oxford University Press, 2020. 339 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 395—397. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-395-397

Book review:
**Frankel, F.R. (2020). When Nehru Looked East:
Origins of India — US Suspicion and India — China Rivalry.
Oxford: Oxford University Press, 339 p.**

Asmik A. Barsegian , **Alexey S. Butorov**

RUDN University, Moscow, Russian Federation
[✉butorov-as@rudn.ru](mailto:butorov-as@rudn.ru)

For citation: Barsegian, A.A., & Butorov, A.S. (2021). Book review: Frankel, F.R. (2020). When Nehru Looked East: Origins of India — US Suspicion and India — China Rivalry. Oxford: Oxford University Press, 339 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 395—397. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-395-397>

История Индии после обретения независимости от Британской империи неразрывно связана с именем Джавахарлала Неру — одного из наиболее ярких политических деятелей XX в., лидером левого крыла индийского национально-освободительного движения.

Автор рецензируемой монографии «Когда Неру обратил внимание на Восток. Истоки индо-американской подозрительности и индо-китайского соперничества» Франсин Франкель, основатель и директор Центра перспективных исследований Индии и профессор

политических наук в Университете Пенсильвании (США), рассматривает роль личности Дж. Неру в истории Индии и путь становления внешней политики индийского государства в период его правления (15 августа 1947 г. — 27 мая 1964 г.). Автор анализирует влияние Джавахарлала Неру на новейшую историю Индии путем изучения автобиографии политика 1936 г. [Frankel 2020: vii] и привлечения ряда интервью государственных деятелей, таких как индийский дипломат Шилendra Кумар Сингх [Frankel 2020: viii].

© Барсегян А.А., Буторов А.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Рецензируемая монография состоит из восьми глав и эпилога.

В первой главе уделено внимание периоду холодной войны и роли в нем индо-пакистанского конфликта. Автор обращает внимание, что еще до обретения независимости Индии и Пакистана две части Британской Индии постепенно переходили к конфронтационной политике в отношении друг друга. Дальнейшее же развитие конфликта Ф. Франкель связывает в целом с развитием холодной войны. Вывод, который ученый делает в первой главе, сводится к тому, что внешнеполитическая ориентация Индии в итоге стала проамериканской в том числе из-за страха Аллена Даллеса, директора Центрального разведывательного управления, и Джорджа Маршалла, госсекретаря США, что Индия может стать коммунистической страной [Frankel 2020: 25—27], учитывая ряд идеологических сходств между социалистической идеологией и идеями Махатмы Ганди.

Во второй главе рассматриваются отношения между США и Индией с точки зрения практических мер оказания помощи, осуществляемых США в рамках выстраивания Индией новой государственной системы, учитывая кастовость индийского общества. В частности, подробно рассказывается о различных подходах к реализации новой государственности и о мерах, к которым прибегали английские политики, пытаясь сохранить и расширить экономические и политические связи с Индией путем углубления экономического влияния и развития Содружества наций.

В конце главы автор приходит к следующему выводу: Британия стремилась к разрешению всех споров между Индией и Пакистаном, сохранению обеих стран в рамках Содружества и развитию общих рынков сбыта. Однако именно желание Англии вести двойную политику, без выбора одной стороны, и привело к тому, что Лондон перестал иметь влияние и на Нью-Дели, и на Исламабад.

В третьей главе рассматривается кашмирская проблема. Отмечается, что британские чиновники рассчитывали на построение дружеских отношений и с Индией, и с Пакистаном, однако не смогли просчитать начало конфликта между двумя своими бывшими

колониями. Как только индо-пакистанский конфликт начался в 1947 г. и стал разрастаться, Британия не смогла предпринять каких-либо мер для его дипломатического урегулирования, следствием чего стала потеря позиций в регионе Южной Азии.

Вывод главы сводится к тому, что именно кашмирский конфликт стал поводом для участия СССР в процессе создания системы региональной безопасности в контексте противостояния с США и борьбе за сферу влияния [Frankel 2020: 59—63]. Накладывая право вето на резолюции Совета Безопасности ООН по индо-пакистанскому конфликту, Москва практически вынуждала страны идти на диалог с СССР.

В четвертой главе Ф. Франкель предметно анализирует ряд аспектов внешней политики Индии, в том числе проблему развития взаимодействия между Индией и Китаем с момента установления в 1950 г. дипломатических отношений, в которые, по мнению автора, с самого начала был заложен неизбежный конфликт. Дж. Неру придерживался дружественных отношений с Китаем, тем самым оттолкнув от себя США, что стало, по мнению ученого, одним из первых шагов на пути выстраивания Индией независимой внешней политики.

Пятая глава посвящена влиянию Корейской войны на внешнюю политику Индии. Во время войны Индия, только начавшая выстраивать дружественные отношения с Китаем, не могла в полной мере выступить на стороне США. Вместо выбора сторон Индия предприняла грамотный шаг, начав позиционировать себя как посредника в мирном урегулировании конфликта. Автор приходит к выводу, что данный путь был наилучшим решением для Индии и стал первым шагом на пути к возвышению индийской дипломатии [Frankel 2020: 178—180].

Шестая и седьмая главы представляют собой две части, в которых подробно освещается то, каким образом попытки Индии урегулировать конфликт в Корее вылились в препятствия в отношениях с США. Американские политики восприняли подобные шаги Индии

исключительно с точки зрения вызова американской внешнеполитической программе коллективной безопасности [Frankel 2020: 185—187]. В заключение отмечается, что именно такая позиция стала дальнейшим шагом на пути реализации независимой внешней политики Индии.

В восьмой главе раскрывается фактор влияния политики неприсоединения Дж. Неру на китайско-индийскую пограничную войну 1962 г. По мнению исследователя, исключительно благодаря таланту политика удалось разрешить данный конфликт и не дать ему перерасти в полноценную войну.

Выводы данной главы отражают положительное отношение Ф. Франкель к фигуре Дж. Неру как дальновидного и грамотного политика. Ученый связывает именно его действия с тем, что в дальнейшем конфликты были урегулированы или заморожены [Frankel 2020: 263—265].

К достоинствам рецензируемой монографии относятся проработанность широкого

круга проблем в области внешней политики Индии, анализ внешнеполитических шагов Дж. Неру по развитию Индии как передовой и сильной страны с ориентацией на дальнейшее усиление влияния в регионе, послужившим фундаментом для становления в качестве региональной державы.

Также Ф. Франкель уделила особое внимание получению информации путем личного общения с представителями индийской власти, однако некоторые источники в работе не были названы. Автор связывает это с определенным уровнем секретности полученных данных.

Несмотря на вышеперечисленные достоинства работы, следует отметить, что источниковая база исследования ограничена делопроизводственными источниками и личными мемуарами Дж. Неру [Frankel 2020: vii]. В случае привлечения более широкого круга источников и методов исследования рецензируемая работа, несомненно, приобрела бы большую ценность.

Поступила в редакцию / Received: 15.03.2021
Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

Frankel F.R. *When Nehru Looked East: Origins of India — US Suspicion and India — China Rivalry*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Сведения об авторах: *Барсегян Асмик Арменовна* — магистрант второго года обучения, кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9528-8016; e-mail: asmikbarsegian1997@mail.ru

Буторов Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-0796-6695; e-mail: butorov-as@rudn.ru

About the authors: *Barsegian Asmik Armenovna* — second-year Master's student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-9528-8016; e-mail: asmikbarsegian1997@mail.ru

Butorov Alexey Sergeevich — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-0796-6695; e-mail: butorov-as@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-398-401

**Рецензия на книгу:
Shirayev E., Khudoley K. Russian Foreign Policy.
London: Red Globe Press, 2019. 297 p.**

К.П. Курылев , **А.В. Енокян**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
kurylev-kp@rudn.ru

Для цитирования: *Курылев К.П., Енокян А.В.* Рецензия на книгу: Shirayev E., Khudoley K. Russian Foreign Policy. London: Red Globe Press, 2019. 297 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 398—401. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-398-401

**Book review:
Shirayev, E., & Khudoley, K. (2019). Russian Foreign Policy.
London: Red Globe Press, 297 p.**

Konstantin P. Kurylev , **Artem V. Enokyan**

RUDN University, Moscow, Russian Federation
kurylev-kp@rudn.ru

For citation: Kurylev, K.P., & Enokyan, A.V. (2021). Book review: Shirayev, E., & Khudoley, K. (2019). Russian Foreign Policy. London: Red Globe Press, 297 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 398—401. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-398-401>

Внешняя политика любого государства относится к одной из самых сложных сфер его деятельности. Актуальным научным исследованием считается комплексное изучение состояния, эволюции и приоритетов внешней политики России. На протяжении прошедших десятилетий российская внешняя политика изменялась кардинальным образом, удивив не только международное сообщество, но и экспертов. Этот процесс отразился в формулировках приоритетов, содержащихся в концепциях внешней политики РФ (1993, 2000, 2008, 2013, 2016 гг.).

Учитывая актуальность и критическую важность темы, коллективная монография «Внешняя политика России» Эрика Ширавеа и Константина Худолея направлена не только на

всеобъемлющий обзор российской внешней политики современного периода, но и анализ пути ее эволюции.

Авторы рецензируемой монографии — Эрик Ширавеа, политический психолог из Университета Джорджа Мейсона и глава лаборатории по репутационной политике, и Константин Худoley, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета — признанные исследователи в области внешней политики и международных отношений.

Рецензируемый труд содержит пять разделов, которые, в свою очередь, подразделяются на главы — их в работе 11. В первом разделе рассмотрены основные теоретические подходы к объяснению российской внешней

политики. Во втором — представлен эволюционный путь внешней политики России. Третий раздел посвящен роли институтов и личностей в выработке внешнеполитического курса России, в четвертом разделе выявлены принципы, стратегии и цели данного курса. Пятый раздел содержит обзоры региональных направлений внешней политики России, а также анализ ее участия в международных организациях. Особое внимание авторы уделяют последним трем десятилетиям, которые были временем непрекращающегося процесса поиска, переосмысления, восстановления и реструктуризации внешней политики России.

Для исследователя-международника чрезвычайно важным является первый раздел рецензируемой монографии, которая посвящена истории и теоретическим основам изучения внешней политики России. Он включает и подчеркивает подход критического мышления. Как отмечают авторы, «этот подход должен побудить читателя быть осведомленным и помочь отличить факты от мнений» [Shirayev, Khudoley 2019: 2]. В этом разделе авторы утверждают, что за внешней политикой России стоит комплексная стратегия, основанная на всеобъемлющем видении сегодняшнего мира и роли России в нем. Некоторые элементы данной стратегии меняются, но наиболее важные из них, вероятно, останутся неизменными. В выводах авторы подчеркивают, что сегодня Россия «вернулась» в качестве крупной державы, важного игрока в международной политике.

В первом разделе представлены теоретические воззрения представителей школ реализма, либерализма и конструктивизма. Авторы отмечают, что доминирующими теориями последних 60 лет были реализм и либерализм. В последние несколько десятилетий внимание привлекла теория конструктивизма.

Второй раздел включает изучение эволюционного пути внешней политики России. Особо выделяются ряд факторов периода XX в., которые после 1990-х гг. повлияли на внешнюю политику и привели к выбору политики «независимости» (*focused on an independent*). Первая группа факторов связана с внешней политикой других государств,

вторая группа — с внутренней ситуацией в России. Третий фактор — культурно-психологический. В дальнейшем авторы подводят к тому, что Россия, выбрав курс самостоятельности, бросила вызов Западу в качестве еще одного державного центра.

Третий раздел посвящен изучению государственных институтов. Особое внимание уделено институту президента России, роли его личности во внешней политике страны, его влиянию на внешнеполитическую ориентацию, которая была передана как наследие имперского и советского периодов. Развивая мысль, авторы задаются вопросом: «Каковы основные причины низкой активности гражданского общества в России во внешнеполитических вопросах?». В качестве ответа исследователи предлагают несколько причин, выявляющихся в политической культуре России.

Во-первых, традиционно многие органы исполнительной власти склонны рассматривать неправительственные группы как неважные (и даже неудобные) (*unimportant and even inconvenient subordinates*).

Во-вторых, российские гражданские лидеры, члены бизнес-сообщества, журналисты и ученые, как правило, расходятся во мнениях по ключевым вопросам внешней политики.

Наконец, российские СМИ по большей части контролируются государством. Большинство журналистов, работающих на крупные медиакорпорации, склонны поддерживать официальную линию внешней политики, какой бы она ни была. Как итог — администрация президента остается ключевым фактором проведения внешней политики.

В четвертом разделе авторы, основываясь на предыдущих главах, резюмируют, что российские лидеры эволюционируют (*evolve*). Даже внутри элит существует множество разногласий по некоторым важным деталям внешней политики. Меняющаяся международная ситуация, а также внутренние экономические и политические факторы мгновенно влияют как на принципы, так и стратегию внешней политики России. Россия видит мир все более многополярным и стремится занять в нем более заметную роль. Как отмечают

авторы, хотя Россия переходит к прагматичной внешней политике, идеология иногда становится серьезным фактором, определяющим международные стратегии и действия России. Таким образом, Россия обычно встает на сторону стран, открыто критикующих США и Запад. При этом Россия крайне болезненно относится к восприятию себя как младшего партнера со стороны других государств; она полна решимости стать равноправным игроком в мировой политике.

Наконец, в заключительном разделе рассматриваются вопросы, касающиеся внешней политики России в отношении постсоветских государств, США, Европейского союза, Китая, Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки. Раздел занимает значительную часть работы, в котором авторами была предпринята попытка представить приоритеты, трудности и результаты внешней политики России по отношению к данным странам и регионам.

В выводах отмечается, что Россия 1990-х гг. пережила глубокий шок, вследствие чего страна и ее народ пережили беспрецедентный идеологический, экономический спад и гиперинфляцию. С исторической точки зрения период с начала 1990-х гг. до наших дней был невероятно коротким. Внешняя политика России за этот период претерпела кардинальные изменения. Даже прошлое страны неоднократно переписывалось и переоценивалось. Россия в начале 2000-х гг. демонстрировала признаки устойчивого экономического роста. Высокие цены на нефть и сочетание контролируемой государством политики и политики свободного рынка были полезны в стимулировании устойчивого экономического роста России. Во внешней политике Россия стала более уверенной и предсказуемой. В целом политическая реструктуризация России как государства за последние 30 лет была переходом к демократическому правлению. Однако, как

пишут авторы, тот тип демократии, который был построен в России, полон двусмысленностей. Как итог — страна перешла от тоталитарного советского режима к авторитарным формам с некоторыми элементами демократии.

В поисках нового места в глобальном мире и проводя все более агрессивную внешнюю политику, к концу 1990-х гг. Россия окрепла и стала более уверенной. В то же время усилилась напряженность между Москвой и многими другими странами, преимущественно на Западе. Внутренние идеологические и политические причины, а также международные события (и то, как Россия их видит) способствовали усилению этой напряженности. Россия утверждает, что в ухудшении отношений полностью виноват Запад [Shiraev, Khudoley 2019]. Большинство западных экспертов не согласны с этим [Shiraev, Khudoley 2019]. В новых условиях Россия добивается принятия новой реальности, нового и растущего многополярного (полицентричного в российской лексике) мира. Ее отличительной чертой стала активная позиция, отвечающая объективным условиям мирового развития.

Актуальность рецензируемой работы не вызывает сомнений, поскольку, как показывает практика, высшая школа на современном этапе испытывает острую необходимость в учебниках и учебных пособиях нового поколения по внешней политике России. Можно сказать, что издание является емким трудом, глубоко и всесторонне анализирующим современное состояние международных отношений, международную деятельность России, внешнюю политику государства с ее задачами и перспективами. В целом представленная работа имеет большое практическое и научное значение, поскольку дает общее, четкое и целостное представление о поставленных вопросах, что позволяет рекомендовать ее для изучения студентами направления «Международные отношения».

Поступила в редакцию / Received: 19.03.2021
Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

Shirayev, E., & Khudoley, K. (2019). *Russian foreign policy*. London: Red Globe Press.

Сведения об авторах: *Курылев Константин Петрович* — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Енокян Артем Вачаганович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5758-7637; e-mail: enokyan-av@rudn.ru

About the authors: *Kurylev Konstantin Petrovich* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Enokyan Artem Vachaganovich — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0002-5758-7637; e-mail: enokyan-av@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-402-405

Рецензия на книгу:
Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской.
М.: Аспект Пресс, 2020. 336 с.

В.И. Белов , **Е.М. Савичева**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 yurtaev-vi@rudn.ru

Для цитирования: Белов В.И., Савичева Е.М. Рецензия на книгу: Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. 336 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 402—405. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-402-405

Book review:
Zvyagelskaya, I.D. (Eds.). (2020). The Middle East: Politics and Identity.
Moscow: Aspekt Press publ., 336 p. (In Russian)

Vladimir I. Belov , **Elena M. Savicheva**

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 yurtaev-vi@rudn.ru

For citation: Belov, V.I., & Savicheva, E.M. (2021). Book review: Zvyagelskaya, I.D. (Eds.). (2020). The Middle East: Politics and Identity. Moscow: Aspekt Press publ., 336 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 402—405. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-402-405>

«Арабская весна», прокатившаяся по странам Ближнего Востока и Северной Африки, заметно изменила геополитический ландшафт региона, добавив оттенков и в основные краски палитры социально-политической, экономической и культурной жизни ближневосточных стран. В регионе наблюдался взлет национализма (Турция, Иран, Израиль) и исламизма, обострилось внутриконфессиональное противостояние в мире ислама, возросло влияние харизматических лидеров. Несмотря на ослабление ряда стран (Ирак, Йемен, Ливан, Ливия, Египет, Сирия), ряд из которых многие десятилетия являлись «центрами силы» в регионе, роль государства осталась определяющей, что подчеркивает

актуальность исследования процесса формирования национально-гражданской идентичности в условиях подвижной системы координат и происходящей трансформации системы международных отношений на Ближнем Востоке.

В данном контексте рецензируемая коллективная монография, подготовленная в Центре ближневосточных исследований ИМЭМО РАН и посвященная рассмотрению специфической роли фактора идентичности во внутренней и внешней политике государств региона, представляет особый интерес. Авторы подчеркивают необходимость учета феномена имеющей гибридную природу ближневосточной панидентичности. Актуализация этого

© Белов В.И., Савичева Е.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

феномена произошла вследствие стремительной трансформации действующих в обществе институтов [Ближний Восток... 2020: 7].

В монографии проблема идентичности рассмотрена в двух ракурсах — внутриполитическом и внешнеполитическом, что позволило предложить новый подход в русле интеграции востоковедческих исследований в поле современной политической науки. Понятие «идентичность» трактуется как «особое измерение общественной жизни, затрагивающее самовосприятие и самопозиционирование отдельных социально-политических групп или целых государств, определяющее модели их поведения во внутренних делах и на международной арене» [Ближний Восток... 2020: 10].

В историографическом обзоре во введении представлен вклад российских и зарубежных ученых в исследование вопросов идентичности. Особенно отмечены заслуги таких известных отечественных ученых и востоковедов, как В.Я. Белокреницкий, К.В. Вертяев, С.М. Иванов, Г.Г. Косач, Н.Г. Киреев, В.А. Кузнецов, Е.С. Мелкумян, В.В. Наумкин, В.В. Орлов, С.Ф. Орешкова, И.С. Семененко и др.

Первая глава «Идентичность, культурные символы и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке» посвящена исследованию главным образом роли культурной идентичности в регионе. Авторский подход к анализу проблемы определялся положениями теорий символического выбора (символической политики) и социального движения [Ближний Восток... 2020: 19]. Под культурной идентичностью, которая изучается в рамках цивилизационного подхода, предложено понимать «складывающееся в процессе социализации самоотождествление человека с определенной культурной средой и господствующими в ней ценностями и традициями» [Ближний Восток... 2020: 20].

Глава насыщена интереснейшим историческим материалом, ярко иллюстрирующим базовые проявления комплекса «миф — символ»: в символике одежды, жестах, языке, поведении, названиях, памятниках, архитектуре, этнонимах и т. п., что помогает выявить «их дуальную (точнее гибридную, поскольку

в ней есть элемент разнородности) идентичность» [Ближний Восток... 2020: 23]. С учетом опыта Алжира, Афганистана, Ирака, Ливана, Сирии отмечены «черты общего для региона и для ближневосточной диаспоры на Западе процесса, который можно назвать “мотивационным смещением, или абберрацией”»: когда один, более сильный мотиватор вытесняет другой, не изменяя при этом ценностную символику» [Ближний Восток... 2020: 27].

В рассуждениях об «исламском активизме» делается акцент на сходстве исламских движений с «новыми социальными движениями» и продолжающимся процессом реисламизации [Ближний Восток... 2020: 28, 34].

В главах 2—4 раздела I дан подробный анализ формирования кластеров идентичности в арабском мире (исламская идентичность и ее «национализация»; арабская общность; национальная идентичность), особенностей процесса становления современных государств на Ближнем Востоке («фараонизм» и тамсир в Египте, этнорелигиозный национализм в Саудовской Аравии; панориентализм, панарабизм, общевосточная самоидентификация, религиозная/исламская идентичность, племенные традиции). Поставлена проблема «построения более соответствующей общественным ожиданиям и представлениям государственности, основанной на сочетании модернистского и постмодернистского дискурсов, синтезе современности и традиции» [Ближний Восток... 2020: 40].

В разделе II «От империи к национальному государству» показано, что «процессы становления национальных государств в Иране и Турции были бы невозможны без формирования современных понятий национальной идентичности в каждой из двух империй, выбравших различные пути нациестроительства» [Ближний Восток... 2020: 78].

В главе 5 подробно изучен опыт Турецкой Республики по созданию национального государства и укреплению национального единства. Подчеркивается, что «столетие спустя после исчезновения Османской империи и создания национального государства в Турции снова оказался востребованным имперский

идеологический багаж» [Ближний Восток... 2020: 91].

Как отмечается в главе 6 «Исламская Республика Иран: итоги долгого пути», «современная национальная идентичность Ирана представляет собой сложное комплексное явление, ключевыми элементами которого являются историческая память, национализм западного толка и шиитский ислам» [Ближний Восток... 2020: 105]. Авторы выделяют также «идентичности меньшего порядка»: ирано-персидскую, исламо-шиитскую, исламо-суннитскую, национальную, многочисленные племенные (в Иране проживает более 40 народов), народную, религиозную. При этом уровни общеиранской национальной идентичности могут существовать обособленно или накладываться друг на друга, образуя меньшие структурообразующие элементы.

От параметров «самовосприятия и самопозиционирования страны» зависит доминирование религиозного или национального содержания в ее политике [Ближний Восток... 2020: 102]. Хотелось бы, впрочем, рекомендовать авторам продолжить исследование вопроса, особенно в части влияния западного национализма на иранскую идентичность, с учетом работ Али Шариати, Дж. Але-Ахмада, концепций «Иран и Туран», «Великий Иран», «шахиншахский строй» и др.

В разделах III, IV и V рассмотрены особенности формирования наций и национальной идентичности (главы 7—8 — на примере Израиля, Палестины и курдов); модели политической идентичности (главы 10—13 — Турция, Сирия, Израиль, Ливан); исламской экономической модели (глава 14). Так, например, по мнению авторов, Израиль демонстрирует симбиоз светской идеологии и традиционных идентичностей, в том числе религиозной и этнической, а его политическая идентичность детерминирована специфическими условиями появления самого государства и социально-психологическими особенностями развития гражданского общества [Ближний Восток... 2020: 177]. В свою очередь, ливанская модель отличается политизацией традиционных идентичностей, и прежде всего конфессиональной, которая фактически стала

средством и инструментом внутривосточной борьбы в обществе [Ближний Восток... 2020: 195].

С точки зрения изучения региональных международных отношений наибольший интерес вызывает раздел VI «Самопозиционирование государств: региональный и международный аспекты». Так, в главе 15 «Турция: влияние политической идентичности на внешнюю политику» красной нитью проходит идея ренессанса имперского мышления Анкары, предопределяющего ее стремление к роли глобального игрока на международной арене. Такое самопозиционирование подкрепляется составляющими внешнеполитической стратегии Турции — неоосманской многовекторностью, тюркской и исламской солидарностью [Ближний Восток... 2020: 225].

В главе 16 «Саудовская Аравия: мантра об исключительности» авторы указывают на ярко выраженные лидерские амбиции Эр-Рияда, причем не только на Ближнем Востоке и в среде мусульманской уммы, но, учитывая энергетический фактор, инвестиционные возможности королевства, стремление к приближению к новым технологиям, а также весьма выгодное геостратегическое положение, — в более широких географических рамках.

Глава 17 «Иран: в поисках своего места в международных отношениях» содержит справедливое замечание, что формирование внешнеполитической идентичности монархического Ирана было связано с личностью Реза-шаха и Мохаммад Реза-шаха из династии Пехлеви (1925—1979 гг.), а в период Исламской Республики Иран (ИРИ, с 1979 г.) — с именами, прежде всего, верховных лидеров страны Р.М. Хомейни и А. Хаменеи. В число концепций идентичности включены паниранизм и панисламизм/паншиизм. Принцип необходимости защиты национальных интересов был положен в основание теории создания «цепи сопротивления» и присутствия Ирана в Ливане, Сирии и Ираке. Действующий верховный лидер ИРИ А. Хаменеи указал на ислам, персидский язык и джафаритский мазхаб как источники силы региональной политики Ирана, обеспечивающие «стратегическую глубину иранских региональных позиций» [Ближний Восток... 2020: 241].

В целом отмечена вариативность в иранской самоидентификации, наличие нескольких идентичностей, что отнюдь не приводит к «внешнеполитической шизофрении» [Ближний Восток... 2020: 242]. Наличие нескольких внешнеполитических «Я» у Тегерана является, по мнению авторов рецензируемой монографии, «своеобразной сильной стороной ИРИ, когда их используют правильно».

Раздел VII посвящен анализу идентичностей в динамике ближневосточных конфликтов, в которых стратегические и тактические союзы складываются зачастую именно на основе общих элементов идентичности — конфессиональной, этнической, племенной. Динамика этнополитической конфликтности в регионе детерминирована политизацией этничности и религии. Причем, как справедливо подчеркивается в работе, культурные различия не являются драйверами конфликта, а становятся таковыми в процессе их политизации [Ближний Восток... 2020: 263]. Фактор идентичности нередко используется в странах региона как инструмент мобилизации в борьбе за контроль над ресурсами и территорией [Ближний Восток... 2020: 265].

Раздел VIII «Продвижение западных политических моделей на Ближний Восток» затрагивает проблему соотношения традиционных ценностей и внешнего влияния,

которое не всегда приживается в ближневосточной культурно-цивилизационной среде. Вместе с тем необходимо учитывать внешний фактор — прежде всего влияние Запада на процесс формирования современных политических систем и политической идентичности в государствах региона.

В главе 22 «Европейский опыт — политика ЕС» сделан важный вывод о том, что «политика ЕС в отношении арабских стран представляет собой процесс *постепенного вовлечения* их в ценности и практики *Acquis communautaire*», что является и самостоятельной целью, и средством реализации европейских интересов [Ближний Восток... 2020: 307].

В целом коллективный труд российских востоковедов не только подводит итоги развития ближневосточных обществ в годы становления их суверенитета и государственности, но с учетом теоретической и практической значимости затронутых в нем проблем нацеливает на дальнейшие перспективные исследования, в том числе незавершенных в полной мере процессов национально-государственного строительства и специфики позиционирования государств Ближнего Востока на международной арене в условиях, когда культурно-цивилизационная принадлежность становится особым внешнеполитическим ресурсом.

Поступила в редакцию / Received: 25.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. [Zvyagelskaya, I.D. (Eds.). (2020). *The Middle East: Politics and identity*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).]

Сведения об авторах: Белов Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-6112-5550; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru

Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

About the authors: Belov Vladimir Ivanovich — Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-6112-5550; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru
Savicheva Elena Mikhailovna — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Для заметок
